ISSN: 1814-1692
eISSN: 2782-2842
DOI: 10.31833/UAV

ИИЯИ УФИЦ РАН

УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2022. ТОМ 22. №2

Вараксина В.С.
Васильев Д.В.
Григорьев С.А.
Жижин С.П.
Иванов В.А.
Иванов С.С.
Корякова Л.Н.
Котов В.Г.
Красноперов А.А.
Кузьминых С.В.
Луньков В.Ю.
Лунькова Ю.В.
Лысенко С.Д.
Лычагина Е.Л.
Молчанов И.В.
Непомнящая О.В.
Непомнящий А.В.
Орловская Л.Б.
Перевозчикова С.А.
Разумов С.Н.
Синика В.С.
Смердова В.А.
Сотникова С.В.
Тельнов Н.П.
Тихонов С.С.
Тюрк А.
Хурмаев А.А.
Чемякин Ю.П.
Черных Е.М.
Широбоков И.Г.
Шутелева И.А.
Щербаков Н.Б.

Археология миграций

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Том 22. № 2

2022

Ордена Знак Почета
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Том 22. № 2. 2022

ISSN: 1814-1692
eISSN: 2782-2842
DOI: 10.31833/UAV
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1998 г.
С 2021 г. издается 2 раза в год

ИИЯЛ УФИЦ РАН
Создан в 1922 г

Свидетельство о государственной регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-82072
от 05.10.2021 г.
(Роскомнадзор)

Редакция
Савельева А.Г.
технический директор
Николаев С.Ю.
редактор
Романова Е.М.
редактор

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, пр. Октября, д. 71, лит. У, У1
Ордена Знак Почета
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

© ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022
© Редколлегия УАВ, 2022

E-mail: uav_editorial@mail.ru
https://uavestnik.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Савельев Н.С. — кандидат исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Балабанова М.А. — доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
Котов В.Г. *зам. главного редактора* — кандидат исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Крыласова Н.Б — доктор исторических наук, ПГГПУ, Пермь, Россия
Румянцев М.М. *отв. секретарь* — ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Русланов Е.В. — кандидат исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Овсянников В.В. *зам. главного редактора* — кандидат исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Сериков Ю.Б. — доктор исторических наук, РГГПУ, Нижний Тагил, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Псянчин А.В. *председатель* — доктор географических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Азнабаев Б.А. — доктор исторических наук, БашГУ, Уфа, Россия
Альмаамари А.А. — профессор, Колледж туризма и археологии Университета короля Сауда, Эр-Рияд, Саудовская Аравия; Университет Саны, Сана, Йемен
Амирханов Х.А. — доктор исторических наук, академик РАН, ИА РАН, Москва, Россия
Базаров Б.В. — доктор исторических наук, академик РАН, ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, Россия
Бейсенов А.З. — кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан
Белавин А.М. — доктор исторических наук, ПГГПУ, Пермь, Россия
Березкин Ю.Е. — доктор исторических наук, МАЭ (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
Бондаренко Д.М. — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Институт Африки РАН, Москва, Россия
Боталов С.Г. — доктор исторических наук, ЮУрГУ, Челябинск, Россия
Иванов В.А. — доктор исторических наук, БГПУ им. М. Акмулы, Уфа, Россия
Иванов С.С. — кандидат исторических наук, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан
Казанский М.М. — доктор археологии, Национальный центр научных исследований Франции, Исследовательский центр «Восток и Средиземноморье», Париж, Франция
Кан Ин Ук — профессор, Университет Кён Хи, Сеул, Корея
Канторович А.Р. — доктор исторических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Крадин Н.Н. — доктор исторических наук, академик РАН, ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток, Россия
Крийска А. — доктор исторических наук, Тартуский университет, Тарту, Эстония
Недашковский Л.Ф. — доктор исторических наук, КФУ, Казань, Россия
Останина Т.И. — доктор исторических наук, Ижевск, Россия
Попова И.Ф. — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, ИВР РАН, Москва, Россия
Самашев З. — доктор исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан
Сдыков М.Н. — доктор исторических наук, Западно-Казахстанский университет им. М.Утемисова, Уральск, Казахстан
Синика В.С. — кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровье
Томилов Н.А. — доктор исторических наук, Омский филиал ИАиЭ СО РАН, Омск, Россия
Тюрк А. — Ph.D., Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя, Будапешт, Венгрия
Хисамитдинова Ф.Г. — доктор филологических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Черных Е.М. — кандидат исторических наук, УдмГУ, Ижевск, Россия
Шарапова С.В. — кандидат исторических наук, ИИиА УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Institute of History, Language and Literature Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

UFA ARCHAEOLOGICAL HERALD

Volume 22. no. 2. 2022

ISSN: 1814-1692
eISSN: 2782-2842
DOI: 10.31833/UAV

SCIENTIFIC JOURNAL

Published since 1998
Published 2 times a year since 2021

IHLL UFRC RAS
Created in 1922

Certificate of mass media registration ПИ № ФС77-82072 from October 05 of 2021 issued by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Technical editorial board
Anna G. Saveleva
chief technical editor
Sergej Yu. Nikolaev
editor
Elizaveta M. Romanova
editor

Editorial Office Address:
450054, Ufa, Oktyabrya Prospect, 71, lit. U, U1
Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

© Institute of History, Language and Literature Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial board UAH, 2022

E-mail: uav_editorial@mail.ru
https://uavestnik.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Nikita S. Savelev	Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia

EDITORIAL BOARD

Mariya A. Balabanova	Dr. habil., Volgograd State University , Volgograd, Russia
Vyacheslav G. Kotov *deputy editor*	Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Natalia B. Krylasova	Dr. habil., Perm Federal Research Center, Ural branch, Perm, Russia
Mikhail M. Rumiantsev *executive secretary*	IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Evgeniy V. Ruslanov	Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Vladimir V. Ovsyannikov *deputy editor*	Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Yuri B. Serikov	Dr. habil., RSVPU, Nizhny Tagil, Russia

EXECUTIVE EDITORS

Aybulat V. Psyanchin *chairman*	Dr. habil. (Geograph), IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Bulat A. Aznabaev	Dr. habil., Bashkir State University, Ufa, Russia
Abdarrazzaq A. Almaamary	Professor, College of Tourism and Archaeology in King Saud University Riyadh, Saudia Arabia; Sanaa University, Sanaa, Yemen
Hizri A. Amirkhanov	Dr. habil., Academician of RAS, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Boris V. Bazarov	Dr. habil., Academician of RAS, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
Arman Z. Beisenov	Ph. D., Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, Almaty, Republic of Kazakhstan
Andrei M. Belavin	Dr. habil., Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia
Yuri E. Berezkin	Dr. habil., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Peterzburg, Russia
Dmitri M. Bondarenko	Dr. habil., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sergei G. Botalov	Dr. habil., SUSU, Chelyabinsk, Russia
Vladimir A. Ivanov	Dr. habil., Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia
Sergey S. Ivanov	Ph.D., Kyrgyz National University named after J. Balasagyn Kyrgyzstan, Bishkek
Michel Kazanski	Dr.habil., Centre National de la Scientifique (CNRS), «Orient et Méditerranée», Paris, France
Kang In-uk	Professor, Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea
Anatolii R. Kantorovich	Dr. habil., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Nikolay N. Kradin	Dr. habil., Academician of RAS, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
Aivar Kriiska	Dr. habil., University of Tartu, Institute of History, Department of Archaeology, Chair of Laboratory Archaeology, Tartu, Estonia
Leonard F. Nedashkovsky	Dr. habil., Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia
Taisiya I. Ostanina	Dr. habil., Izhevsk, Russia
Irina F. Popova	Dr. habil., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, The Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia
Zaynolla Samashev	Dr. habil., IAM, Astana, Kazakhstan
Murat N. Sdykov	Dr. habil., West Kazakhstan State University named after M. Utemisov, Uralsk, Kazakhstan
Vitalij S. Sinika	Ph.D., Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Tiraspol, Pridnesrovie
Nikolay A. Tomilov	Dr. habil., Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia
Attila Turk	Dr. habil., Institute of Archaeology, Pazmany Peter CatholicUniversity, Budapest, Hungary
Firdaus G. Khisamitdinova	Dr. habil. (Philology), IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Elizaveta M. Chernykh	Ph. D., The Department of History of Udmurtia, Archaeology and Ethnology, Udmurt State University, Izhevsk, Russia
Svetlana V. Sharapova	Ph. D., Center of Archaeologyof Metal Age, Institute of History and Archaeology Urals Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ МИГРАЦИЙ

Котов В.Г., Непомнящий А.В., Непомнящая О.В., Варакcина В.С.
Фигурка животного из мергеля со Среднего Урала 181

Григорьев С.А.
Миграции степных племен в Европу в конце IV–III тыс. до н.э.
и формирование культур шнуровой керамики 194

Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б., Щербаков Н.Б., Шутелева И.А.
Кованый наконечник копья из с. Миловка
и некоторые вопросы абашевской металлообработки 211

Сотникова С.В.
Миграции на востоке андроновского мира
(по археологическим и антропологическим материалам) 227

Чемякин Ю.П.
Миграции в Сургутском Приобье в конце бронзового – начале железного веков 243

Иванов С.С.
Этнокультурная ситуация на северо-восточной периферии сакской культуры
Притяньшанья в IV–III вв. до н.э. 250

Черных Е.М., Широбоков И.Г.
Новые могильники мазунинского типа в Удмуртском Прикамье:
к вопросу о внутренних миграциях 258

Красноперов А.А.
«Внедрение в мазунинскую культуру тураевско-харинских групп»: к дефиниции типов 269

Синика В.С., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Тюрк А.
Ранневенгерское воинское погребение на Нижнем Днестре 283

Иванов В.А.
Динамика миграций в Урало-Поволжье в эпоху средневековья и их результаты 299

Васильев Д.В.
Этническая структура города и области Саксин в XII веке 310

Тихонов С.С.
Миграции в однокультурной среде в XVII–XIX веках
(на примерах Среднего Прииртышья и Среднего Притомья) 316

ДРЕВНОСТЬ И НОВОЕ ВРЕМЯ

Жижин С.П., Лычагина Е.Л.
История изучения энеолита Среднего Предуралья 322

Хурмаев А.А.
Итоги археологического обследования верхнего течения р. Янгелька
в горно-степной зоне Южного Зауралья 330

Молчанов И.В., Корякова Л.Н.
Орудия труда с поселения Коноплянка 2–2 341

Перевозчикова С.А., Смердова В.А.
Захоронение Чернышевых (по материалам раскопок в Воткинске в 2018 году) 352

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 362

CONTENTS

ARCHEOLOGY OF MIGRATIONS

Kotov V.G., Nepomnyashchi A.V., Nepomnyashchaya O.V., Varaksina V. S.
Marl figure of an animal from the Middle Urals 181

Grigoriev S.A.
Migrations of the steppe tribes to Europe in the late 4th–3rd millenium BC
and formation of the Corded Ware cultues 194

Lun'kov V.Y., Lun'kova Y.V., Kuzminykh S.V., Orlovskaya L.B., Shcherbakov N.B., Shuteleva I.A.
The forged spearhead from v. Milovka and some issues of Abashevo metalworking 211

Sotnikova S.V.,
Migrations in the East of the Andronovo world (based on archaeological and anthropological materials) 227

Chemyakin Yu.P.
Migrations in the Surgut Ob region at the end of the Bronze Age – the beginning of the Iron Age 243

Ivanov S.S.
Ethnocultural situation on the North-Eastern periphery
of the Saka culture of Tian Shan region in the 4th–3rd centuries BC 250

Chernykh E.M., Shirobokov I.G.
Newly discovered necropolises of the Mazunino culture
in the Udmurt Kama region: to the problem of internal migrations 258

Krasnopeorov A.A.
«Introduction of the Turaevo-Kharino-types groups into the Mazunino culture»:
to the definition of types 269

Sinika V.S., Razumov S.N., Lysenko S.D., Telnov N.P., Turk A.
Early Hungarian warrior grave in the Lower Dniester 283

Ivanov V.A.
Dynamics and outcomes of migrations in the Ural-Volga region during the Middle Ages 299

Vasiliev D.V
Ethnic structure of the Saqsin city and domain in the 12th century AD 310

Tikhonov S.S.
Migrations in a single-cultural environment in the XVII–XIX centuries
(on the examples of the Middle Irtysh and Middle Tom) 316

ANCIENT TIMES AND THE MODERN ERA

Zhizhin S.P., Lychagina E.L.
The history of Chalcolithic studies in the Middle CisUrals 322

Khurmaev A.A.
Results of archaeological investigations in the upper reaches
of the Yangelka river in the mountain-steppe zone of Southern Trans-Urals 330

Molchanov I.V., Koryakova L.N.
Tools from Konoplyanka 2–2 settlement 341

Perevozchikova S.A., Smerdova V.A.
The grave of the Chernyshev family
(based on the finds from archaeological excavations in Votkinsk city in 2018) 352

LIST OF ABBREVIATIONS 362

УДК 902.699/903.27 (470.54)
ББК 63.4стд1-418 (235.54)

CC BY

Дата поступления статьи: 20.08.2022
Дата принятия статьи: 06.10.2022

ФИГУРКА ЖИВОТНОГО ИЗ МЕРГЕЛЯ СО СРЕДНЕГО УРАЛА

Вячеслав Георгиевич Котов
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия
E-mail: kslav1@yandex.ru
Александр Викторович Непомнящий
Центр развития творчества им. Н.Е. Бобровой, Полевской, Россия
Оксана Викторовна Непомнящая
Центр развития творчества им. Н.Е. Бобровой, Полевской, Россия
Виолетта Сергеевна Вараксина
Средняя общеобразовательная школа № 13, Полевской, Россия

Аннотация. Изучение находок первобытного искусства дает возможность получения разнообразной и комплексной информации по материальной и духовной культуре древнего населения, а также о путях возможных миграций носителей тех или иных образов и технологий. В этой связи большой интерес представляет случайная находка скульптурки животного из мергеля. Она была найдена в 2018 г. во время бурения скважины на огороде с. Кленовское Нижне-Сергинского района Свердловской области, вблизи места слияния рек Пут и Бисерть, на уровне первой надпойменной террасы. Фигурка была выполнена на плоском куске плотного мергеля серо-желтого цвета. Скульптура была очищена от кальцитовых натеков и изучена с помощью микроскопа. Установлено, что она была создана каменными орудиями в эпоху камня. Статуэтка более похожа на фигурку молодого мамонта или молодого носорога. Аналогии данному изделию по стилистике и технике изображения присутствуют в материалах виллендорфско-павлово-костенковской общности древностью 25–30 тысяч лет. Место находки может маркировать стоянку этого населения на территории Среднего Урала.

Ключевые слова: Средний Урал, скульптура, индивидуальная находка, виллендорфско-павлово-костенковская общность, верхний палеолит

Цитирование. Котов В.Г., Непомнящий А.В., Непомнящая О.В., Вараксина В.С., 2022. Фигурка животного из мергеля со Среднего Урала // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 181–193. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.001

UDC 902.699/903.27 (470.54)
LBC 63.4стд1-418 (235.54)

Submitted: 20.08.2022
Accepted: 06.10.2022

MARL FIGURE OF AN ANIMAL FROM THE MIDDLE URALS

Vyacheslav G. Kotov
Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
E-mail: kslav1@yandex.ru
Alexander V. Nepomnyashchi
Center for artistic development named after N.E. Bobrova, Polevskoy, Russia
Oksana V. Nepomnyashchaya
Center for artistic development named after N.E. Bobrova, Polevskoy, Russia
Violetta S. Varaksina
School No. 13, Polevskoy, Russia

Abstract. The study of prehistoric art allows scientists to get insightful information about the material culture and beliefs of ancient peoples, as well as about possible migration routes of craftsmen, spreading certain traditions and technologies. This article presents an analysis of a peculiar marl figure of an animal. It was accidentally discovered back in 2018 on the fluvial terrace level, when a local resident was drilling a well in his garden in the village of Klenovskoye (Nizhneserginsky district, Sverdlovsk oblast) located near the confluence of the Put and Bisert' rivers. The figure is carved on the flat slab of grey-yellow marl. At first, its surface was made flat and smooth with abrasive tools. Then all main parts and outlines of the figure were cut out in a plano-convex manner, using a cutting tool and a chisel. The large rounded head of an animal was separated from its shoulder by a notch formed by deep cuts. The figure has a massive muzzle with a snub nose, a small mouth and a hemispheric eye with carved eye bulk. Above the eye two lines converging at an angle are engraved. The belly and two legs of the animal are formed by deep cuts, which were made with stone tools. The lower part of the figure is curved; its croup gradually turns into its hind leg formed by a lip of the slab. The animal has no tail. Its back is straight and retains the original marl cortex. Backside of the figure is flat and contains the traces of abrasion. All projecting parts of the figure are smoothed out and polished by a piece of leather. The analysis shows that the figure was created with stone tools during the Stone Age. It probably depicts a young mammoth

or a young rhinoceros. Similar figures were found in assemblages referred to the Pavlov-Willendorf-Kostenki culture (25–30 thousand years old). The discovered figure can mark a place of a site of the aforementioned culture in the Middle Urals region.

Keywords: Middle Ural, figure, single finding, Pavlov-Willendorf-Kostenki culture, Upper Paleolithic

Citation. Kotov V.G., Nepomnyashchi A.V., Nepomnyashchaya O.V., Varaksina V. S., 2022. Marl figure of an animal from the Middle Urals. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 181–193. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.001

Введение

Предметы изобразительной деятельности в эпоху камня в виду сложности изготовления и включенности в сферу фундаментальных основ духовных представлений обладали свойствами социально-этнических маркеров. Общепризнано, что одним из ярких и устойчивых проявлений ориньякоидных культур в Западной, Центральной и Восточной Европе являлись скульптурные изображения человека («палеолитические венеры») и животных [Conard et al., 2006. P. 329]. Более того, присутствие фигуративных изображений в верхнем палеолите Западной и Восточной Европы и Сибири воспринимается как свидетельство тесных контактов и общего происхождения населения этих территорий [Абрамова, 1962. С. 77]. В этой связи каждая новая находка объемной скульптуры за пределами «европейского» ареала фигуративного искусства должна привлекать самое пристальное внимание специалистов.

Весной 2022 г. в фонд Археологического музея Полевского края Центра развития творчества им. Н.Е. Бобровой города Полевской (руководители А.В. Непомнящий и О.В. Непомнящая) учащейся школы №13 В.С. Вараксиной была передана находка скульптурного изображения животного из мергеля. А.В. Непомнящий данную скульптуру показывал археологам Урала и из г. Санкт-Петербург и мнения специалистов по поводу ее подлинности разделились. Данный предмет был предоставлен для изучения В.Г. Котову и первые результаты этого исследования публикуются в настоящей статье.

Скульптура была найдена на правом пологом берегу р. Пут, на личном подворье по ул. Пушкина, д. 26 в с. Кленовское Нижне-Сергинского района Свердловской области, вблизи места слияния рек Пут и Бисерть (рис. 1; 2). Координаты в системе WGS-84: N 56°49’03.8”, E 58°37’55.7”, высота над уровнем моря составляет 253 м. От места находки до р. Пут на запад 300 метров, до р. Бисерть на север – 1 км. С юга и севера село окружают низкогорья высотой 300–400 м над уровнем моря и около 100 м над уровнем долины (рис. 2). Русла рек Бисерть и Пут сильно заболочены, течение практически отсутствует, поймы рек покрыты густой травой, террасы визуально не фиксируются, лес представлен в основном елью.

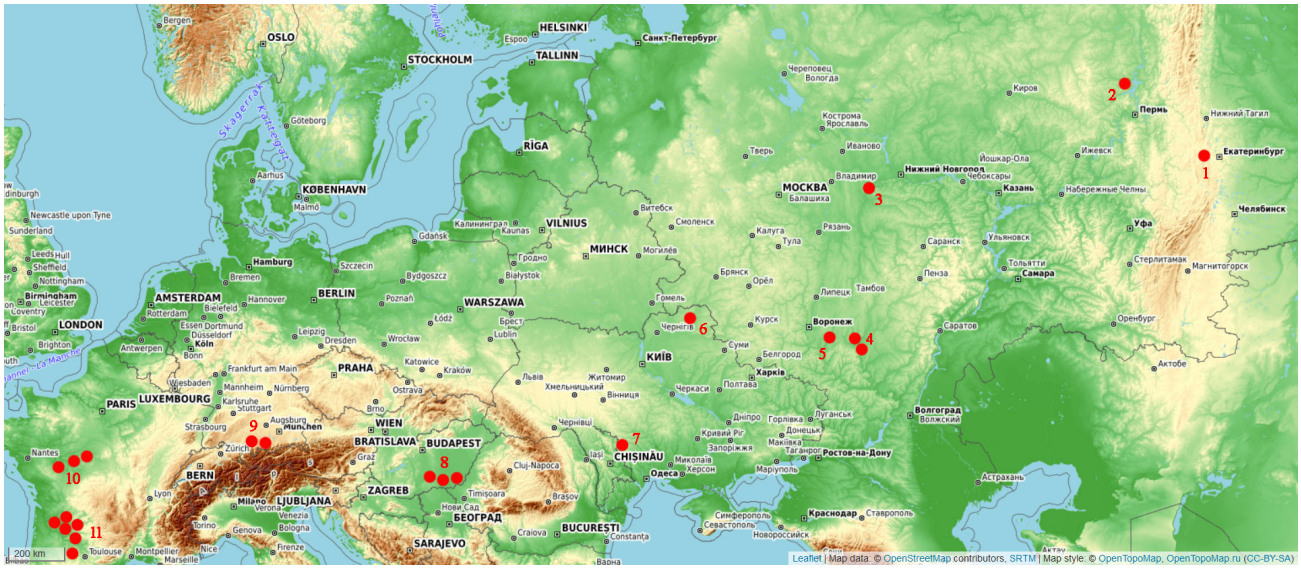

Рис. 1. Карта памятников верхнего палеолита с находками скульптур. *1* – Кленовское местонахождение; *2* – стоянка Гарчи-1; *3* – стоянка Сунгирь; *4* – стоянки Костенковско-Боршевского района; *5* – стоянка Авдеево; *6* – стоянка Мезин, Пушкаревская группа стоянок; *7* – Молодова; *8* – стоянки Пшедмость, Дольни Вестонице, Павлов, Брно, Пекарна и др.; *9* – пещеры Петерфельс, Фогельхерд, Холенштейн и др.; *10* – памятники р. Луара; *11* – памятники рр. Дордонь и Везере
Основа: OpenStreetMap (https://www.openstreetmap.org)

Fig. 1. A map of the Upper Paleolithic sites with figures. *1* – Klenovskoye site; *2* – Garchi-1 site; *3* – Sungir’ site; *4* – sites in the Kostenki-Borshevsk district; *5* – Avdeevo site; *6* – Mezin site, Pushkarevo group of sites; *7* – Molodova; *8* – Pshedmost, Dolní Věstonice, Pavlov, Brno, Pekarna and other sites; *9* – Petersfels, Vogelherd, Hohlenstein caves etc. *10* – sites along the Loire river; *11* – sites near the Dordogne river and the Weser river. Based on: OpenStreetMap (https://www.openstreetmap.org)

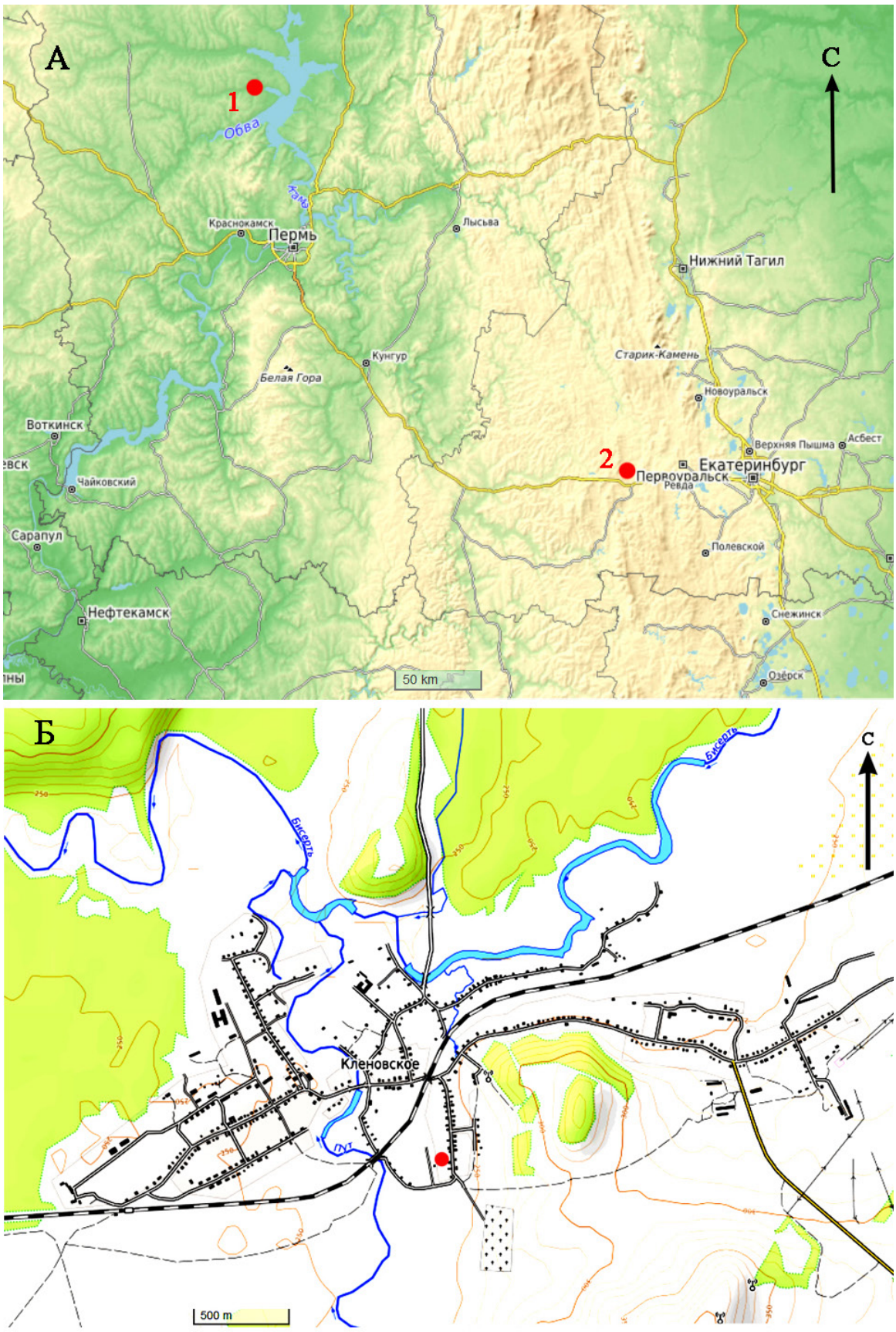

Рис. 2. Местонахождение Кленовское. *А* – Карта Среднего Урала. Цифрами обозначены: *1* – стоянка Гарчи; *2* – местонахождение Кленовское. Основа: карта Google; *Б* – Ситуационный план. Место находки скульптуры обозначено красной точкой. Основа: OpenStreetMap (https://www.openstreetmap.org)

Fig. 2. Klenovskoye site. *A* – Map of the Middle Urals. Marked by numbers: *1* – Garchi site; *2* – Klenovskoye site. Based on: Google Maps. *B* – Situation plan. A place of the find is marked by a red dot. Based on: OpenStreetMap (https://www.openstreetmap.org)

С целью обнаружения подъёмного материала группой под руководством А.В. Непомнящего и О.В. Непомнящей были осмотрены доступные участки береговых линий рр. Бисерть и Пут, улица Пушкина и прилегающие земельные участки. Свидетельства наличия культурных отложений не зафиксированы. В 30 метрах от жилого дома, где был найден артефакт, произведена зачистка стенки хозяйственной ямы глубиной 0,60 м и выявлена следующая стратиграфия:

1. Гумус комковатый. Контакт с нижележащим слоем нечеткий. Мощность 0,20 м.

2. Суглинок гумусированый. Контакт с нижележащим слоем нечеткий. Мощность 0,15 м.

3. Суглинок светло-коричневый с горизонтальной слоистостью, видимая мощность 0,25 м.

Находка была сделана летом 2018 г. в ходе бурения скважины на воду С.Е. Вараксиным и В.С. Вараксиной. Скульптура была извлечена из комка глины. Высота этого места над уровнем р. Пут составляет около 8 м, долина реки на данном участке представляет собой слабо наклоненную к реке террасу шириной до 350 м, сложенную светло-коричневым суглинком верхнеплейстоценового возраста (рис. 2). К сожалению, установить с какой глубины происходил артефакт, не удалось. В ходе его изучения было установлено, что он находился в отложениях светло-коричневого или даже белесого плотного суглинка, причем слой, в котором находилось изделие, был насыщен мелкими угольками и кусочками красного охристого пигмента. Таким образом, следует ожидать обнаружение в данном месте стоянки древнего человека.

Описание скульптуры

Для изучения скульптурного изображения использовался микроскоп МБС-10 с увеличением от 5 до 100 крат с внешней подсветкой под косым углом. Фотографирование осуществлялось через насадку на фотоаппарат Canon EOS 600D. Поверхность изделия перед началом осмотра очищалась спиртом и ацетоном от жировых пятен. Также с помощью деревянных приостренных палочек и спирта были удалены карбонатные отложения, покрывающие углубления и искусственные выемки. Процесс очистки осуществлялся под микроскопом при 15-кратном увеличении (рис. 4, *Б*). Этапы очистки фиксировались с помощью фотографирования.

Исходной заготовкой послужила плитка мягкого камня. В Уральском государственном горном университете (г. Екатеринбург) было установлено, что это плотная порода известкового или гипсово-известкового мергеля серовато-желтого цвета осадочного морского происхождения.[1] Ориентировочное место происхождения – западный склон Урала, север Пермского края, где подобные породы значительно развиты (рр. Усьва, Сылва).

Размер изделия 5,0×1,9–2,9×1,4–1,5 см. Изображение одностороннее, плоско-выпуклое, объемные детали фигуры сделаны с одной стороны заготовки. Тыльная сторона плоская, имеет следы абразивного выравнивания в виде параллельных борозд (рис. 3). В некоторых пониженных местах сохранились участки с неровной поверхностью с многочисленными выемками разной глубины, указывающими на предположительное использование техники пикетажа для уплощения поверхности на начальном этапе формирования этой стороны фигурки (рис. 3). Плоскость спины ровная, сохраняет естественную поверхность. На следующей стадии изготовления скульптуры, по А.К. Филиппову, была создана грубая схема изделия и начато моделирование формы посредством глубоких врезов [Филиппов, 1983. С. 33]. Обработке были подвергнуты пять зон: голова, шея, живот, круп и ноги.

Голова – это единственная полностью объемная часть скульптуры: в профиль лобная часть закруглена, с сильно выпуклым, нависающим лбом, в профиль имеющим овальную форму. Внизу – повернутый вправо закругленный выступ, с плоской стороны вдоль выступа, повторяя его изгиб, прорезаны две глубокие борозды, пересекающиеся под тупым углом (рис. 3; 5, *Б*). Ближе к концу выступа с нижней стороны врезана глубокая выемка. В середине выпуклой поверхности головы двумя сходящимися под острым углом глубоко врезанными линиями был сделан зигзаг, обозначающий, предположительно, глаз или ухо (рис. 3; 7).

Шея представляет собой глубокую выемку глубиной 5 мм и шириной от 5 до 8 мм, образованную срезами режущими инструментами с прямым лезвием. Об этом свидетельствуют глубокие прорези внутри и по краям выемки (рис. 3; 7). Выемка под нижней челюстью наиболее глубокая и широкая, в середине она сужается и приобретает конусовидную форму, а ближе к спине вновь расширяется. Судя по параллельным царапинами и бороздам, тянущимся вдоль выемки, после того, как срезами была создана выемка, затем стамеской с закругленным лезвием шириной около 5 мм она была углублена и выровнена (рис. 7).

Выемка шеи книзу расширяется, оформляя основание передней ноги (рис. 7). С внутренней стороны живота вертикальными продольными срезами сформирована массивная круглая в сечении передняя нога. Срез на боковой поверхности

[1] Авторы выражают глубокую признательность директору «Центра камня» при Уральском государственном горном университете Ф.М. Нурмухаметову и Д.И. Прокопчуку (кафедра поисков и разведки МПИ УГГУ) за проведенные анализы материала.

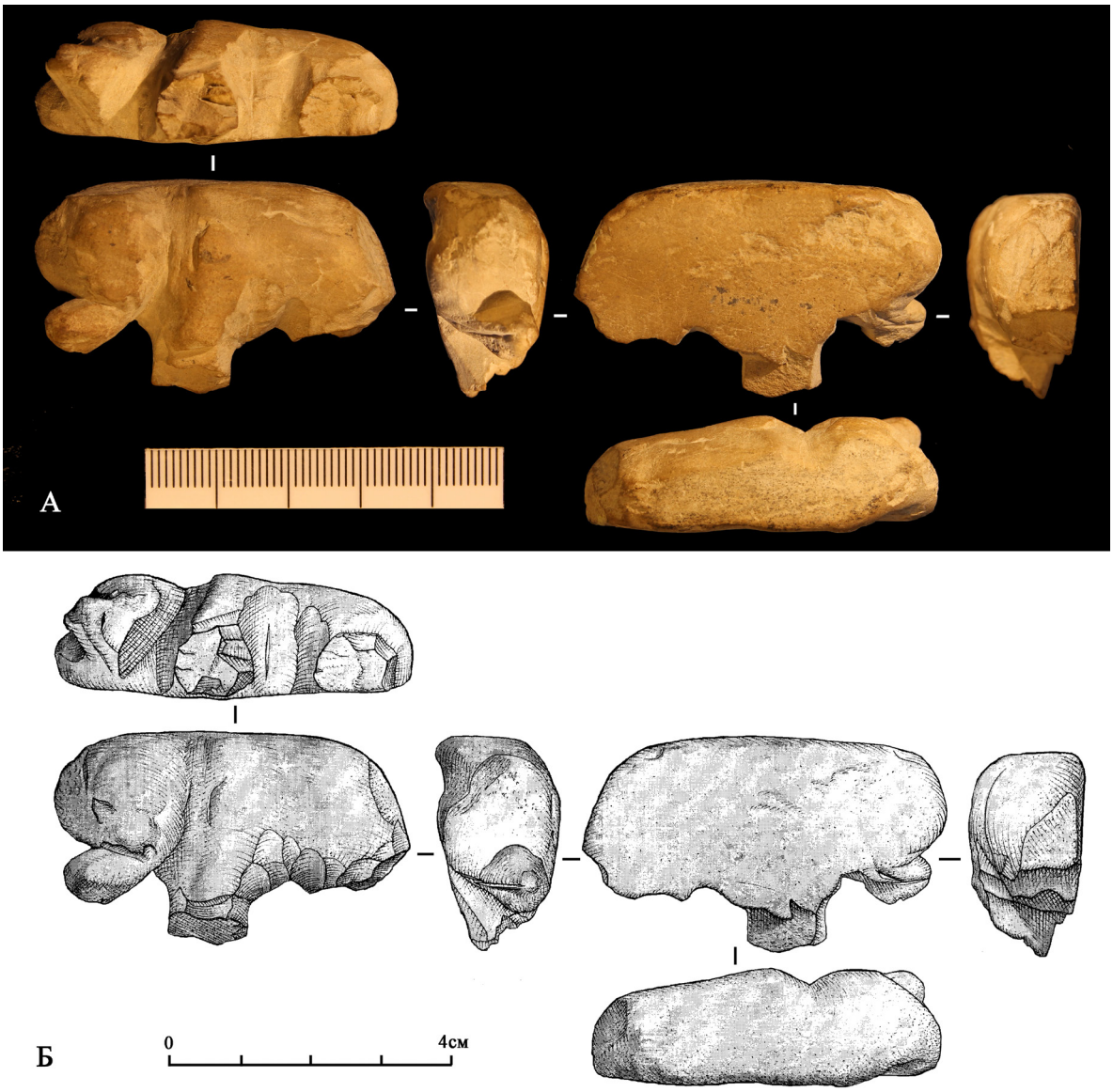

Рис. 3. Местонахождение Кленовское. Скульптура животного из мергеля.
А – фотография; *Б* – прорисовка с фотографии. Фото и рисунок В.Г. Котова

Fig. 3. Klenovskoye site. Marl figure on an animal.
A – photo; *B* – drawing. Photo and drawing by V.G. Kotov

доходит до основания, оставляя прямой выступ до 3 мм шириной. Сначала живот и задняя нога образованы глубокими врезами, затем гребень живота был срезан по направлению от основания передней к задней ноге (рис. 3; 5, *A, B*). Задняя нога обломана у основания еще в древности. Она также оформлена сходными приемами – глубокими плоскими врезами со стороны живота и крупа. Круп от линии спины закруглен, затем переходит в относительно плоскую и прямую поверхность, основание ноги выделено скошенными широкими срезами, образующими на задней поверхности основания ноги небольшой карниз (рис. 3). Изображение хвоста отсутствует.

Следы работы сохранились только в углублениях морды, шеи и живота, остальные поверхности были обработаны абразивом, который убрал неровности и скруглил выступающие участки. Кроме того, все заглаженные участки и выступающие края имеют следы лощения и яркую заполировку от трения о кожу, которая могла появиться от ношения этого предмета в кожаном мешке или от трения об кожу рук (рис. 3; 7).

Данные эксперимента

Для проверки наблюдений характера обработки скульптуры В.Г. Котовым был осуществлен эксперимент по воспроизведению изделия в натуральную величину из того же материала. А.В. Непомнящим после консультации с геологами был предоставлен образец мергеля такой же плотности светло-серого цвета. Куски мергеля обрабатывались кремневыми пластинами и, для чистоты эксперимента, один кусок мергеля обрабатывался стальным ножом. Целью эксперимента являлось воспроизведение этапов изготовления скульптуры, проверка эффективности тех или иных форм кремневых

Рис. 4. Местонахождение Кленовское. Скульптура животного из мергеля. *А* – фотография нижней части скульптуры до расчистки; *Б* – фотография процесса снятия кальцитовых образований; *В* – фигурка до очистки. *А, Б* – фото В.Г. Котова; *В* – фото А.В. Непомнящего

Fig. 4. Klenovskoye site. Marl figure on an animal. *A* – photo of the lower part of the figure before it was polished; *Б* – photo of the process of removing calcite formations; *B* – the figure before it was polished. *A, Б* – photos by V.G. Kotov; *B* – photo by A.V. Nepomnyashchi

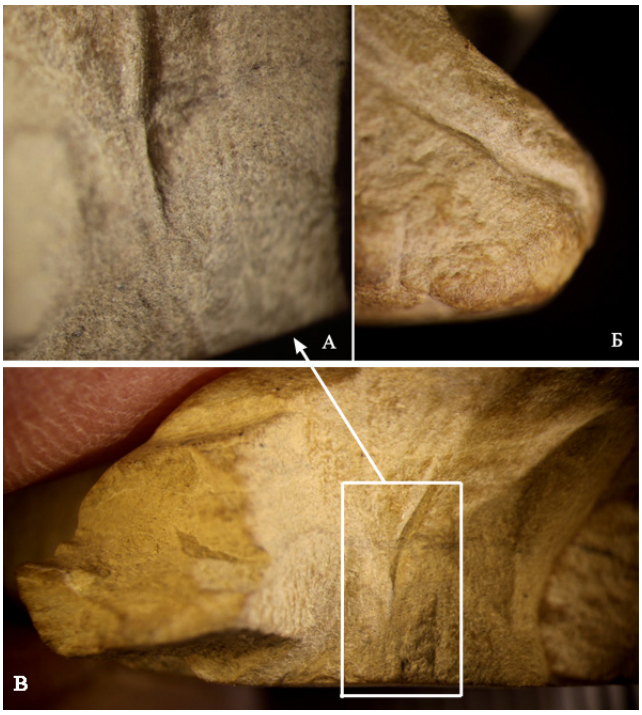

Рис. 5. Местонахождение Кленовское. Скульптура животного из мергеля. *А* – макрофотография участка поверхности на «животе» при увеличении 14×; *Б* – макрофотография завершения «морды» при увеличении 14×; *В* – макрофотография живота фигурки при увеличении 10×. Фото В.Г. Котова

Fig. 5. Klenovskoye site. Marl figure on an animal. *A* – macro photo of the surface of the "belly" at a magnification of 14×; *Б* – macro photo of the tip of the "muzzle" at a magnification of 14×; *B* – macro photo of the belly of the figure at a magnification of 10×. Photos by V.G. Kotov

инструментов, установление хронометража процесса изготовления, получение различных следов обработки в зависимости от формы каменных инструментов. Надо сразу отметить, что использование железного ножа показало, что резание, скобление и прорезание острием глубоких линий в мергеле оставляет гладкие поверхности без борозд и царапин. Это сразу исключает возможность использования железных инструментов при изготовлении данной скульптуры.

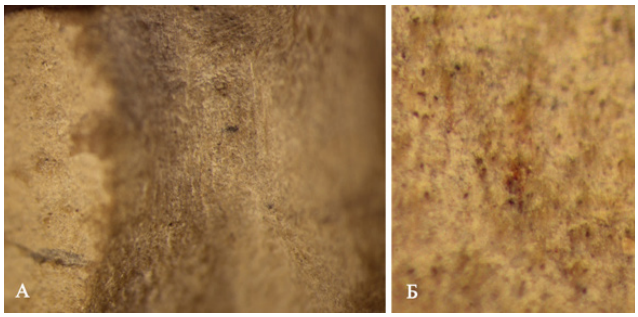

Рис. 6. Местонахождение Кленовское. Скульптура животного из мергеля. *А* – макрофотография угольков при увеличении 20×; *Б* – макрофотография охристого пигмента при увеличении 24×. Фото В.Г. Котова

Fig. 6. Klenovskoye site. Marl figure on an animal. *A* – macro photo of the charcoals at a magnification of 20×; *Б* – macro photo of the ocher pigment at a magnification of 24×. Photos by V.G. Kotov

Прежде всего, с большого куска мергеля были отколоты несколько сколов нужной толщины. После чего у этих кусков посредством скобления и пиления крупной пластиной шириной 2,8 см и длиной 8,5 см (рис. 8, *6, а*) обе поверхности выравнивались и постепенно стачивались до нужной толщины (16 мм). Затем той же пластиной посредством пиления и скобления выравнивались торцевые длинные поверхности плитки. Когда достигался нужный размер заготовки, той же крупной пластиной посредством пиления, срезания и скобления начиналось формирование контура фигуры животного: прямая спина, покатый круп, выступающая морда (рис. 8, *1*). Во время выемки тех или иных участков предмет постоянно переворачивался и посредством сильного надавливания с той или иной грани срезались участки минерала (рис. 8, *2*). По этой причине изготовление конечностей фигурки было осуществлено на последнем этапе формирования скульптуры (рис. 8, *3*). Более тонкая работа по формированию поверхности и элементов фигуры производилась с использованием пластины меньшего размера. При изготовлении двух скульптур лучше всего себя зарекомендовала пластина с естественным обушком и острым углом в основании (рис. 8, *6, б, в*). Острые края пластин использовались для аккуратного срезания поверхности мергелевой заготовки. В ходе экспе-

Рис. 7. Местонахождение Кленовское. Скульптура животного из мергеля. Макрофотография головы фигурки. Фото В.Г. Котова

Fig. 7. Klenovskoye site. Marl figure on an animal. Macro photo of the head of the figure. Photo by V.G. Kotov

риментального копирования мы обратили внимание на то, что у оригинала четко смоделированы характерные объемы изображаемого животного – сферическая голова, вздернутый нос мордочки, плечевой пояс, низ живота и круп.

Все это позволяет думать о высоком мастерстве древнего мастера и наличии определенного опыта в изготовлении подобных скульптур. Первая скульптура была изготовлена за 3,5 часа, вторая – за 4 часа работы. Эффективность обычных пластин, в том числе, была связана с тем, что они в ходе работы повреждались незначительно и сохраняли функциональность в течение продолжительной работы. Лезвия лишь покрывались мелкой выкрошенностью и легкой заглаженностью. На обрабатываемой поверхности скульптуры эти повреждения всегда отражались в виде параллельных борозд и царапин (рис. 8, *2*, *3*, *5*). Они могут быть убраны с поверхности скульптуры только с помощью абразива или же легким скоблением ровным краем пластины (рис. 8, *4*).

Эксперимент показал, что формообразующим элементом являлась объемная голова. Ее изготовление начиналось с глубокого вреза шеи, линия которой переходила в поверхность передней ноги (рис. 8, *1*). Голова имеет в плане округлую и в профиль полусферическую форму, что потребовало тщательной подгонки модели под оригинал. Нос слегка вздернут и повернут на три четверти, снизу слегка закруглен. В месте закругления был сделан несколькими встречными движениями глубокий врез, а сбоку углом пластины или острием была выгравирована и затем выскоблена глубокая линия, которая обозначала рот (рис. 8, *б, в*). Эти особенности выполнения деталей показывают, что они не являются случайными, а были выполнены целенаправленно, как важные элементы животного образа. Внутренние поверхности ног и живот могли быть сделаны только посредством двух глубоких врезов, заходящих на поверхность живота (рис. 8, *3*, *4*). Перемычка между двумя углублениями убиралась посредством скобления, причем упором для пластины выступали ноги фигурки. Выпуклая поверхность живота достигалась срезами и скоблением (рис. 8, *4*). Окончательно поверхность заглаживалась с помощью абразива из гальки с зернистой поверхностью. Убрать все участки со следами работы каменным инструментом не удалось. Так что в углублениях и под выступами остались участки, покрытые параллельными бороздами и царапинами. То, что на оригинале вся поверхность заглажена и даже слегка заполирована, может свидетельствовать о достаточно продолжительном использовании данного изделия, в ходе которого осуществлялось трение о кожу (рук или кожаного мешочка).

Таким образом, проведенный эксперимент показал высокое качество мергеля для изготовления скульптур с помощью каменных (кремневых или яшмовых) инструментов. Также было подтверждено использование именно каменных инструментов и, в частности, пластин, для изготовления данной скульптуры.

Обоснование древности

Приступая к изучению изделия, мы обратили внимание на то, что все углубления и выемки покрыты слоем рыхлого карбонатного образования белесого цвета (рис. 4, *А, В*). Для получения информации о характере обработки предмета эти отложения удалялись механическим способом с помощью деревянных заостренных палочек с использованием микроскопа при 15-кратном и более увеличении (рис. 4, *Б*). Как только появлялась твердая сероватая поверхность самого мергеля, снятие карбонатных отложений прекращалась и поверхность очищалась спиртом. Отметим, что на поверхности мергеля под белесым натеком появлялись пятна и крупинки черного пигмента (угля?), которые равномерно покрывали всю расчищенную площадь, также они присутствуют и на других участках поверхности, не покрытых натеком (рис. 6, *А*). Также под карбонатными отложениями были встречены отдельные микроскопические крупинки красного пигмента (охры?), которые в процессе расчистки размазывались по поверхности (рис. 6, *Б*). Складывается впечатление, что отдельные кусочки угля и единичные крупинки охры являются не результатом окрашивания скульптуры, а попали на ее поверхность из культурного слоя, насыщенного золой и угольками, а также кусочками охры. Под микроскопом видно, что сам материал покрыт многочисленными трещинами, появившимися в результате долгого пребывания предмета в отложениях на относительно небольшой глубине, в зоне сезонного промерзания почвы и колебаний климата.

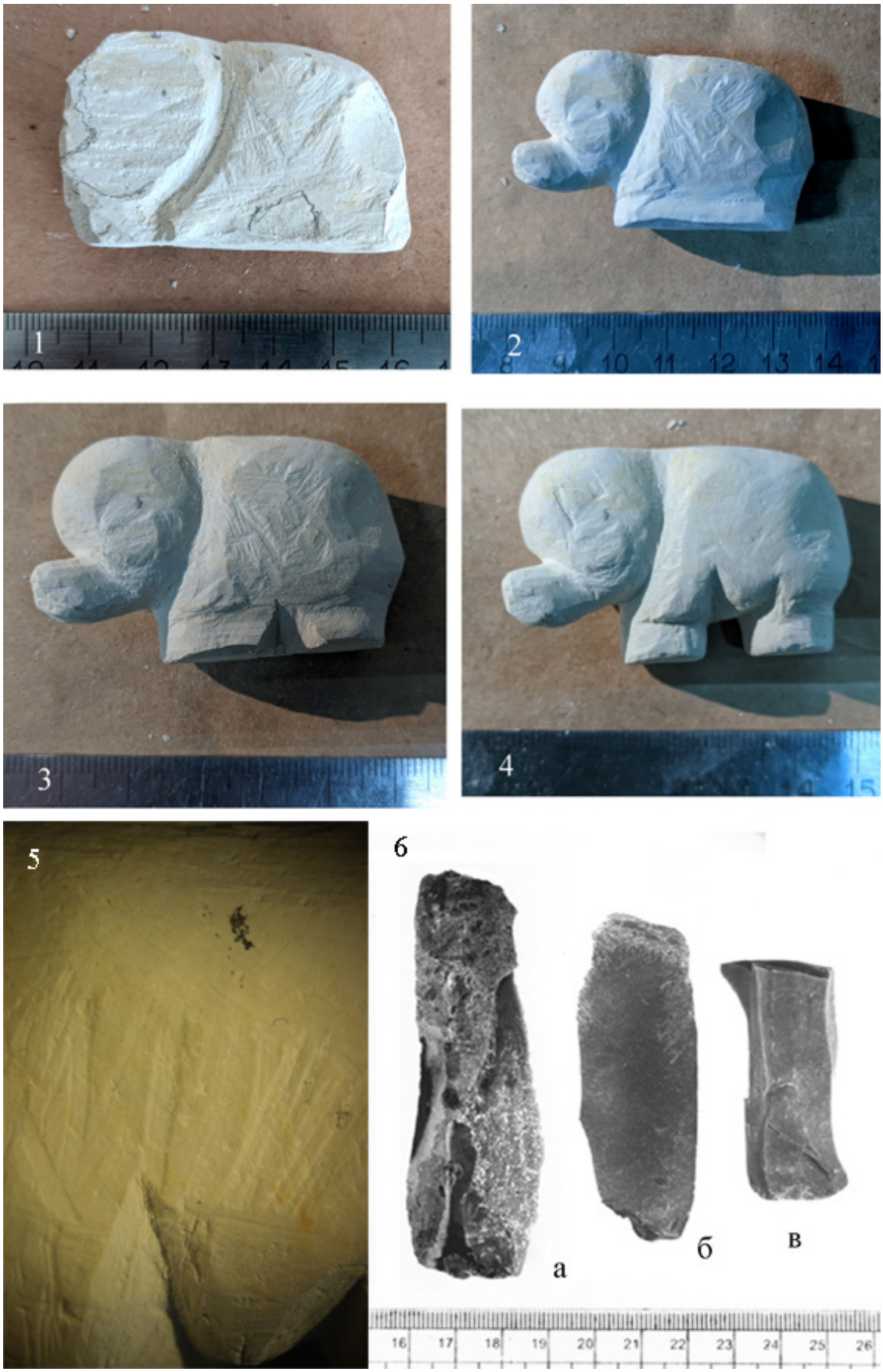

Рис. 8. Данные экспериментального изготовления реплики скульптуры из местонахождения Кленовское. *1–4* – этапы изготовления скульптуры из мергеля; *5* – следы работы на поверхности фигурки при увеличении 20×; *6* – пластины из кремня, которыми осуществлялась обработка. Фото В.Г. Котова

Fig. 8. Data on the creation of an experimental replica figure from Klenovskoye site. *1–4* – main stages of replica marl figure creation; *5* – traces on the surface of the replica at a magnification of 20×; *6* – flint blades used to treat the replica. Photos by V.G. Kotov

Важным свидетельством древности являются следы инструментов, которыми обрабатывалось изделие. Мы уже указывали на использование каменного отбойника и абразива для выравнивания поверхности, следы которого видны на тыльной стороне. Ноги были обработаны слегка вогнутыми срезами, что указывает на работу стамески со слегка вогнутой рабочей кромкой. Многочисленные параллельные борозды говорят о том, что у этого орудия был зубчатый край и оно, очевидно, являлось каменным (рис. 5, *В*). На последнем этапе формирования выемки живота выступы срезались каким-то режущим инструментом. В центре имеется глубокий врез, внутри которого при 20 кратном увеличении видны продольные борозды и царапины, указывающие на то, что в данном случае использовался инструмент их камня (рис. 5, *А*). Очевидно, углом каменной пластины были сделаны, а затем проскоблены желобки на тыльной стороне «морды», и также каменным лезвием, судя по наличию групп параллельных борозд, где каждая группа имеет разное направление, выровнена поверхность «морды» (рис. 5, *Б*). Это позволяет предположить, что вся скульптура была изготовлена с помощью каменных инструментов – кремневой пластины, стамески, каменного отбойника и абразива.

Стилистические особенности изделия основывались на одностороннем объемном выделении с помощью обработки характерных деталей животного, таких как шарообразная голова с мощным нависающим лбом, изображенная с поворотом на три четверти влево, выдающейся вперед носовой частью и маленькой пастью, массивная и выступающая плечевая зона, скошенный круп и столбообразные прямые ноги. Обращает на себя внимание подчеркнутая грубость и неаккуратность при формировании тех или иных деталей изображения: глубокими срезами и врезами образовывались объемные детали, после чего образовавшиеся грани и гребни срезов были только частично выровнены и заглажены скоблением. Абразивной обработке и шлифовке были подвергнуты только выпуклые поверхности, а также тыльная сторона. Следы врезов на поверхности передней ноги говорят о том, что эта нога была целенаправленно обломана в древности (рис. 5, *В*). Поверхность слома не была выровнена и обработана. Края и выступающие поверхности несут следы закругления и заглаженности, покрыты яркой заполировкой от трения о кожу. Таким образом, фигурка долгое время использовалась именно в таком «недоработанном» виде. Это может свидетельствовать в пользу того, что, несмотря на реалистичность изображения, оно имеет черты некоторого схематизма и искажения. Кроме того, на темени фигурки присутствуют многочисленные ямки, выкрошенность и глубокие короткие борозды, оставленные от торцевых ударов и контакта с острыми углами каменных изделий (рис. 7). Возможно, эти повреждения появились в процессе использования данного участка фигурки как отжимника в ходе обработки каменных орудий, но они подозрительно концентрируются в одном месте. Поэтому они могут иметь и другую природу, например, быть результатами каких-то намеренных повреждений, предположительно, с культовыми целями.

Остается вопрос: кого изображает эта фигурка? Для того, чтобы приблизиться к пониманию образ какого животного был реализован в данной скульптуре, мы постараемся сузить поле нашего выбора. Пропорции и детали оформления указывают на некое животное с массивным туловищем, мощными плечевыми мышцами, короткими и столбообразными ногами, крупной лобастой головой, короткой шеей, массивными челюстями и прямой спиной. Этому описанию больше всего соответствуют три представителя животного мира – пещерный медведь, мамонт и носорог.

У пещерного медведя отличительной чертой считается массивная голова с крутым лбом и мощными челюстями. Вместе с тем, у него достаточно крупное по сравнению с головой тело, длинная шея и покатая спина с лопаточным выступом. Не исключено, что несоразмерно крупная голова скульптуры могла принадлежать медвежонку. Возможно, что в пользу этого предположения говорит и врезанное углубление – рот(?) в нижней части «морды». Вместе с тем, имеющиеся скульптурные и настенные изображения медведя, в том числе и пещерного, в эпоху верхнего палеолита не дают оснований для такого предположения. Теменная часть у них обозначена всего лишь небольшим выступом (рис. 9, *19, 21, 22, 26, 28*).

Массивные туловище и голову с короткой шеей также можно соотнести с образом мамонта. Но этому противоречит необычно крупная голова и сферический лоб, нависающий над массивным выступом, который трудно принять за хобот мамонта. Обычно линия лба и хобота на скульптурах или прямая, или же хобот в основании слегка выступает (рис. 9, *1–8, 13, 17, 27, 32*). Кроме того, одной из отличительных черт образа мамонта является наличие седловины между головой и спиной [Любин, 1991]. Можно было бы принять за обозначение бивня выгравированную линию вдоль «выступа» с тыльной стороны, но это будет слишком вольным допущением. Наоборот, эта деталь свидетельствует о законченности и целостности данного фрагмента скульптуры.

Поэтому более вероятным является интерпретация этого «выступа» как передней части «морды» животного с носом и ртом. Все остальные характерные детали не противоречат восприятию этого изделия как изображения носорога. Правда, здесь отсутствует главная черта носорога – рог, но данное изделие могло изображать детеныша

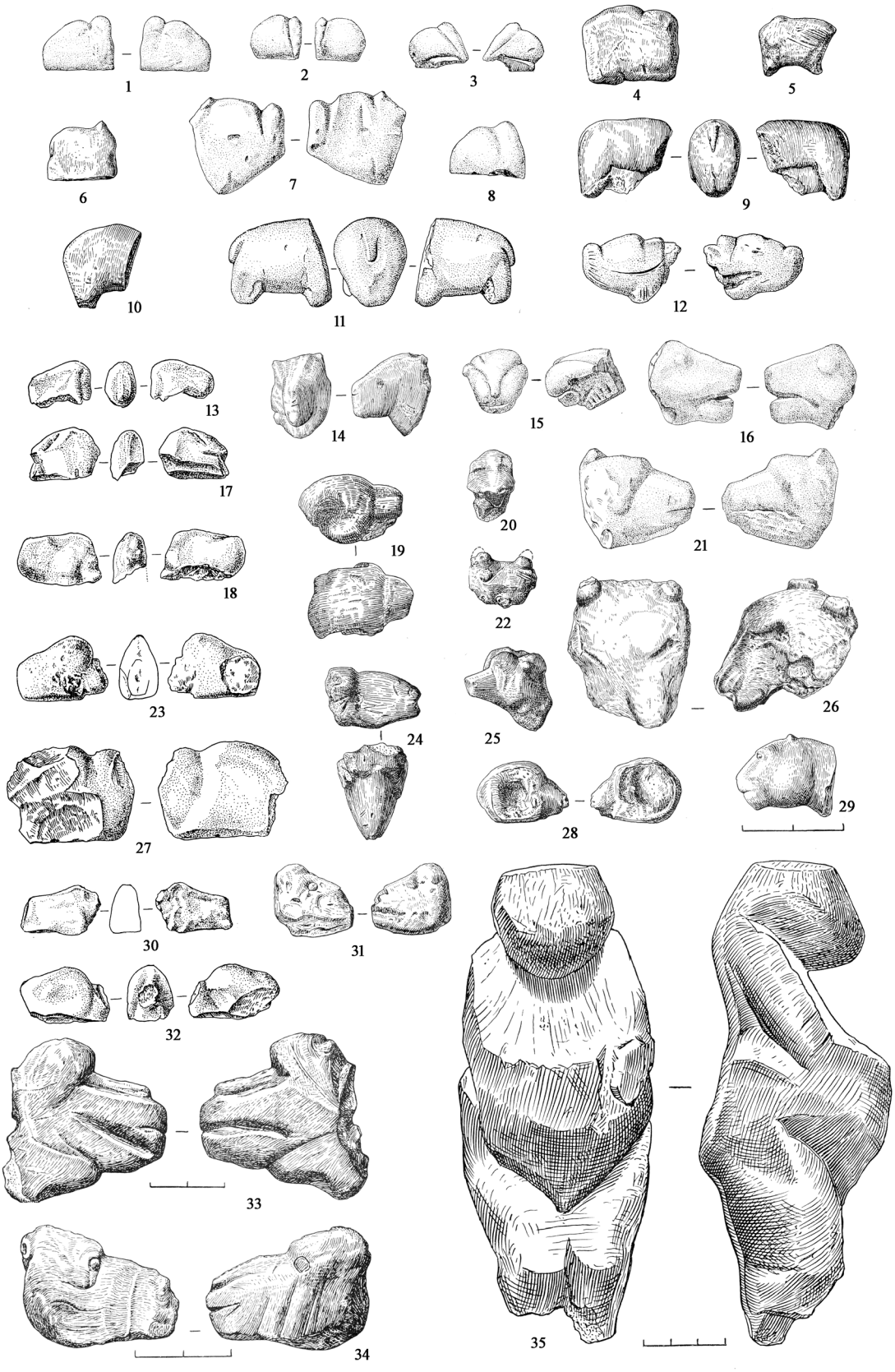

Рис. 9. Скульптуры из мергеля (по: [Абрамова, 1962]). *1–4*, *6–8* – фигурки мамонта; *5, 9–13, 17, 18, 23, 27, 30, 32* – фигурки животных; *15, 16, 22, 29* – головка льва; *19, 21, 25, 26, 28* – голова медведя; *14, 20, 24* – голова животного; *31, 33, 34* – голова зооантропоморфа; *35* – женская статуэтка. *13, 17, 18, 23, 27, 30, 32* – Костенки IV; *остальное* – Костенки I

Fig. 9. Marl figures (after: [Abramova, 1962]). *1–4, 6–8* – figures of mammoths; *5, 9–13, 17, 18, 23, 27, 30, 32* – figures of animals; *15, 16, 22, 29* – head of a lion; *19, 21, 25, 26, 28* – head of a bear; *14, 20, 24* – head of an animal; *31, 33, 34* – head of a zooanthropomorph; *35* – figurine of a woman. *13, 17, 18, 23, 27, 30, 32* – Kostenki 4; *the rest* – Kostenki 1

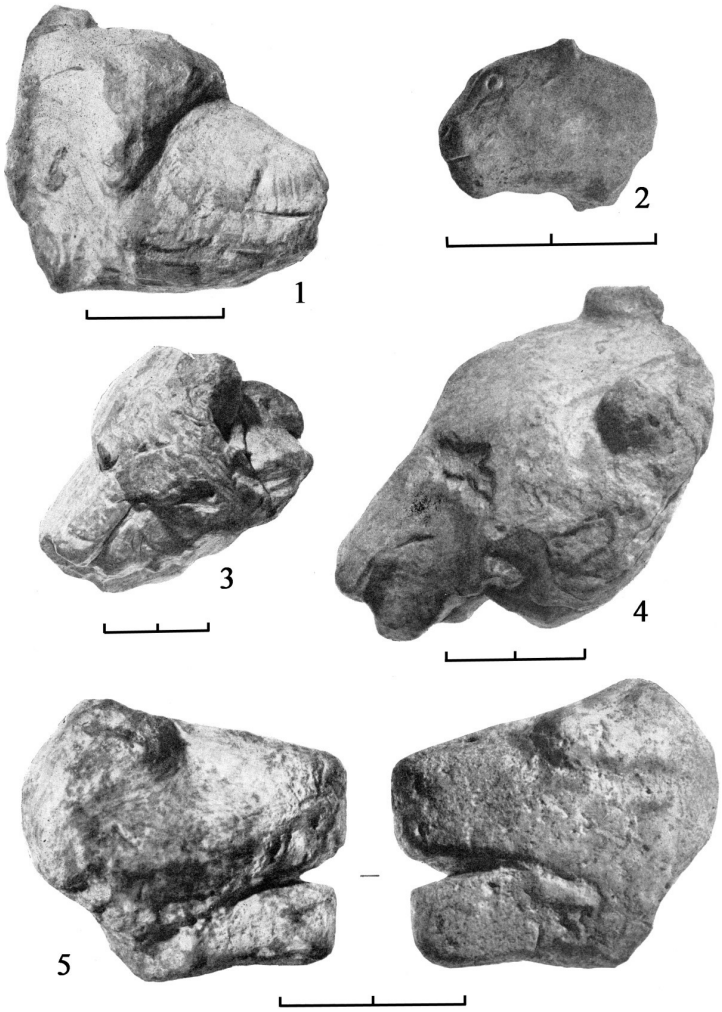

Рис. 9. Скульптуры из мергеля со стоянки Костенки I, 1-й культурный слой. *1, 3–4* – головы медведей; *2, 5* – головы львов (по: [Абрамова, 1962])

Fig. 9. Marl figures from the Kostenki 1 site, first cultural layer. *1, 3–4* – heads of bears; *2, 5* – heads of lions (after: [Abramova, 1962])

носорога. А выгравированный ближе ко лбу зигзаг может обозначать не глаз, а ухо носорога. Сам же глаз находится ниже, им является округлая выпуклость над «мордой» животного, выделенная сверху круговыми бороздами, а снизу несколькими срезами (рис. 4, *B*; 7).

Таким образом, невозможно однозначно определить видовую принадлежность фигурки животного. Это может быть результат целенаправленной деятельности древнего мастера, который ставил целью изобразить композитное существо или же он мог сознательно искажать некоторые особенности изображаемого животного.

Обсуждение

Скульптура не находит аналогий в памятниках урало-поволжского и сибирского регионов эпохи камня ни по стилистике, ни по материалу и технике изготовления [Сериков, 2014; Обыденнов, Корепанов, 2001]. Мы полагаем, что для памятников Южного Урала и Прикамья был свойственен иной способ изобразительной практики, основанный на использовании естественных форм кости и камня («галечные скульптуры») [Котов, 2020. С. 28–29]. Единственное изображение копытного в высоком барельефе на плите мягкого камня было случайно обнаружено в Оренбургской области на р. Донгуз [Богданов, Котов, 2001]. Верхнепалеолитический возраст этой скульптуры был постулирован на основании стилистических аналогий в Западной Европе [Там же. С. 115].

Основной круг аналогий нашей скульптуре в стилистике, материале и технике находится в памятниках виллендорфско-павловско-костенковской общности. Прежде всего, это обнаруженные на стоянках Костенки I и IV, Аносовка II мелкие скульптурки животных из мергеля, имеющие минимальную обработку, которая выделяла наиболее характерные части животных – массивное подпрямоугольное тело и выступающий рог у «носорогов» или же маленькую закругленную голову с седловиной и покатой спиной у «мамонтов», у которых желобком обозначен хобот [Абрамова, 1962. С. 17. Табл. XIV, *1–7*; XX, *1–10, 12–14*; XXIII, *1–23*; Елинек, 1985. Рис. 764–768] (рис. 9, *1–4, 6–8, 13, 17, 18, 23, 27, 30, 32*). Общим для всех этих статуэток является плоское основание, позволяющее их ставить в вертикальном положении. Наряду с ними, на стоянке Костенки I встречаются фигурки животных из мергеля с изображенными в профиль двумя ногами. Они обработаны более тщательно и у двух статуэток присутствует маленький хвост [Абрамова, 1962. С. 18. Табл. XIV, *8–11*] (рис. 9, *5, 9–11*). Отдельную группу на стоянке Костенки I образуют скульптурные изображения голов животных или зооантропоморфов из мергеля, причем это, в большинстве случаев, не фрагменты скульптур, а законченные произведения небольшого размера (2–3 см). У этих голов мастерски передан рельеф и пропорции черепов медведей или львов, дополняемые такими деталями как обозначения ушей выпуклостями или выступами, а также оформление глаз круглыми выпуклостями, как и у публикуемой скульптуры из Кленовского [Абрамова, 1962. Табл. XVI, *2, 5*; XVII, *3, 5*], или же гравированным кружком, как у головы льва [Абрамова, 1962. Табл. XVI, *3*; XVII, *2*], а также прорезанными углублениями продолговатой формы [Абрамова, 1962. С. 18–20. Табл. XVI, *8*; XVII, *4*]. Пасть может быть оформлена по-разному: в одних случаях сделана прорезь, в других она обозначена гравированной линией или желобком [Абрамова, 1962. Табл. XVI, *1–3, 7, 12*; XVII] (рис. 9, *14–16, 19, 29, 31, 33, 34*; 9).

На стоянке Костенки I определенное сходство в стилистике и технике обработке уральской статуэтке мы находим с женской статуэткой (№ 5)

из мергеля. Высота изделия 17,5 см. З.А. Абрамова считала, что контуры ее тела «…переданы достаточно суммарно и условно, что, вероятно, объясняется особенностями стиля, зависевшими от материала» [Абрамова, 1962. С. 10]. У этой фигуры необычно крупная голова с выступающим вперед лицевой частью и плоским теменем, короткая шея, образованная крупными срезами. Грудь, живот и сложенные на животе руки оформлены сходящимися под углом плоскостями. На поверхности груди зафиксированы параллельные борозды и царапины, оставленные зубчатым лезвием. Руки намечены желобком только выше локтей, низ живота обозначен глубокими срезами, ноги ниже колен укороченные, обработаны продольным и поперечным скоблением. Низ спины и седалище оформлены в плоскостной манере. Немаловажно, что скульптура была целенаправленными ударами фрагментирована [Абрамова, 1962. С. 10. Табл. V, *3*; VI] (рис. 9, *35*). Вторая женская статуэтка (№ 6) с этого же памятника также не совсем обычна по внешнему виду. Высота статуэтки 4,2 см, у нее массивная голова с выступающей вперед лицевой частью в виде козырька, большой живот и массивные ягодицы, руки сложены на животе под грудью. Спина плоская, низ фигурки спереди уплощен несколькими продольными сколами от основания. Поверхность тщательно заглажена [Абрамова, 1962. С. 11. Табл. V, *1*; VII, *1*]. На стоянке павловской культуры Острава-Петржковице в Моравии была найдена статуэтка «венеры» из гематита, которая была изготовлена сходным набором технических приемов – резкой, скоблением, обкалыванием, гравировкой, причем следы работы также не были удалены абразивной обработкой [Елинек, 1985. Рис. 655].

Выводы

Таким образом, единственной и прямой аналогией уральской находке из с. Кленовское являются многочисленные скульптуры с памятников виллендорфско-павловско-костенковской общности Восточной Европы. Общим является само широкое использование для изготовления скульптурных изображений такого минерала как мергель. Полностью совпадает набор технических приемов, использованных для формообразования тех или иных деталей скульптуры. Не отличается стилистика и схематизм скульптурных изображений. Главным в этом перечислении сходных моментов все же является сам по себе уникальный факт наличия фигуративного изображения на Урале эпохи камня. Принимая во внимание все вышесказанное, логично предположить верхнепалеолитический возраст данной фигурки животного. Соответственно, данная находка может отмечать самый восточный пункт миграции костенковско-стрелецкого населения на территорию Среднего Урала. Место находки еще предстоит исследовать раскопками, но весь массив аналогий позволяет думать о наличии здесь стоянки раннего или среднего этапа верхнего палеолита. До этого на Урале был известен один такой памятник – стоянка Гарчи I в Пермской области с ярким комплексом костенковско-стрелецкой культуры древностью около 28 тысяч лет [Павлов, Макаров, 1998; Павлов, 2008. С. 36–37] (рис. 1; 2, *А*). Даже если эта находка так и останется вне археологического контекста, она сама по себе уже расширяет границы распространения восточно-европейского искусства далеко на восток – до Уральского хребта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 85 с. (САИ. Вып. А4–3)

Богданов С.В., Котов В.Г. Новая находка произведения монументального искусства на Южном Урале // Проблемы первобытной культуры / Отв. ред. В.Г. Котов, В.Е. Щелинский. Уфа: Гилем, 2001. С. 113–117.

Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1985. 560 с.

Котов В.Г. Изобразительная практика, основанная на использовании естественных форм камня и кости в каменном веке Евразии // Уфимский археологический вестник. 2020. Вып. 20. С. 6–35. DOI: https://doi.org/10.31833/uav.2020.20.001

Любин В.П. Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // Советская археология. 1991. № 1. С. 20–42.

Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Уфа: Юрика, 2001. 235 с.

Павлов П.Ю. Палеолит Северо-Востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (33). 2008. С. 2–45.

Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю. Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и металла: Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 15 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1998. С. 4–17.

Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: б.и., 2014. 268 с.

Филиппов А.К. Проблемы технического формообразовании орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита / Отв. ред. А.Н. Рогачев. Л.: Наука, 1983. С. 9–71.

Conard N.J., Bolus M., Goldberg P., Münzel S. The Last Neanderthals and First Modern Humans in the Swabian Jura // When Neanderthals and Modern Humans Met / Ed. N.J. Conard. Tübingen: Kerns Verlag, 2006. P. 305–341.

REFERENCES

Abramova, Z.A. 1962, *Paleolithic art on the territory of the USSR*. Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Leningrad, 85 p. (Svod arheologicheskih istochnikov [Corpus of the Archaeological Sources] A4–3) (In Russ.)

Bogdanov, S.V., Kotov, V.G. 2001, "A new finding of monumental art in the Southern Urals", *Problemy pervobytnoj kul'tury* ("Problems of prehistoric culture"), Gilem, Ufa, pp. 113–117. (In Russ.)

Elinek, Ya. 1985, *A large illustrated atlas of the primitive men.* Artia, Praga, 560 p. (In Russ.)

Kotov, V.G. 2020, "The art technology based on the natural forms of stones and bones in the Stone age Eurasia", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 20, pp. 6–35. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.001

Lubin, V.P. 1991, "Images of mammoths in Paleolithic art (based on the findings from the Kapova Cave)", *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, n. 1, pp. 20–42. (In Russ.)

Obydennov, M.F., Korepanov, K.I. 2001, *Man in the art of the Urals, the Kama region and the Middle Volga region.* Yurika, Ufa, 235 p. (In Russ.)

Pavlov, P.Yu. 2008, "The Paleolithic in Northeastern Europe: new data", *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, n. 1, pp. 33–45. (In Russ.)

Pavlov, P.Yu., Makarov, E.Yu. 1998, "Garchi I – an archaeological site of the Kostenki-Streltskaya culture in the Northeastern part of Europe", *Severnoe Priural'e v epohu kamnya i metalla: Materialy po arheologii Evropejskogo Severo-Vostoka. Vyp. 15* ("Northern Urals in the era of stone and metal: Reports on the archeology of the Northeastern Europe. Iss. 15"), Komi NC UrO RAN, Syktyvkar, pp. 4–17. (In Russ.)

Serikov, Yu.B. 2014, *Essays on the prehistoric art of the Urals*. Nizhny Tagil, 268 p. (In Russ.)

Filippov, A.K. 1983, "Technological problems of tools shaping in the Paleolithic period", *Tekhnologiya proizvodstva v epohu paleolita* ("Production technology in the Paleolithic era"), Nauka, Leningrad, pp. 9–71. (In Russ.)

Conard, N.J., Bolus, M., Goldberg, P., Münzel, S. 2006, "The Last Neanderthals and First Modern Humans in the Swabian Jura", *When Neanderthals and Modern Humans Met*, Kerns Verlag, Tübingen, pp. 305–341.

Сведения об авторах

Вячеслав Георгиевич Котов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: kslav1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3510-0058

Александр Викторович Непомнящий, педагог дополнительного образования, Центр развития творчества им. Н.Е. Бобровой, Российская Федерация, Свердловская область, г. Полевской. E-mail: pao_arh@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7662-216X

Оксана Викторовна Непомнящая, педагог дополнительного образования, Центр развития творчества им. Н.Е. Бобровой, Российская Федерация, Свердловская область, г. Полевской. E-mail: pao-arh@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8755-502X

Виолетта Сергеевна Вараксина, учащаяся, средняя общеобразовательная школа № 13, Российская Федерация, Свердловская область, г. Полевской. E-mail: pao_arh@mail.ru

Information About the Authors

Vyacheslav G. Kotov, Ph.D., senior researcher, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Ufa. E-mail: kslav1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3510-0058

Alexander V. Nepomnyashchi, supplementary education teacher, Center for artistic development named after N.E. Bobrova, Russian Federation, Sverdlovsk Oblast, Polevskoy. E-mail: pao_arh@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7662-216X

Oksana V. Nepomnyashchaya, supplementary education teacher, Center for artistic development named after N.E. Bobrova, Russian Federation, Sverdlovsk Oblast, Polevskoy. E-mail: pao-arh@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8755-502X

Violetta S. Varaksina, high school, School No. 13, Russian Federation, Sverdlovsk Oblast, Polevskoy. E-mail: pao_arh@mail.ru

УДК 902/903.14/904/63.443 (470.3/43)
ББК 63.48(23)

CC BY

Дата поступления статьи: 12.08.2022
Дата принятия статьи: 03.10.2022

МИГРАЦИИ СТЕПНЫХ ПЛЕМЕН В ЕВРОПУ В КОНЦЕ IV – III ТЫС. ДО Н.Э. И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУР ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ

Станислав Аркадиевич Григорьев
Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия
E-mail: stgrig@mail.ru

Аннотация. Существует две основные гипотезы о локализации индоевропейской прародины. Первая связывает распространение индоевропейцев с миграциями курганных культур Понто-Каспийских степей, в первую очередь, ямной. Поэтому она получила название «курганная». Вторая предполагает локализацию индоевропейской прародины на Ближнем Востоке. В соответствии с курганной гипотезой, ямная миграция в начале РБВ привела к формированию культур шнуровой керамики от Рейна до Волги, что вызвало распространение и формирование современных европейских диалектов. В действительности, оснований для предположений о формировании шнуровых культур на ямной основе нет. Они формировались отчасти на основе европейских неолитических культур, отчасти на основе импульсов из степной зоны в пред-ямное время, что подтверждается как характером материальной культуры, так и палеогенетическими исследованиями. Эти миграции начались в раннем энеолите, но были весьма немногочисленны и ограничены Нижним Подунавьем. Они не оказали заметного влияния на культурогенез даже на Северных Балканах. В среднем энеолите этот процесс прекращается и возобновляется лишь в финальном энеолите, в последней трети IV тыс. до н.э. Основным его актором выступала группа Животиловка-Волчанское Северного Причерноморья. Ее проникновение в Балкано-Карпатский регион способствовало установлению прочных связей со степной зоной Причерноморья и последующим глубоким контактам, сохранившимся в ямное время. Ямные проникновения в юго-восточную Европу (северо-восточные Балканы, Паннония, отчасти Волынь), действительно, имели место, и по времени они совпадают с формированием культур шнуровой керамики. Однако, в основе последних были местные субстраты и потомки степных энеолитических племен.

Ключевые слова: индоевропейская проблема, ямная миграция, культуры шнуровой керамики, энеолит

Цитирование. Григорьев С.А., 2022. Миграции степных племен в Европу в конце IV–III тыс. до н.э. и формирование культур шнуровой керамики // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 194–210. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.002

UDC 902/903.14/904/63.443 (470.3/43)
LBC 63.48(23)

Submitted: 12.08.2022
Accepted: 03.10.2022

MIGRATIONS OF THE STEPPE TRIBES TO EUROPE IN THE LATE 4TH – 3RD MILLENIUM BC AND FORMATION OF THE CORDED WARE CULTUES

Stanislav A. Grigoriev
Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia
E-mail: stgrig@mail.ru

Abstract. There are two main hypotheses about the localization of the Indo-European homeland. The first one connects the spread of the Indo-Europeans with the migrations of the “Kurgan” cultures of the Ponto-Caspian steppes, especially the Yamnaya culture. Therefore, it is called the “Kurgan” hypothesis. The second hypothesis claims that the Indo-European homeland is localized at the Near East. According to the “Kurgan” hypothesis, the Yamnaya migration at the beginning of the Early Bronze Age led to the formation of the Corded Ware cultures from the Rhine to the Volga regions. This, in turn, caused the generation and spread of modern European dialects. The Chalcolithic period in the steppe zone of Eastern Europe began with the Sredny Stog and Khvalynsk cultures. At this time, up to half of the genes identified in the Chalcolithic populations were Caucasian-Iranian, which indicated migrations from the south. At the same time, small groups of steppe peoples penetrated the Balkans, but these infiltrations were insignificant. New migrations from the Near East at the beginning of the Early Bronze Age are marked by the appearance of Maikop and Anatolian genes. More noticeable were the migrations of the Zhivotilovka-Volchanskoe group to the Carpatho-Danubian region at the end of the 4th millennium BC. Data suggests that there are no reasons to assume that the Codred Ware cultures were formed on the basis of the Yamnaya culture. They were formed partly on the basis of the Neolithic European cultures and partly on the basis of the impulses from the steppe zone in the pre-Yamnaya time.The leading force in the formation process was the Zhivotilovka-Volchanskoe group from the Northern Pontic region. Its penetration into the Balkan-Carpathian area contributed to the establishment of strong connections with the steppe zone of the Pontic region, and subsequent deep contacts, preserved in the Yamnaya period.

Keywords: Indo-European problem, Yamnaya migration, Corded Ware cultures, Chalcolithic period

Citation. Grigoriev S.A., 2022. Migrations of the steppe tribes to Europe in the late 4th – 3rd millenium BC and formation of the Corded Ware cultues. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 194–210. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.002

Введение

За редким исключением население Европы говорит на языках индоевропейской[1] языковой семьи и значительная их часть локализована там. Поэтому древняя история региона важна для решения проблемы. Существуют две основные гипотезы об ИЕ прародине. Первая, «курганная гипотеза», связывает их с курганными культурами энеолита и РБВ Понто-Каспийских степей [Gimbutas, 1956; Anthony, 2007]. Вторая предполагает их локализацию на Армянском Плато и в Верхней Месопотамии [Gamkrelidze, Ivanov, 1995; Grigoriev, 2002]. В основе распространения языков лежат миграционные процессы. До недавнего времени археологи были убеждены, что имеют дело с автохтонным развитием, и идея миграций часто отвергалась. С внедрением палеогенетических исследований ситуация изменилась, так как масштабные миграции стали очевидны. Но вскоре выяснилось, что язык, культура и гены не эквивалентны друг другу. Если мы установим массированные притоки генов, это не означает смену языка. С другой стороны, культура может распространяться без миграций. Если мы подойдем к вопросу глобально, то культура, язык и гены распространялись с Ближнего Востока, потоки с севера на юг отсутствуют [Grigoriev, 2021]. Вместе с тем, общепринятой теорией являются волны миграций из степной зоны в Европу в энеолите и РБВ. Палеогенетические исследования позволили сделать вывод, что главную роль в формировании населения Европы сыграли миграции ямных племен [Haak et al., 2015; Allentoft et al., 2015]. Задачей работы является анализ степени влияния степных популяций на культурогенез населения Европы в IV–III тыс. до н.э.

Миграции в раннем и среднем энеолите

Курганная теория предполагает несколько волн проникновения степного населения в Европу. Энеолитические культуры Понто-Каспийских степей объединяют в общность «Хвалынск – Средний Стог». Но среднестоговская культура может быть разделена на несколько культур. Наиболее близка хвалынской самая ранняя скелянская (4500–4100 гг. до н.э.), в которой обнаружены изделия балканского происхождения. Следующая стадия – Средний Стог (4100–3600 гг. до н.э.), а после появляются дереивские, квитянские и нижнемихайловские памятники (около 3700/3600–3000 гг. до н.э.) [Rassamakin, 1994]. Существует иное членение этой культуры, с выделением из среднестоговской культуры лишь более поздней дереивской, в которую включены и квитянские памятники. Все они датируется более ранним временем: среднестоговская формируется около 5300–4800 гг. до н.э., а дереивская датируется 4250–3650 гг. до н.э. [Котова, 2006. С. 91, 135, 136; Котова, 2013. С. 5, 6, 101–103; Kotova, 2016. P. 311, 314, 315]. Хвалынская культура ранее датировалась 5000–4500/4300 гг. до н.э. [Королев, Ставицкий, 2021. С. 60], но использование AMS дат и учет резервуарного эффекта позволяет датировать Хвалынск 4500–4300 гг. до н.э. и к тому же периоду отнести начало Среднего Стога [Anthony et al., 2022. P. 32–34, 61].

Эти культуры формировались на основе культур мариупольской культурно-исторической области. Средний Стог формируется первоначально на востоке, в Донецком бассейне, а потом продвигается на запад. Допускается, что его импульсы способствовали формированию хвалынской культуры [Котова, 2006. С. 121, 122, 124, 125, 137]. Существует и противоположное мнение, что среднестоговская культура формируется под хвалынским воздействием [Anthony et al., 2022. P. 61]. Проблема в том, что мариупольские культуры имеют контрастный погребальный обряд: вытянутые на спине захоронения, а в это время распространяются погребения, скорченные на спине, реже на боку, с ориентацией в восточный сектор. Подобные погребения появляются и в суворовской группе на северо-востоке Балкан.[2] Кроме того, там и в степи распространяется серия сопоставимых признаков: использование камня в обряде, ямы с нишами, украшения из меди, сердолика, морских раковин, пластины из кости и перламутра, подвески из зубов оленя, зооморфные скипетры, сходные типы стрел, примеси раковины в керамике и новые орнаментальные композиции. Поэтому существовал общий процесс, стимулировавший эти изменения. Его предложил И.В. Манзура [Манзура, 2000], который показал, что идеи о крупных миграциях из степной зоны в ареал земледельческих культур являются мифом, а признаки, на основании которых эти миграции выделяют, имеют либо более ранние даты, либо более широкую представленность в Юго-Восточной или Западной Европе. Поэтому процесс был обратный. По мере увеличения населения происходили миграции из трипольского ареала на северо-восток в лесостепь и на восток в степь.

[1] В статье использованы аббревиатуры: ИЕ – индоевропейский; РБВ – ранний бронзовый век, СБВ – средний бронзовый век, КВК – культура воронковидных кубков, КША – культура шаровидных амфор, КШК – культура шнуровой керамики, ККК – культура колоколовидных кубков.

[2] Эту группу называли также новоданиловской или скелянской.

Рис. 1. Карта ареалов культур финального энеолита и раннего бронзового века Восточной и Центральной Европы

Fig. 1 Map showing the spread of the Late Chalcolithic – Early Bronze Age cultures in Eastern and Central Europe

Однако оснований для подобных выводов нет. Часть параллелей имеет идентичную датировку в степных и земледельческих культурах, и обоснование их происхождения в земледельческом ареале производится либо на основании более широкой представленности их на западе, либо исходя из логических предположений, например, что зооморфные скипетры земледельческого ареала реалистичны, степные стилизованы, а сначала должны возникать реалистичные изображения. Последнее не обязательно, а большая насыщенность находками западной части ареала отражает специфику памятников и демографическую плотность населения. Показательна интерпретация формирования обряда со скорченными на спине скелетами: «обряд суворовской группы в какой-то мере отличается от погребального ритуала гумельницкой культуры и неизвестных нам обычаев захоронения культуры Кукутень, но мы не должны забывать, что имеем дело с качественно новым культурным явлением, молодым, агрессивным, резко противопоставляющим себя прежним канонам». А распространение посуды с примесью раковины объясняется интеграцией женщин в трипольскую среду [Манзура, 2000. С. 285, 289]. Не исключены и иные истоки обсуждаемого обряда. В Нальчикском могильнике встречаются погребения, скорченные на спине. В настоящее время он датируется 4840–4820 гг. до н.э. [Anthony et al., 2022. P. 54]. До 15% погребены по этому обряду и на неолит-энеолитическом поселении Кюль Тепе I в Нахичевани [Poulmarc'h, Le Mort, 2016. P. 187]. Но в целом, это степной обряд, на Балканах он типичен в степных группах, поэтому сложно искать его истоки в Европе.

Н.С. Котова согласна с предложенной И.В. Манзурой направленностью процесса формирования степных культур, но полагает, что влияние трипольской культуры было минимальным даже на западе, больше параллелей они обнаруживают в культуре Хаманджия в Нижнем Подунавье. Некоторые ее орнаментальные композиции (меандры и длинные зигзаги) появляются в поздних мариупольских памятниках. Это ведет к формированию среднестоговской культуры, но между Днепром и Приазовьем в течение 5300–4800 гг. до н.э. сохраняется азово-днепровская культура, взаимодейст-

вующая со среднестоговской: в ней есть металл и даже сосуд культуры Хаманджия [Kotova, 2016. P. 129, 311, 313–316].

Множество медных украшений хвалынских могильников являются или балканскими импортами из культур Варна, Гумельница, Караново (из Варненско-Причерноморской зоны), или изготовлены по балканским образцам, что проявляется в типологии изделий, их химическом составе и технологии изготовления. Причем, это характерно также для Северного Причерноморья и предмайкопского горизонта Северного Кавказа [Рындина, 2010. С. 234, 241, 242; Черных, 2010. С. 221, 222, 225].

Все это является весомыми аргументами в пользу балканских импульсов при формировании энеолита степи. Но среднестоговская культура формируется в восточной части своего ареала и на запад распространяется лишь в конце первого этапа. Ее посуде характерны остродонные формы, но на востоке распространены плоскодонные [Котова, 2006. С. 90, 124, 137]. В этом случае эпицентром формирования данных культур был Доно-Донецкий регион, а плоскодонные формы могут указывать на южные импульсы. На мой взгляд, некоторые новоданиловские и нижнемихайловские формы имеют параллели в энеолите Закавказья, на поселениях Кюль-Тепе I, Техут и других [Grigoriev, 2002. P. 342], но это требует более серьезной проработки.

В степях Восточной Европы обнаружено около 50 энеолитических курганов, которые сосредоточены в Нижнем Поволжье, Волго-Донском междуречье, Предкавказье, Днепровском Левобережье и соотносятся со среднестоговской и хвалынской культурами, а также с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья. Они предшествуют Майкопу, но более поздние относительно Нальчикского могильника и синхронны поселениям Свободное, Мешоко и Триполью BI–BI-II, что определяет их появление в середине V тыс. до н.э. Выделить ранние памятники не представляется возможным, но предполагается, что таковые есть в Поволжье и Предкавказье [Кореневский, Моргунова, 2022. С. 18–22]. В Поволжье эти курганы ямно-бережновских памятников относятся к хвалынской культуре, в которой можно выделить поздний бережновский этап [Моргунова, 2021. С. 275], но хронология там не слишком определенная. Поскольку в Нальчикском могильнике уже есть невысокая насыпь, а датируется он 4840–4820 гг. до н.э. [Котова, 2006. С. 132; Anthony et al., 2022. P. 54], можно допускать наличие наиболее ранних курганов в Предкавказье. Есть неолитические курганы в Закавказье: у с. Голицино и курганы 119 и 125 под Степанакертом. Они, как и курганы степи, малоинвентарны, содержат ножевидные пластины, охру [Мунчаев, 1987. С. 64]. Можно сомневаться в их неолитическом возрасте, но датировка энеолитом надежна, так как они перекрыты насыпями РБВ.

Таким образом, по мнению большинства исследователей, при формировании культур степного энеолита, с одной стороны, очевидны мариупольские корни, с другой стороны, уже в позднемариупольское время фиксируются импульсы с Балкан. Вероятно, появление в Северо-Западном Причерноморье курганов, скорченных на спине погребений и примеси раковины в керамике маркирует импульсы из степи. Тем самым, мы имеем дело с ситуацией разнонаправленных и близких по времени импульсов. Возможность обсуждения в этой связи миграций предоставляют данные антропологии и палеогенетики.

Энеолитическая степная популяция включала от 43 % до половины генов кавказских охотников и собирателей (CHG), связанных с Закавказьем и Западным Ираном (и приток этих генов начался в мариупольское время), а остальные представлены восточными охотниками и собирателями (EHG) из северных регионов [Mathieson et al., 2015. P. 500; Wang et al., 2019. P. 1, 3, 7, 9; Allentoft et al., 2022. P. 8–10]. Это подтверждается антропологией хвалынских могильников. Их краниологическая серия состоит из трех вариантов. Первый восходит к населению древнеуральского типа, распространившемуся из лесной зоны. Второй соответствует южноевропеоидному типу и присутствует в погребениях с элитным инвентарем. Допускается, что он связан с появлением хвалынских традиций. Еще один европеоидный вариант находит аналогии среди черепов неолита-энеолита Дона из Ракушечного Яра. Отмечено сходство с материалами среднестоговской культуры Подонья [Хохлов, 2021. С. 267–269].

Генетические исследования показали близость хвалынцев с населением Северного Кавказа (Константиновский-1 и Прогресс-2). Среднестоговская популяция тоже им близка, и все они состоят из тех же компонентов EHG и CHG. В предшествующей днепро-донецкой культуре Украины 5200–4400 гг. до н.э. менее 10 % кавказских генов, а чаще их нет [Anthony et al., 2022. P. 24–26, 54, 60, 61]. Поэтому основные характеристики будущего степного генетического пула стали формироваться в самом начале энеолита и можно допускать миграции из Закавказья. В хвалынской популяции нет генов западных охотников и собирателей (WHG), но представлен генетический пул, который характерен для ямной культуры. Предполагается, что третий компонент анатолийских земледельцев (AF) был привнесен в ямную популяцию или из ранней майкопской или из трипольской популяции, а первые два имеют параллели в популяциях Хвалынска и Прогресса-2 и привнесены с востока [Anthony et al., 2022. P. 61]. Но среднестоговская культура существовала в домайкопское время и нет оснований для более ранней даты хвалынской.

В поздних группах Кукутени-Триполье (после 3500 г. до н.э.) присутствуют генетические предки анатолийских земледельцев, культуры линейно-ленточной керамики, степных групп, а также западных охотников и собирателей [Immel et al., 2020]. Анализ костей из пещеры Вертеба (3790–3535 гг. до н.э.) показал тот же результат, причем уже в них присутствуют компоненты EHG и CHG, связанные со степью, а доля предков WHG (западных охотников и собирателей) составила 18 % [Gelabert et al., 2022]. Поскольку последние отсутствуют в степном энеолите, это указывает на потоки генов с востока на запад, а не наоборот, причем до второй четверти IV тыс. до н.э. В неолите балканская популяция представлена генами земледельцев Северо-западной Анатолии с небольшими примесями EHG и WHG, и это сохраняется в энеолите, хотя некоторые образцы демонстрируют рост примеси EHG. Лишь у одного погребенного в некрополе Варна I (4711–4550 гг. до н.э.) и у одного в Смядово (4550–4450 гг. до н.э.) в том же районе выявлена примесь степных генов (EHG и CHG), но в целом это нехарактерно. Небольшой рост степного компонента наблюдается в РБВ (3200–2500 гг. до н.э.), более заметный около 1700 г. до н.э., но и для бронзового века Балкан степная примесь оценивается как низкая [Mathieson et al., 2018]. Это означает, что проникновение степных групп на северо-восток Балкан происходило крайне ограниченно в самом начале степного энеолита, несколько увеличиваются эти потоки в конце IV тыс. до н.э., а данные об обратных потоках отсутствуют.

Таким образом, исходя из данных генетики, сложно говорить о миграциях с запада, сформировавших степной энеолит. Заметная доля генетического вклада из Закавказья и Ирана указывает на миграции с юга. Комплекс, ответственный за это, формировался в Предкавказье, имел, вероятно, южное происхождение и быстро распространился на северо-восток в Поволжье и на запад до Подунавья. Это вызвало формирование сети обменов и культурные влияния в восточном направлении.

В среднем энеолите на основе Среднего Стога и влияний лесостепных неолитических культур и Триполья формируется дереивская культура (4250–3650 гг. до н.э.). Предполагается, что причиной этой трансформации стала аридизация климата, которая привела к разрушению балканских энеолитических культур. Позднее, преимущественно на дереивской основе, формируется культура нижнемихайловского типа, узколокальное явление, сосуществующее с дереивской культурой. В ней, как и в дереивской, присутствует плоскодонная полированная посуда с валиками, которую ранее оценивали как кавказскую, но которая имеет параллели в нижнедунайских комплексах Болград-Алдени II. Предполагается, что это балканское влияние привело к оформлению нижнемихайловских памятников [Котова, 2013. С. 50, 80, 91, 103–105, 112, 143, 146].

Первые контакты Нижнего Дуная со степью (Скеля, Новоданиловка, Средний Стог) датируются с середины V тыс. до н.э. Вероятно, это происходит в начале формирования степного энеолита. В результате, там появляются памятники типа Суворово-Новоданиловка, представленные охристыми погребениями на спине, скорченными или вытянутыми, изредка с каменными оградами. Поселений их нет, количество погребений невелико, ареал ограничен, и они существуют параллельно с земледельческими культурами Кукутени-Триполье, Болград-Алдени (восточный вариант Гумельницы), Варна, Коджадермен-Гумельница-Караново VI, и ведут с ними обмен [Włodarczak, 2010. P. 299, 300; Heyd, 2016. P. 56, 58, 59, 67]. Но речь идет не о массовой миграции, а об ограниченных переселениях и контактах, которые обеспечили проникновение на восток балканских черт и импортов. Эти контакты сохраняются в среднем энеолите: на поселениях типа Болград-Алдени II (время Триполья B I и B I–II) найдена дереивская и нижнемихайловская керамика, но массовых материалов степных культур в Северо-Западном Причерноморье нет. Тем не менее, это привело к формированию культуры Чернавода I в низовьях Дуная и нижнемихайловских памятников на Днепре [Котова, 2013. С. 91, 145, 146].

Майкопско-новосвободненская общность и поздний энеолит степи

Майкопские памятники Кавказа (рис. 1) сформировались в результате миграции с юга и варианты майкопской культуры связаны с разными источниками: Усть-Джегутинский имеет параллели в анатолийском энеолите и лейлатепинской культуре Южного Кавказа, а псекупский – в Новосвободной и может отражать урукское влияние на Северный Кавказ. Собственно новосвободненский комплекс начал формироваться в период позднего энеолита степи и включал в себя как местные энеолитические, так и майкопские, ближневосточные и центральноевропейские компоненты [Резепкин, 2012; Резепкин, 2020. С. 328]. Генетические исследования указали на возможные связи Новосвободной с культурой воронковидных кубков [Недолужко и др., 2014]. В любом случае, речь идет о миграциях, которые сказались и на культурогенезе в степи. Даты майкопско-новосвободненской общности охватывают все IV тыс. до н.э. и она предшествует как классическим ямным комплексам, так и началу репинских. Общепризнанной является роль Майкопа в формировании ямной культуры. Однако, вглубь степи за пределы Предкавказья Майкоп не проникает. Тем не менее, об ограниченных миграциях в степь можно говорить, причем, как на стадии формирования репинской, так и классической ямной культуры. Это проявляется в находках в Оренбургской области, Северном Прикаспии, бассейне р. Самара, Прикубанье и Поднепровье крупнотарных сосудов, хумов. Они изготовлены

по технологиям, зафиксированным в майкопском и куро-араксском гончарстве, но отличаются от собственно майкопских [Салугина, Моргунова, Турецкий, 2016]. Есть параллели и в металле, но их можно объяснять обменом и заимствованиями. Появление крупных погребальных ям тоже можно объяснить майкопским влиянием, но более вероятно и в этом видеть не миграции, а распространение социальных структур, поскольку ямники сохраняют прежние традиционные позы погребенных. В итоге мы можем допускать ограниченные миграции в степь, но в основе ямных традиций были местные.

В Волго-Уралье в это время формируется репинская культура (3800–3360 гг. до н.э.), которая характеризуется ямными чертами: одиночные ямы под курганами, с органическими подстилками, охрой, малым количеством инвентаря и скорченными на спине костяками с восточной и северо-восточной ориентировкой. Обрядовые черты и гончарная технология культуры находят параллели в хвалынской и предполагается ее формирование на этой основе. В степи именно репинские памятники, вместе со среднестоговскими, были в основе классических ямных. Поэтому И.Б. Васильев предложил рассматривать репинские материалы в качестве раннего этапа ямной культуры, что было принято и иными исследователями Волго-Уралья [Васильев, 1979; Моргунова, 2014; Моргунова, 2021. С. 276–279, 288]. Существует также мнение, что репинская культура сформировалась в бассейнах Среднего Дона и Северского Донца около 3700–3650 гг. до н.э. на основе дереивской и поздней донецкой культур, а также продвинувшегося с севера населения культуры ямочно-гребенчатой керамики. Из этого региона идет влияние культуры в Поднепровье [Котова, 2013. С. 91, 151]. Существовала также точка зрения, что в Заволжье она проникает из Подонья [Трифонов, 1996]. Но это не может рассматриваться в качестве совершенно иного подхода, так как исследователи Приуралья тоже отмечали, что бассейн Среднего Дона входил в ареал формирования репинской культуры [Моргунова, 2014. С. 590]. Для узких временных интервалов определить приоритет радиоуглеродным методом сложно.

На Балканах и в Центральной Европе следы проникновения с востока этого времени отсутствуют, но затем ситуация меняется.

Миграции в финальном энеолите

В финальном энеолите (последняя треть IV тыс. до н.э.) в Северном Причерноморье сосуществует серия групп: квитянская и поздне-среднестоговская (которые можно рассматривать как дереивскую культуру), усатовская и нижнемихайловская. В последнее время между Карпатами и Северным Кавказом выделена группа Животиловка-Волчанское (рис. 1). Памятники представлены небольшими земляными курганами с одним погребением, иногда со рвом. Ямы прямоугольные или овальные, но встречаются катакомбы.[3] Погребенные лежат скорченно на боку с небольшим количеством охры, предполагается наличие половой дифференциации: погребенные на левом боку чаще ориентированы на северо-восток и восток, а на правом – на юг и юго-восток.[4] Керамический комплекс весьма разнообразен и в нем выделено несколько групп. Посуда первой группы представлена горшками и амфорами с аналогами в Триполье С2 и группе Гординешти-Касперовцы. Вторая группа посуды имеет корни в Майкопе и Новосвободной, третья в Усатово, Константиновке и Среднем Стоге, четвертая группа аморфна, а пятая представлена кубками с параллелями в Новосвободной, КВК и Баальберге. Предполагается, что культурная группа Животиловка-Волчанское формируется на местной основе, при участии культуры Майкоп-Новосвободная, проникающей в степной ареал [Rassamakin, 1994. P. 45, 62; Manzura, 2016. P. 150–163, 167; Иванова, 2021. С. 151–156].

Наблюдается и импульс из степи в Балкано-Карпатье. На Нижнем Дунае появляются скорченные на боку погребения в курганах, с небольшим количеством охры и местной посудой Триполье С2, Хородишти-Фолтешти и Баден-Коцофени. Они рассматривались как представители нижнемихайловской и квитянской традиций, а также местных популяций, заимствовавших эти традиции [Frînculeasa et al., 2015. P. 45, 48, 80, 82, 83]. Но в Северном Причерноморье часть этих комплексов отнесена к животиловско-волчанской группе. В рамках этой волны курганная традиция проникает до запада Паннонской равнины в Воеводину. Эти курганы содержат кремации и посуду, связанные с традициями Баден-Коцофени. Курганы, соотнесенные с этой группой, появляются и в Бадене. В Венгрии до-ямная фаза датируется второй половиной IV тыс. до н.э. Дата этих комплексов в Воеводине – около 3300–3100 гг. до н.э. В Болгарии дату пред-ямного горизонта определить сложно, но заканчивается он около 3100/3000 г. до н.э. Около 3400–3200 гг. до н.э. эти группы появляются на юго-восточной границе Польши [Włodarczak, 2021a. P. 215, 217, 219, 221, 222, 230, 242, 245; Włodarczak, 2021b. P. 437, 438]. Наблюдается их взаимодействие с Баденом и КША [Heyd, 2016. P. 54]. Появившаяся система обратных связей, взаимодействий и социальных процессов долго проявляла себя в степи и привела к оформлению ямной культуры Причерноморья и новому этапу взаимодействий степи и Балкано-Карпатья.

[3] Самые ранние катакомбы выявлены в культуре Скеля (или раннем Среднем Стоге) первой половины V тыс. до н.э. [Rassamakin, 2012. P. 294], но нет возможности показать преемственность этих традиций.

[4] Тем самым, их лица обращены на юг и восток, в «солнечный» сектор, что важно для этого принципа захоронений в шнуровых культурах [Литвиненко, 2006].

Ямная КИО

Распространено мнение о формировании ямной культуры на основе хвалынской культуры Поволжья V тыс. до н.э. и памятников типа Репин Хутор, распространенных от Дона до Южного Приуралья (3800–3300 гг. до н.э.) [Моргунова, 2014]. Но приводимые даты имеют широкие доверительные интервалы, они явно устаревшие. На востоке в ямной культуре, действительно, сохраняются репинские черты. От Дона до Днепра располагаются памятники типа Средний Стог, которые тоже рассматриваются в качестве основы ямников. Но между ними лежат животиловско-волчанские памятники. Поэтому высказано мнение, что культура формируется на основе разных субстратов. На западе и востоке в ней выявлены разные антропологические и керамические типы, внутри ямной общности объединяющим признаком является погребальный обряд, поэтому интегрирующим моментом стало распространение идеологии [Иванова, Никитин, Киосак, 2018. С. 101, 102, 113–118, 124; Иванова, 2021. С. 286]. На востоке в классическом виде ямные памятники появляются около 3300 г. до н.э., они демонстрируют преемственность с репинскими и предполагается, что они на 300 лет древнее, чем на западе, поэтому формировались здесь [Моргунова, 2021. С. 289]. Но, если говорить о памятниках классической стадии, то хронологическая разница меньше и показать приоритет какого-то региона сложно, это необходимо проверять сериями AMS дат.

В Европу мигрировали ямники западного ареала, буджакская культура (3100–2200 гг. до н.э.). Ранний диапазон дат отчасти совпадает с датами квитянской и животиловско-волчанской групп, возможно их частичное сосуществование. Памятники представлены курганами со рвами, расположенными по кругу погребениями, скорченными на спине, реже на боку. Центральные погребения ориентированы на запад, а периферийные по дуге окружности. В ямах встречены циновки и охра, каменные топоры и посуда в виде кубков и амфор с параллелями в КША, КШК, культурах Чернавода II, Езерово II, Эзеро на Балканах, а также Коцофени и Костолац в Карпатском бассейне и Северной Сербии. Встречаются единичные сосуды Бадена и КВК, и небольшое число ямной посуды Буго-Днепровского междуречья [Иванова, Никитин, Киосак, 2018. С. 118; Иванова, 2021. С. 43–52, 163–170, 279].

Контакт позднеэнеолитических групп с балкано-карпатскими популяциями вызвал трансформацию в Северо-Западном Причерноморье и там появились группы с новыми стереотипами. В эту систему стали включаться иные степные группы. Но присутствие в буджакской культуре скорченных на спине захоронений указывает на восток. С.В. Иванова предполагает, что их источником была группа постстоговских погребений [Иванова, 2021. С. 156–158]. Но подобные погребения свойственны поздним энеолитическим группам на большом пространстве от Днепра до Волги. Поэтому доминирование этого обряда в ямной культуре от Карпат до Урала указывает на вовлеченность восточных популяций. Объяснений требует и появление у ямников Поднепровья (Озера) анатолийских генов. Их доля там выше, чем в иных ямных культурах и в Майкопе. Это не связано с энеолитическими популяциями Балкан, так как примесь западных охотников и собирателей (WHG) отсутствует, зато есть смесь восточных и кавказских охотников (EHG и CHG). С другой стороны, ямники Северного Кавказа, сформировавшись на местной основе, имели около 16% предков в популяции КША. Видимо, формирование ямной популяции было динамичным, поскольку в ней, помимо местных энеолитических, участвовали центральноевропейские группы и был приток генов из Анатолии [Wang et al., 2019. Fig. 4. P. 7].

В итоге, везде в основе процесса были местные энеолитические популяции. Будущие ямные обрядовые стереотипы были распространены в широком ареале от Днепра до Волги. Огромную роль сыграли майкопско-новосвободненские влияния. При формировании буджакской группы были влияния из восточных ареалов между Днепром и Доном, но и из Балкано-Карпатья. Ямная популяция Волго-Уралья формировалась, вероятно, в Подонье, но затем продвинулась на восток и ассимилировала потомков хвалынцев в Поволжье [Хохлов, Китов, 2021. С. 639]. Таким образом, принципиально мы видим ту же ситуацию, что и в энеолите: миграции с юга стимулируют развитие в Предкавказье и Доно-Донецком регионе, которые выступают медиатором импульсов в степную зону к востоку и западу. При этом, как и в предыдущую эпоху, наблюдаются обратные импульсы из Карпато-Дунайского бассейна, куда проникают эти племена.

Ямные памятники в Балкано-Карпатье

В конце IV – начале III тыс. до н.э. начинается ямное проникновение в Балкано-Карпатье, и сформировавшиеся системы взаимодействия просуществовали до 25–24 вв. до н.э. От Нижнего Дуная до Паннонии распространяются курганы со скорченными на спине погребениями, охрой и циновками, и эта волна была более многочисленной: только число исследованных курганов превышает 500. Керамика представлена местными формами, хотя иногда встречается и посуда, напоминающая КШК [Włodarczak, 2010. P. 301–303; Frînculeasa et al., 2015. P. 45, 49, 76, 77, 82, 83; Heyd, 2016. P. 61, 62; Heyd, 2021. P. 385, 386; Иванова, Никитин, Киосак, 2018. С. 118; Иванова, 2021. С. 186, 188, 228]. Памятники сконцентрированы в степных ареалах между Карпатами и долинами Днестра, Дуная и

Тисы. Во Фракии, в ареале культуры Эзеро, курганы часто содержат посуду культуры Коцофени Венгрии, что указывает на связи с иными ямными группами [Иванова, Никитин, Киосак, 2018. С. 121]. В Воеводине ямные курганы появляются в конце IV – начале III тыс. до н.э. и существуют до середины III тыс. до н.э. Часто погребения сделаны в курганах пред-ямного горизонта, содержат кремации и посуду Вучедол. В некоторых случаях в положении костяка угадывается сочетание ямных и энеолитических черт. Но ямные погребения соотносятся как с ранними ямными, так и с погребениями более поздней стадии культуры в Причерноморье [Włodarczak, 2021a. P. 215, 217, 220–225, 232, 235, 237, 239, 245], следовательно, происходила ассимиляция носителей ранней курганной традиции и сохранялось взаимодействие с исходным ареалом на востоке.

Эти материалы не дают оснований для обсуждения волны кочевников-завоевателей, которые положили конец «Старой Европе», как это описывали М. Гимбутас и Д. Энтони [Gimbutas, 1956; Anthony, 2007], и сформировали европейское население [Haak et al., 2015; Allentoft et al., 2015]. Была продолжительная инфильтрация небольших групп, сосуществовавших с местным населением. Эта волна охватила лишь Северные Балканы и Карпатский бассейн [Frînculeasa et al., 2015. P. 84, 85; Heyd, 2016. P. 63, 64, 65, 68, 69; Иванова, 2021. С. 185, 284]. В Карпатском бассейне предполагается сосуществование ямников и местных племен в разных нишах. Погребенные ямники представлены преимущественно мужчинами [Dani, 2011. P. 26, 36; Gerling et al., 2012. P. 1099, 1107, 1109]. Последнее характерно и для буджакской культуры, но в ее погребениях соотношение мужчин и женщин составляет 2:1, в то время как в северо-западной Болгарии – 14:3, а между Тисой и Карпатами – 12:3. Поэтому предполагается переселение специализированных групп [Иванова, 2021. С. 255]. Для Воеводины допускается, что ямники ликвидировали или маргинализировали местные сообщества [Włodarczak, 2021a. P. 245].

Появление ямников совпадает с изменениями в Европе, где поздние стадии культур Коцофени, Баден, Эзеро А, КША и КВК трансформируются в Вучедол, Самогивар–Винковцы, Глина, Шнекенберг, Ливезиле, Мако-Косихи-Чака, Эзеро В и КШК [Dani, 2011. P. 25; Gerling et al., 2012. P. 1098; Frînculeasa et al., 2015. P. 84; Heyd, 2016. P. 53, 54]. Основным актором европейских связей выступает буджакская культура [Иванова, Никитин, Киосак, 2018. С. 102]. В начале III тыс. до н.э. к востоку от Прута ямные погребения часто содержат посуду Триполья С2, Хородишти-Фолтешти, Баден-Коцофени и Мако, единичные кремации, характерные для Коцофени [Frînculeasa et al., 2015. P. 80; Heyd, 2016. P. 67]. После проникновения ямного комплекса в Карпато-Балканский регион и формирования КШК, в буджакской культуре появляются амфоры типа А, некоторые с чертами КША, и есть черты северобалканских культур Чернавода II, Фолтешти II, Мако-Косихи-Чака, Шнекенберг-Глина III, Вучедол, Винковицы. Идет обратный импульс и устанавливаются связи с западными регионами. Последние проявляются в том, что в буджакской культуре появляются более поздние формы амфор и кубков КШК. Эти последние процессы охватывают период с 2800/2700 гг. до н.э. до середины III тыс. до н.э. [Іванова, Косько, Влодарчак, 2014; Иванова, 2021. С. 177, 178]. Тем самым, формируется система «маятниковых миграций», когда приход групп в Балкано-Карпатский регион обеспечивает не только проникновение туда элементов степной культуры и генов, но и дальнейшие связи, потоки населения, и обратный дрейф культуры и генов, вплоть до Северного Кавказа [Иванова, Никитин, Киосак, 2018. С. 125–135].

Этот растянутый процесс противоречит выводам генетиков о массовой ямной миграции в Европу. Поскольку ямные памятники там датируются с 3100 до 2500 г. до н.э., число мигрантов было невелико, сохранялось взаимодействие с исходными ареалами, что вело к нарастанию степного компонента, но не к изменению культуры, так как каждый раз потоки невелики [Kaiser, 2016. P. 32, 35–37, 39, 40; Иванова, Никитин, Киосак, 2018. С. 107–112; Иванова, 2021. С. 184]. Нельзя забывать, что этому предшествовала энеолитическая волна, способствовавшая проникновению иранокавказского компонента в Европу и роль ямников в европейском культурогенезе преувеличена [Kaiser, 2016. P. 33; Иванова. Никитин, Киосак, 2018. С. 101–105, 118–120]. Это очевидно при обращении к проблеме формирования культур шнуровой керамики.

Культурные трансформации в Северной Европе в III тыс. до н.э.

Культуры воронковидных кубков и шаровидных амфор

В предшествующее время на севере Европы доминирующим фактором была культура воронковидных кубков (КВК), датируемая последней третью V – началом III тыс. до н.э., с мегалитами и коллективными захоронениями. Около 3500 г. до н.э. на ее основе на севере Польши формируется культура шаровидных амфор (КША), но в ней заметны и связи с южными культурами Чернавода III–Болераз и Баден. Интенсивные связи с Баденом приходятся на последнюю четверть IV тыс. до н.э. [Heyd, 2016. P. 74], что совпадает с появлением ранних курганных культур. В юго-восточную Польшу КША проникает к началу III тыс. до н.э., что сказывается на культурогенезе Злоты и КШК [Włodarczak, 2021b. P. 438].

Хронология КШК

Хронология КШК проблемна, так как нет стратифицированных памятников, мало радио-

углеродных анализов, среди них есть как современные, так и старые. Многие типы существовали долго, причем по-разному в разных ареалах [Furholt, 2003. P. 16–20, 41, 45–48, 51, 67, 121, 122, 162; Włodarczak, 2006. P. 79, 80; Włodarczak, 2012. P. 128]. В Малой Польше даты КШК укладывались в 3000/2900–2300 гг. до н.э. На западе даты более поздние [Furholt, 2003. P. 22–26, 32, 34, 41, 42, 48, 55, 76, 90, 100]. Предполагается, что уже в 3000–2900 гг. до н.э. ранние шнуровики распространяются до Рейна, а с 2700/2600 г. до н.э. они становятся доминирующим фактором от Рейна до Волги [Heyd, 2021. P. 393, 395]. Но в целом даты не надежны. Последующими исследованиями предложен более поздний интервал для Малой Польши – 2800/2700–2400 гг. до н.э. [Budziszewski, Włodarczak, 2011. P. 56]. Культура Злота появляется на севере Малой Польши почти одновременно с ранней фазой КШК и датируется 2900/2800–2650/2550 гг. до н.э. В Альпийской зоне дендродаты КШК относятся к 2725–2450/2420 гг. до н.э., но радиоуглеродные – к 2880–2200 гг. до н.э. [Furholt, 2003. P. 57, 63, 64; Włodarczak, 2012. P. 131, 132]. Это отражает обычную ситуацию более древних и широких диапазонов радиоуглеродных дат. Есть дендродаты из Нижней Саксонии – 2844–2737 гг. до н.э., что древнее, чем в Швейцарии. Таким образом, мы можем предполагать степные миграции в Центральную и Северную Европу в конце IV – начале III тыс. до н.э. в радиоуглеродной хронологии, или около 29 в. до н.э. в системе дендрохронологии. Наиболее ранние даты имеют памятники на юго-востоке, в том числе культуры Злота.

Злота

Культура Злота сочетает черты КША, КШК, даже Бадена и КВК [Włodarczak, 2001. P. 108; Włodarczak, 2006. P. 159; Włodarczak, 2017. P. 300; Furholt, 2003. P. 31]. В конце IV тыс. до н.э. в этот ареал проникает КША, а на его границах появляются ямники. В итоге курганы присутствуют в ранних комплексах КШК, поздней КША региона и в Злота. В последней есть южные формы Бадена-Коцофени, позднего Триполья и Усатово [Włodarczak, 2021b. P. 438, 440]. Особенностью Злота является половая дифференциация: мужчины лежат на правом боку головой на северо-запад, а женщины на левом, головой на юго-восток [Häusler, 2014. P. 88]. Тем самым, их лица обращены в южный сектор, как в КШК и группе Животиловка-Волчанское. Еще одной параллелью с этой группой являются погребения в ямах с нишами. Они являются особенностью КШК Малой Польши, где их выявлено более 120, их появление относится к началу фазы II, но типичны и для фазы III (2600–2400/2300 гг. до н.э.). Но ямы с нишами в Злота относятся к 2900–2800 гг. до н.э. Это катакомбы, состоящие из шахт, от которых коридор ведет в овальную или круглую камеру. Мужчины лежат на правом боку, а женщины на левом [Włodarczak, 2006. P. 53–55, 58, 59, 61, 63, 98, 99, 105, 121, 162; Włodarczak, 2017. P. 302, 303]. Катакомбы КШК имеют Т-образную форму, они ближе степным катакомбам СБВ. В это время в юго-восточной Польше появляются элементы среднеднепровской культуры, поэтому предполагается миграция с востока. Но катакомбы Злота разнообразны и в предшествующее время такая конструкция известна в группе Животиловка-Волчанское. Поэтому польские катакомбы происходят из понтийской зоны, но в результате двух разных процессов [Włodarczak, 2021b. P. 441, 446, 449, 450].

Формирование КШК

Существует ранний А-горизонт КШК (около 2900/2800–2750 гг. до н.э.), с подкурганными погребениями, мужчины в правобочной позе головой на запад, а женщины – в левобочной головой на восток [Furholt, 2003. P. 13, 119, 120; Włodarczak, 2006. P. 156; Włodarczak, 2017. P. 293, 294, 306, 307; Литвиненко, 2006. С. 228–231; Häusler, 2014. P. 87, 98]. Поскольку формирование КШК совпадает с проникновением ямников, считается, что их роль в этом значительна. Но в керамике КШК присутствуют черты КВК и КША (кубки, амфоры, шнуровая орнаментация) [Furholt, 2003. P. 119, 124, 125; Häusler, 2014. P. 83, 88, 98; Heyd, 2016. P. 75]. Поэтому некоторые исследователи считали, что КШК своим формированием обязана КВК, культурам боевых топоров Швеции и единичных погребений Дании [Häusler, 2014. P. 114; Клейн, 2017. С. 373]. Поскольку половая дифференциация является важным показателем, были попытки найти ее местные корни. В могильниках КВК Вальтернинбург и Бернбург встречаются правобочные захоронения без керамики и левобочные с керамикой, высказано предположение, что данный обряд возникает в КВК [Furholt, 2003. P. 119, 124]. Но антропологических определений в этих могильниках нет и там встречаются подкурганные захоронения. Они относятся к фазам TRB-MES IV/V, которые датируются около 3300–2800 гг. до н.э. [Müller, 2001. P. 321, 358, 360, 362, 363, 365, 366, 426. Abb. 261], т.е. они синхронны появлению в Балкано-Карпатье энеолитических курганов. Это позволяет допустить контакты степных групп с КВК Германии. На сходство этого обряда с комплексами Животиловка-Волчанское обращали внимание [Heyd, 2021. P. 390] и, с учетом отдельных курганов, это сходство неслучайно. Этим объясняется присутствие элементов и генов КВК в Причерноморье вплоть до Кавказа.

Существует предположение, что кроме КША и КВК, амфоры происходят из традиций баденского круга и уже КША имела контакты со степью. В юго-восточной Польше решающую роль в формировании КШК сыграла Злота и баденские влияния осуществлялись через Злота. Формирование КШК и появление в ней курганного обряда начиналось в юго-восточной части ареала и было связано с

местными субстратами и импульсами из карпато-дунайского региона, а не распространением традиций А-горизонта из центральных областей [Włodarczak, 2006. P. 82, 90, 159; Włodarczak, 2010. P. 309, 318].

Есть ряд черт, на которых основаны представления о ямных миграциях при формировании КШК: курганы, индивидуальные скорченные погребения, ориентированные запад–восток, горшкообразная или кубкообразная посуда со шнуровым или резным орнаментом, простые украшения из меди, зубов и костей животных, значительная доля скотоводства, редкость поселений. Но подобные украшения распространены, а точные керамические параллели отсутствуют. Существуют отличия: в ямной культуре нет половой дифференциации погребенных и амфор. К тому же, культуры синхронны, что затрудняет возможность моделирования их генетической связи. Поэтому некоторые ямные черты в КШК могут быть связаны не с формированием культуры, а с контактами с ямным ареалом Карпатского бассейна [Клейн, 2017. С. 366, 367, 373; Włodarczak, 2017. P. 306, 307; Иванова, Никитин, Киосак, 2018. С. 133; Heyd, 2021. P. 387]. В КШК нет больших курганов, как в ямной культуре. Важным отличием является то, что ямные погребения содержат мало инвентаря и для них характерны скорченные погребения на спине, а для КШК на боку [Włodarczak, 2010. P. 301, 305, 306]. Но погребения на боку характерны для группы Животиловка-Волчанское. Кроме того, для раннего горизонта КШК характерны одиночные подкурганные погребения, как в этой группе, в то время как в буджакской культуре центральное погребение часто дополнено периферийными, расположенными по кругу.

В юго-восточной Польше КШК трансформируется из КША под влиянием импульсов КШК сопредельных районов, а также культуры Злота. Курганы присутствуют с самого начала и наиболее характерны для 2800–2600 гг. до н.э. Скелеты лежат скорченно на спине, реже на боку, и наблюдается половая дифференциация: мужчины на правом боку, женщины – на левом. Погребения на спине связаны с контактами с ямным населением, но курганы и погребения на боку с половой дифференциацией находят параллели в позднеэнеолитических курганах [Włodarczak, 2017. P. 278, 284, 293–298].

Таким образом, основные черты ранней КШК из ямной культуры не выводимы. Они имеют корни в Европе и группе Животиловка-Волчанское. К последним относятся небольшие курганы, одиночные скорченные на боку погребения с половой дифференциацией, погребения с нишами. В начальной фазе распространяется комплекс одиночных погребений под курганами (SGBR). Судя по обряду и генетике, он связан со степью, но не с ямниками, у которых половая дифференциация отсутствует [Häusler, 2014. P. 86; Nordqvist, Heyd, 2020. P. 83, 85]. В юго-восточной Польше на ранней стадии фиксируются контакты с ямниками, которые более выражены позже.

Генетика КШК

Генетическое наследие земледельцев Анатолии размыто в Европе поздними процессами. Их доля увеличивается от Балтики (30 %) к Средиземноморью (90 %). Два других компонента – охотники и собиратели Европы и население Европейской части России и Сибири – более выражены в восточных областях [Балановский, 2015. С. 288, 289, 293]. Вторая закономерность: в ранненеолитических популяциях доминируют анатолийские гены, затем нарастают гены европейских охотников [Tassi et al., 2017. P. 6; Papac et al., 2021. P. 1, 2]. Это означает медленную ассимиляцию местного населения. Ситуация изменилась в позднем неолите и начале РБВ, когда генетический состав сблизился с современным. Выявлено его сходство с генофондом ямной культуры и был сделан вывод о массовой ямной миграции в Европу [Haak et al., 2015; Allentoft et al., 2015]. Это мнение стало доминирующим и этим объясняют ИЕ миграцию из степи. В итоге генофонд КШК на 73 % общий с ямным. Однако, это синхронные культуры, следовательно, сходство восходит к общему субстрату. Кроме того, оно определено на основе аутосомных маркеров, а если обратиться к гаплогруппам, ситуация меняется. У ямников и КШК распространены (60 %) гаплогруппы R1a и R1b, широко представленные в современной Европе, но у мужчин КШК преобладала первая, а у ямников вторая, что не согласуется с огромным «ямным» вкладом в эту популяцию. Кроме того, этот вклад почему-то выше на севере, чем на юге. Карты генетических расстояний с современными популяциями показывают, что с КШК сопоставима вся Европа, а умеренное сходство с ямниками наблюдается лишь на востоке. Поэтому связь этих изменений с ямниками не обоснована, мигрировали популяции, генетически близкие ямной [Балановский, 2015. С. 303–309]. Распространение степных генов в Европе было опосредовано ранними группами, которые смешивались с земледельцами КША [Allentoft et al., 2022. P. 12]. Это соответствует археологическим данным, указывающим на распространение КШК из Польши и ее формирование на основе местных субстратов, в первую очередь КША, и более раннего степного компонента. КША, которая по археологическим данным имела контакты со степными культурами, генетически сопоставима с неолитическими группами [Tassi et al., 2017. P. 1, 5–8]. С формированием КШК в регионе появляются степные предки, составившие до 75 % популяции. Однако, они, судя по Y-хромосомам, не сопоставимы с ямными, хотя это выходцы с востока. Затем в Центральной Европе наблюдается приток генов с северо-востока, прежде всего, женских, что объ-

ясняется какими-то социальными процессами.[5] В итоге формируется генетический набор, схожий с КША и ямной культурой, но с иными примесями [Papac et al., 2021. P. 1–6, 9, 10]. Поэтому малая часть людей КШК может рассматриваться как потомки ямников, большинство – потомки ранних степных групп. Количество степных предков у шнуровиков нарастает позже, что объясняется повторным импульсом или сохранением связей с исходным ареалом [Heyd, 2021. P. 387, 398]. Это видно на примере отдельных регионов: в юго-восточной Польше доля степных предков выше, чем в Нижней Польше [Linderholm et al., 2020. P. 1, 7]. Это объясняется взаимодействием с ямной культурой после формирования КШК, что отражает и археология.

Важная закономерность: степные гены в Центральную Европу привносили мужчины и эта миграция оказала меньшее влияние на мтДНК европейцев. К тому же, она затронула лишь восточную часть Центральной Европы и мало отражена на западе в популяциях ККК [Scorrano et al., 2021]. На западе и в Южной Польше популяции КШК по материнской линии связаны с местным населением, в то время, как в Восточной Прибалтике доля степных генов заметна, что указывает на то, что в миграции КШК в эти регионы принимали участие и женщины [Juras et al., 2018. P. 7, 8; Linderholm et al., 2020. P. 1, 4]. Эта картина соответствует отмеченной археологами диспропорции между мужскими и женскими погребениями. Но это указывает и на то, что при формировании восточных групп КШК большую роль могли играть группы из ямного ареала в Карпатском бассейне.

Отмечен парадокс: на фоне отсутствия в Южной Польше специфических потомков ямной культуры выявлена генетическая близость населения КШК с афанасьевской популяцией [Linderholm et al., 2020. P. 6, 8]. Но последняя сформировалась не в результате ямной миграции на восток. Параллели ее керамического комплекса обнаруживают в позднем энеолите Поволжья, чему соответствуют даты культуры (3700–2500 гг. до н.э.) [Мочалов, 2008. С. 38, 40; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014]. Соответственно, частичное сходство ямной культуры на востоке с афанасьевской объясняется родством энеолитических субстратов. Причина генетического сходства популяций КШК в Южной Польше и афанасьевской культуры та же.

Заключение

Степная энеолитическая популяция содержала до половины генов ирано-кавказских предков, что согласуется с гипотезой об ИЕ прародине на Ближнем Востоке. Майкопский феномен тоже указывает на это. Миграции степных племен V тыс. до н.э. на северо-восток Балкан были незначительны, но присутствие их групп на Нижнем Дунае обеспечило передачу балканских влияний на восток вплоть до Поволжья. Конкретные механизмы этого не ясны, но о миграциях речь не идет. Заметное проникновение в Балкано-Карпатский регион происходит в последней трети IV тыс. до н.э., когда туда пришли степные позднеэнеолитические племена и устанавливается система их взаимодействия с исходным ареалом, которая распространялась вплоть до Северного Кавказа. Эта популяция взаимодействовала с проживавшими севернее Карпат племенами КША и КВК и с северобалканскими группами, что обеспечило потоки на восток культурных традиций и генов.

Следующий этап миграций в Европу начинается на рубеже IV/III тыс. до н.э., когда от Карпат до Приуралья формируется ямная КИО. Это результат интеграции местных энеолитических групп, но в Причерноморье ощутимы влияния европейских культур, можно допускать какие-то движения восточных прото-ямных племен на запад и новые импульсы с Кавказа или Ближнего Востока. Сходные черты обусловлены не только этим, но и распространением новых социальных систем и устойчивыми культурными связями. Представители западного фланга этого объединения (буджакская культура) наиболее интенсивно контактировали с европейским миром и отсюда идут новые более массовые миграции на север Балкан и в Карпато-Дунайский бассейн. Это привело к вытеснению мигрантов первой волны на север (точнее, популяции, сформировавшейся в результате их контактов с местным населением), чем и объясняется тот парадокс, что формирование КШК совпадает по времени с проникновением ямников, но ямные черты и гены в КШК не появляются. КШК формировалась на основе КША и КВК, но включала в себя элементы пред-ямных курганных культур и Бадена. Та роль, которую оказали на формирование КШК традиции единичных курганных погребений, связь этих миграций, преимущественно, с мужской частью популяции, позволяет допускать формирование социальных структур с определенным доминированием этих мигрантов. Но более важным было расширение связей и постоянная подпитка этого процесса с востока.

Таким образом, роль ямной миграции в формировании населения Европы преувеличена. Более правомерно обсуждать формирование степного энеолитического населения в результате миграций с юга и их продвижение в Европу в позднем энеолите. Ямная миграция способствовала этому процессу и дополнила его.

[5] Было продвижение ранней КШК на северо-восток, и обратный поток генов указывает на сохранение связей с исходными ареалами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балановский О.П. Генофонд Европы. М.: КМК, 2015. 354 с.

Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья / Ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 24–56.

Иванова С.В. История населения Северо-Западного Причерноморья в конце IV–III тыс. до н.э. Житомир: Бук-Друк, 2021. 424 с.

Иванова С.В., Никитин А.Г., Киосак Д.В. Маятниковые миграции в Циркумпонтийской степи и Центральной Европе в эпоху палеометалла и проблема генезиса ямной культуры // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 1 (26). С. 101–146.

Клейн Л.С. Ямная, не ямная (обзор современных работ о курганных погребениях Подунавья) // Stratum plus. 2017. № 2. С. 361–378.

Кореневский С.Н., Моргунова Н.Л. К дискуссии о происхождении и культурной принадлежности первых курганов в степях Восточной Европы и Предкавказья // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 3. С. 16–27. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.2

Королев А.И., Ставицкий В.В. Хвалынская культура // Археология Волго-Уралья. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Ред. А.Г. Ситдиков, А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 40–60.

Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: СНУ, 2006. 328 с.

Котова Н.С. Дереивская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев, Харьков: Майдан, 2013. 486 с.

Литвиненко Р.А. Опыт выявления пространственно-семантических структур в погребальном обряде культуры Бабино // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 215–236.

Манзура И.В. Владеющие скипетрами // Stratum plus. 2000. № 2. С. 237–295.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 136–167.

Моргунова Н.Л. О культурном статусе и хронологии памятников репинского типа в Заволжье и Приуралье // Известия СНЦ РАН. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 585–591.

Моргунова Н.Л. Ямная культура между Волгой и Уралом // Археология Волго-Уралья. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Ред. А.Г. Ситдиков, А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 272–295.

Мочалов О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара: СГПУ, 2008. 252 с.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М: Наука, 1987. 416 с.

Недолужко А.В., Булыгина Е.С., Соколов А.С., Цыганкова С.В., Груздева Н.М. Секвенирование полного митохондриального генома древнего человека, представителя новосвободненской культуры, указывает на её возможную связь с культурой воронковидных кубков // Acta Naturae. 2014. № 2 (21). Т. 6. С. 34–39.

Резепкин А.Д. Новосвободенская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XXXVII)

Резепкин А.Д. Майкоп – Новосвободная: общность, этапы, или культуры? // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: СГСПУ, 2020. С. 328–332.

Рындина Н.В. Медные находки Хвалынского I могильника (итоги технологического исследования) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Отв. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 234–256.

Салугина Н.П., Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Крупнотарные сосуды бронзового века Турганикского поселения в Оренбургской области // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 91–98.

Трифонов В.А. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Материалы междунар. науч. конф. (Волгоград, 15–17 апр. 1996 г.). Волгоград: Перемена, 1996. С. 3–5.

Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья эпохи энеолита // Археология Волго-Уралья. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Ред. А.Г. Ситдиков, А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 263–269.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Палеоантропология Волго-Уралья степной и лесостепной зоны эпохи бронзы // Археология Волго-Уралья. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Ред. А.Г. Ситдиков, А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 638–647.

Черных Е.Н. Медь хвалынских могильников и ее параллели (по данным спектроаналитических исследований) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Отв. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 219–233.

Allentoft M. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. № 522. P. 167–172. DOI: https://doi.org/10.1038/nature14507

Allentoft M.E. et al. Population genomics of Stone Age Eurasia // bioRxiv preprint. 2022. DOI: https://doi.org/10.1101/2022.05.04.490594

Anthony D.W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age riders from the Eurasian Steppes shaped the modern world. Princeton: University press, 2007. 568 p.

Anthony D.W., Khokhlov A.A., Agapov S.A., Agapov D.S., Schulting R., Olalde I., Reich D. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River //

Praehistorische Zeitschrift. 2022. Vol. 97. № 1. P. 22–67 DOI: https://doi.org/10.1515/pz-2022-2034

Budziszewski J., Włodarczak P. Die schnurkeramischen Beile aus den kleinpolnischen Gräbern // Dechsel, Axt, Beil & Co-Werkzeug, Waffe, Kultgegenstand? Aktuellesaus der Neolithforschung / Eds. R. Einicke, E. Biermann. Langenweissbach: Beier&Beran, 2011. P. 55–64.

Dani J. Research of Pit–Grave culture kurgans in Hungary in the last three decades // Kurgan Studies. An environmental and archaeological multiproxy study of burial mounds in the Eurasian steppe zone / Eds. Á. Pető, A. Barczi. Oxford: BAR, 2011. P. 25–69.

Frînculeasa A., Preda B., Heyd V. Pit-Graves, Yamnaya and Kurgans along the Lower Danube: Disentangling IVth and IIIrd Millennium BC Burial Customs, Equipment and Chronology // Praehistorische Zeitschrift. 2015. № 90 (1–2). P. 45–113.

Furholt M., 2003, Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südskandinavien, Bonn: Habelt. 283 p.

Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. Indo-European and the Indo-Europeans. Berlin–New York: De Gruyter, 1995. 1274 p.

Gelabert P., Schmidt R.W., Fernandes D.M., Karsten J.K., Harper T.K., Madden G.D., Ledogar S.H., Sokhatsky M., Oota H., Kennett D.J., Pinhasi R. Genomes from Verteba cave suggest diversity within the Trypillians in Ukraine // Scientific Reports. 2022. 12:7242. DOI: https://doi.org/10.1038/s41598-022-11117-8

Gerling C., Banffy E., Dani J., Kohler K., Kulcsar G., Pike A.W.G., Szeverenyi V., Heyd V. Immigration and transhumance in the Early Bronze Age Carpathian Basin: the occupants of a kurgan // Antiquity. 2012. № 86. P. 1097–1111.

Gimbutas M. The prehistory of Eastern Europe. Mesolithic, neolithic and copper age cultures in Russia and the Baltic area. Harvard University Bulletin, 20. Cambridge: Peabody Museum, 1956. 241 p.

Grigoriev S. Ancient Indo-Europeans. Chelyabinsk: Rifei, 2002. 498 p.

Grigoriev S. Archeology, language and genes: the Indo-European perspective // Journal of Indo-European studies. 2021. № 1 & 2. P. 187–230.

Haak W. et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. № 522 (7555). P. 207–211.

Häusler A. Bemerkungen zu den ostlichen Regionalgruppen der schnurkeramischen Becherkulturen // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. 2014. № 94. P. 83–123.

Heyd V. Das Zeitalter der Ideologien: Migration, Interaktion und Expansion im prähistorischen Europa des 4. und 3. Jahrtausends v. Chr. Transitional landscapes: the 3rd millennium BC in Europe // Proceedings of the International Workshop «Socio-Environmental Dynamics over the Last 12,000 Years: The Creation of Landscapes III (15th – 18th April 2013)» in Kiel / Eds. M. Furholt, R. Großmann, M. Szmyt. Bonn, 2016. P. 53–84.

Heyd V. Yamnaya, Corded Wares, and Bell Beakers on the move // Yamnaya interactions. Proceedings of the International Workshop held in Helsinki, 25–26 April 2019 / Eds. V. Heyd, G. Kulcsár, B. Preda-Bălănică. Budapest, 2021. P. 383–414.

Immel A., Țerna S., Simalcsik A., Susat J., Šarov O., Sîrbu G., Hofmann R., Müller J., Nebel A., Krause-Kyora B. Gene-flow from steppe individuals into Cucuteni-Trypillia associated populations indicates longstanding contacts and gradual admixture // Scientific Reports. 2020. 10:4253. DOI: https://doi.org/10.1038/s41598-020-61190-0

Іванова С., Косько О., Влодарчак П. Компонент традиції шнурової кераміки. Амфоры у похованнях ямної культуры північно-західного Причорномор'я // Naddniestrzanskie kompleksy cmentarzysk kurhanowych spolecznosci z III i z pierwszejpolowy II tysiqcleciaprzed Chr. w okolicach Jampola, obwod winnicki. Z badan nadpolnocnozachodniq rubiezq osadnictwa spolecznosci krggu kultur „wczesnobrqzowych" strefypontyjskiej / Eds. A. Kosko, M. Potupczyk, S. Razumow. Poznan: Nauka i Innowacje, 2014. P. 351–386.

Juras A., Chyleński M., Ehler E., Malmström H., Żurkiewicz D., Włodarczak P., Wilk S., Peška J., Fojtík P., Králík M., Libera J., Bagińska J., Tunia K., Klochko V.I., Dabert M., Jakobsson M., Kośko A. Mitochondrial genomes reveal an east to west cline of steppe ancestry in Corded Ware populations // Nature. Scientific Reports. 2018. 8:11603. DOI: https://doi.org/10.1038/s41598-018-29914-5

Kaiser E. Migrationen von Ost nach West. Die Archäologie von Wanderungsbewegungen im 3. Jahrtausend v. Chr. // Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 2016. № 37. P. 31–44.

Kotova N.S. The contacts of the Eastern European steppe people with the Balkan population during the transition period from Neolithic to Eneolithic // Der Schwarzmeerraum vom Neolithikum bis in die Früheisenzeit (6000–600 v. Chr.). Kulturelle Interferenzen in der zirkumpontischen Zone und Kontakte mit ihren Nachbargebieten / Eds. V. Nikolov, W. Schier. Rahden/Westf.: Leidorf, 2016. P. 311–321.

Linderholm A., Kılınç G.M., Szczepanek A., Włodarczak P., Jarosz P., Belka Z., Dopieralska J., Werens K., Górski J., Mazurek M., Hozer M., Rybicka M., Ostrowski M., Bagińska J., Koman W., Rodríguez-Varela R., Storå J., Götherström A., Krzewińska M. Corded Ware cultural complexity uncovered using genomic and isotopic analysis from southeastern Poland // Nature. Scientific Reports. 2020. 10:6885. DOI: https://doi.org/10.1038/s41598-020-63138-w

Manzura I.V. North Pontic steppes at the end of the 4th millennium BC: the epoch of broken borders // Man, Culture and Society from the Copper Age until the Early Iron Age in Northern Eurasia / Eds. A. Zanoci et al. Chisinău: Tyragetia International, 2016. P. 149–171.

Mathieson I. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // Nature. 2015. № 528. P. 499–503.

Mathieson I. et al. The genomic history of southeastern Europe // Nature. 2018. № 555 (7695). P. 197–203. DOI: https://doi.org/10.1038/nature25778

Müller J. Soziochronologische Studien zum Spätneolithikum im Mittelelbe-Saale-Gebiet (4100–2700 v. Chr.). Rahden: Leidorf, 2001. 620 p.

Nordqvist K., Heyd V. The forgotten child of the wider Corded Ware family: Russian Fatyanovo Culture in context // Proceedings of the Prehistoric Society. 2020. № 86. P. 65–93. DOI: https://doi.org/10.1017/ppr.2020.9

Papac L. et al. Dynamic changes in genomic and social structures in third millennium BCE central Europe // Science Advances. 2021. № 7. eabi6941. DOI: https://doi.org/10.1126/sciadv.abi6941

Poulmarc'h M., Le Mort F. Diversification of the funerary practices in the Southern Caucasus from the Neolithic to the Chalcolithic // Quaternary International. 2016. № 395. P. 184–193. DOI: https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.04.040

Rassamakin Yu. The main directions of the development of early pastoral societies of Northern Pontic zone: 4500–2450 B.C. (Pre-Yamnaya cultures and Yamnaya culture) // Baltic-Pontic Studies. 1994. Vol. 2. P. 29–70.

Rassamakin Yu. Eneolithic Burial Mounds in the Black Sea Steppe: from the First Burial Symbols to Monumental Ritual Architecture // Ancestral Landscape. Burial mounds in the Copper and Bronze Ages (Central and Eastern Europe – Balkans – Adriatic – Aegean, 4th–2nd millennium B.C.). Proceedings of the International Conference held in Udine, May 15th–18th 2008. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2012. P. 293–305.

Scorrano G., Yediay F.E., Pinotti T., Feizabadifarahani M., Kristiansen K. The genetic and cultural impact of the Steppe migration into Europe // Annals of Human Biology. 2021. № 48/3. P. 223–233. DOI: https://doi.org/10.1080/03014460.2021.1942984

Tassi F. et al. Genome diversity in the Neolithic Globular Amphorae culture and the spread of Indo-European languages // Proceedings of the Royal Society B. 2017. № 284: 20171540. DOI: http://dx.doi.org/10.1098/rspb.2017.1540

Wang Chuan-Chao et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature communications. 2019. DOI: https://doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8

Włodarczak P. The Absolute Chronology of the Poland // Die absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000–2000 v. Chr. / Eds. J. Czebreszuk, J. Müller. Poznań–Bamberg–Rahden: Leidorf, 2001. P. 103–129.

Włodarczak P. Kultura ceramiki sznurowej na Wyżynie Małopolskiej, Krakow: Institute of Archaeology and Ethnology, 2006. 346 p.

Włodarczak P. Dunajski szlak kultury grobów jamowych a problem genezy kultury ceramiki sznurowej // Mente et rutro. Studia archeologica Johanni Machnik viro doctissimo octogesimo vitae anno ab amicis, collegis et discipulis oblata. Rzeszów: Archaeologica Ressoviensis, 2010. P. 299–325.

Włodarczak P. Die Gliederung der Schnurkeramik im Zürcher Raum und in Mitteleuropa – Probleme der Synchronisation // Antiqua. 2012. Vol. 50. P. 127–138.

Włodarczak P. Battle-axes and beakers. The Final Eneolithic societies // The past societies. 5500 – 2000 bc. Polish lands from the first evidence of human presence to the early Middle Ages / Ed. P. Urbańczyk. Warszawa: Institute of Archaeology and Ethnology, 2017. P. 275–336.

Włodarczak P. Eneolithic and Early Bronze Age barrows in Vojvodina // Danubian route of the Yamnaya culture. The barrows of Vojvodina / Eds. P. Jarosz, J. Koledin, P. Włodarczak. Budapest: Archaeolingua, 2021a. P. 215–256.

Włodarczak P. Eastern impulses in cultural and demographic change during the end of the southeastern Polish Eneolithic // Yamnaya interactions. Proceedings of the International Workshop held in Helsinki, 25–26 April 2019 / Eds. V. Heyd, G. Kulcsár, B. Preda-Bălănică. Budapest: Archaeolingua, 2021b. P. 435–462.

REFERENCES

Balanovskii, O.P. 2015, *European gene pool*. KMK, Moscow, 354 p. (In Russ.)

Vasiliev, I.B. 1979, "The Middle Volga Region in the Early and Middle Bronze Age", *Drevnyaya istoriya Povolzh'ya* ("Ancient History of the Volga Region"), KGPI, Samara, pp. 24–56. (In Russ.)

Ivanova, S.V. 2021, *The history of the population of the North-Western Black Sea region at the end of the 4th – 3rd millennium BC*. Buk-Druk, Zhitomir, 424 p. (In Russ.)

Ivanova, S.V., Nikitin, A.G., Kiosak, D.V. 2018, "Pendulum migrations in the Circumpontic steppe and Central Europe in the era of paleometal and the problem of the Yamnaya culture origins", *Archeology and old history of Ukraine*, no. 1(26), pp. 101–146. (In Russ.)

Klein, L.S. 2017, "Yamnaya, not Yamnaya (review of modern works on barrow burials of the Danube region)", *Stratum plus*, no. 2, pp. 361–378. (In Russ.)

Korenevsky, S.N., Morgunova, N.L. 2022, "To the discussion about the origin and cultural affiliation of the first barrows in the steppes of Eastern Europe and Ciscaucasia", *Science Journal of Volgograd State*

University. History. Area Studies. International Relations, vol. 27, no. 3, pp. 16–27. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.2

Korolev, A.I., Stavitsky, V.V. 2021, "Khvalynsk culture", *Arheologiya Volgo-Ural'ya. T. 2. Eneolit i bronzovyj vek* ("Archeology of the Volga-Urals region. Vol. 2. Chalcolithic and Bronze Age"), AN RT, Kazan, pp. 40–60. (In Russ.)

Kotova, N.S. 2006, *Early Chalcolithic of the steppe Dnieper and Sea of Azov*. SNU, Lugansk, 328 p. (In Russ.)

Kotova, N.S. 2013, *Dereivka culture and sites of the Nizhnemikhailovsky type*. Maidan, Kyiv, Kharkov, 486 p. (In Russ.)

Litvinenko, R.A. 2006, "An attempt to reveal spatial-semantic structures in the funeral rite of the Babino culture", *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arkheologii* ("Structural and semiotic studies in archaeology"), vol. 3, DonNU, Donetsk, pp. 215–236. (In Russ.)

Manzura, I.V. 2000, "Owning the scepters", *Stratum plus*, no. 2, pp. 237–295. (In Russ.)

Molodin, V.I., Epimakhov, A.V., Marchenko, Zh.V. 2014, "Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and the South of Western Siberia: principles and approaches, achievements and challenges", *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, no. 13(3), pp. 136–167. (In Russ.)

Morgunova, N.L. 2014, "On the cultural status and chronology of the Repin culture sites in the Trans-Volga and Urals regions", *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, no. 16, 3(2), pp. 585–591. (In Russ.)

Morgunova, N.L. 2021, "The Yamnaya culture between the Volga and the Urals", *Arheologiya Volgo-Ural'ya. T. 2. Eneolit i bronzovyj vek* ("Archeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Chalcolithic and Bronze Age"), AN RT, Kazan, pp. 272–295. (In Russ.)

Mochalov, O.D. 2008, *Ceramic assemblages from the Bronze Age burial sites in the forest-steppe of the Volga-Ural interfluve*. SGPU, Samara, 252 p. (In Russ.)

Munchaev, R.M. 1987, *Caucasus at the beginning of the Bronze Age*. Nauka, Moscow, 416 p. (In Russ.)

Nedoluzhko, A.V., Bulygina, E.S., Sokolov, A.S., Cygankova, S.V., Gruzdeva, N.M. 2014, "Sequencing of the complete mitochondrial genome of ancient man of the Novosvobodnaya culture, indicates its possible connection with the Funnel Beaker culture", *Acta Naturae*, no. 2 (21), vol. 6, pp.34–39. (In Russ.)

Rezepkin, A.D. 2012, *Novosvobodenskaya culture (based on the materials from the "Klady" burial ground)*. Nestor, Sankt-Peterburg, 344 p. (In Russ.)

Rezepkin, A.D. 2020, "Maikop – Novosvobodnaya: community, stages, or cultures?", *Trudy VI (XXII) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Samare* ("Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara"), SGSPU, Samara, pp. 328–332. (In Russ.)

Ryndina, N.V. 2010, "Copper finds of the Khvalynsk 1 cemetery (results of a technological study)", *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov* ("Khvalynsk Chalcolithic cemeteries and the Khvalynsk Chalcolithic culture. Materials research"), Povolzh'e, Samara, pp. 234–256. (In Russ.)

Salugina, N.P., Morgunova, N.L., Turetsky, M.A. 2016, "Large Bronze Age vessels from the Turganik settlement in the Orenburg oblast", *Samara Journal of Science*, no. 4 (17), pp. 91–98. (In Russ.)

Trifonov, V.A. 1996, "The Repin culture and the process of the formation of the Yamnaya cultural and historical community", *Drevnosti volgo-donskih stepej v sisteme evropejskogo bronzovogo veka. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Volgograd, 15–17 apr. 1996 g.)* ("Antiquities of the Volga-Don steppes in the system of the European Bronze Age. Proceedings of the international scientific conference. (Volgograd, April 15–17, 1996)"), Peremena, Volgograd, pp. 3–5. (In Russ.)

Khokhlov, A.A. 2021, "Paleoanthropology of the Volga-Urals in the Chalcolithic period", *Arheologiya Volgo-Ural'ya. T. 2. Eneolit i bronzovyj vek* ("Archeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Chalcolithic and Bronze Age"), AN RT, Kazan, pp. 263–269. (In Russ.)

Khokhlov, A.A., Kitov, E.P. 2021, "Paleoanthropology of the steppe and forest-steppe zone of the Volga-Urals region in the Bronze Age", *Arheologiya Volgo-Ural'ya. T. 2. Eneolit i bronzovyj ve*k ("Archeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Chalcolithic and Bronze Age"), AN RT, Kazan, pp. 638–647. (In Russ.)

Chernykh, E.N. 2010, "Copper from the Khvalynsk cemeteries and its parallels (according to spectral analyses)", *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov* ("Khvalynsk Chalcolithic cemeteries and the Khvalynsk Chalcolithic culture. Materials Research"), Povolzh'e, Samara, pp. 219–233. (In Russ.)

Allentoft, M. et al. 2015, "Population genomics of Bronze Age Eurasia", *Nature*, no. 522, pp. 167–172. DOI: https://doi.org/10.1038/nature14507

Allentoft, M.E. et al. 2022, "Population genomics of Stone Age Eurasia", *BioRxiv* preprint DOI: https://doi.org/10.1101/2022.05.04.490594

Anthony, D.W. 2007, *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age riders from the Eurasian Steppes shaped the modern world*. University press, Princeton, 568 p.

Anthony, D.W., Khokhlov, A.A., Agapov, S.A., Agapov, D.S., Schulting, R., Olalde, I., Reich, D. 2022, "The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River", *Praehistorische Zeitschrift*, vol. 97, no. 1, pp. 22–67. DOI: https://doi.org/10.1515/pz-2022-2034

Budziszewski, J., Włodarczak, P. 2011, "Die schnurkeramischen Beile aus den kleinpolnischen Gräbern", *Dechsel, Axt, Beil & Co-Werkzeug, Waffe, Kultgegenstand, Aktuellesaus der Neolithforschung*, Beier&Beran, Langenweissbach, pp. 55–64.

Dani, J. 2011, "Research of Pit–Grave culture kurgans in Hungary in the last three decades", *Kurgan Studies. An environmental and archaeological multiproxy study of burial mounds in the Eurasian steppe zone*, BAR, Oxford, pp. 25–69.

Frînculeasa, A., Preda, B., Heyd, V. 2015, "Pit-Graves, Yamnaya and Kurgans along the Lower Danube: Disentangling IVth and IIIrd Millennium BC Burial Customs, Equipment and Chronology", *Praehistorische Zeitschrift*, no. 90(1–2), pp.45–113.

Furholt, M. 2003, *Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südskandinavien*. Habelt, Bonn, 283 p.

Gamkrelidze, T.V., Ivanov, V.V. 1995, *Indo-European and the Indo-Europeans. De Gruyter*. De Gruyter, Berlin-New York, 1274 p.

Gelabert, P., Schmidt, R.W., Fernandes, D.M., Karsten, J.K., Harper, T.K., Madden, G.D., Ledogar, S.H., Sokhatsky, M., Oota, H., Kennett, D.J., Pinhasi, R. 2022, "Genomes from Verteba cave suggest diversity within the Trypillians in Ukraine", *Scientific Reports*, 12:7242. DOI: https://doi.org/10.1038/s41598-022-11117-8.

Gerling, C., Banffy, E., Dani, J., Kohler, K., Kulcsar, G., Pike, A.W.G., Szeverenyi, V., Heyd, V. 2012, "Immigration and transhumance in the Early Bronze Age Carpathian Basin: the occupants of a kurgan", *Antiquity*, no. 86, pp. 1097–1111.

Gimbutas, M. 1956, *The prehistory of Eastern Europe. Mesolithic, neolithic and copper age cultures in Russia and the Baltic area*. Peabody Museum, Cambridge, 241 p.

Grigoriev, S. 2002, *Ancient Indo-Europeans*. Rifei, Chelyabinsk, 498 p.

Grigoriev, S. 2021, "Archeology, language and genes: the Indo-European perspective", *Journal of Indo-European studies*, no. 1 & 2, pp. 187–230.

Haak, W. et al. 2015, "Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe", *Nature*, no. 522 (7555), pp. 207–211.

Häusler, A. 2014, "Bemerkungen zu den ostlichen Regionalgruppen der schnurkeramischen Becherkulturen", *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*, no. 94, pp. 83–123.

Heyd, V. 2016, "Das Zeitalter der Ideologien: Migration, Interaktion und Expansion im prähistorischen Europa des 4. und 3. Jahrtausends v. Chr. Transitional landscapes: the 3rd millennium BC in Europe", *Proceedings of the International Workshop "Socio-Environmental Dynamics over the Last 12,000 Years: The Creation of Landscapes III (15th – 18th April 2013)" in Kiel,* Bonn, pp. 53–84.

Heyd, V. 2021, "Yamnaya, Corded Wares, and Bell Beakers on the move", *Yamnaya interactions. Proceedings of the International Workshop held in Helsinki, 25–26 April 2019*, Budapest, pp. 383–414.

Immel, A., Țerna, S., Simalcsik, A., Susat, J., Šarov, O., Sîrbu, G., Hofmann, R., Müller, J., Nebel, A., Krause-Kyora, B. 2020, "Gene-flow from steppe individuals into Cucuteni-Trypillia associated populations indicates longstanding contacts and gradual admixture", *Scientific Reports,* 10:4253. DOI: https://doi.org/10.1038/s41598-020-61190-0.

Ivanova, S., Kos'ko, O., Włodarczak, P. 2014, "Component of the Corded Ware traditions. Amphorae in burials of Yamnaya culture in the North-west Pontic", *Naddniestrzanskie kompleksy cmentarzysk kurhanowych spolecznosci z III i z pierwszejpolowy II tysiqcleciaprzed Chr. w okolicach Jampola, obwod winnicki. Z badan nadpolnocno-zachodniq rubiezq osadnictwa spolecznosci krggu kultur „wczesnobrqzowych" strefypontyjskiej*, Nauka i innowacje, Poznan, pp. 351–386.

Juras, A., Chyleński, M., Ehler, E., Malmström, H., Żurkiewicz, D., Włodarczak, P., Wilk, S., Peška, J., Fojtík, P., Králík, M., Libera, J., Bagińska, J., Tunia, K., Klochko, V.I., Dabert, M., Jakobsson, M., Kośko, A. 2018, "Mitochondrial genomes reveal an east to west cline of steppe ancestry in Corded Ware populations", *Nature. Scientific Reports*, 8:11603. DOI: https://doi.org/10.1038/s41598-018-29914-5.

Kaiser, E. 2016, "Migrationen von Ost nach West. Die Archäologie von Wanderungsbewegungen im 3. Jahrtausend v. Chr.", *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, no. 37, pp. 31–44.

Kotova, N.S. 2016, "The contacts of the Eastern European steppe people with the Balkan population during the transition period from Neolithic to Eneolithic", *Der Schwarzmeerraum vom Neolithikum bis in die Früheisenzeit (6000–600 v. Chr.). Kulturelle Interferenzen in der zirkumpontischen Zone und Kontakte mit ihren Nachbargebieten*, Leidorf, Rahden/Westf, pp. 311–321.

Linderholm, A., Kılınç, G. M., Szczepanek, A., Włodarczak, P., Jarosz, P., Belka, Z., Dopieralska, J., Werens, K., Górski, J., Mazurek, M., Hozer, M., Rybicka, M., Ostrowski, M., Bagińska, J., Koman, W., Rodríguez-Varela, R., Storå, J., Götherström, A., Krzewińska, M. 2020, "Corded Ware cultural complexity uncovered using genomic and isotopic analysis from southeastern Poland", *Nature. Scientific Reports*, 10:6885. DOI: https://doi.org/10.1038/s41598-020-63138-w.

Manzura, I.V. 2016, "North Pontic steppes at the end of the 4th millennium BC: the epoch of broken borders", *Man, Culture and Society from the Copper Age until the Early Iron Age in Northern Eurasia*, Tyragetia International, Chisinău, pp. 149–171.

Mathieson, I. et al. 2015, "Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians", *Nature*, no. 528, pp.499–503.

Mathieson, I. et al. 2018, "The genomic history of southeastern Europe", *Nature*, no. 555(7695), pp. 197–203. DOI: https://doi.org/10.1038/nature25778.

Müller, J. 2001, *Soziochronologische Studien zum Spätneolithikum im Mittelelbe-Saale-Gebiet (4100 – 2700 v. Chr.)*. Leidorf, Rahden, 620 p.

Nordqvist, K., Heyd, V. 2020, "The forgotten child of the wider Corded Ware family: Russian Fatyanovo Culture in context", *Proceedings of the Prehistoric Societ*y, no. 86, pp. 65–93. DOI: https://doi.org/10.1017/ppr.2020.9.

Papac, L. et al. 2021, "Dynamic changes in genomic and social structures in third millennium BCE central Europe", *Science Advances*, no. 7, eabi6941. DOI: https://doi.org/10.1126/sciadv.abi6941.

Poulmarc'h, M., Le Mort, F. 2016, "Diversification of the funerary practices in the Southern Caucasus from the Neolithic to the Chalcolithic", *Quaternary International*, no. 395, pp. 184–193. DOI: https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.04.040.

Rassamakin, Y. 1994, "The main directions of the development of early pastoral societies of Northern Pontic zone: 4500–2450 B.C. (Pre-Yamnaya cultures and Yamnaya culture)", *Baltic-Pontic Studies*, vol. 2, pp. 29–70.

Rassamakin, Y. 2012, "Eneolithic Burial Mounds in the Black Sea Steppe: from the First Burial Symbols to Monumental Ritual Architecture", *Ancestral Landscape. Burial mounds in the Copper and Bronze Ages (Central and Eastern Europe – Balkans – Adriatic – Aegean, 4th–2nd millennium B.C.). Proceedings of the International Conference held in Udine, May 15th–18th 2008*, Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, Lyon, pp. 293–305.

Scorrano, G., Yediay, F.E., Pinotti, T., Feizabadifarahani, M., Kristiansen, K. 2021, "The genetic and cultural impact of the Steppe migration into Europe", *Annals of Human Biology*, no. 48/3, pp. 223–233. DOI: https://doi.org/10.1080/03014460.2021.1942984.

Tassi, F. et al. 2017, "Genome diversity in the Neolithic Globular Amphorae culture and the spread of Indo-European languages", *Proceedings of the Royal Society* B, no. 284:20171540. DOI: http://dx.doi.org/10.1098/rspb.2017.1540.

Wang, Chuan-Chao et al. 2019, "Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions", *Nature communications.* DOI: https://doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8.

Włodarczak, P. 2001, "The Absolute Chronology of the Poland", *Die absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000–2000 v. Chr*, Leidorf, Poznań–Bamberg–Rahden, pp. 103–129.

Włodarczak, P. 2006, *Kultura ceramiki sznurowej na Wyżynie Małopolskiej*. Institute of Archaeology and Ethnology, Krakow, 346 p.

Włodarczak, P. 2010, "Dunajski szlak kultury grobów jamowych a problem genezy kultury ceramiki sznurowej", *Mente et rutro. Studia archeologica Johanni Machnik viro doctissimo octogesimo vitae anno ab amicis, collegis et discipulis oblate,* Archaeologica Ressoviensis, Rzeszów, pp. 299–325.

Włodarczak, P. 2012, "Die Gliederung der Schnurkeramik im Zürcher Raum und in Mitteleuropa – Probleme der Synchronisation", *Antiqua*, vol. 50, pp. 127–138.

Włodarczak, P. 2017, "Battle-axes and beakers. The Final Eneolithic societies", *The past societies. 5500 – 2000 bc. Polish lands from the first evidence of human presence to the early Middle Ages*, Institute of Archaeology and Ethnology, Warszawa, pp. 275–336.

Włodarczak, P. 2021a, "Eneolithic and Early Bronze Age barrows in Vojvodina", *Danubian route of the Yamnaya culture. The barrows of Vojvodina*, Archaeolingua, Budapest, pp. 215–256.

Włodarczak, P. 2021b, "Eastern impulses in cultural and demographic change during the end of the south-eastern Polish Eneolithic", *Yamnaya interactions. Proceedings of the International Workshop held in Helsinki, 25–26 April 2019*, Archaeolingua, Budapest, pp. 435–462.

Сведения об авторе

Станислав Аркадьевич Григорьев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: stgrig@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6633-8686

Information About the Author

Stanislav A. Grigoriev, Ph.D., Senior Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, Russian Federation, Chelyabinsk. E-mail: stgrig@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6633-8686

УДК 902.652/903.05 (470.57)
ББК 63.4стд1-411 (235.5)

CC BY

Дата поступления статьи: 09.08.2022
Дата принятия статьи: 21.09.2022

КОВАНЫЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ ИЗ С. МИЛОВКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АБАШЕВСКОЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ

Владимир Юрьевич Луньков
Институт археологии РАН, Москва, Россия
E-mail: vlunkov69@yandex.ru

Юлия Владимировна Лунькова
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Сергей Владимирович Кузьминых
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Любовь Болеславовна Орловская
Институт археологии РАН, Москва, Россия

Николай Борисович Щербаков
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа, Россия

Ия Александровна Шутелева
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа, Россия

Аннотация. Статья посвящена публикации кованого наконечника копья, случайно обнаруженного в селе Миловка Уфимского района Башкортостана. По морфологическим показателям он полностью соответствует другим экземплярам разряда КД-2 и наиболее близок наконечнику из Турбинского могильника. Приведена графическая реконструкция этапов его изготовления, которая опирается на металлографический анализ кованых наконечников разряда КД-4, проведенного А.Д. Дегтяревой, и литейные формы с негативами орудий, формовавшихся кузнечной ковкой после отливки. Все наконечники КД-2 изготовлены из мышьяковой бронзы, а небольшое количество цинка (0,32 %) в миловском экземпляре указывает на связь его металла с медно-цинковыми месторождениями Южного Зауралья. В системе радиоуглеродной хронологии наконечники копий разряда КД-2 могут быть отнесены к древностями XX в. до н.э. с возможным удревнением нижней границы их бытования до конца XXI в. до н.э. Сравнительный анализ материалов рубежа эпох средней и поздней бронзы Волго-Уралья позволяет синхронизировать часть сейминско-турбинских, не самые поздние средневолжские и развитого этапа волго-уральские абашевские и ранние синташтинские памятники, а их бытование отнести ко времени, предшествующему и синхронному началу «колесничего горизонта» эпохи поздней бронзы (XX–XVII вв. до н.э.).

Ключевые слова: Волго-Уралье, металлообработка, кованые наконечники копий, абашевская общность, сейминско-турбинский феномен, синташтинская культура

Цитирование. Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б., Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., 2022. Кованый наконечник копья из с. Миловка и некоторые вопросы абашевской металлообработки // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 211–226. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.003

Благодарности. Исследование выполнено по госзаданию Института археологии РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9)

UDC 902.652/903.05 (470.57)
LBC 63.4стд1-411 (235.5)

Submitted: 09.08.2022
Accepted: 21.09.2022

FORGED SPEARHEAD FROM MILOVKA VILLAGE AND CERTAIN QUESTIONS OF ABASHEVO METALWORKING

Vladimir Y. Lun'kov
The Institute of Archaeology of the RAS, Moscow, Russia
E-mail: vlunkov69@yandex.ru

YuliaV. Lun'kova
The Institute of Archaeology of the RAS, Moscow, Russia

Sergey V. Kuzminykh
The Institute of Archaeology of the RAS, Moscow, Russia

Lyubov B. Orlovskaya
The Institute of Archaeology of the RAS, Moscow, Russia

Nikolai B. Shcherbakov
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Ufa, Russia

Iia A. Shuteleva
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Ufa, Russia

Abstract. A unique forged spear head was found in Milovka Village (Ufimsky District, the Republic of Bashkortostan). Typological and ornamental details make it appear similar to the spearhead series (class KD-2) dated late Middle or early Late Bronze Age (Turbino, Korshunovo, Verkhne-Kizilskiy, Khalvay III, Osh-Pando) and found within Balanovo, Abashevo, Seima-Turbino and Sintashta Cultures' monuments. The Milovka spearhead, just like other KD-2 items, was made of arsenical bronze. It is the most common recipe for alloys in Abashevo, Sintashta and other Seima-Turbino manufacturing areas. The manufacturing technology of these spearheads relied on casting + formational forging. After casting blanks were forged into a thick triabgle plate. The next stage was to form the blade and the socket. Before rolling the socket, they cut triangles at the end of the forged blanked. After rolling the triangles formed a 'coupler'. The body was punch-pierced with a long-triangle pattern. The Milovka spearhead can be dated, if compared to dates of 14C assigned to archaeological cultures found with KD-2 items. It should be within 21–20 century BC. The Milovka spearhead probably belongs to the Abashevo Culture. The forged KD-2 spearheads are distinctive for the final stage of metalworking dated back to the Middle Bronze Age in Volga-Urals region. This period precedes the beginning of 'chariot' cultures dated the Late Bronze Age (20–17 century BC) (Sintashta, Potapovka, Pokrovka).

Keywords: Ural-Volga region, metalworking, forged spearhead, Abashevo community, Seima-Turbino phenomenon, Sintashta culture

Citation. Lun'kov V.Y., Lun'kova Y.V., Kuzminykh S.V., Orlovskaya L.B., Shcherbakov N.B., Shuteleva I.A., 2022. The forged spearhead from v. Milovka and some issues of Abashevo metalworking. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 211–226. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.003

Acknowledgements. The study was carried out under the state order of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences "An interdisciplinary approach to the study of the formation and development of ancient and medieval anthropogenic ecosystems" (No. НИОКТР 122011200264-9)

На рубеже эпох средней и поздней бронзы в Волго-Уралье и на прилегающих территориях по обе стороны Уральского хребта появляется и формируется целый ряд культурных образований, выделяющихся высоким уровнем металлургии и металлообработки. Наиболее многочисленные находки медных и бронзовых изделий происходят из комплексов сейминско-турбинского типа, памятников абашевской общности, синташтинской, петровской и раннесрубной (покровской) культур. Во взаимодействии этих культурных образований и связанных с ними производственных центров намечается ранняя фаза Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции [Черных, Кузьминых, 1989. С. 219–224; Черных, 2007. С. 71–86; Кузьминых, Дегтярева, 2012. С. 219–238].

Анализ минерального сырья, рецептуры сплавов, технологии изготовления, морфологических и функциональных особенностей металлического инвентаря позволяет выделить самобытные черты металлокомплексов культур фазы сложения ЗАМП и обратить внимание на предметы, свидетельствующие о тесных связях этих культурных образований. Одной из таких ярко выраженных категорий изделий являются кованые орнаментированные наконечники копий – уникальные образцы кузнечного мастерства конца III – начала II тыс. до н.э.

История находки.
Морфологическая характеристика

В 2011 г. коллекция подобных наконечников пополнилась находкой из с. Миловка (Уфимский р-н Республики Башкортостан). Учитель истории средней школы с. Миловка А.И. Андрианов передал ее уфимским археологам Н.Б. Щербакову и И.А. Шутелевой, которые доставили наконечник для аналитического исследования в лабораторию естественнонаучных методов Института археологии РАН. Данный наконечник хранился в кабинете истории старого здания сельской школы. История нахождения наконечника была связана, со слов учителя, со строительством дамбы пруда на ручье Лазоревый, расположенном в центре с. Миловка, поблизости от старого здания школы. Какое-то время наконечник использовался для взрыхления комнатных растений в школе и был воткнут в цветочную кадушку. В настоящее время он хранится в Национальном музее Республики Башкортостан.

Цель настоящей статьи – ввести наконечник копья из Миловки в научный оборот, познакомить коллег с результатами визуального и лабораторного изучения данного экземпляра и определить его место среди аналогичных образцов рубежа среднего и позднего бронзового веков.

Наконечник копья представляет собой покрытое патиной целое, но деформированное изделие (рис. 1). Изогнутый профиль пера и втулки, искривленное острие, сквозные широкие трещины и вмятины на разомкнутой стороне нижней части втулки – результат преднамеренных действий по приведению копья в негодность, явно совершенных еще в древности.

[1] Название села известно исследователям в связи с обнаружением в 1872 г. в его окрестностях клада металлических изделий, состоявшего из шести серпов, топора и долота [Археологическая…, 1976. С. 70]. Описываемый наконечник копья не имеет отношения к данному кладу. Пункт его обнаружения не связан непосредственно с местом локализации клада. По своему морфологическому облику предметы клада относятся к срубной культурно-исторической общности.

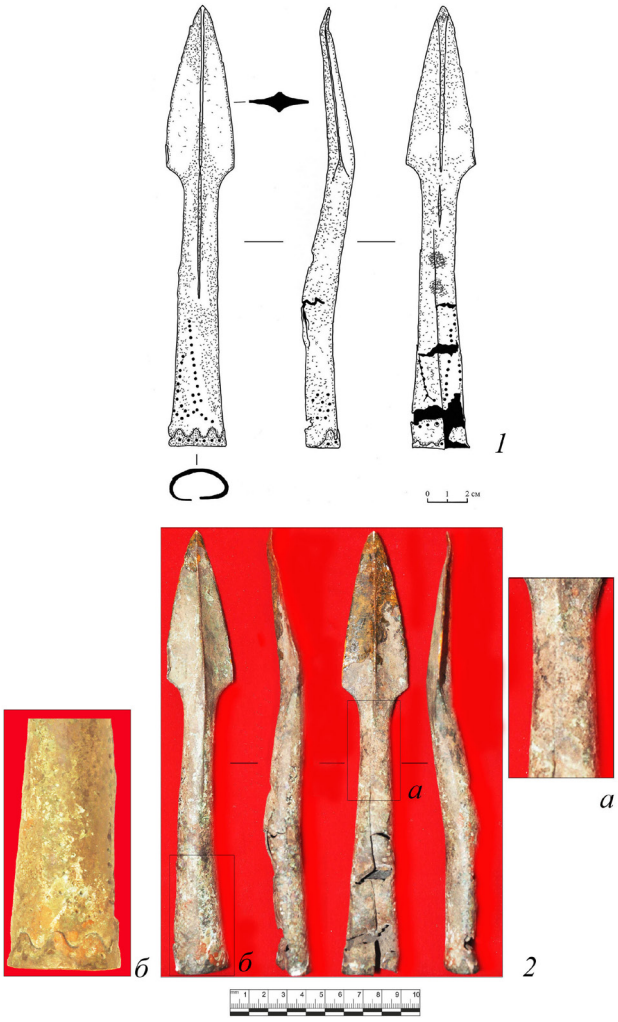

Рис. 1. Наконечник копья из с. Миловка. *1* – рисунок (выполнен Н.Б. Щербаковым); *2* – фотография: *а* – шов на месте сварки краев втулки (увеличено), *б* – детали втулки

Fig. 1. Forged spearhead from the village of Milovka. *1* – drawing (by N.B. Shcherbakov); *2* – photograph: *a* – socket edge weld (magnified), *б* – socket details

Наконечник имеет короткое подтреугольное перо ромбического сечения с хорошо выраженными с обеих сторон посередине пера ребрами жесткости, заходящими на верхнюю часть втулки, длинную кованую разомкнутую орнаментированную втулку округлого сечения с двумя противолежащими отверстиями.[2] Боковые края верхней части втулки частично сварены между собой, упираясь в ребро жесткости, а нижние загнуты наружу в виде выпуклой зигзагообразной манжеты и обрублены (рис. 1, *2б*). Чеканом достаточно небрежно выполнен орнамент в виде пуансонных точечных углублений: горизонтальная линия на манжете – по точке в каждом треугольнике, горизонтальный зигзаг поверх манжеты и три узких длинных вертикальных треугольника в нижней половине втулки.

Общая длина наконечника (с учетом искривления острия) – 23,1 см, длина пера – 8,3 см, длина втулки – 14,8 см. Начиная с основания пера, втулка частично заварена на протяжении около 4,5 см (рис. 1, 2*а*). Остальная ее часть осталась несомкнутой. Наибольшая ширина пера – 3,5 см, максимальный диаметр устья втулки – 2,5–2,7 см, полая глубина втулки – 13,4 см. Толщина пера варьирует от 1,3 см в основании до 0,6 см на сгибе острия.

Культурная принадлежность

По морфологическим признакам наконечник копья из Миловки относится к разряду КД-2, выделенному в серии кованых сейминско-турбинских (СТ) образцов [Черных, Кузьминых, 1989. С. 64]. Помимо миловского, к этому разряду относятся еще четыре экземпляра (рис. 2). Два из них происходят из СТ-комплексов – м. 82 Турбинского I могильника [Бадер, 1964. С. 63. Рис. 40; Черных, Кузьминых, 1989. С. 64. Рис. 24, *1*], Коршуновского «клада»[3] [Черных, Кузьминых, 1989. С. 64. Рис. 24, *2*] и связываются с абашевской традицией металлообработки [Черных, Кузьминых, 1989. С. 64].

Один наконечник входил в состав Верхне-Кизильского клада, обнаруженного в слое Мало-Кизильского селища волго-уральской абашевской культуры.[4] Клад, по мнению исследователей, относится ко времени существования и гибели памятника [Сальников, 1967. С. 40. Рис. 6, *8*; Епимахов, 2003. Рис. 6; и др.].

Наиболее южная и удаленная от абашевского ареала находка происходит из комплекса ямы 1 могильника Халвай III синташтинской культуры Северо-Западного Казахстана и рассматривается как абашевский импорт [Шевнина, Логвин, 2015. С. 102–104. Рис. 17, *1*; Дегтярева, Кузьминых, 2022. С. 164].

Не вызывает сомнения, что и миловский экземпляр относится к абашевским древностям. Этому не противоречат его морфологические данные и место обнаружения в ареале волго-уральской абашевской культуры (ВУАК).

[2] Нижняя часть втулки подверглась наибольшим разрушениям и границы отверстий сохранились лишь частично. Судя по аналогичным, но лучшей сохранности экземплярам, отверстия на миловском наконечнике также имели округлую форму.

[3] Ряд авторов включают Коршуновский «клад» в состав абашевских древностей, отмечая в его составе СТ-изделия [Бочкарев, 2017. С. 169. Табл. 1-А; Кузьмина, 2021. С. 448]. Для целей данной работы отнесение его к сейминско-турбинским или абашевским материалам не имеет принципиального значения, т.к. разряд КД-2 включает в себя наконечники всей свиты культур ранней фазы ЗАМП.

[4] Бесспорно абашевские памятники, обнаруженные на обширной территории от Самарского Левобережья до Зауралья и от горнолесных районов Среднего Урала до южноуральских степей, разными авторами именуются как баланбашские, волго-уральские, приуральские и южноуральские. Во всех случаях речь идет об одной и той же культурной группе, а приводимые названия показывают традиционное для абашевских культур наименование по месту их обнаружения, отражая степень изученности в тот или иной период времени и приоритеты авторской интерпретации. Исходя из того, что основной массив памятников находится между Волгой, Камой и Уральскими горами [Кузьмина, 2021. Рис. 1], вполне возможно называть их волго-уральскими.

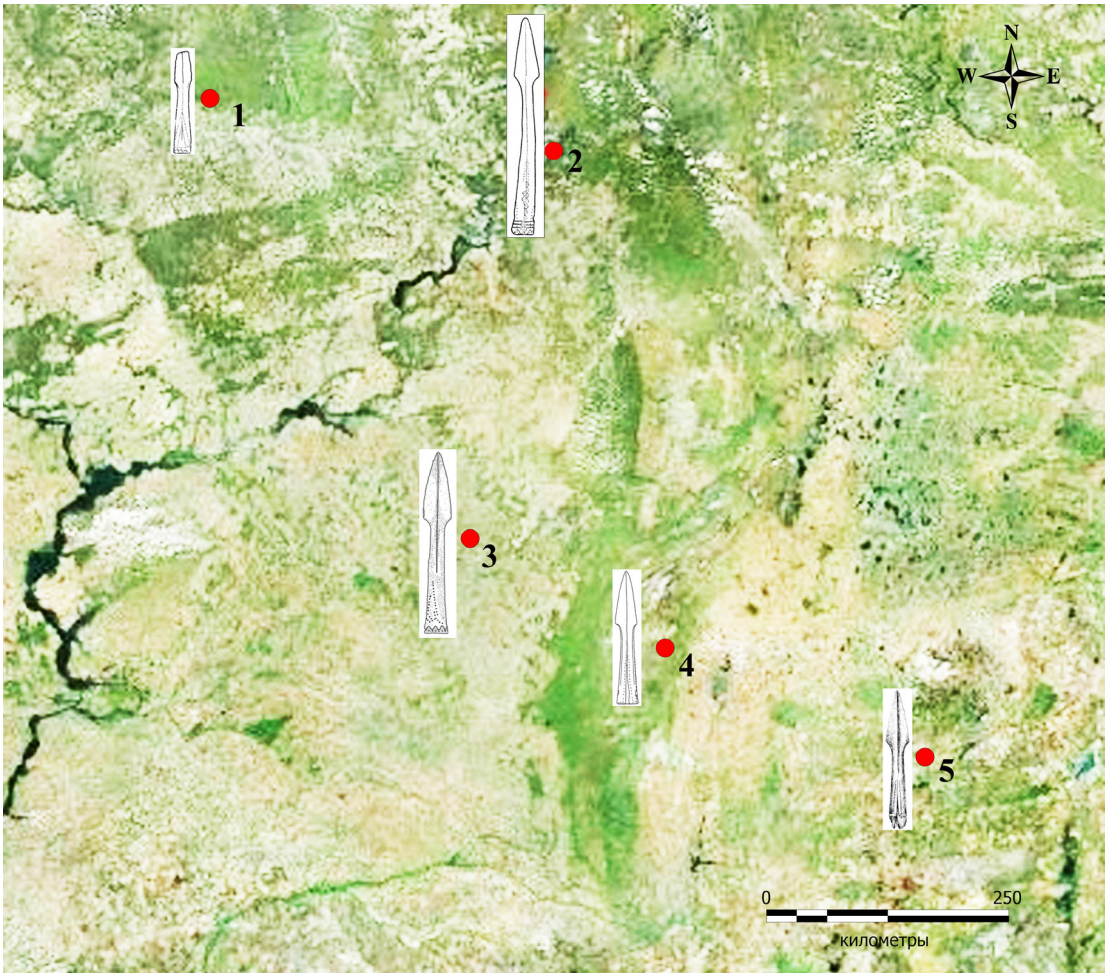

Рис. 2. Карта распространения наконечников разряда КД-2. *1* – Коршуновский «клад»; *2* – Турбинский могильник; *3* – Миловка, случайная находка; *4* – Верхне-Кизильский клад; *5* – могильник Халвай III

Fig. 2. KD-2 spearheads distribution map. *1* – Korshunovo "hoard"; *2* – Turbino necropolis; *3* – Milovka, accidental finding; *4* – Verkhne-Kizylskoye hoard; *5* – Halvay III necropolis

Таким образом, по два экземпляра связаны с погребениями и кладами и только миловский наконечник является случайной находкой. Возможно, он происходит из разрушенного закрытого комплекса – погребения или клада.

Еще более вероятна его связь с предметами, предназначенными для преднамеренного депонирования как сакрального – вотивного приношения божествам. К этой мысли приводит взгляд на огромную совокупность случайных находок абашевских топоров (89 % от учтенных орудий), приуроченных к развитой речной системе Волго-Камского бассейна [Кузьмина, 2000. Рис. 2]. Подобные дары по обету (vota) божествам по формуле «do ut des» (я даю, чтобы ты дал), выявленные в виде кладов оружия и орудий эпохи бронзы в Западной Европе [Hansen, 2012], часто локализуются вне памятников, у священных источников (рек, озер, болот), в культовых пещерах – приношения богам с надеждой на ответный дар в виде удачи.

Очень часто вотивные предметы – отдельные или в составе кладов – сломаны, деформированы и лишены своих рабочих или боевых функций. Именно таков миловский наконечник копья. Он сломан явно преднамеренно, причем деформация колющей части с ее резким перегибом в основании пера была возможна, по мнению А.Д. Дегтяревой, только при высокотемпературном воздействии. Острие не смято, и его искривление вряд ли является результатом ударного боевого действия. Скорее всего, оно было погнуто также намеренно. Поломка втулки произошла в процессе нанесения массивным долотом поперечных ударов с образованием сквозных щелевидных отверстий.

Анализ абсолютных размеров показал, что по общим параметрам экземпляр из Миловки ближе всего к самому крупному наконечнику из Турбинского могильника (рис. 3), три остальных несколько меньше. У первых двух наконечников втулка занимает 64–73 % общей длины, а у образцов из Коршунова,[5] Верхне-Кизильского клада и

[5] В связи с тем, что перо этого наконечника обломано [Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 24, *2*], при анализе абсолютных размеров использовалась приблизительно восстановленная общая длина изделия. Учитывая неизбежность отклонений реконструированных параметров от изначальных, тем не менее, можно утверждать, что коршуновский экземпляр близок верхнекизильскому и халвайскому.

Рис. 3. Соотношение пропорций пера и общей длины наконечников. *1* – Турбинский могильник; *2* – Миловка, случайная находка; *3* – Коршуновский «клад»; *4* – Верхне-Кизильский клад; *5* – могильник Халвай III

Fig. 3. Proportions of the blades compared to the total length of the spearheads. *1* – Turbino necropolis; *2* – Milovka, accidental finding; *3* – Korshunovo "hoard"; *4* – Verkhne-Kizylskoye hoard; *5* – Halvay III necropolis

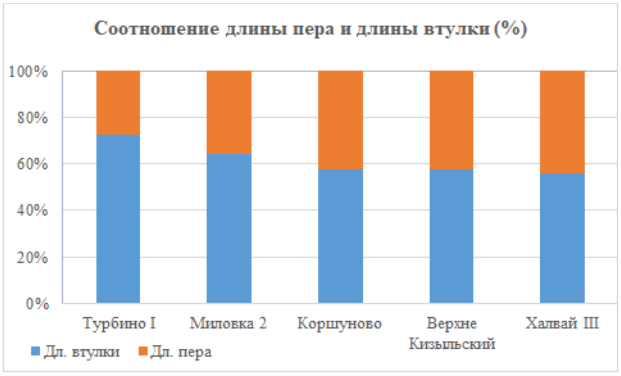

Рис. 4. Соотношение длины пера и длины втулки наконечников. *1* – Турбинский могильник; *2* – Миловка, случайная находка; *3* – Коршуновский «клад»; *4* – Верхне-Кизыльский клад; *5* – могильник Халвай III

Fig. 4. Length of the blades compared to the length of the spearhead sockets. *1* – Turbino necropolis; *2* – Milovka, accidental finding; *3* – Korshunovo "hoard"; *4* – Verkhne-Kizylskoye hoard; *5* – Halvay III necropolis

Халвая III относительная длина втулки составляет 56–58 % (рис. 4). Географически эти экземпляры найдены в разных пунктах ареала КД-2 в сейминско-турбинском, абашевском волго-уральском и синташтинском комплексах, что, вероятно, подчеркивает синхронность этих культурных образований и наличие тесных контактов на определенных этапах их существования.

Истоки разряда КД-2

Прототипы оружия КД-2, как и других групп кованых наконечников копий абашевской общности [см. обзор: Кузьмина, 2021. С. 457–460], бытуют в Восточной Европе уже в ямно-полтавкинской [Богданов, 2004. Рис. 57, *1*] и фатьяновско-балановской среде [Крайнов, 1972. Рис. 52; Кузьминых, Орловская, 1992. Табл. 1, *16;* Соловьев, 2016. Рис. 53]. Втулка наконечников из Волосово-Даниловского могильника и поселения Ош-Пандо декорирована резными и пуансонными поперечными линиями и вытянутыми треугольниками, образованными косой штриховкой. В целом ювелирная кузнечная работа по металлу весьма характерна для фатьяновско-балановских древностей севера Русской равнины [Крайнов, 1972. Рис. 51, *6*; 52; 53, *1–7*; 54] и культуры колоколовидных кубков Центральной Европы [Мимоход, 2022. С. 130–132. Рис. 5], с которыми связывается происхождение наиболее ранней – средневолжской – абашевской культуры [Кузьминых, Мимоход, 2016. С. 43; Мимоход, 2022]. Именно с этой культурной средой, вероятнее всего, связано формообразование кованых абашевских наконечников копий.

Технология изготовления

Наконечники копий КД-2 изготавливались из плоской заготовки путем формообразующей ковки [Бадер, 1964. С. 63, 64]. Последовательность кузнечных операций восстанавливается по аналогии с формовкой наконечников группы КД-4, представляющих собой морфологически близкие кованые изделия с несомкнутой втулкой.

Наиболее подробно этапы изготовления, температурные режимы и приемы кузнечной обработки наконечников копий с разомкнутой втулкой реконструированы А.Д. Дегтяревой на основании результатов металлографического анализа однотипных изделий группы КД-4 из Кондрашкинского кургана доно-волжской абашевской культуры (ДВАК) [Дегтярева и др., 1998. С. 86–88], п. 5 к. 2 синташтинского могильника Каменный Амбар V [Дегтярева, 2010. С. 123] и п. 1 к. 5 Новоильиновского 2 могильника петровской культуры [Дегтярева, Кузьминых, Усманова, 2021. С. 306–309].

Среди целых и обломков литейных форм начала позднего бронзового века не известны матрицы для отливки копий с открытой втулкой. Общее количество литейных форм в погребениях и центрах металлообработки абашевской общности вообще незначительно. Однако есть возможность привлечь для реконструкции процесса изготовления наконечников КД-2 находки литейных форм из центров металлообработки срубной общности. Особый интерес представляют фрагменты и практически целые изделия с негативами достаточно крупных заготовок подтреугольной формы (долота, пробойники и др.). Технология отливки заготовок и формовка втулки орудий аналогичны этапам изготовления наконечников копий с несомкнутой втулкой разрядов КД-2 и КД-4.

В материалах Мосоловского поселения известны матрицы одностворчатых форм для отливки заготовок подтреугольной формы для тесловидных орудий. Канал для заливки металла расположен у них на широком конце изделия [Пряхин, 1996. Рис. 20, *2, 3*; 21, *3*]. Фрагмент аналогичной створки найден в Картамышском археологическом микрорайоне [Загородняя, 2019. С. 117. Рис. 2, *4*]. В Мосоловке обнаружены негатив литейной фор-

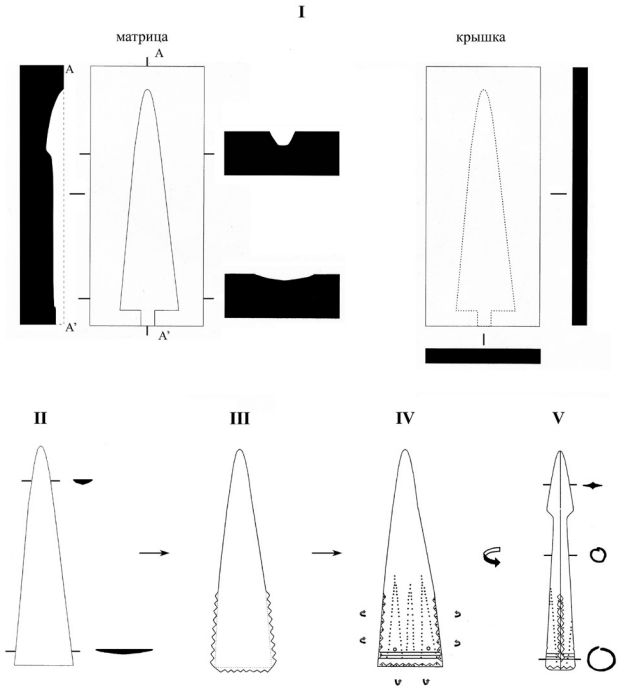

Рис. 5. Реконструкция этапов изготовления наконечников копий разряда КД-2. *I* – литейная форма и крышка; *II–V* – отлитая заготовка и последовательность кузнечных операций (подробное описание этапов приведено в тексте)

Fig. 5 KD-2 spearhead manufacturing stages, reenacted. *I* – casting mould and lid; *II–V* – cast blank and order of blacksmith operation (detailed description of the stages is given in the text of the article)

мы с крыльями-выступами для последующей формовки втулки [Пряхин, 1996. С. 47. Рис. 22, *2*] и плоские крышки к этим матрицам со следами использования [Пряхин, 1996. Рис. 9, *5, 6*; 20, *4*; 21, *6*]. Среди значительной серии литейных форм поселения Горный I также встречены матрицы одностворчатых форм и крышки к ним [Кузьминых, 2004. С. 138, 149, 150].

Кузнечная обработка металлических заготовок и формовка орудий осуществлялась с помощью разнообразных каменных инструментов, широко представленных на поселениях, специализировавших на металлопроизводстве [Пряхин, 1996. С. 84; Пряхин и др., 2001. С. 92. Рис. 23; Черных, Вальков, 2004. С. 157–181; Загородняя, 2019. С. 117, 118. Рис. 2; и др.].

Непосредственное визуальное изучение наконечника из Миловки позволило предложить графическую реконструкцию последовательности операций, использованных при изготовлении наконечников копий КД-2 (рис. 5):[6]

I. Изготовление одностворчатой литейной формы с плоской крышкой для отливки треугольной пластины-заготовки.

II. Отливка заготовки. Первичная обработка заготовки: сглаживание заплывов металла между формой и крышкой, удаление литника.

III. Обработка ковкой втульчатой части заготовки; вырубка зигзага, с последующим сглаживанием вершин треугольников (Миловка, Коршуново).

IV. На завершающем этапе, после нагревания заготовки, края втулки загибались на оправке под углом 180°. Окончательная формовка изделия наиболее полно изложено в статье, посвященной анализу копья из Новоильиновского 2 могильника: «Кузнечные операции состояли из свертывания втулки на оправке конического профиля, соединения сваркой двух сторон пластины вдоль намеченного стержня пера, проковки на фигурной наковальне с желобком для получения ребра жесткости, вытяжки, плющения лезвийной части… Финальным этапом формовки стала пробивка по горячему металлу двух отверстий для крепления к древку»[7] [Дегтярева, Кузьминых, Усманова, 2021. С. 308].

V. Готовое изделие.[8]

В связи с тем, что специализированные металлографические исследования наконечников копий разряда КД-2 не проводились, последовательность нанесения орнамента основывается только на визуальном изучении миловского экземпляра. Конечно, это удобнее делать на плоской пластине заготовки, но четкие контуры ямок и искривленные границы геометрических фигур позволяют предположить, что, по крайней мере, в случае с миловским наконечником орнамент наносился на уже свернутую втулку после проведения прочих кузнечных операций.

Химический состав металла

Для всех наконечников разряда КД-2 определен элементный состав металла. Четыре экземпляра изучены в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН [Черных, 1970. С. 150, 152, 157, 159; Черных, Кузьминых, 1989. С. 285, 289; Луньков, Кузьминых, Орловская, 2013. С. 58, 87]. Данные о химическом составе металла наконечника из могильника Халвай III получены в Южно-Уральском федеральном научном центре минералогии и геоэкологии УрО РАН [Анкушев, Блинов, Зайков, 2015. С. 186–188. Табл. 1]. Все наконечники изготовлены из мышьяковой бронзы. Исследования последних лет показали, что рудные источники мышьяковой меди связаны не только с рудником Таш-Казган в Зауралье, как это представлялось полвека тому назад [Черных, 1970. С. 42]. Повышенные содержания мышьяка, выявленные в шлаках, свидетельствуют о легировании металла в плавке на стадии

[6] Необходимо учитывать, что реконструкция носит обобщенный характер и не учитывает некоторые самобытные черты отдельных изделий. Например, у наконечника из Верхне-Кизильского клада отсутствует загнутая наружу манжета.

[7] Немного другая последовательность кузнечных операция реконструирована при анализе наконечника из Кондрашкинского кургана. У него отверстия пробиты до соединения сваркой частей втулки [Дегтярева, Кузьминых, 2022. С. 157]. Принципиального значения для процесса изготовления наконечников КД-2 эти различия не имеют.

[8] Выражаем глубокую благодарность А.Д. Дегтяревой за ценные замечания по содержанию этапов кузнечной обработки кованых наконечников копий.

рудной шихты, когда окисленные медные руды смешивались с арсенид-сульфидными [Григорьев, 2013; Artemyev, Ankushev, 2019; Корякова и др., 2020]. Металлургические шлаки и руды, связанные с отработкой месторождений, приуроченных к ультрабазитам, известны на поселениях синташтинской (Каменный Амбар, Коноплянка, Устье) и абашевской (Коноплянка 2) культур Южного Зауралья. Наконечник из Миловки выделяется тем, что при значительной доле мышьяка (5,18 %), он единственный содержит небольшое количество цинка (0,35 %).

При сравнении хронологически близких и практически аналогичных по технике изготовления и химическому составу металла наконечников разрядов КД-2 и КД-4, помимо различий их абсолютных размеров и некоторых морфологических характеристик [Черных, Кузьминых, 1989. С. 64, 65], существуют отличия в концентрациях As в сплавах. Вообще, для абашевских и синташтинских орудий и оружия, включая почти все изделия разряда КД-4, прошедших дополнительную формообразующую ковку, фиксируется содержание мышьяка до 1,5 %, что соответствует низколегированным бронзам [Дегтярева, 2010. С. 87; Дегтярева, Кузьминых, Усманова, 2021. С. 307; Дегтярева, Кузьминых, 2022. С. 163]. В наконечниках КД-2, прошедших те же этапы изготовления, мышьяка больше (1,8–5,9 %). Его содержание в экземплярах из Турбино (4,5 %), Миловки (5,18 %) и Халвая III (5,9 %) близко оптимальному для мышьяковых бронз [Равич, Рындина, 1984. С. 123].

Количество цинка у миловского наконечника (0,35 %) меньше принятого для нижней границы легирования этим металлом в синташтинских материалах (>0,5 %) [Дегтярева, 2010. С. 83] и может определяться как примесь (содержание не менее 0,1 %) [Гак, Калмыков, 2014. С. 47]. В лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН определен элементный состав более чем 500 металлических изделий и отходов производства абашевской общности, включая экземпляры, относимые авторами к числу наиболее поздних (абашевско-срубные, покровско-абашевские и т.п.). Образцы, содержащие не менее 0,1 % Zn, составляют около 10 %. Они происходят с 22 памятников, причем 16 из них расположены в бассейне Среднего и Верхнего Дона, остальные – в Волго-Уральском регионе, в том числе, как и наконечник из Миловки, в Башкирском Приуралье. В любом случае, содержание цинка в концентрациях менее 1 % в составе медно-мышьяковых сплавов позволяет рассматривать такие изделия как разновидности мышьяковых бронз [Гак, Калмыков, 2014. С. 56].

Можно предположить, что наличие заметной примеси цинка, наряду с заметными концентрациями мышьяка в металле ДВАК, ВУАК и синташтинской культуры, свидетельствует о том, что кузнецы и литейщики этих культурных образований работали с медью, выплавленной, вероятно, из месторождений Южного Зауралья, обогащенных, наряду с другими элементами, и цинком [Дегтярева, 2010. С. 23, 89]. Судя по их локализации, добыча руды и выплавка меди осуществлялась абашевскими и синташтинскими горняками и металлургами. На большинстве приуральских и зауральских абашевских поселений (Мало-Кизильское, Коноплянка, Баланбаш, Урняк, Тюбяк и др.), выявлено много остатков металлургической деятельности [Сальников, 1967; Черных, 1970. С. 109; Обыденнов и др., 2001; Горбунов Ю., Горбунов В., 2016; Корякова и др., 2020; и др.]. С целью поиска новых медных месторождений абашевские горняки совершали экспедиции за рудой в удаленные от основного ареала культуры районы горнолесного Урала и степного Зауралья [Борзунов и др., 2020]. Столь же многочисленны в Южном Зауралье и свидетельства синташтинской металлургии [Дегтярева, 2010; Виноградов, 2011; Григорьев, 2013; и др.].

Хронология

Для определения возраста миловского наконечника важно, что четыре из пяти экземпляров разряда КД-2 обнаружены в закрытых (могильники и клады) комплексах сейминско-турбинского феномена, волго-уральской абашевской и синташтинской культур, что позволяет синхронизировать ряд памятников данных культурных образований. К этому же временному пласту относятся и поздние комплексы средневолжской абашевской культуры (СВАК). О тесных контактах с носителями ВУАК свидетельствует появление изделий из мышьякой меди или бронзы в конце развитого этапа СВАК [Черных, 1970. С. 96; Черных, Кузьминых, 1989. С. 172; Энговатова и др., 2021. С. 150; Кузьмина, 2021. С. 467], а абашевская керамика в материалах могильника Решное на Оке подразумевает контакты с носителями СТ-традиций [Черных, Кузьминых, 1987. С. 87, 88. Рис. 44, *54–59*; Черных, Кузьминых, 1989. С. 19, 20]. Опираясь на эти наблюдения, для определения периода бытования наконечников разряда КД-2 привлечены результаты радиоуглеродного датирования образ-

[9] Опираясь на приводимые И.Г. Равич и Н.В. Рындиной данные, получается, что наконечники разряда КД-4 с содержанием мышьяка в пределах 1–3 % имели красноватый цвет, а изделия с бóльшим содержанием As разряда КД-2 – золотисто-серый [Равич, Рындина, 1984. С. 118].

[10] В это число не включены опубликованные данные по пластине-накладке из п. 1 Второго Липецкого кургана [Луньков, Кузьминых, Орловская, 2013. С. 58, 71, 84; Мимоход, 2016. С. 38, 39] и анализы с содержанием Zn из Старшего Никитинского могильника [Кузьминых, Луньков, Орловская, 2021. С. 106, 107, 116, 117]. Из-за хрупкости и небольших размеров этих образцов анализ проводился без отбора стружки и предварительного удаления патины. На увеличение концентрации отдельных элементов (в том числе Zn) в образцах, содержавших окислы (патину), уже обращалось внимание [Черных, Луньков, 2009. С. 82, 83. Табл. 1; Энговатова и др., 2021. С. 149].

Таблица 1
Интервалы радиоуглеродных датировок памятников начала ПБВ в Поволжье и Приуралье
(1 сигма; нумерация памятников соответствует рис. 6)

Table 1
Radiocarbon dating intervals for the sites of the early stage of the Late Bronze Age in the Ural and Volga regions
(1 sigma; site numbering corresponds to Fig. 6)

№	Памятник	Кол-во анализов	Материал	Диапазон дат по 1 сигме	Культурная принадлежность
1	Усть-Ветлуга	3	дерево	1950–1700	сейминско-турбинский
2	Пепкинский	8	кость человека	2130–1940	средневолжское абашево
3	ЗБС-4	2	уголь	2140–1890	средневолжское абашево
4	Старший Никитинский	7	коллаген человека; береста	1950–1750	средневолжское абашево
5	I Красиковский	1	кость человека	2122–1922	волго-уральское абашево
6	Сарайсино 2	3	кость человека	2030–1870	волго-уральское абашево
7	Першино, п. 2	1	кость козленка	1950–1750	волго-уральское абашево
8	Тюбяк	1	кость свиньи	1880–1690	волго-уральское абашево
9	Халвай III	1	дерево	2009–1885	синташтинский

цов, отвечающих требованию регионально-хронологического соответствия времени и территории распространения подобных изделий. Соблюдение этих условий позволяет сопоставлять между собой результаты датирования упомянутых выше культурных образований в рамках радиоуглеродной хронологии [Мимоход, 2011. С. 49, 50]. Для всех датировок использовалась вероятность в 1 сигму [Черных, Орловская, 2013. С. 12, 13].

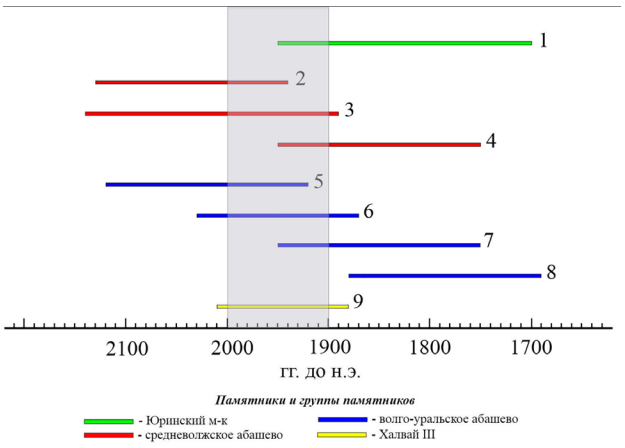

Рис. 6. Результаты радиоуглеродного датирования (интервалы датировок и нумерация памятников соответствуют табл. 1). *1* – Юринский могильник; *2* – Пепкинский курган; *3* – ЗБС-4, поселение; *4* – Старший Никитинский могильник; *5* – Красиковский I могильник; *6* – могильник Сарайсино 2; *7* – могильник Першино; *8* – Тюбяк, поселение; *9* – могильник Халвай III

Fig. 6. Results of the radiocarbon dating (dating intervals and monument numbers conform to the table 1). *1* – Yurino necropolis; *2* – Pepkino barrow; *3* – Zvenigorod Biostation-4 settlement; *4* – Starshee Nikitino necropolis; *5* – Krasikovo I necropolis; *6* – Saraisino 2 necropolis; *7* – Pershino necropolis; *8* – Tyubyak settlement; *9* – Halvai III necropolis

Среди многочисленных сейминско-турбинских памятников западнее Урала возраст по трем радиоуглеродным датам определен только для Юринского (Усть-Ветлужского) могильника [Соловьев, 2005. С. 111; Юнгер, Карпелан, 2005. С. 112].[11] Аналогии материалам памятника Б.С. Соловьев находит как в Решенском могильнике, так и в СТ-древностях Западной Сибири и Финляндии [Соловьев, 2005. С. 110]. Решенский могильник, как и Сейминский, относится О.В. Кузьминой ко времени контактов абашевцев с покровцами [Кузьмина, 2000. С. 104]. В.С. Бочкарев отмечает взаимные контакты Сеймы и раннесрубной культуры [Бочкарев, 2010. С. 80].

Достаточно представительная серия получена для средневолжских абашевских памятников позднего этапа.[12] Для Пепкинского кургана, после критического анализа результатов датирования по C^{14}, могут быть привлечены восемь дат [Кузьминых, Мимоход, 2016; Кузьминых и др., 2021. С. 52; Энговатова и др., 2021]. На Старшем Никитинском могильнике в среднем течении р. Ока хорошая сохранность органических остатков позволила провести датирование семи образцов [Ахмедов, Луньков, Лунькова, 2013; Кузьминых, Мимоход, 2016; Энговатова и др., 2021].[13] Недавно полученные для этих памятников две AMS-даты несущественно изменили верхние границы опубликованных ранее обобщенных датировок [Кузьминых, Мимоход, 2016].[14] Еще два образца происходят из слоя, содержавшего каменную выкладку и один фрагмент венчика, бесспорно, абашевского сосуда, на объекте Звенигородская биостанция 4 (ЗБС-4) в бассейне Москвы-реки [Кренке, 2014; Кузьминых, Мимоход, 2016].

[11] Список памятников и соответствующие интервалы калиброванных значений (1 сигма) приведены в табл. 1 и на рис. 6. Нумерация памятников аналогична.

[12] Культурная принадлежность и относительная хронология большинства памятников обосновываются в упомянутых в ссылках работах и в данной статье не приводится.

[13] В статье, обобщающей радиоуглеродные датировки начала ПБВ, вкралась опечатка в таблицу с результатами калибровки образцов Hela-1205 и Hela-1206 из Старшего Никитинского могильника; см. для сравнения: [Кузьминых, Мимоход, 2016. Табл. 3; Ахмедов, Луньков, Лунькова, 2013. Табл. 2].

[14] Суммарные интервалы радиоуглеродных датировок Пепкинского кургана и Старшего Никитинского могильника с учетом двух новых AMS-дат определены с использованием программы Ox.cal. v 3.10.

В отличие от серий датировок Пепкинского и Старшего Никитинского могильников, большие серии радиоуглеродных дат с одного памятника в ареале ВУАК отсутствуют. Одна дата известна для п. 1 кургана 3 Красиковского I курганного могильника в Оренбуржье [Купцова, Евгеньев, 2019]. В кургане 1 могильника Сарайсино 2 в Башкирском Приуралье получена комбинированная радиоуглеродная дата для трех абашевских погребений [Кузнецов, Чаплыгин, 2019]. Данные погребения отнесены к южноуральскому [Купцова, Евгеньев, 2019. С. 221] и приуральскому абашеву [Кузнецов, Чаплыгин, 2019. С. 228] без уточнения их внутренней хронологической позиции. Не ставя перед собой задачу поиска всех аналогий для этих комплексов, можно отметить, что связанные с этими погребениями сосуды по ряду признаков близки к экземпляру из Старо-Ябалаклинского могильника, относимого О.В. Кузьминой к классическому этапу абашевской культуры Южного Приуралья [Кузьмина, 1999. Рис. 23, *3*]. Еще одна дата опубликована для погребения 2 Першинского некрополя в Оренбуржье, которое на основании морфологических особенностей сосуда из могилы отождествляется с абашевско-раннесрубными древностями [Черных и др., 2005. С. 35–37, 215, 216]. Для бытовых памятников известна только одна дата, полученная по кости свиньи из нижних горизонтов поселения Тюбяк в излучине верховий р. Белой [Епимахов, Епимахова, 2006. С. 59. Рис. 4].

Благодаря многолетним целенаправленным усилиям, синташтинская культура обеспечена значительной серией радиоуглеродных дат, позволяющей достаточно уверенно определить хронологические рамки культуры – 2010–1770 гг. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014. С. 140]. Применительно к хронологической характеристике миловского копья важное значение имеет, в первую очередь, дата наконечника КД-2 из могилы 1 кургана Халвай III, которая, по мнению исследователей, является «… самой ранней датой эпохи бронзы в регионе» [Шевнина, Логвин, 2015. С. 146; Панюшкина, 2015], а точнее, характеризует самые ранние материалы синташтинской культуры на востоке ее ареала, в Тургайском прогибе.

Опираясь на радиоуглеродные датировки, время бытования халвайского экземпляра укладывается в XX в. до н.э. (рис. 6). В определенной степени этому времени соответствуют даты Пепкинского кургана, поселения ЗБС-4, могильников Красиковского I и Сарайсино 2, т.е., вероятно, не самых поздних комплексов СВАК и классического этапа ВУАК. К несколько более позднему времени в рамках радиоуглеродной хронологии относятся Старший Никитинский, Юринский и Першинский могильники. В инвентаре двух последних памятников уже прослеживаются покровские (раннесрубные) черты. Более поздними являются материалы поселения Тюбяк и, в целом, горизонт захоронений колесничих синташтинской культуры, датируемый в интервале XX–XVII вв. до н.э. [Кузьминых, Мимоход, 2016. С. 42].

Касаясь синхронизации наконечников разряда КД-2, нужно обратить внимание на следующее. Если верно предположение о том, что появление цинка в составе металла ВУАК связано с контактами с производящими центрами синташтинской культуры Южного Зауралья, в которых получали медь с заметным содержанием цинка, то крупному наконечнику из Миловки хронологически наиболее близок более мелкий и беднее орнаментированный экземпляр из Халвая III, а разница в размерах наконечников не носит выраженного хронологического характера. Обобщая результаты радиоуглеродного датирования, можно предположить, что наконечники копий разряда КД-2 могут быть отнесены к XX в. до н.э., а, учитывая, что непосредственно с этими изделиями связана только одна дата, по всей вероятности, не самого раннего экземпляра (небольшие абсолютные размеры, более короткая втулка, «обедненность» орнамента), нижняя граница их бытования может относиться к концу XXI в. до н.э.

К сожалению, для большинства использованных в настоящей статье радиоуглеродных датировок, за исключением Пепкинского кургана и, частично, Старшего Никитинского могильника, не было возможности соблюсти ряд условий, а именно: анализ серий образцов; количественное доминирование AMS датировок; получение, в том числе перекрестное для одних и тех же образцов, датировок в разных лабораториях; использование при пробоотборе разных материалов (кость человека и/или животного, дерево и др.); проверка образцов по каллогену человеческих костей на наличие «резервуарного эффекта», а по остаткам дерева – на «эффект старой древесины». В этой связи необходимо подчеркнуть, что изложенные выводы хронологического порядка носят предварительный характер.

Обсуждение

В соответствии с заявленными целями работы, на основании анализа материалов, так или иначе связанных с миловским наконечником, удалось получить целый ряд интересных наблюдений и прийти к определенным выводам частного и общего характера.

1. По своим морфологическим признакам экземпляр из Миловки полностью соответствует наконечникам копий разряда КД-2, приближаясь по размерным показателям к изделию из Турбинского могильника.

2. Место обнаружения, морфологические особенности и технология изготовления указывают на принадлежность наконечника к изделиям волго-уральской абашевской культуры.

3. Истоки формообразования наконечников разряда КД-2, наряду с другими группами кова-

ных абашевских наконечников копий, связаны, скорее всего, с миром «шнуровых» культур и культурой колоколовидных кубков Восточной и Центральной Европы.

4. По элементному составу металла миловский экземпляр относится к мышьяковым бронзам, а по процентному содержанию мышьяка аналогичен другим изделиям разряда КД-2.

5. Повышенное содержание цинка в химическом составе металла предположительно может свидетельствовать о его получении из абашевских или синташтинских производящих центров Южного Зауралья.

6. В рамках радиоуглеродной хронологии предлагается датировка наконечника из Миловки XX в. до н.э., но не исключено ее удревнение до конца XXI в. до н.э.

В более широком плане наконечники копий разряда КД-2 вместе с характерными керамическими сосудами, некоторыми типами металлических и кремневых изделий, свидетельствами освоения определенных рудных источников, позволяют синхронизировать часть сейминско-турбинских (Турбино), поздние средневолжские и классические волго-уральские абашевские комплексы с ранними синташтинскими (Халвай III) материалами, а их бытование отнести ко времени, немного предшествующему или синхронному началу «колесничего горизонта» позднего бронзового века – XX–XVII вв. до н.э. [Кузьминых, Мимоход, 2016. С. 42]. При этом необходимо учитывать, что в настоящее время нет свидетельств использования наконечников копий разряда КД-2 группами населения, оставивших комплексы с атрибутами воинов-колесничих.

В связи с приведенными выше наблюдениями при сопоставлении материалов начала позднего бронзового века Волго-Уралья и соседних регионов, нужно рассматривать материалы не абашевской общности в целом, а отдельных абашевских культур, принимая во внимание их развитие в рамках соответствующих хронологических этапов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анкушев М.Н., Блинов И.А., Зайков В.В. Состав бронзовых изделий кургана Халвай III // Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2015. С. 186–188. (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. VII)

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.

Ахмедов И.Р., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В. Абашевские комплексы Старшего Никитинского могильника (по материалам исследований 2002–2004 гг.) // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 162–181.

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 285 с.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Бельтикова Г.В., Кузьминых С.В. Серный Ключ – памятник абашевской «экспедиции» в горно-лесную зону Среднего Урала // Российская археология. 2020. № 1. С. 117–131. DOI: http://doi.org/10.31857/S086960630003392-0

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2. С. 159–204.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.

Гак Е.И., Калмыков А.А. Металл изделий позднеямного – раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–57.

Горбунов Ю.В., Горбунов В.С. Металлургия и металлообработка племен уральской абашевской культуры в Южном Приуралье. Уфа: БГПУ, 2016. 166 с.

Григорьев С.А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск: Цицеро, 2013. 660 с.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металл абашевской культуры Среднего Подонья // Археология евразийских степей. 2022. № 2. С. 151–167. DOI: http://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.151.167

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Усманова Э.Р. Металл петровской культурной традиции могильника Новоильиновский II (морфология и технология изготовления) // Культуры Азиатской части Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности проф. Ноны Армаисовны Аванесовой. Самарканд: СамГУ, 2021. С. 302–310.

Дегтярева А.Д., Попова Т.М., Кизина Н.Г., Астрединов В.М. Технологические особенности изготовления металлического инвентаря погребения воина-колесничего Кондрашкинского кургана // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1998. С. 82–89.

Епимахов А.В. Верхне-Кизильский клад: варианты интерпретации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 4 (16). С. 96–102.

Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Абашевские памятники Южного Зауралья // Урало-Поволж-

ская лесостепь в эпоху бронзового века: сборник статей, посвящ. 60-летию Владимира Степановича Горбунова / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа: БГПУ, 2006. С. 53–65.

Загородняя О.Н. Функциональный анализ орудий металлопроизводства позднебронзового века (по материалам памятников Картамышского археологического микрорайона) // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 110–125.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Пантелеева С.Е., Столярчик Э., Булакова Е.А., Солдаткин Н.В., Рассадников А.Ю., Молчанова В.В., Анкушев М.Н., Молчанов И.В., Якимов А.С., Федорова Н.В., Носкевич В.В. Поселение Коноплянка 2 в Южном Зауралье: новые аспекты исследования // Уральский исторический вестник. 2020. №4 (69). С. 61–73. DOI: https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-61-73

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура (II тысячелетие до н.э.). М.: Наука, 1972. 274 с.

Кренке Н.А. Абашевская находка в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 29–35.

Кузнецов П.Ф., Чаплыгин М.С. Новый памятник абашевской культуры Приуралья // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 225–229.

Кузьмина О.В. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 1999. С. 154–205.

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества Юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 65–134. (Археологические изыскания. Вып. 63)

Кузьмина О.В. Абашевская культура // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2: Энеолит и бронзовый век / Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 442–468.

Кузьминых С.В. Каменные литейные формы // Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 134–156. (Каргалы. Т. III)

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учебник / Ред. В.Л. Янин. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГУ, 2012. С. 219–270.

Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа: серия 2017–2019 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2021. С. 104–128.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 39–44.

Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Первые анализы металла эпохи бронзы с территории Мордовии // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. С. 36–41. (Тр. МордНИИ. Вып. 107)

Кузьминых С.В., Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Медникова М.Б. Комплексное изучение боевого топора абашевской культуры из Мало-Кизильского селища // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 44–57.

Купцова Л.В., Евгеньев А.А. Новые погребальные комплексы абашевской культуры в Оренбургском Предуралье // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 219–222.

Луньков В.Ю., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа: серия 2010–2013 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3 / Отв. ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2013. С. 56–88.

Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 28–53.

Мимоход Р.А. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры / Отв. ред. А.Н. Усачук. Липецк; Воронеж: Новый взгляд, 2016. С. 35–49. (Научные труды ООО НПО «Черноземье». Вып. 4)

Мимоход Р.А. Средневолжская абашевская культура и культура колоколовидных кубков: наброски к семейному портрету // Археология евразийских степей. 2022. №2. С. 122–150. DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.122.150

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 136–167.

Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбяк:

поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: БГПУ, 2001. 159 с.

Панюшкина И.П. Календарный возраст курганной группы Халвай // Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2015. С. 184–186. (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. VII)

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. вторая. Воронеж: ВГУ, 1996. 176 с.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура. Воронеж: ВГУ, 2001. 172 с.

Равич И.Г., Рындина Н.В. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь–мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. Вып. 9 (39) / Ред. Е.С. Штейнер, В.Ф. Заостровцева. М.: Искусство, 1984. С. 114–124.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004) // Российская археология. 2005. № 4. С. 103–111.

Соловьев Б.С. Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века. Йошкар-Ола: МарГУ, 2016. 412 с. (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 9)

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с. (МИА. № 172)

Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная жизнь (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с. (Каргалы. Т. V)

Черных Е.Н., Вальков Д.В. Каменные изделия: молотки, наковальни, рудотерки // Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 157–181. (Каргалы. Т. III)

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер и др. М.: Наука, 1987. С. 84–105, 201–208. (Археология СССР)

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. Першинский некрополь: курган № 1 // Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 21–48. (Каргалы. Т. IV)

Черных Е.Н., Луньков В.Ю. Методика рентгено-флуоресцентного анализа меди и бронз в лаборатории Института археологии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1 / Отв. ред. и сост. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2009. С. 78–83.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. О базе данных календарной радиоуглеродной хронологии «дописьменной» эпохи культур Западной Евразии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3 / Отв. ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2013. С. 8–15.

Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2015. 248 с. (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. VII)

Энговатова А.В., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Медникова М.Б. Новые данные естественнонаучных исследований материалов Старшего Никитинского могильника и его место в хронологии средневолжской абашевской культуры // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 3. С. 148–152. DOI: https://doi.org/10.17816/snv2021103203

Юнгер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // Российская археология. 2005. № 4. С. 112.

Artemyev D.A., Ankushev M.N. Trace Elements of Cu-(Fe)-sulfide inclusions in Bronze Age copper slags from South Urals and Kazakhstan: ore sources and alloying additions // Minerals. 2019. Vol. 9 (12). P. 746. DOI: https://doi.org/10.3390/min9120746

Hansen S. Bronzezeitliche Horte: Zeitliche und Raumliche Rekontextualisierungen // Hort und Raum. Aktuelle Forschungen zu bronzezeitlichen Deponierungen in Milleteuropa / Eds. S. Hansen, D. Neumann, T. Vachta. Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. P. 23–48. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110290257.23

REFERENCES

Ankushev, M.N., Blinov, I.A., Zaykov, V.V. 2015, "Composition of Bronze Items from Halvay III", *Shevnina, I.V., Logvin, A.V. Mogilnik epokhi bronzy Halvay III v Severnom Kazakhstane. Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana. T. VII* ("Shevnina, I.V., Logvin, A.V. Bronze Age NecropolisHalvay III in North Kazakhstan. Materials and Researches on Archaeology of Kazakhstan. Vol. VII"), Astana, pp. 186–188. (in Russ.)

Bader, O.N., Smirnov, A.P., Ageev, B.B., Vasyutkin, S.M., Vasiliev, I.B., Mazhitov, N.A., Matveeva, G.I., Morozov, Y.A., Pshenichnyuk, A.H., Sadykova, M.H., Stokolos, V.S. 1976, *Archaeological map of Bashkiria*. Nauka, Moscow, 264 p. (In Russ.)

Akhmedov, I.R., Lunkov, V.Y., Lunkova, Y.V. 2013, "Abashevo Complexes in Starshee Nikitino Necropolis(based on materials excavated in 2002–2004)", *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* ("Brief reports of the Institute of Archaeology"), iss. 230, pp. 162–181. (In Russ.)

Bader, O.N. 1964, *The oldest metallurgists of the Urals*. Nauka, Moscow, 176 p. (In Russ.)

Bogdanov, S.V. 2004, *The Copper Age of the Steppe Cis-Urals*. UrO RAN, Ekaterinburg, 287 p. (In Russ.)

Borzunov, V.A., Stefanov, V.I., Bel'tikova, G.V., Kuz'minykh, S.V. 2020, "Serny Klyuch as a site of Abashevo "expedition" to the mountain forest zone of the Middle Urals", *Russian archeology*, no. 1, pp. 117–131. DOI: http://doi.org/10.31857/S086960630003392-0 (In Russ.)

Bochkarev, V.S. 2010, *Cultural Genesis and Ancient Metal Production in Eastern Europe*. Info Ol, Saint Petersburg, 231 p. (In Russ.)

Bochkarev, V.S. 2017, "Stages in Development of Metal Production in the Late Bronze Age in the south of Eastern Europe", *Stratum plus*, no. 2, pp. 159–204. (In Russ.)

Vinogradov, N.B. 2011, *Steppes of Southern Urals and Kazakhstan in in the early centuries of the 2nd millenium BC. (Sites of Sintashta and Petrovka Type)*. Abris, Cheliabinsk, 175 p. (In Russ.)

Gak, E.I., Kalmykov, A.A., 2014, "*Metal items of the Late Yamnaya - Early Catacomb period in Egorlyk-Kalaus Interfluve", Drevnie kultury yugo-vostochnoy Evropy i zapadnoy Azii: sbornik k 90-letiyu so dnya rozhdeniya i pamyati N.Y. Merperta* ("Ancient Cultures of South-Eastern Europe and Western Asia: A collection of papers dedicated to the 90th Anniversary of Birth and Memory of N. Merpert"), IA RAN, Moscow, pp. 45–57. (In Russ.)

Gorbunov, Y.V., Gorbunov, V.S. 2016, *Metallurgy and Metal Working of the Ural Abashevo Culture Tribes*. Ufa, 166 p. (In Russ.)

Grigoriev, S.A. 2013, *Metallurgical Production in Nothern Eurasia in the Bronze Age*. Cicero, Chelyabinsk, 660 p. (In Russ.)

Degtyareva, A.D. 2010, *History of metal production in the Trans-Urals during the Bronze Age*. Nauka, Novosibirsk, 162 p. (In Russ.)

Degtyareva, A.D., Kuzminykh, S.V. 2022, "Metal of the Abashevo culture from the Middle Don", *Archaeology of the Eurasian Steppes*, no. 2, pp. 151–167. DOI: http://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.151.167 (In Russ.)

Degtyareva, A.D., Kuzminykh, S.V., Usmanova, E.R. 2021, "Metal of the Petrovka culture from Novoilinovka 2 necropolis (Morphology and Manufacturing Technology)", *Kultury aziatskoy chasti Evrazii v drevnosti i srednevekovye: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya i 50-letiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatelnosti professora Nony Armaisovny Avanesovoy* ("Cultures of Asian Part of Eurasia in in the Ancient times and Middle Ages: Materials of International Scientific Conference Dedicated. to 80th Anniversary of His Birth and 50th Anniversary of Scientific and Pedagogical Activity of Prof. Nona Armaisovna Avanesova"), SamGU, Samarkand, pp. 236–242. (In Russ.)

Degtiareva, A.D., Popova, T.M., Kizina, N.G., Asredinov, V.M. 1998, "Features of metal tools manufacturing process from the warrior-charioteer's burial of", *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi. Vyp. 11: Dono-Donetskiy region v epokhu sredney i pozdney bronzy* ("Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe. Iss. 11: Don-Donets Region in the Middle and Late Bronze Age"). VSU, Voronezh, pp. 82–89. (In Russ.)

Epimakhov, A.V. 2003, "Verkhne-Kizilskiy Hoard: Interpretations", *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, no. 4 (16), pp. 96–102. (In Russ.)

Epimahov, A.V., Epimahova, M.G. 2006, "Archaeological sites of the Abasshevo culture in the Southern Trans-Urals", *Uralo-Povolzhskaya lesostep v epokhu bronzovogo veka: sbornik statey, posvyashchennykh 60–letiyu Vladimira Stepanovicha Gorbunova* ("Ural-Volga Forest Steppe in the Bronze Age: Collection of Papers Dedicated to 60th Anniversary of Vladimir Stepanovich Gorbunov"), BGPU, Ufa, pp. 53–64. (In Russ.)

Zagorodnyaya, O.N. 2019, "Functional Analysis of Metal Production Tools of Late Bronze Age (case study of Kartamysh archaeological microregion)", *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii* ("Brief reports of the Institute of Archeology"), iss. 257, pp. 110–125. (In Russ.)

Koryakova, L.N., Krauze, R., Panteleeva, S.E., Stolyarchik, E., Bulakova, E.A., Soldatkin, N.V., Rassadnikov, A.Yu., Molchanova, V.V., Ankushevm, M.N., Molchanov, I.V., Yakimov, A.S., Fedorova, N.V., Noskevich, V.V. 2020, "The settlement of Konoplyanka 2 in the Southern Trans-Urals: new aspects of research", *Ural Historical Journal*, no. 4 (69), pp. 61–73. DOI: https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-61-73 (In Russ.)

Kraynov, D.A., 1972, *Earliest History of Volga-Oka Interfluve. Fatyanovo Culture (II millennium BC).* Nauka, Moscow, 274 p. (In Russ.)

Krenke, N.A. 2014, "Abashevo Find in the Moskva river valley", *Arkheologiya Podmoskovya* (Archaeology of Moscow Region), iss. 10, IA RAN, Moscow, pp. 29–35. (In Russ.)

Kuznetsov, P.F., Chaplygin, M.S. 2019, "New site of the Abashevo culture in the Ural region", *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Centralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kulturnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii): Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, 18–22 noyabrya 2019 g., Sankt-Peterburg. T. II: Svyazi, kontakty i vzaimodeystviya drevnikh kultur Severnoy Evrazii i tsivilizatsiy Vostoka v epokhu paleometalla (IV–I tys. do n.e.). K 80-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa V.S. Bochkareva* ("Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia as Evidence of Connections and Interactions within Eurasian Cultural Space (New Data and Concepts): Proceedings of the International Conference, November 18–22, 2019, St. Petersburg. Vol. II: Connections, Contacts and Interactions of Ancient Cultures of Northern Eurasia and Civilizations of East in the Paleometallic Era (4–1 millenium BC). Dedicated to the 80th anniversary of birth of the outstanding archaeologist V.S. Bochkarev"), IIMK RAN, Nevskaya Tipografiya, Saint Petersburg, vol. 2, pp. 225–229. (In Russ.)

Kuzmina, O.V. 1999, "Ceramics of the Abashevo culture", *Voprosy arkheologii Povolzhya* ("Questions of archaeology of the Volga region"), no. 1, pp. 154–205. (In Russ.)

Kuzmina, O.V. 2000, "Metal items and problems of relative chronology of the Abashevo culture", *Drevnie obshchestva iuga Vostochnoi Evropy v epokhu*

paleometalla (rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kul'turnoi transformatsii ("Ancient Societies at the South of Eastern Europe during Palleometallic Era (early complex societies and the problems of cultural transformation)"), Evropeisky dom, Saint Petersburg, pp. 65–134. (In Russ.)

Kuzmina, O.V. 2021, "The Abashevo culture", *Arkheologiya Volgo-Uralya: v 7 tomakh. Tom 2: Eneolit i bronzovyy vek* ("Archaeology of the Volga-Ural region in 7 volumes. Vol. 2: Chalcolithic and Bronze Age "), Kazan, pp. 442–468. (In Russ.)

Kuzminykh, S.V., 2004, "Stone Casting Moulds", *Selishche Gornyy: Arkheologicheskie materialy. Tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva. Arkheobiologicheskie issledovaniya* ("Gorny Site: Archaeological Materials. Mining and Metallurgy Technology. Archaeobiological Studies"), Yazyki Slavyanskoy Kultury, Moscow, pp. 157–181. (In Russ.)

Kuzminykh, S.V., Degtyareva, A.D. 2012, "Late Bronze Age", *Arkheologiya: Uchebnik* ("Archaeology: Textbook"), MGU, Moscow, pp. 219–270. (In Russ.)

Kuzminykh, S.V., Lunkov, V.Y., Orlovskaya, L.B. 2021, "Findings of X-Ray Fluorescence Analysis: Series of 2017–2019", *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* ("Analytical Investigations of Laboratory of Natural Scientific Methods"), vol. 5, IA RAN, Moscow, pp. 104–128. (In Russ.)

Kuzminykh, S.V., Mimokhod, R.A., 2016, "Radiocarbon Dates from Perkino barrow and some problems of chronology of the Middle Volga Abashevo culture", *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kultur Vostochnoy Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n. e.). Kruglyy stol, posvyashchennyy 80-letiyu so dnya rozhdeniya S.N. Bratchenko (Sankt-Peterburg, 14–15 noyabrya 2016 g.)* (External and internal relations between steppe (herdsman) cultures of Western Europe in the Chalcolithic and Bronze Age (5–2 mill. BC). Round table dedicated to 80th anniversary of S.N. Bratchenko (St. Petersburg, November 14–15, 2016), IIMK RAN, St. Petersburg, pp. 39–44. (In Russ.)

Kuzminykh, S.V., Orlovskaya, L.B. 1992, "The first analyzes of the Bronze Age metal from the territory of Mordovia", *Arkheologicheskie issledovaniia v Oksko-Surskom mezhdurech'e* ("Archaeological research in the Volga-Kama interfluve Area"), vol. 107, Saransk, pp. 36–41. (In Russ.)

Kuzminykh, S.V., Saprykina, I.A., Kichanov, S.E., Mednikova, M.B. 2021, "The comprehensive study of the Abashevo battle axe from the Malo-Kizilskoe unfortified settlement", *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* ("Brief reports of the Institute of Archeology"), iss. 262, pp. 44–57. (In Russ.)

Kuptsova, L.V., Evgen'yev, A.A. 2019, "New burial complexes of the Abashevo culture in the Orenburg Cis-Urals", *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Central'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i koncepcii): Materialy Mezhdunarodnoy konferencii, 18–22 noyabrya 2019 g., Sankt-Peterburg. T. II: Svyazi, kontakty i vzaimodeystviya drevnih kul'tur Severnoy Evrazii i civilizaciy Vostoka v epohu paleometalla (IV–I tys. do n.e.). K 80-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa V.S. Bochkareva* ("Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the context of connections and interactions within the Eurasian cultural space (new data and concepts): Proceedings of the International Conference, November 18–22, 2019, St. Petersburg. Vol. II: Connections, contacts and interactions of ancient cultures of Northern Eurasia and civilizations of the East in the Paleometallic era (IV–I thousand BC). To the 80th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist V.S. Bochkarev"), IIMK RAN, Nevskaya Tipografiya, Saint Petersburg, vol. 2, pp. 219–222. (In Russ.)

Lun'kov, V.Yu., Kuz'minykh, S.V., Orlovskaya, L.B. 2013, "Results of x-ray fluorescence analysis: series of 2011–2013", *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* ("Analytical Investigations of Laboratory of Natural Scientific Methods"), vol. 3, IA RAN, Moscow, pp. 56–88. (In Russ.)

Mimokhod, R.A. 2011, "Radiocarbon Chronology of Block of Post-Catacomb Cultural Entities", *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* ("Brief Reports of the institute of Archeology"), iss. 225, pp. 28–53. (In Russ.)

Mimokhod, R.A. 2016, "Cultural and chronological comment on materials from barrow 2 of Lipetsk barrow necropolis", *Lipetskiy kurgan – pamiatnik elity dono-volzhskoy abashevskoy kultury. Nauchnye trudy OOO NPO «Chernozemye»* ("Lipetsk Kurgan – Monument of Nobles from Don–Volga Abashevo Culture. Researches of NPO Chernozemye LLC"), vol. 4, Novy vzglyad, Lipetsk, Voronezh, pp. 35–49. (In Russ.).

Mimokhod, R.A. 2022, "Middle Volga Abashevo culture and Bell Beaker culture: family portrait sketches", *The Archaeology of the Eurasian Steppes*, no. 5, pp. 69–76. DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.122.150 (In Russ.)

Molodin, V.I., Yepimakhov, A.V., Marchenko, Zh.V. 2014, "Radiocarbon chronology of the South Urals and the South of the Western Siberia Cultures (2000–2013-years investigations): principles and approaches, achievements and problems", *Vestnik NSU*, no. 3 (13), pp. 136–167. (In Russ.)

Obydennov, M.F., Gorbunov, V.S., Muravkina, L.I., Obydennova, G.T., Garustovich, G.N. 2001, *Tubyak: Bronze Age Settlement in South Urals*. BGPU, Ufa, 159 p. (In Russ.)

Panyushkina, I.P. 2015, "Calendar Age of Khalvay Kurgan Group", *Shevnina, I.V., Logvin, A.V. Mogilnik epokhi bronzy Halvay III v Severnom Kazakhstane. Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana. T. VII* ("Shevnina, I.V., Logvin, A.V. Bronze Age Burial Ground Halvay III in North Kazakhstan. Materials and Researches on Archaeology of Kazakhstan. Vol. VII"), Astana, pp. 184–186. (In Russ.)

Priakhin, A.D. 1996, *Metallurgists-Established Mosolovskoe Settlement of Late Bronze Age.* Book 2, VGU, Voronezh, 196 p. (In Russ.)

Pryahin, A.D., Besedin, V.I., Zaharova, E.Y., Savrasov, A.S., Safonov, I.E., Svistova, E.B. 2001, *Don-Volga Abashevo Culture*. VGU, Voronezh, 172 p. (In Russ.)

Ravich, I. G., Ryndina, N.V. 1984, "Studying Properties and Microstructure of Copper–Arsenic Alloys in Terms of Their Use in Antiquity", *Khudozhestvennoe nasledie: khranenie, issledovanie, restavratsiya* ("Artistic Heritage: Storage, Research, Restoration"), no. 9 (39), pp. 114–124. (In Russ.)

Salnikov, K.V. 1967, *Essays on Ancient History of Southern Urals*. Nauka, Moscow, 408 p. (In Russ.)

Solovyev, B.S. 2005, "Urino (Ust-Vetluga) settlement(Based on Excavations From 2001–2004)", *Russian Archaeology,* no. 4, pp. 103–111. (In Russ.)

Solovyev, B.S. 2016, "Archaeological Cultures of Southern Volga Forest Region at the Turn of Middle and Late Bronze Ages", *Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzhya* ("Materials and Researches of Volga Region"), vol. 9, Yoshkar-Ola, 412 p. (In Russ.)

Chernykh, E.N. 1970, "Ancient Metallurgy of Ural and Volga Region", *MIA*, vol. 172, Nauka, Moscow, 180 p. (In Russ.)

Chernykh, E.N. 2007, *Kargaly: Phenomenon and Paradoxes of Evolution; Kargaly in System of Metallurgical Provinces. Hidden (Sacred) Aspects of Life of Archaic Miners and Metallurgists*. Yazyki Slavyanskoy Kultury, Moscow, 200 p. (In Russ.)

Chernykh, E.N., Valkov, D.V. 2004, "Stone Artifacts: Hammers, Anvils, Ore Mills", *Selishche Gornyy: Arkheologicheskie materialy. Tehnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva. Arkheobiologicheskie issledovaniya* ("Gorny Site: Archaeological Materials. Mining and Metallurgy Technology. Archaeobiological Studies"), Yazyki Slavyanskoy Kultury, Moscow, pp. 157–181. (In Russ.)

Chernykh, E.N., Kuzminykh, S.V. 1987, "Sites of Seima-Turbino Type in Eurasia", *Arkheologiya SSSR. Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR* ("Archeology of USSR. Bronze Age in Forest Zone of USSR"), Nauka, Moscow, pp. 84–105, 201–208. (In Russ.)

Chernykh, E.N., Kuzminykh, S.V. 1989, *Ancient Metallurgy in Northern Eurasia (Seima-Turbino Phenomenon)*. Nauka, Moscow, 320 p. (In Russ.)

Chernykh, E.N., Lebedeva, E.Yu., Kuzminykh, S.V., Lunkov, V.Yu. 2005, "Pershino Cemetery: Kurgan No. 1", *Nekropoli na Kargalakh; naselenie Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya* ("Cemeteries at Kargaly; Population of Kargaly: Palaeoanthropological Investigations"), Yazyki Slavyanskoy Kultury, Moscow, pp. 21–211. (In Russ.)

Chernykh, E.N., Lunkov, V.Yu. 2009, "Method of X-Ray Fluorescence Analysis of Copper and Bronze at Institute of Archeology Laboratory", *Analiticheskie issledovaniya Laboratorii estestvennonauchnykh metodov* ("Analytical Studies of Natural Science Research Laboratory"), iss. 1, IA RAN, Moscow, pp. 78–83. (In Russ.)

Chernykh, E.N., Orlovskaya, L.B. 2013, "On database of calendar radiocarbon chronology for «Preliterate» Age of Cultures in Western Eurasia", *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* ("The Analytical Studies of the Natural Science Research Laboratory"), iss. 3, IA RAN, Moscow, pp. 8–15. (In Russ.)

Shevnina, I.V., Logvin, A.V. 2015, "Bronze Age settlementHalvay III in North Kazakhstan", *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana* ("Materials and Researches on Archaeology of Kazakhstan"), book VII, FIA im. A.H. Margulana, Astana, 248 p. (In Russ.)

Engovatova, A.V., Lunkov, V.Yu., Lunkova, Yu.V., Mednikova, M.B. 2021, "New scientific data of materials from the Starshy Nikitinsky necropolisand its place in the chronology of the Middle Volga Abashevo culture", *Samara Journal of Science*, vol. 10, no. 3, pp. 148–152. DOI: https://doi.org:10.17816/snv2021103203 (In Russ.)

Yunger, H., Karpelan, K. 2005, "On Radiocarbon Dates Produced for the Burial Site of Ust-Vetluzhsk", *Russian Archaeology*, no. 4, p. 112 (In Russ.)

Artemyev, D.A., Ankushev, M.N. 2019, "Trace Elements of Cu-(Fe)-sulfide inclusions in Bronze Age copper slags from South Urals and Kazakhstan: ore sources and alloying additions", *Minerals*, vol. 9 (12), p. 746. DOI: https://doi.org/10.3390/min9120746

Hansen, S. 2012, "Bronzezeitliche Horte: Zeitliche und Raumliche Rekontextualisierungen", *Hort und Raum. Aktuelle Forschungen zu bronzezeitlichen Deponierungen in Milleteuropa*, De Gruyter, Berlin, Boston, pp. 23–48. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110290257.23

Сведения об авторах

Владимир Юрьевич Луньков, научный сотрудник, Институт археологии РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: vlunkov69@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5294-2214

Юлия Владимировна Лунькова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: ylunkova@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9295-1126

Сергей Владимирович Кузьминых, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3926-2185

Любовь Болеславовна Орловская, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: lborl47@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-2449-4098

Николай Борисович Щербаков, кандидат исторических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация, г. Уфа, E-mail: sherbakov@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-7731-7178

Ия Александровна Шутелева, кандидат исторических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация, г. Уфа, E-mail: shutelevai@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6852-5415

Information About the Authors

Vladimir Y. Lun'kov, researcher, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: vlunkov69@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5294-2214

Yulia V. Lun'kova, Ph.D., researcher, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: ylunkova@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9295-1126

Sergey V. Kuzminykh, Ph.D., leading researcher, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail:kuzminykhsv@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3926-2185

Lyubov B. Orlovskaya, senior researcher, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: lborl47@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-2449-4098

Nikolai B. Shcherbakov, Ph.D., associate professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russian Federation, Ufa. E-mail: sherbakov@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-7731-7178

Iia A. Shuteleva, Ph.D., associate professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russian Federation, Ufa. E-mail: shutelevai@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6852-5415

УДК 903.25 (571/574)
ББК 63.442.6 (253.37)

CC BY

Дата поступления статьи: 10.08.2022
Дата принятия статьи: 12.10.2022

МИГРАЦИИ НА ВОСТОКЕ АНДРОНОВСКОГО МИРА (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Светлана Владимировна Сотникова
Центр археологических исследований, Надым, Россия
E-mail: svetlanasotnik@mail.ru

Аннотация. Рассматривается группа памятников, расположенных на территории степного и лесостепного Алтая и прилегающих районов Восточного Казахстана (археологические и антропологические материалы). Всеми исследователями признается, что андроновское население в данном регионе появляется в результате миграции. По традиции его считают федоровским. Но федоровской является только керамика, тогда как комплекс украшений считать однозначно федоровским нельзя. Они обнаруживают сходство с украшениями как алакульского, так и федоровского облика, южных регионов обитания андроновцев – Семиречья и прилегающих районов Средней Азии. Наиболее значимо сходство редких типов изделий – трапециевидных подвесок-обойм с полушарными выпуклостями и, более того, всего головного украшения, частью которого они являлись. Такой вид украшения и головного убора встречается только в алтайско-восточноказахстанском регионе и Семиречье. Подобное сходство не могло возникнуть случайно. Вероятно, речь должна идти о миграции. Автор приходит к выводу о типологическом и хронологическом приоритете семиреченских трапециевидных изделий, так как они обнаружены в комплексах, атрибутированных как алакульские или смешанные алакульско-федоровские. Сходство некоторых специфических деталей других типов украшений Алтая с изделиями Средней Азии также указывает на то, что миграция шла с территории, где андроновское население тесно контактировало с населением Средней Азии, в том числе оседло-земледельческим (Бустон-VI). Но возможность оттока андроновского населения на территорию оседло-земледельческих культур была ограничена, поэтому основным направлением миграционного движения стало восточное и северо-восточное – на Алтай и в Восточный Казахстан. На данном этапе изученности представляется, что это была не разовая миграция, а периодически повторяющиеся миграционные импульсы, в результате которых происходит переселение отдельных алакульских, алакульско-федоровских и, возможно, федоровских групп из южных районов, что оказало определенное влияние на формирование алтайско-восточноказахстанских андроновцев. Антропологические и одонтологические материалы не противоречат данному выводу.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Алтай, Восточный Казахстан, Семиречье, андроновская культура, миграции, украшения, антропология

Цитирование. Сотникова С.В., 2022. Миграции на востоке андроновского мира (по археологическим и антропологическим материалам) // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 227–242. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.004

UDC 903.25 (571/574)
LBC 63.442.6 (253.37)

Submitted: 10.08.2022
Accepted: 12.10.2022

MIGRATIONS IN THE EAST OF ANDRONOVO WORLD (based on archaeological and anthropological materials)

Svetlana V. Sotnikova
LLC "Center of Archaeological Research", Nadym, Russia
E-mail: svetlanasotnik@mail.ru

Abstract. The article studies the archaeological and anthropological materials that belong to the Andronovo population, who lived in steppe and forest-steppe Altai and Eastern Kazakhstan. The Andronovo population appears in this region as a result of migration. Traditionally, it is believed to have the Fedorovka origin. However, the author claims that the Fedorovka origin is doubtless only with respect to the pottery, while jewelry assemblage demonstrates more heterogeneous traits. Most items look similar to the finds of both the Alakul and the Fedorovka type. They resemble the style of the jewelry from the southern regions of the Andronovo world – Zhetysu and adjacent Middle Asian territories. The article particularly focuses on a rare type of embelishment. These are tapered pendants with hemispherical bumps that used to be parts of a headdress. Such elaborately decorated pendants and headdressers were discovered only in Altai – Eastern Kazakhstan region and in Zhetysu. This cannot be a coincidence. It must be a sign, pointing out the directions of migration. The author concludes that Zhetysu pendants and the entire way of headdress decoration have typological and chronological priority, since they were discovered within assemblages equipped in Alakul or mixed Alakul-Fedorovka fashion. Specific details of some other types of embellishments from Altai are similar to those of items coming from the Middle Asia. This indicates that the migration was coming from the territory where the Andronovo population had connections with the Middle Asia peoples, including settled farmers (Buston - VI). But the Andronovo population could not freely migrate towards settled farming cultures. Therefore, they mainly migrated to the east and north-east towards Altai and Eastern Kazakhstan. The studies so far allow to assume that it was not a single

migration. There were regular migration impulses that resulted in particular Alakul, Alakul - Fedorovka and possibly Fedorovka groups from southern regions. These migrations contributed to Altai – Eastern Kazakhstan population of the Andronovo culture. Anthropological and odontological data leave room for hypothesis about an Alakul component in the South Altai Andronovo population. Besides, they prove genetic connections between the groups of southern origin.

Keywords: Bronze Age, Altai, Eastern Kazakhstan, Zhetysu, Andronovo culture, migrations, jewelry, anthropology

Citation. Sotnikova S.V., 2022. Migrations in the East of the Andronovo world (based on archaeological and anthropological materials). *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 227–242. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.004

Введение

Всеми исследователями признается, что андроновское население на территории юга Западной Сибири появляется в результате миграции и относится к федоровской культуре. Локальная специфика андроновских (федоровских) памятников Алтая, Барабинской лесостепи, Минусинской и Кузнецкой котловин, безусловно, свидетельствует о различии культурно-исторических процессов, под влиянием которых формировался облик этих территориальных групп. В данной статье рассматривается группа погребальных памятников, расположенных на территории степного и лесостепного Алтая (Фирсово-XIV, Рублево-VIII, Чекановский Лог-II, X, Кытманово, Нижняя Суетка, Ново-Александровка и др.) и прилегающих районов Восточного Казахстана (Маринка, Малый Койтас, Акмола, Кенжеколь, Мичурино). Принадлежность этих памятников к федоровской культуре у большинства исследователей не вызывает сомнений, но, в тоже время, допускается некоторое влияние алакульской традиции [Гутков, Папин, Федорук, 2014. С. 311–320 и др.]. Мною ранее было высказано мнение о том, что следует говорить не только о влиянии, но и возможном проникновении отдельных алакульских групп на территорию Алтая [Хабарова, 1994. С. 64–66].

Специфика данной территориальной группы могильников проявляется в том, что федоровской является только керамика, тогда как комплекс украшений считать однозначно федоровским нельзя. Такие категории украшений, как просверленные раковины, просверленные клыки, а также трубчатые серьги, желобчатые подвески в 1,5 оборота, изготовленные на бронзовой основе и плакированные золотой фольгой, более характерны для алакульских памятников. Вместе с тем, типично федоровские бронзовые серьги с раструбом в этих могильниках встречаются редко. Например, в одном из самых крупных могильников Алтая Фирсово-XIV серег с раструбом не обнаружено.

Атрибуция этих памятников как однозначно федоровских не вполне согласуется с выводами антропологов, которые не исключают присутствия алакульского компонента в популяциях андроновского населения Алтая и их генетической связи с группами южного происхождения [Солодовников, 2005; Тур, 2009; 2011]. Вывод антропологов об южных связях андроновцев Алтая до сих пор не был востребован археологами. Вероятно, основная причина кроется в том, что длительное время считались, что федоровские памятники южных районов (Семиречье, Средняя Азии) являются достаточно поздними. Очень активно эти положения во многих своих работах отстаивала Е.Е. Кузьмина, которая относила данные памятники к XIII–XII и даже к XI–IX вв. до н.э. [Кузьмина, 2008. С. 68–69 и др.], что соответствовало ее концепции «арии – путь на юг». Соответственно, сибирские и восточно-казахстанские андроновские материалы рассматривались как более ранние. На этом основании исследователи считали, что федоровские памятники Семиречья (кульсайский тип) формируются «в результате переселения группы племен федоровской культуры андроновской культурно-исторической общности из восточных регионов (Южная Сибирь, Алтай, Восточный Казахстан) и смешения их с местными племенами эпохи бронзы. Возникновение подобных памятников на территории Семиречья произошло, вероятно, не ранее XII–XI вв. до н.э.» [Марьяшев, Горячев, 1999. С. 55]. В рамках этой археологической концепции выводы антропологов о южных генетических связях алтайских андроновцев не находили объяснения, более того, противоречили ей. Важным этапом в изучении данной проблемы стало получение новых радиоуглеродных калиброванных дат, которые значительно удревняют андроновские (алакульские, федоровские, алакульско-федоровские) памятники Семиречья. В свете новых радиоуглеродных дат выводы антропологов о южных генетических связях алтайских андроновцев представляют значительный интерес и позволяют по-новому взглянуть на археологические материалы Алтая (прежде всего, на металлические украшения) с точки зрения направления миграций. Обратимся к рассмотрению миграционных путей андроновского населения на основании комплексного анализа данных археологии (украшения) и антропологии.

Археологические материалы

Украшения редко рассматриваются как показатель миграции населения эпохи бронзы, чаще в качестве такового выступает керамика, как наиболее массовый материал. Е.Е. Кузьмина достаточно ка-

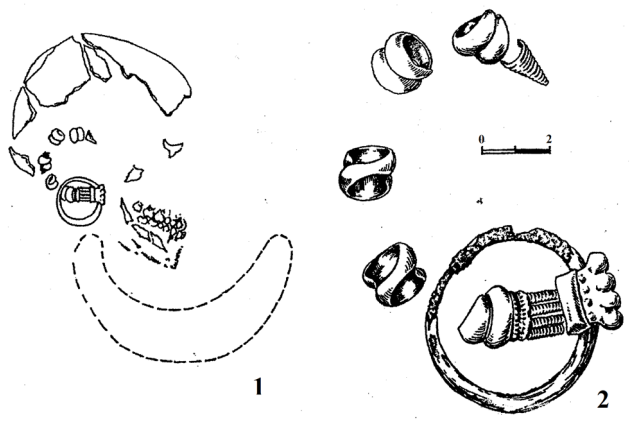

Рис. 1. Могильник Рублево-VIII, украшения из могилы № 85. *1* – фрагмент плана погребения; *2* – план расположения ушного украшения с трапециевидными подвесками (по: [Кирюшин и др., 2006])

Fig. 1. Rublevo-VIII burial, embellishments from grave no. 85. *1* – burial plan fragment; *2* – layout plan of ear embellishment with tapered pendants (after: [Kiryushin et al.., 2006])

тегорично утверждает: «…украшения не являются культурно-определяющим признаком. Решающее значение имеют керамические комплексы» [Кузьмина, 2008. С. 99]. Вместе с тем, в той же работе встречается и противоречащий этому утверждению вывод, что при миграциях, особенно в другую экологическую нишу, «гончарная керамика быстро заимствуется пришельцами» [Кузьмина, 2008. С. 93]. Вероятно, однозначного ответа на данный вопрос не существует и в каждом конкретном случае вопрос о том, какая категория вещей является отражением миграции, должен решаться исходя из характера имеющегося материала. К этому можно добавить, что согласно этнографическим данным, костюм и украшения, особенно входящие в состав головного убора, являются важным этнодифференцирующим признаком. Соответственно, в том случае, если речь идет не об единичных археологических находках, а о целом комплекте украшений, входящих в состав головного убора, то такой факт требует самого пристального рассмотрения. Особенно, когда такие комплекты украшений получают достаточно широкое распространение на территориях, удаленных друг от друга на значительное расстояние.

В среде андроновского населения Алтая и Восточного Казахстана получил распространение специфический вид ушного украшения, не характерный ни для федоровцев, ни для алакульцев других регионов. Украшение состояло из нескольких деталей: подвесок в 1,5 оборота, трапециевидных подвесок с полушарными выпуклостями, конусовидных ребристых наверший, ребристых пронизей, иногда дополнялось трубчатыми серьгами. Все изделия изготовлены на бронзовой основе и плакированы золотой фольгой. Благодаря уникальной сохранности захоронения в могиле № 85 могильника Рублево-VIII, мы имеем возможность наглядно представить как выглядело это ушное украшение [Кирюшин и др., 2006. Рис. 2, *1, 2*] (рис. 1). В целом, подвески в 1,5 оборота, ребристые пронизи и трубчатые серьги характерны, прежде всего, для алакульского населения, иначе говоря, весь комплект ушного украшения составлен из украшений алакульского типа. Но наиболее выразительной деталью этого сложносоставного украшения являются трапециевидные подвески, которые представляют несомненный интерес для выяснения вопроса о направлениях миграций на востоке андроновского мира.

Трапециевидные подвески с полушарными выпуклостями. Эти изделия долго считались характерными только для андроновского населения степного и лесостепного Алтая и Восточного Казахстана. Недавно на территории Семиречья в андроновских могильниках Тесик-I и Мадьярсай-I были найдены трапециевидные подвески-обоймы, сопоставимые с алтайскими и восточно-казахстанскими, которые также входили в состав подобного составного ушного украшения. Таким образом, трапециевидные подвески представляют собой достаточно редкий вид украшения, получивший распространение в двух достаточно удаленных друг от друга регионах.

По имеющимся на данный момент материалам можно выделить три типа трапециевидных подвесок с полушарными выпуклостями.

Тип 1 (более 30 экз.). Подвески в форме низкой трапеции, нижний край которой оформлен в виде 3–5 полушарных выпуклостей. По верхнему краю нанесен ряд отверстий для крепления (рис. 2, *1–5*). Большинство подвесок дополнительного орнамента не имело. На двух подвесках из Рублево-VIII над полушарными выпуклостями нанесен несложный орнамент, состоящий из четырех жемчужин, на двух других – равнобедренные треугольники вершиной вниз, выполненные в пунсонной технике [Кирюшин и др., 2006. С. 36–37. Рис. 1, *5, 9*] (рис. 2, *2, 3*). Верхнюю часть подвесок прикрывали обоймой – гладкой, без орнамента или орнаментированной (ряд жемчужин, горизонтальные каннелюры) [Демин, Запрудский, Ситников, 2011. С. 37–38. Рис. 8, *7*; 11, *1*; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007. С. 28. Рис. 64, *20–23* и т.д.] (рис. 2, *1*). По существу, это составная подвеска, состоящая из низкой трапеции и обоймы. Ареал распространения подвесок типа 1 охватывает территории степного и лесостепного Алтая и отчасти Восточного Казахстана. Это наиболее многочисленный тип трапециевидных подвесок.

К этому же типу следует отнести трапециевидную подвеску из разрушенного погребения № 54 (курган 6 могила 2) могильника Сопка-2 (Барабинская лесостепь, Верхнее Приобье), которое исследователи относят к позднекротовскому (черноозерскому) этапу кротовской культуры, но не исключают и андроновскую принадлежность этого погребения. Нижний угол подвески частично обломан, сохранилось три полушарных выпук-

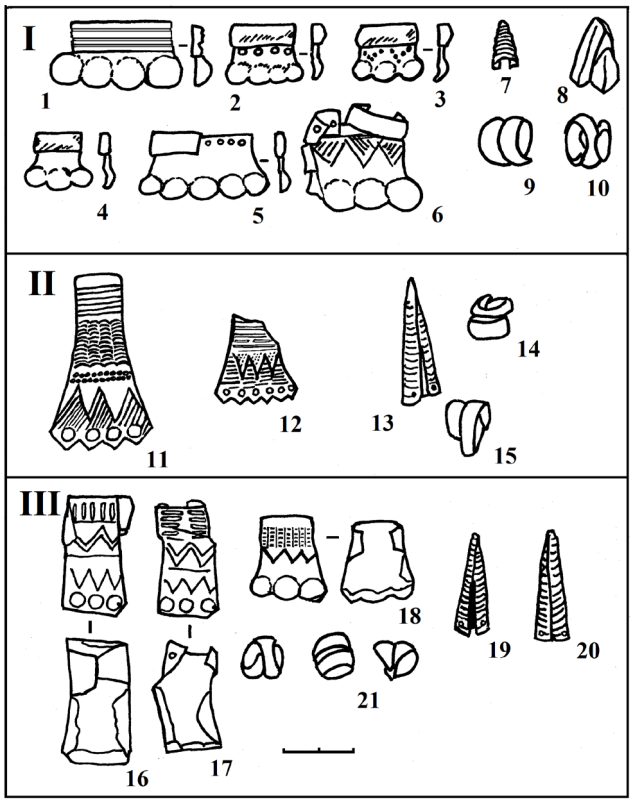

Рис. 2. Типы трапециевидных подвесок и другие детали ушного украшения (подвески в полтора оборота, конусовидные навершия). *I* – тип 1 трапециевидных подвесок: *1* – Чекановский Лог-X; *2, 3* – Рублево-VIII; *4, 5* – Фирсово-XIV; *6* – Сопка-2; другие украшения: *7, 9, 10* – Рублево-VIII; *8* – Чекановский Лог-X (по: [Демин, Запрудский, Ситников, 2011; Кирюшин и др., 2006; Позднякова, 2000; Молодин, Гришин, 2019]); *II* – тип 2 трапециевидных подвесок: *11* – Малый Койтас; *12* – Акмола; другие украшения: *13, 15* – Акмола; *14* – Малый Койтас (по: [Грязнов, 1927; Кадырбаев, 1969]); *III* – тип 3 трапециевидных подвесок: *16, 17* – Мадьярсай-I; *18* – Тесик-I; другие украшения: *19–21* – Мадьярсай-I (по: [Горячев, 2020б; Горячев, Потапов, Чернов, 2021]). *11* – бронза (?), *остальное* – бронза, золото

Fig. 2. Types of tapered pendants and other ear embellishment details (pendants half-turned, tapered tips). *I* – type 1 of tapered pendants: *1* – Chekanovsky Log-X; *2, 3* – Rublevo-VIII; *4, 5* – Firsovo-XIV; *6* – Sopka-2; other embellishments: *7, 9, 10* – Rublevo-VIII; *8* – Chekanovsky Log-X (after: [Demin, Zaprudskiy, Sitnikov, 2011; Kiryushin et al.., 2006; Pozdnyakova, 2000; Molodin, Grishin, 2019]); *II* – type 1 of tapered pendants: *11* – Malyy Koytas; *12* – Akmola; other embellishments: *13, 15* – Akmola; *14* – Malyy Koytas (after: [Gryaznov, 1927; Kadyrbaev, 1969]); *III* – type 3 of tapered pendants: *16, 17* – Madyarsay-I; *18* – Tesik-I; other embellishments: *19–21* – Madyarsay-I (after: [Goryachev, 2020; Goryachev, Potapov, Chernov, 2021]). *11* – bronze(?), *rest* – bronze, gold

лости, но, вероятно, их было четыре. Выше гравировкой нанесен ряд из трех (вероятно, также было четыре) равнобедренных треугольников с косой штриховкой вершиной вниз. Верхняя часть подвески была прикрыта гладкой обоймой без орнамента. Подвеска и обойма изготовлены из бронзового листа, плакированного золотом [Молодин, Гришин, 2019. С. 9–11, 109, 110. Рис. 7, *5*; 162, *1*] (рис. 2, *6*). Подвеска отличается от остальных подвесок первого типа более сложным орнаментом.

Тип 2 (2 экз.). Подвески в форме высокой трапеции (верхняя часть имеет форму вытянутого прямоугольника, а нижняя – расширение в форме трапеции). Нижний край оформлен в виде зубцов и ряда мелких жемчужин, над ними располагался достаточно сложный орнамент из рядов заштрихованных треугольников, горизонтальных каннелюр, вертикальных колонок, заполненных короткими горизонтальными линиями. Подвески второго типа встречены только в Восточном Казахстане, в могильниках Малый Койтас (1 экз.) [Грязнов, 1927. Рис. 25, *3*] (рис. 2, 11) и Акмола (1 экз.) [Кадырбаев, 1969. Табл. III, *8*]. Подвеска из могильника Акмола обломана в верхней части (рис. 2, *12*). Способ крепления подвесок 2 типа не ясен, но это не составные изделия. В обоих погребениях обнаружены сопутствующие ушные украшения. В погребении из могильника Малый Койтас – подвеска в 1,5 оборота (рис. 2, *14*), в могильнике Акмола – подвеска в 1,5 оборота и конусовидное ребристое навершие (рис. 2, *13, 15*).

Тип 3 (3, возможно, 4 экз.). Недавно на территории Семиречья в андроновских могильниках Мадьярсай-I (2 экз.) (рис. 2, *16, 17*) и Тесик-I (1 экз.) (рис. 2, *18*) были найдены трапециевидные подвески-обоймы, которые можно выделить в тип 3. Семиреченские трапециевидные украшения также изготовлены на бронзовой основе и плакированы золотой фольгой. Они идентичны в конструктивном решении и декоративном оформлении. Конструктивная основа изделий была выполнена из листа меди Т-образной формы. Горизонтальные плечики этой формы загибались назад, образуя обойму. Центральная часть обоймы заполнялась орнаментальной композицией. Рельефный рисунок на бронзовых пластинах создавался методом чеканки и тиснения [Горячев 2020б. С. 145–146. Рис. 6, *1*]. Нижняя часть всех изделий оформлена в виде трех полушарных выпуклостей. На украшениях из могильника Мадьярсай-I выше идет ряд из трех гладких треугольников вершиной вниз, причем вершина каждого треугольника соотнесена с полусферой предыдущего ряда. Третий ярус образует зигзагообразная линия с двумя изломами. Четвертый (верхний) ярус на одной обойме оформлен в виде вертикальных линий, на другой – в виде двух вертикальных колонок, заполненных горизонтальными линиями. На украшении из могильника Тесик-I выше полушарных выпуклостей проходит полоса зигзага с тремя изломами, верхний (третий ярус) образуют семь вертикальных колонок, заполненных короткими горизонтальными линиями [Горячев, Потапов, Чернов, 2021. С. 25. Рис. 8, *5–7*]. В Семиречье трапециевидные подвески-обоймы входили в состав аналогичного сложносоставного ушного украшения, включающего подвески в 1,5 оборота и конусовидные ребристые навершия, которые также изготовлены на бронзовой основе и плакированы золотой фольгой [Горячев, 2020б. С. 136–137, 146. Рис. 6; Горячев, Потапов, Чернов, 2021. С. 15, 25. Рис. 3, *6, 7*] (рис. 2, *19–21*).

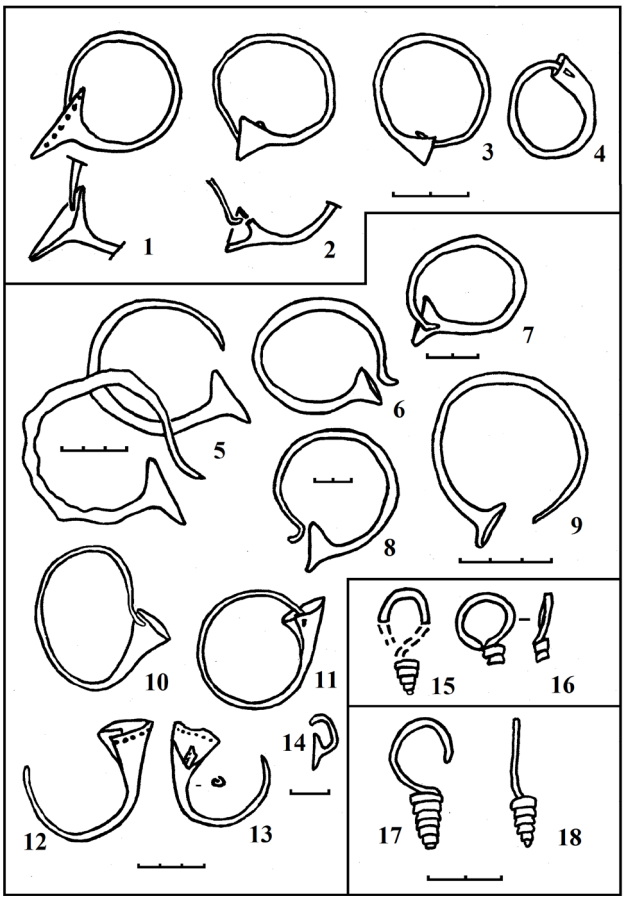

Рис. 3. Серьги с раструбом (*1–14*) и серьги с конической спиралью (*15–18*). *1, 2* – Рублево-VIII; *3* – Кытманово; *4* – Малый Койтас; *5, 17, 18* – Тамгалы-IV; *6, 7* – Каргалы-I; *8* – Ой-Джайляу-III; *9* – Тегирмен-сай; *10, 12* – Муминабад; *11* – Таш-Тюбе-II; *13, 14* – Бустон-VI; *15, 16* – Чекановский Лог-X (по: [Кирюшин и др., 2006; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007; Грязнов, 1927; Рогожинский, 1999; Мотов, 2007; Горячев, 2008; Абетеков, 1963; Аванесова, 1972, 2013; Демин, Запрудский, Ситников, 2011]). *1, 5–9, 12, 13, 15, 17, 18* – бронза; *2, 3, 10, 14* – золото; *4, 11* – бронза, золото; *16* – белый металл

Fig. 3. C-shape earrings (*1–14*) and tapered spiral earrings (*15–18*). *1, 2* – Rublevo-VIII; *3* – Kymanovo; *4* – Malyy Koytas; *5, 17, 18* – Tamgaly-IV; *6, 7* – Kargaly-I; *8* – Oi-Zhailau-III; *9* – Tegirmen-Say; *10, 12* – Muminabad; *11* – Tash-Tyube-II; *13, 14* – Buston-VI; *15, 16* – Chekanovsky Log-X (after: [Kiryushin et al.., 2006; Umanskiy, Kiryushin , Grushin, 2007; Gryaznov, 1927; Rogozhinskiy, 1999; Motov, 2007; Goryachev, 2008; Abetekov, 1963; Avanesova, 1972, 2013; Demin, Zaprudskiy, Sitnikov, 2011]). *1, 5–9, 12, 13, 15, 17, 18* – bronze; *2, 3, 10, 14* – gold; *4, 11* – bronze, gold; *16* – white metal

Условно к этому типу можно отнести бронзовую трапециевидную подвеску из федоровского могильника Мырзашокы из Центрального Казахстана [Маргулан, 1998. Рис. 189, *58*]. Нижний край подвески оформлен в виде трех полушарных выпуклостей, способ крепления не ясен, так как она обломана.

Таким образом, по своим конструктивным особенностям семиреченские декорированные трапециевидные подвески-обоймы могли служить прототипом алтайско-восточноказахстанских трапециевидных подвесок, как составных типа 1, так и декорированных типа 2, причем составные подвески типа 1 представляли собой, по существу, ту же «обойму», только состоящую из двух частей.

Представляет интерес тот факт, что керамика могильника Мадьярсай-I – с уступчиком на плечике, но орнаментация на посуде практически отсутствует. По мнению А.А. Горячева, подобная посуда ближе к алакульско-атасуской керамике Центрального Казахстана, а исследованная конструкция, представляющая собой длинную цепочку каменных оград, отражает ранний этап освоения этого микрорайона племенами андроновской КИО, который он датирует XIX–XVI вв. до н.э. [Горячев, 2020б. С. 149].

В могильнике Тесик-I могила 1, в которой обнаружена трапециевидная подвеска, относилась к крупной центральной ограде, наиболее ранней в данной конструкции. В могиле найдены сосуды как с уступчиком, так и с плавной профилировкой, без орнамента. В более поздних материалах этого памятника посуда имеет исключительно плавный профиль. Исследователи считают, что в центральной ограде погребены представители смешанной алакульско-федоровской группы населения, но культурная доминанта скорее принадлежала алакульско-атасуской традиции. Они полагают, что изученный погребальный комплекс отражает лишь один небольшой хронологический период функционирования могильника, вероятнее всего, в пределах XVI–XV вв. до н.э. [Горячев, Потапов, Чернов, 2021. С. 29–30].

Таким образом, в Семиречье трапециевидные «ременные обоймы» и весь комплект головного украшения обнаружены в алакульских и алакульско-федоровских комплексах, что, возможно, свидетельствует и о хронологическом приоритете. По-видимому, рассматриваемый комплект ушного украшения следует считать характерным для алакульского населения.

Определенное сходство с материалами Семиречья и прилегающих районов Средней Азии обнаруживают и другие украшения из андроновских могильников Алтая и Восточного Казахстана. Причем в некоторых случаях погребения южных районов также имеют алакульскую атрибуцию. Обратимся к сопоставлению других типов украшений.

Серьги с раструбом, по мнению многих исследователей, характерны для федоровского населения восточного региона. Вместе с тем, некоторые экземпляры, найденные на андроновских могильниках Алтая и Восточного Казахстана, имеют ряд особенностей, сближающих их с изделиями южных регионов, прежде всего, Семиречьем и Средней Азией. На алтайских и восточноказахстанских украшениях в раструбах некоторых экземпляров имеется отверстие, куда вставлялся крючковидный заостренный конец серьги, иначе говоря, отверстие в раструбе использовалось как замок. Подобные золотые серьги с замком обнаружены в алтайских могильниках Рублево-VIII (могила 81) [Кирюшин и др., 2006. С. 34. Рис. 1, *3*] и

Кытманово (могила 4) [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007. С. 9. Рис. 15, *2, 3*] (рис. 3, *2, 3)*. В восточноказахстанском могильнике Малый Койтас (могила 9) серьга с замком в раструбе была изготовлена из бронзы и плакирована золотом [Грязнов, 1927. Рис. 25, *7*] (рис. 3, *4*). Отверстие в раструбе, в которое заходил приостренный крючковидный конец серьги, Н.А. Аванесова считает характерной чертой среднеазиатских серег [Аванесова, 1972. С. 102. Рис. 1, *1, 4*; Аванесова, 1991. С. 51] (рис. 3, *10, 11*). Подобные изделия были распространены и в Семиречье. В погребении 8 могильника Каргалы-I на обоих изделиях приостренный конец загнут крючком, а на раструбе одного из них имеется отверстие, которое использовалось как замок [Мотов, 2007. Рис. 4, *7*] (рис. 3, *6, 7*). В могильнике Ой-Джайляу-III на подобном украшении приостренный конец также загнут крючком [Горячев, Чернов, 2020. Рис. 3, *7*] (рис. 3, *8*). Небольшое крючковидное завершение имеет и серьга с раструбом из могильника Тамгалы-IV, циста 1 [Рогожинский, 1999. Рис. 16, *4*] (рис. 3, *5*).

Значительный интерес представляют бронзовые серьги с раструбом из могилы 62 могильника Рублево-VIII (рис. 3, *1*). Исследователи указывают на такую особенность этого изделия как очень широкий неглубокий раструб диаметром 21 мм, край которого украшен пунсонным орнаментом [Кирюшин и др., 2006. С. 34. Рис. 1, *2*]. В могильнике Муминабад (Средний Зеравшан), как отмечает Н.А. Аванесова, на двух бронзовых серьгах венчик раструба украшен пунсонным орнаментом [Аванесова, 1972. С. 102. Рис. 1, *5*] (рис. 3, *12*). Кроме того, в погребении 79 могильника сапаллинской культуры Бустон-VI (Южный Узбекистан) найдена бронзовая серьга с пунсонным орнаментом по краю раструба, но форма раструба – широкий высокий конус – не идентична алтайскому изделию (рис. 3, *13*). В этом же погребении найдены и другие андроновские украшения – фрагменты бронзового браслета с высоким спиральным навершием, бронзовые пронизка-обоймочка, гофрированная пластина, подвеска. Погребение относится к молалинскому этапу сапаллинской культуры [Аванесова, 2013. С. 84. Табл. 111].

Бронзовые серьги с неглубоким, достаточно широким раструбом распространены в Семиречье и смежных регионах. Они обнаружены в могильнике Тамгалы-IV, циста 1 [Рогожинский, 1999. Рис. 16, *4*] (рис. 3, *5*), в погребении 8 могильника Каргалы-I [Мотов, 2007. Рис. 4, *7*] (рис. 3, *6, 7*), в могильнике Ой-Джайляу-III [Горячев, Чернов, 2020. Рис. 3, *7*] (рис. 3, *8*), а также в Киргизии, в ограде 13 могильника Тегирмен-сай [Абетеков, 1963. Рис. 36, *1*] (рис. 3, *9*). В могильнике Тегирмен-сай серьга с раструбом происходит из погребения с кремацией, которое сопровождается сосудом с ребром и без орнамента, такой же облик имеет сосуд из второго погребения с кремацией. А. Абетеков относит эти погребения к алакульскому этапу андроновской культуры [Абетеков, 1963. С. 95]. В могильнике Тамгалы-IV сосуды приземистые, со слабо выраженным ребром, без орнамента [Рогожинский, 1999. Рис. 16, *6*; 17, *5, 6*]. По мнению А.Е. Рогожинского, керамика могильника принадлежит смешанному алакульско-федоровскому типу, но памятник он атрибутирует как федоровский [Рогожинский, 1999. С. 31]. В могильнике Каргалы-I серьги происходят из погребения с частичной кремацией, сосуд в данном погребении отсутствует, но сосуды из других погребений с округлым плечом, без орнамента. Ю.А. Мотов относит могильник к федоровской культуре [Мотов, 2007. С. 86–87].

Кроме того, в могильнике сапаллинской культуры Бустон-VI в могиле 331 найдена миниатюрная золотая серьга с широким и неглубоким (дисковидным) раструбом (рис. 3, *14*). Это погребение представляло собой ритуальное захоронение кочкара, на черепе которого находилась золотая серьга с раструбом, вокруг шейных позвонков – золотые спиралевидные пронизи и пастовые бусы. Н.А. Аванесова относит погребение к бустонскому этапу сапаллинской культуры [Аванесова, 2013. С. 311. Табл. 35].

Серьги с конической спиралью. Изготовлены из проволоки, нижний конец закручен в коническую спираль в несколько витков, а верхний образует маленькую петлю-дужку, которая вдевалась в мочку уха. На Алтае они встречены в могильниках Подтурино и Чекановский Лог-X. В могильнике Чекановский Лог-X найдены два экземпляра. Серьга, изготовленная из белого металла, обнаружена в могиле 72 [Демин, Запрудский, Ситников, 2011. С. 24. Рис. 18, *3*] (рис. 3, *16*). Серьга из бронзы найдена в могиле 117 [Демин, Запрудский, Ситников, 2011. Рис. 29, *2*] (рис. 3, *15*) вместе с характерным ушным украшением, в состав которого входили трапециевидные подвески с полушарными выпуклостями, подвески в 1,5 оборота, конусовидное ребристое навершие, ребристые пронизи и трубчатые серьги. Все изделия изготовлены из бронзы и плакированы золотом. В могиле также найдены бронзовые бусы и 12 просверленных раковин [Демин, Запрудский, Ситников, 2011. С. 25–26]. Пара аналогичных изделий, изготовленных из бронзы, известна в Семиречье в могильнике Тамгалы-IV, циста 3 [Рогожинский, 1999. Рис. 17, *4*] (рис. 3, *17, 18*). Подобные изделия найдены также в могильниках Средней Азии – Джазы-Кечу (Киргизия) и Арсиф (Фергана) [Аванесова, 1991. Рис. 43, *138, 139*; Кузьмина 2008. С. 65]. Н.А. Аванесова отмечает, что такие серьги имеют очень узкий ареал (Средняя Азия н Приобье) н не находят аналогий в соседних культурных группах [Аванесова, 1991. С. 57, 58].

Бронзовые бляшки-нашивки круглые выпукло-вогнутые, с пунсонным орнаментом по краю или без орнамента, с двумя противолежащими отверстиями для пришивания. На Алтае в могильнике Чекановский Лог-II в могилах 28 и 30 найдено по две выпукло-вогнутых бляшки без орнамента [Демин, Запрудский, Ситников, 2011. С. 21. Рис. 4, *2*]. В могильнике Чекановский Лог-X в могиле 155 находились две бляшки-нашивки, одна – с пунсонным орнаментом по краю, другая – без орнамента [Демин, Запрудский, Ситников, 2011. Рис. 34, *2, 3*] (рис. 4, *1, 2*). В могильнике Кытманово в могиле 20 найдена бронзовая бляшка-нашивка с пунсонным орнаментом по краю, с двумя отверстиями по краям и одним в центре [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007. Рис. 30, *1*], в могиле 29 – аналогичная бляшка, с двумя отверстиями по краям и одним в центре, но без орнамента [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007. Рис. 47, *3*]. В Восточном Казахстане в могильнике Малый Койтас (могила 3) обнаружена кругло-коническая бляшка-нашивка с пунсонным орнаментом и двумя противолежащими отверстиями [Грязнов, 1927. Рис. 25, *8*] (рис. 4, *3*), в могиле 8 – подобная, но без орнамента [Грязнов, 1927. Рис. 25, *9*] (рис. 4, *4*). В могильнике Акмола в кургане 15 ящик 1 найдена одна кругло-коническая бляшка-нашивка, в могиле 1 кургана 19 – четыре кругло-конические бляшки, все без орнамента [Кадырбаев, 1969. С. 94, 96. Табл. III, *10, 11, 17*].

Бляшки-нашивки как с пунсонным орнаментом, так и без орнамента, обнаружены в могильниках Семиречья – Каргалы-I, Тамгалы-VI, Ой-Джайляу-III, Кожабала-I, Кызылбулак-I [Горячев, Чернов, 2020. С. 62, 63. Рис. 6, *1–5, 7, 9, 10*].

Наиболее интересные материалы для сравнения этих украшений происходят из могильника Кызылбулак-I (Семиречье). В погребении 2 ограды 2 бляшка-нашивка с пунсонным орнаментом по краю (рис. 4, *6*) найдена в погребении с кремацией вместе с двумя серьгами с раструбом. Данная оградка отнесена А.А. Горячевым ко второму (позднему) этапу функционирования могильника, датирующемуся «по новой периодизации чаще всего в пределах XVI–XIV/XIII вв. до н.э.» [Горячев, 2020а. С. 100, 124, 125. Рис. 155, *9*]. Кроме того, не менее восьми выпукло-вогнутых бляшек-нашивок без орнамента (рис. 4, *5*) обнаружено в погребении из ограды 38, совершенном по обряду трупоположения [Горячев, 2020а. С. 113. Рис. 172, *9*]. Также из этого погребения происходит плоская бронзовая бляшка-нашивка с тисненым геометрическим орнаментом в виде креста и с четырьмя попарно расположенными противолежащими отверстиями для пришивания [Горячев, 2020а. Рис. 172, *2*]. Как отмечает А.А. Горячев, такие бляшки-нашивки характерны для алакульских памятников и обычно входят в состав женской челюстно-лицевой подвески [Горячев, 2020а. С. 123]. Кроме того, в этом погребении находились и другие украшения, характерные для алакульской традиции – восемь лапчатых подвесок без орнамента из бронзовой пластины [Горячев, 2020а. Рис. 172, *13*]. Подобные украшения входили в состав накосного украшения. Аналогии известны в алакульско-атасуских памятниках Центрального Казахстана. В могильнике Аксу-Аюлы-I (ограда 2, ящик 3) обнаружено шесть накосных подвесок, из них 4 – лапчатые и 2 – ромбовидные [Маргулан и др., 1966. С. 122; Маргулан, 1998. Рис. 189, *65–67*]. В могильнике Былкылдак-II (ограда 4) обнаружены две лапчатые подвески с пунсонным орнаментом [Маргулан и др., 1966. С. 113; Маргулан, 1998. Рис. 189, *62*]. Лапчатые подвески известны и в Семиречье, в могильнике Кожабала-I [Горячев, 2020в. С. 150, 153. Рис. 8, *74–80*]. Материалы могильника Кожабала-I подробно не опубликованы, судя по представленным в публикации рисункам сосудов, на памятнике имеются как алакульские, так и федоровские погребения. Кроме того, в могиле из ограды 38 Кызылбулак-I найдено 10 бронзовых обойм от накосных украшений, просверленная раковина и просверленный клык [Горячев, 2020а. С. 113, 122], которые, вероятно, составляли вместе с лапчатыми подвесками одно накосное украшение. Следует отметить, что использование бронзовых обойм, раковин и клыков характерно для алакульской традиции. Две просверленные раковины найдены также в парном захоронении ограды 40 этого могильника [Горячев, 2020а. С. 113]. В погребении ограды 38 сосуды отсутствовали, но, по составу украшений, это типичное алакульское погребение. Оно интересно тем, что с алакульскими украшениями найдены выпукло-во-

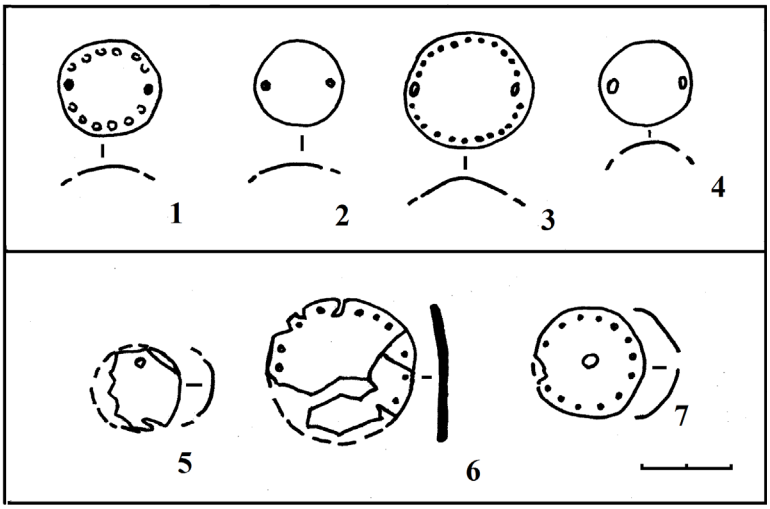

Рис. 4. Бронзовые бляшки-нашивки. *1, 2* – Чекановский Лог-X; *3, 4* – Малый Койтас; *5, 6* – Кызылбулак-I; *7* – Бустон-VI (по: [Демин, Запрудский, Ситников, 2011; Грязнов, 1927; Горячев, 2020а; Аванесова, 2013])

Fig. 4. Bronze patches. *1, 2* – Chekanovsky Log-X; *3, 4* – Malyy Koytas; *5, 6* – Kyzylbulak-I; *7* – Buston-VI (after: [Demin, Zaprudskiy, Sitnikov, 2011; Gryznov, 1927; Goryachev, 2020a; Avanesova, 2013])

гнутые бляшки-нашивки, более характерные для федоровского населения. А.А. Горячев выделяет на данном могильнике два этапа функционирования – ранний и поздний и относит ограды 38 и 40 к раннему этапу. Он считает, что культурная принадлежность могильника Кызылбулак-I на обоих этапах развития в большей степени относится к федоровско-нуринской традиции андроновской общности. Алакульско-атасуский компонент присутствует только среди отдельных видов украшений или способов формовки сосудов, составляющих меньшинство среди материалов могильника [Горячев, 2020а. С. 124, 125]. Выделение на могильнике Кызылбулак-I двух этапов функционирования сомнений не вызывает. Но представляется, что здесь присутствуют как алакульско-атасуские комплексы с трупоположением, тяготеющие к северной части могильника, так и федоровские комплексы с преобладанием кремации, тяготеющие к южной половине кладбища, но обоснование этого положения выходит за рамки данной статьи. Относительно находки бляшек-нашивок важно отметить, что украшения без орнамента отнесены к раннему, а с пунсонным орнаментом – к позднему этапу функционирования могильника Кызылбулак-I.

Бляшки-нашивки известны и в Средней Азии. В могильнике сапаллинской культуры Бустон-VI в могиле 86 обнаружена бронзовая бляшка-нашивка с пунсонным орнаментом по краю и отверстием в центре [Аванесова, 2013. Табл. 9, *4*] (рис. 4, *7*). Могила подбойной конструкции, содержала под северной стенкой остатки кремации, а в центре, на меловой подсыпке, располагался костяк овцы, на уровне передних конечностей – бронзовая бляшка. Н.А. Аванесова относит погребение к бустонскому этапу [Аванесова, 2013. С. 272].

Таким образом, алтайско-восточноказахстанские андроновские украшения имеют значительное сходство с изделиями Семиречья, Киргизии и отчасти других районов Средней Азии. Наиболее интересно сходство редких изделий – трапециевидных подвесок-обойм с полушарными выпуклостями и, более того, всего головного украшения, частью которого они являлись. Такое сходство не могло возникнуть в результате независимого развития, эти территории достаточно удалены друг от друга, поэтому, вероятно, речь должна идти о миграции. Выше уже говорилось о возможном типологическом и хронологическом приоритете семиреченских трапециевидных изделий, так как они обнаружены в комплексах, атрибутированных как алакульские или смешанные алакульско-федоровские. Вопрос о хронологии требует отдельного рассмотрения.

Важным этапом в изучении андроновских памятников Семиречья является получение новых калиброванных радиоуглеродных дат. Из погребения ограды 38 могильника Кызылбулак-I, где обнаружен целый комплекс украшений алакульского типа и бронзовые бляшки-нашивки, были продатированы образцы дерева и человеческих костей. Календарный период рубки дерева в диапазоне вероятности 2σ (82,5 %) составляет 1780–1660 cal BC. Археологический возраст погребенного из этой же ограды по кости путем радиоуглеродного анализа был определен в диапазоне вероятности 2σ (85,1 %) 1750–1600 cal BC [Гасс, Горячев, 2016. С. 111, 112, 114. Табл. 1]. Таким образом, полученные даты укладываются в интервал XVIII – рубеж XVII–XVI вв. до н.э. Учитывая состав украшений из погребения ограды 38, можно говорить о том, что эти даты определяют время алакульских комплексов и, возможно, начало контактов алакульцев с федоровцами. Но распространять эту дату на федоровские комплексы преждевременно. Из данного могильника имеются еще две калиброванные даты (ограды 42 и 45). Археологический возраст погребенного из ограды 45 по кости был определен в диапазоне вероятности 2σ (89,5 %) 1700–1530 cal BC, из ограды 42 дата по кости определена в диапазоне вероятности 2σ (87,2 %) 1750–1600 cal BC [Гасс, Горячев, 2016. С. 111, 112, 114. Табл. 1], т.е. даты из оград 42 и 45 чуть более поздние – середины XVIII – середины XVI вв. до н.э. Ограда 42 содержала захоронение юноши без инвентаря. Ограда 45 интересна тем, что примыкает с востока к ограде 38, которая определена нами как алакульская. В могиле ограды 45 захоронена женщина, сопровождающий инвентарь которой был представлен двумя бронзовыми браслетами с высокими спиралевидными окончаниями, бронзовыми бусами и сосудом [Горячев, 2020а. С. 115–116. Рис. 176]. Сосуд без орнамента, с плавным профилем, может быть условно атрибутирован как федоровский. Браслеты с высоким коническим навершием, безусловно, занимают более позднюю хронологическую позицию по сравнению с браслетами с уплощенной спиралью, но этого недостаточно, чтобы считать такие браслеты отличительной особенностью федоровского населения. Таким образом, материалы оград 38, 42 и 45, имеющие радиоуглеродные датировки в интервале XVIII–XVI вв. до н.э., не содержат достаточно убедительных доказательств именно федоровской принадлежности погребенных. Они характеризуют только более ранние комплексы, локализующиеся в северной половине могильника и содержащие захоронения по обряду ингумации. К тому же часть погребений содержит материал, сопоставимый с алакульской традицией и, вероятно, отражающий начало контактов с федоровцами. Можно также добавить, что все три ограды отнесены А.А. Горячевым к раннему этапу функционирования могильника. К сожалению, наиболее интересная группа оград с яркими проявлениями федоровской традиции (с кремацией и/или серьгами с раструбом) из южной части могильника, относящаяся

ко второму этапу функционирования памятника, оказалась не охвачена радиоуглеродным датированием. Для определения времени существования второй группы некрополя представляют интерес новые калиброванные радиоуглеродные даты, полученные по древесному углю на поселении Бутакты-I, расположенному на окраине г. Алматы. Они были определены в диапазоне вероятности 2σ (94,3 %) 1690–1510 cal BC с пола жилища 1 и в диапазоне вероятности 2σ (95,4 %) 1620–1430 cal BC из хозяйственной ямы данного жилища. Третья дата – 1420–1050 cal BC (95,4 %) с пола жилища 1, по мнению А. Гасса, отражает поздний этап существования данной федоровской жилищной конструкции [Гасс, Горячев, 2016. С. 110, 112. Табл. 1]. Таким образом, первые две даты, укладывающиеся в интервал XVII–XV вв. до н.э., вполне допустимы для федоровских комплексов, содержащих материалы, аналогичные второму этапу существования могильника Кызылбулак-I. С одной стороны, они отражают сравнительно более позднюю хронологическую позицию федоровских комплексов по сравнению с алакульскими, с другой стороны, в интервале XVII–XVI вв. до н.э. (возможно, даже с середины XVIII вв. до н.э.) допускают сосуществование федоровского и алакульского населения и их взаимные контакты, а также наличие комплексов со смешанными алакульско-федоровскими традициями в погребальном обряде и инвентаре.

Калиброванные даты из могильников Семиречья позволяют внести некоторые коррективы в датировку некрополя сапаллинской культуры Бустон-VI. Н.А. Аванесова датирует могильник Бустон-VI второй половиной II тыс. до н.э. (без использования калиброванных дат – С.С.) [Аванесова, 2013. С. 525]. Она отмечает влияние андроновского федоровского населения на формирование некрополя Бустон-VI, что нашло отражение в керамике, металлических изделиях, погребальной традиции, и считает, что условия залегания федоровской керамики на данном памятнике надежно связаны с молалинским этапом сапаллинской культуры и позволяют синхронизировать их [Аванесова, 2010. С. 117]. Кроме того, Н.А. Аванесова полагает, что антропологические материалы этот вывод подтверждают. Но антропологическое заключение звучит следующим образом: «Полученные нами результаты анализа краниологической и остеологической серий из некрополя Бустон VI, позволяют утверждать, что “представителями степного мира эпохи бронзы” в нашем случае вполне могут выступать носители андроновской культуры, неоднородность антропологического типа которых уже общепризнана. Их физическое присутствие на памятнике подтверждается теперь не только археологическими артефактами. По антропологическим материалам более близкими к бустонским являются алакульские группы» [Аванесова, Дубова, Куфтерин, 2010. С. 135–136]. Такая ситуация возможна только в том случае, если бустонское население контактировало на молалинском этапе не с федоровцами, а со смешанными группами алакульско-федоровского населения. Соответственно, с поправкой на новые радиоуглеродные даты, это могло иметь место в интервале XVII–XVI вв. до н.э., а при условии синхронизации, эту дату следует распространить и на молалинский этап. Соответственно, рассмотренное выше погребение 79 некрополя Бустон-VI (молалинский этап), где найдена серьга с пунсонным орнаментом и браслет с высоким спиралевидным навершием, скорее всего, отражает контакты со смешанной алакульско-федоровской группой.

Только для бустонского этапа, как отмечает Н.А. Аванесова, характерны ритуальные погребении кочкаров (баранов) [Аванесова, 2013. С. 28], причем из пяти таких погребений в двух обнаружены андроновские украшения федоровского типа – небольшая золотая серьга с широким неглубоким раструбом, золотые спиралевидные пронизи, пастовые пронизи, бронзовая бляшка с пунсонным орнаментом. Учитывая более позднюю позицию комплексов с кочкарами в рамках сапаллинской культуры, можно предположить, что на бустонском этапе население некрополя эпизодически контактировало уже преимущественно с позднефедоровским населением, что могло иметь место в конце XVI–XV вв. до н.э., но до появления населения с валиковой керамикой, так как для него такие изделия не характерны.

Для определения направления миграций на востоке андроновского мира проведем сопоставление дат из Семиречья и Алтая. Для андроновских могильников Алтая имеются как калиброванные, так и некалиброванные радиоуглеродные даты. В работе 2007 года исследователи приводят некалиброванные даты андроновских могильников Алтая, которые в целом укладываются в интервал XVIII–XIII вв. до н.э., в том числе шесть образцов фрагментов деревянных конструкций из четырех андроновских погребений могильника Рублево-VIII были датированы в интервале XVII–XIV вв. до н.э., для могильника Чекановский Лог-X по костным останкам (3 образца) получены даты XVI–XV вв. до н.э. [Кирюшин и др., 2007. С. 256–258. Табл. 1]. По костным останкам из погребений грунтового могильника Фирсово-XIV получено девять дат с большим хронологическим разбросом от XXII до III вв. до н.э., но важно, что из них шесть дат укладываются в интервал XVIII–XIII вв. до н.э. [Кирюшин и др., 2007. С. 256–258. Табл. 1]. В 2015 году вышла статья Д.В. Папина, который отмечает, что андроновское время Алтая представлено 52 радиоуглеродными датами. Это, прежде всего, материалы грунтового могильника Рублево-VIII (34 образца), Фирсово-XIV (9), Манжиха-V (3), Чекановский лог-X (3) и другие. Для перевода радиоуглеродных дат в календарные

была отобрана 31 дата, имеющая достаточно высокий уровень достоверности. Обобщенный хронологический интервал для серии составляет 1979–1618 гг. до н.э. по первой сигме при 88% вероятности и 2141–1451 гг. до н.э. по второй сигме при 99% вероятности. Соответственно, Д.В. Папин считает, что нижней границей андроновской культуры является XIX–XVIII вв. до н.э., а актуальный верхний предел относится к XVI–XV вв. до н.э. По его мнению, XV век до н.э. является и началом периода поздней бронзы. Вместе с тем, он отмечает, что наблюдается хронологический хиатус между верхней границей андроновской культуры и нижней границей эпохи поздней бронзы, пока в эту лакуну попадают только даты бурлинского типа, но не ирменские и саргаринско-алексеевские [Папин, 2015. С. 136, 137]. Время появления в Восточном Казахстане андроновских комплексов исследователи считают возможным отнести к XIX–XVIII вв. до н.э., но при этом отмечают, что это пока не подтверждено радиоуглеродными датами [Мерц, Святко, 2016. С. 134, 137].

Таким образом, если сравнивать радиоуглеродные калиброванные даты Алтая и Семиречья, то ни один из районов не имеет явного хронологического приоритета перед другим. И здесь нельзя не согласиться с мнением Р.А. Мимохода, который считает, что результаты радиоуглеродного датирования являются основанием для «...установления не абсолютной, а достаточно относительной радиоуглеродной хронологии и выступают в качестве внешней независимой системы, с которой на принципах верификации может сопоставляться система сравнительно-типологической хронологии» [Мимоход, 2011. С. 50].

Возвращаясь к вопросу о типологическом приоритете трапециевидных подвесок с территории Семиречья, которые обнаружены в комплексах, атрибутированных как алакульские или смешанные алакульско-федоровские, вероятно, следует признать их хронологический приоритет перед андроновскими Алтая.

Группа андроновских могильников, локализованная на территории степного и лесостепного Алтая и, отчасти, Восточного Казахстана, могла сложиться под влиянием миграции отдельных групп алакульского, смешанного алакульско-федоровского, федоровского населения с территории Семиречья, а также, возможно, Северного Притяньшанья. По-видимому, это была не разовая миграция, а периодически повторяющиеся миграционные импульсы, но, возможно, и постоянный отток алакульских, алакульско-федоровских, федоровских групп на территорию Алтая и Восточного Казахстана в период существования андроновской культурно-исторической общности. Иначе сложно объяснить ситуацию, когда на самом крупном (из известных на данный момент) могильнике – Фирсово-XIV – широко представлен комплект ушного украшения с трапециевидными подвесками, но отсутствуют серьги с раструбом. На другом, также достаточно представительном памятнике, Рублево-VIII, представлены как комплекты с трапециевидными подвесками, так и серьги с раструбом, причем последние обнаруживают сходство в специфических деталях (широкий раструб, пунсонный орнамент по его краю, замок в раструбе) с изделиями южных регионов. Эти факты скорее свидетельствуют в пользу периодически повторяющихся миграционных импульсов, обусловивших специфический состав металлических украшений отдельных могильников Алтая.

Необходимо учесть и тот факт, что исследователи считают возможным говорить о существовании в Семиречье в Шу-Илейском регионе в эпоху бронзы Хантауского транзитного коридора, связывавшего Центральный Казахстан с Северным Притяньшаньем, что предполагает тесные культурные связи населения этих регионов [Горячев, Егорова Т.А., Егорова К.А., 2020. С. 159]. Более того, Е.Е. Кузьмина объединяла андроновские памятники Семиречья, Южного Казахстана, Киргизии и Южной Ферганы в один семиреченский или семиреченско-ферганский тип [Кузьмина, 2008. С. 64–67]. Таким образом, сходство отдельных андроновских украшений Алтая и Восточного Казахстана с украшениями из андроновских могильников Средней Азии далеко не случайно. Это сходство также указывает на то, что миграция шла из региона, где андроновское население имело постоянные контакты со Средней Азией. Археологические и антропологические материалы могильника сапаллинской культуры Бустон-VI свидетельствуют не только об активных культурных контактах, но и о «физическом присутствии» андроновского населения в составе оседло-земледельческой популяции. Но возможности оттока андроновского населения на территорию оседло-земледельческих культур были, по-видимому, ограничены, поэтому основным направлением миграционного движения стало восточное и северо-восточное – на Алтай и в Восточный Казахстан.

Антропологические материалы

Антропологические материалы являются одним из значимых доказательств миграции населения. Антропологические данные, полученные из могильников степного и лесостепного Алтая (Рублево-VIII и Фирсово-XIV), не противоречат сделанному выше выводу. В ходе изучения краниологических материалов могильника Рублево-VIII исследователи пришли к выводу, что наиболее близкие морфологические характеристики данная серия обнаруживает не с федоровцами Западной Сибири, а с различными группами алакульского населения – с алакульцами Волго-Уралья, петровским и алакульским населением Южного Урала, со сборной алакульской серией Западного Казахстана [Батанина и др., 2017. С. 273]. Одонтологи-

ческое изучение серии из Рублево-VIII показало некоторые различия между мужчинами и женщинами. Наблюдаемое в мужской серии сочетание признаков близко к южному грацильному одонтологическому типу. В целом, одонтологическая серия из Рублево-VIII обнаруживает сходство с алакульским населением Южного Урала и алакульцами Омского Прииртышья. Соответственно, исследователи не исключают присутствие алакульского компонента в популяциях андроновского населения Южного Алтая [Зубова, Кишкурно, Поздняков, 2017. С. 328, 329].

Антропологические материалы Фирсово-XIV были проанализированы К.Н. Солодовниковым (мужские – 28 черепов, женские – 15), который отмечает, что краниологическая серия Фирсово-XIV имеет ярко выраженный европеоидный облик [Солодовников, 2005. С. 129]. В данном исследовании представляет интерес таблица 5, где приводятся обобщенные коэффициенты Л. Пенроза между краниологической серией из могильника Фирсово-XIV (по мужским и женским черепам отдельно) и привлекаемыми для сравнения группами эпохи бронзы. Автор отмечает, что, судя по значениям обобщенных коэффициентов Л. Пенроза «по форме», как мужская, так и женская серии Фирсово-XIV, при сравнении с синхронными материалами, обнаруживает наибольшее сходство с выраженными европеоидными группами, в составе которых прослеживается смешение протоевропейского и средиземноморского морфологических компонентов: андроновцами Западного Казахстана (коэффициент для мужских и женских черепов соответственно – 0,243 и 0,104) и срубниками Нижнего Поволжья (0,214 и 0,117) [Солодовников, 2005. С. 130]. Если продолжить анализ серий на основании таблицы 5, то можно сделать следующие выводы. Среди андроновских серий мужские черепа Фирсово-XIV обнаруживают наибольшее сходство с андроновцами (федоровцами) Среднего Енисея (0,314). Несколько больше обобщенные расстояния с сериями андроновцев (федоровцев) Верхнего Приобья (0,508) и Северо-Восточного Казахстана (0,562). Среди других культур эпохи бронзы значительное сходство с серией тазабагъябской культуры из могильника Кокча-III (0,351) и морфологически «средиземноморскими» сериями древнеземледельческих культур юга Средней Азии – Алтындепе (0,298), Джаркутан (0,496) и Сапаллитепа (0,609). Женские черепа Фирсово-XIV обнаруживают наибольшее сходство с андроновцами (федоровцами) Верхнего Приобья (0,128) и значительное сходство с федоровскими сериями Среднего Енисея (0,252) и Северо-Восточного Казахстана (0,317). С другой стороны, женские черепа, как и мужские, имеют значительное сходство со среднеазиатскими сериями – тазабагъябской культурой (0,333), Алтындепе (0,273), Джаркутан (0,276) и Сапаллитепа (0,438).

К.Н. Солодовников приходит к выводу, что серия из могильника Фирсово-XIV морфологически неоднородна. Для выяснения характера неоднородности исследователем был проведен внутригрупповой анализ главных компонент. При внутригрупповом анализе мужских черепов Фирсово-XIV вся серия разделилась на примерно равные в количественном отношении совокупности, составляющие два кластера [Солодовников, 2005. Рис. 3]. Первый кластер – «протоевропейский» – по средним данным характеризуется чертами «классического» андроновского типа. Второй кластер – «средиземноморский», грацильный. При внутригрупповом анализе женских черепов выделяются два основных кластера [Солодовников, 2005. Рис. 4]. Первый из них, более многочисленный, по средним данным почти идентичен с суммарной мужской серией с учетом полового диморфизма. Типологически в нем выделяются отдельные черепа с особенностями протоевропейского или средиземноморского типов. По мнению исследователя, данный кластер формируется на основе смешения тех же компонентов, что и у мужчин. Второй кластер у женщин меньший в количественном отношении, также смешанный. При этом, основным компонентом смешения является низколицый монголоидный тип, проявляющий особенности западно-сибирской расы в варианте обь-иртышского антропологического типа [Солодовников, 2005. С. 132–134].

Большинство исследователей присутствие черепов средиземноморского антропологического типа в верхнеобской серии объясняют участием в андроновской миграции населения алакульской культуры [Дремов, 1997. С. 95, 96; Батанина и др., 2017. С. 273]. К.Н. Солодовников считает, что «наличие в составе группы из Фирсово-XIV около половины мужчин с чертами средиземноморской расы при отсутствии алакульских элементов в керамике и погребальном обряде могильника… препятствует их идентификации с алакульцами». Поэтому «средиземноморский» кластер серии Фирсово-XIV он связывает с елунинской культурой Алтая [Солодовников, 2005. С. 135]. Однако, на данный момент, когда алакульские элементы фиксируются как по материалам украшений, так и в керамике [Гутков, Папин, Федорук, 2014. С. 318–320] могильников степного и лесостепного Алтая, данный аргумент уже не является убедительным доказательством.

Для межгруппового сопоставления морфологических компонентов, выделенных в составе мужской и женской серий Фирсово-XIV с группами эпохи бронзы, К.Н. Солодовниковым добавлены серии елунинской, самусьской культур, а также, что представляет интерес, среднеазиатские серии из Карадепе и Геоксюра. При анализе мужских групп выделяются два основных кластера [Солодовников, 2005. Рис. 6]. В первый из них

входит «протоевропейский» компонент Фирсово-XIV и серии андроновцев (федоровцев). «Средиземноморский» компонент Фирсово-XIV вошел во второй обширный кластер, который формируют долихокранные сравнительно узколицые европеоидные группы. Причем «средиземноморцы» Фирсово-XIV оказались наиболее близки как с сериями многоваликовой и срубной культур Украины, так и с сериями из Геоксюра [Солодовников, 2005. С. 139], а также (судя по рис. 6 – С.С.) Каратепе и Алтындепе.

При межгрупповом сопоставлении женских групп К.Н. Солодовниковым выделяются три основных кластера. Первый из них образуют группы древнеземледельческих культур юга Средней Азии. Второй формируют выраженные европеоидные, абсолютно и относительно более широколицые серии андроновцев Енисея, Верхнего Приобья, Северо-Восточного и Западного Казахстана, а также срубной и тазабагъябской культур. Сюда же он относит женские черепа первого кластера Фирсово-XIV, но при этом отмечает, что они «тяготеют к группам юга Средней Азии» [Солодовников, 2005. С. 141]. Этот вывод вызывает сомнения, так как на рисунке 7, где представлены результаты многомерного шкалирования и кластеризации расстояний Пенроза «по форме», первый кластер женской серии Фирсово-XIV совершенно отчетливо входит не во второй, а в первый кластер, вместе с женскими сериями древнеземледельческих культур юга Средней Азии – Каратепе, Геоксюра, Алтындепе, Джаркутана и Сапаллитепа.

Эта поправка имеет немаловажное значение для выводов, сделанных в первой части статьи по археологическим материалам о том, что миграция алакульского, смешанного алакульско-федоровского, федоровского населения шла с территории, где андроновское население тесно контактировало с оседло-земледельческим миром Средней Азии.

Третий кластер женской серии составляют серии с ощутимой долей монголоидного компонента: кротовцев Сопки-II и андроновцев Преображенки-III. Сюда же вошел второй кластера Фирсово-XIV [Солодовников, 2005. С. 141].

Несомненное значение имеет вывод К.Н. Солодовникова о том, что четкость выделения исходных компонентов, а также малочисленность компонента северного происхождения в составе серии Фирсово-XIV по сравнению с материалами из других андроновских могильников с территории лесостепного Алтая, указывают на начало их смешения и, косвенно, на более раннюю датировку этого могильника в кругу памятников андроновской культуры Верхнего Приобья [Солодовников, 2005. С. 144]. К этому следует добавить, что, несмотря на то, что Фирсово-XIV является одним из самых крупных раскопанных на данный момент андроновских могильников Алтая, в нем отсутствуют серьги с раструбом – характерный атрибут федоровского населения.

С.С. Тур проведен анализ краниоскопических особенностей носителей андроновской культуры Алтая [Тур, 2011. С. 147–155]. Она отмечает, что краниоскопические (дискретно-варьирующие, или неметрические) признаки, представляющие собой анатомические вариации в строении черепа, регистрируются по принципу «присутствие–отсутствие» и являются важным источником информации при изучении происхождения и этногенетических связей палеопопуляций. Анализ краниоскопических особенностей носителей андроновской культуры Алтая позволяет независимым образом проверить основанные на краниометрических данных противоречивые гипотезы относительно направления генетических связей алтайских андроновцев. Было исследовано более 80 черепов андроновской культуры Алтая, в том числе из могильников Фирсово-XIV (44 черепа), Чекановский Лог-II и X (14 черепов), Маринка (4), Березовский (4). Параллельно С.С. Тур использовала две программы – японскую программу Ханикара, Исида из 20 признаков (использовалось 19) и программу российского антрополога А.Г. Козинцева из 6 признаков (использовалось 5). Для сравнения ею были привлечены как современные серии, так и древние, в том числе, по программе А.Г. Козинцева, серии энеолита Туркмении, афанасьевцев Горного Алтая и Минусинской котловины, андроновская серия Минусинской котловины, андроновская серия Северного, Восточного и Центрального Казахстана. По результатам анализа по 19 признакам серия андроновской культуры Алтая занимает промежуточное положение, обусловленное сочетанием «западных» и «южных» особенностей. С.С. Тур отмечает, что такое сочетание двух разнонаправленных тенденций отражает смешанный характер данной группы. По результатам анализа материалов по пяти признакам (по программе А.Г. Козинцева) территориальные группы андроновцев обнаруживают существенную вариабельность. Наиболее выражены различия между алтайской и минусинской сериями, первая попадает в область «южных» значений, вторая – «северных». Казахстанская серия занимает промежуточное положение в зоне трансгрессии. По результатам анализа материалов по программе А.Г. Козинцева, С.С. Тур приходит к заключению, что «андроновское население Алтая имеет сходство с южными европеодными группами и этим отличается … от других территориальных групп андроновцев …» [Тур, 2011. С. 153]. Таким образом, «изучение краниоскопических особенностей носителей андроновской культуры Алтая с использованием двух разных методических подходов дало сходные результаты. Оба комплекса признаков в той или иной мере отражают генетическое влияние южных европеоидов» [Тур, 2011. С. 154].

С.С. Тур проведен также одонтологический анализ населения андроновской культуры Алтая [Тур, 2009. С. 228–236]. Было исследовано более

90 черепов андроновской культуры Алтая, в том числе из могильников Фирсово-XIV (51 череп), Чекановский Лог-II и X (18 черепов), Маринка (7) и Березовский (4). Для сравнения были привлечены как современные серии, так и древние (некрополь Гонур, Южный Таджикистан). Одонтологические серии Гонура и андроновцев Алтая вошли в группу южного происхождения, они сближаются с современными группами южных европеоидов. В результате исследования С.С. Тур приходит к выводу, что «по одонтологическим данным исследованная выборка населения андроновской культуры Алтая характеризуется как европеоидная, генетически связанная с группами южного происхождения» [Тур, 2009. С. 235]. Таким образом, результаты одонтологического и краниоскопического исследования андроновского населения Алтая совпадают и свидетельствуют о генетической связи с группами южного происхождения.

Заключение

Андроновское население на территории Алтая появляется в результате миграции. Это положение признается всеми исследователями. Но принадлежность мигрантов к андроновцам-федоровцам не имеет надежного обоснования. Этому препятствует целый ряд фактов, которые свидетельствуют о значительной роли алакульского компонента в составе андроновцев Алтая. Комплекс алтайских украшений как алакульского, так и федоровского облика, обнаруживает сходство с украшениями южных регионов обитания андроновцев – Семиречьем и прилегающими районами Средней Азии. Формирование андроновского населения степного и лесостепного Алтая и, отчасти, Восточного Казахстана, могла происходить под влиянием миграции отдельных групп алакульского, смешанного алакульско-федоровского, федоровского населения с территории Семиречья, а также, возможно, Северного Притяньшанья. Специфический состав металлических украшений отдельных могильников Алтая (Фирсово-XIV, Рублево-VIII) скорее свидетельствуют в пользу периодически повторяющихся миграционных импульсов, но не исключают и варианта постоянного оттока алакульских, алакульско-федоровских, федоровских групп на территорию Алтая и Восточного Казахстана в период существования андроновской культурно-исторической общности.

Вероятно, возможности распространения андроновского населения на территорию оседло-земледельческих культур были ограничены, поэтому основным направлением миграционного движения стало восточное и северо-восточное – на Алтай и в Восточный Казахстан.

Антропологические и одонтологические материалы свидетельствуют о присутствии алакульского компонента в популяциях андроновского населения Южного Алтая, а также о генетической связи с группами южного происхождения. В тоже время, как представляется на данный момент, андроновское население Алтая формировалось под влиянием нескольких миграционных потоков (как алакульских, так и федоровских) из разных регионов андроновской культурно-исторической общности. Миграционный поток из южных районов являлся только одним из них. Это подтверждается, например, тем фактом, что в состав алтайского головного убора с трапециевидными подвесками входили также трубчатые серьги, которые не получили распространения в среде андроновцев Семиречья и Средней Азии, но зато были широко представлены в алакульских могильниках Казахстана и Южного Урала. Но более конкретные выводы можно будет сделать только после полной публикации материалов базовых для Алтая могильников – Фирсово-XIV и Рублево-VIII, а также материалов из Восточного Казахстана, что позволит привлечь для сопоставления также керамику и погребальный обряд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абетеков А. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай // КСИА. 1963. № 93. С. 93–95.

Аванесова Н.А. Особенности среднеазиатских украшений эпохи развитой бронзы // Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Новая серия. Вып. 218. 1972. С. 97–110.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

Аванесова Н.А. Проявление степных традиций в сапаллинской культуре // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы междунар. конф., Самарканд, 7–8 сентября 2009 г. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2010. С. 107–133.

Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: МИЦАИ, 2013. 640 с.

Аванесова Н.А., Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Палеоантропология некрополя сапаллинской культуры Бустон VI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 118–136.

Батанина О.В., Зубова А.В., Кишкурно М.С., Поздняков Д.В., Чикишева Т.А. Антропологические материалы эпохи бронзы из могильника Рублево-VIII // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 265–274.

Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 5. С. 85–123.

Горячев А.А. О погребальных традициях племен поздней бронзы урочища Ой-Джайляу в Чуилийских горах // Мировоззрение населения Юж-

ной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. II / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Азбука, 2008. С. 44–59.

Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2020а. 260 с.

Горячев А.А. Могильник эпохи бронзы Мадьярсай-I северо-восточных склонов гор Киндыктас // Теория и практика археологических исследований. 2020б. № 1 (29). С. 135–151. DOI: https://doi.org/10.14258/tpai(2020)1(29).-09

Горячев А.А. Погребальные комплексы бронзового века Хантауского транзитного коридора // История и археология Семиречья. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Горячев. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2020в. С. 135–157.

Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова К.А. Петроглифы эпохи палеометалла в горах Хантау // История и археология Семиречья. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Горячев. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 158–178.

Горячев А.А., Потапов С.А., Чернов М.А. Погребальный комплекс эпохи бронзы урочища Тесик // Археология Казахстана. 2021. № 1 (11). С. 9–34. DOI: https://doi.org/10.52967/akz2021.1.11.9.34

Горячев А.А., Чернов М.А. Металлические изделия из погребальных комплексов эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора // Вестник Карагандинского университета. Серия история, философия. 2020. № 3 (99). С. 54–70. DOI: https://doi.org/10.31489/2020HPh3/54-70

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Антропологические очерки. Вып. 1. Л.: АН СССР, 1927. С. 179–221.

Гутков А.И., Папин В.В., Федорук О.А. Культурные особенности андроновской керамики из могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой / Отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 311–320.

Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул: АлтГПА, 2011. 128 с.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: ТомГУ, 1997. 364 с.

Зубова А.В., Кишкурно М.С., Поздняков Д.В. Одонтологическая характеристика андроновского населения Степного Алтая по материалам могильника Рублево-VIII // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 326–330.

Кадырбаев М.К. Акмола – памятник андроновской культуры // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука» Каз. ССР, 1969. С. 91–106.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Орлова Л.А., Папин Д.В. Хронология бронзового века на Алтае (проблемы радиоуглеродного датирования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. XIII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 255–259.

Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / Отв. ред. С.П. Грушин. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 33–44.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.: Летний Сад, 2008. 558 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.

Маргулан А.Х. Сочинения. В 14 томах. Т. 1. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы: Атамура, 1998. 400 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья // История и археология Семиречья / Отв. ред. Т.А. Егорова. Алматы: Фонд «XXI век», 1999. С. 44–56.

Мерц И.В., Святко С.В. Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана. Первый опыт // Теория и практика археологических исследований. 2016. Вып. 1 (13). С. 126–150. DOI: https://doi.org/10.14258/tpai(2016)1(13).-09

Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 28–51.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 5. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2019. 223 с.

Мотов Ю.А. Могильник эпохи бронзы Каргалы I // История и археология Семиречья. Вып. 3 / Отв. ред. Ю.А. Мотов. Алматы: Фонд «Родничок», 2007. С. 80–87.

Папин Д.В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник КемГУ. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 135–138.

Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы 40-й РАЭСК. Т. III. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 47–53.

Рогожинский А.Е. Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья / Отв. ред. Т.А. Егорова. Алматы: Фонд «XXI век», 1999. С. 7–43.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово-XIV: к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. Вып. 6. С. 127–147.

Тур С.С. Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Известия АлтГУ. 2009. № 4 (64). Т. 2. С. 228–235.

Тур С.С. Краниоскопическая характеристика носителей андроновской культуры Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 147–155.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: АлтГУ, 2007. 132 с.

Хабарова С.В. О проникновении алакульских групп на территорию Верхней Оби // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 64–66.

REFERENCES

Abetekov, A. 1963, "Burials of Bronze Age NecropolisTegirmen-Sai", *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* ("Brief Reports of Institute of Archaeology"), iss. 93, pp. 93–95. (In Russ.)

Avanesova, N.A. 1972, "Features of Central Asian Jewelry of Developed Bronze Age", *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta im. Alishera Navoi, Novaya seriya.* ("Proceedings of Samarkand State University named after Alisher Navoi. New Series"), iss. 218, pp. 97–110. (In Russ.)

Avanesova, N.A. 1991, *Culture of Pastoral Tribes of Bronze Age of USSR Asian Part (on metal products)*. Fan, Tashkent, 200 p. (In Russ.)

Avanesova, N.A. 2010, "Manifestation of Steppe Traditions in Sapalli Culture", *Tsivilizatsii i kultury Centralnoy Azii v edinstve i mnogoobrazii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, Samarkand, 7–8 sentyabrya 2009 g.* ("Civilizations and Cultures of Central Asia in Unity and Diversity. Proceedings of International Conference, Samarkand, September 7–8, 2009"), MITSAI, Samarkand-Tashkent, pp. 107–133. (In Russ.)

Avanesova, N.A. 2013, *Buston VI – Necropolis of Fire Worshippers of Pre-Urban Bactria*. MITSAI, Samarkand, 640 p. (In Russ.)

Avanesova, N.A., Dubova, N.A., Kufterin, V.V. 2010, "Skeletal remains from Buston VI – a Sapalli culture cemetery in Uzbekistan, Archaeology", *Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 1 (41), pp. 118–136. (In Russ.)

Batanina, O.V., Zubova, A.V., Kishkurno, M.S., Pozdnyakov, D.V., Chikisheva, T.A. 2017, "Anthropological Materials of the Bronze Age from the Rublyovo VIII Burial Ground", *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* ("Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories"), vol. XXIII, IAET SO RAN, Novosibirsk, pp. 265–274. (In Russ.)

Gass, A., Goryachev, A.A. 2016, "On the typology and chronology of Bronze Age cemeteries in the mountainous area of the Trans-ili Alatau", *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 15, no. 5, p. 85–123. (In Russ.)

Goryachev, A.A. 2008, "On Funerary Traditions of Late Bronze Age Tribes of Oi-Dzhailau Tract in Chuili Mountains", *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Centralnoy Azii v istoricheskoy retrospective* ("Worldview of Southern Siberia and Central Asia Population from Historical Point of View"), iss. II, Azbuka, Barnaul, pp. 44–59. (In Russ.)

Goryachev, A.A. 2020a, *Ancient Archaeological Complex of Upper Reaches of Kishi-Turgen Gorge*. A.H. Margulan IA, Almaty, 260 p. (In Russ.)

Goryachev, A.A. 2020b, "Bronze Age burial mound Madyarsai-I from north-east slopes of Kindyktas of the mountains", *Theory and practice of archaeological research*, no. 1 (29), pp. 135–151. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.14258/tpai(2020)1(29).-09

Goryachev, A.A. 2020c, "Burial Complexes of Bronze Age of Khantau Transit Corridor", *Istoriya i arkheologiya Semirech'ya* ("History and Archeology of Semirechye"), iss. 7, A.H. Margulan IA, Almaty, pp. 135–157. (In Russ.)

Goryachev, A.A., Egorova, T.A., Egorova, K.A. 2020, "Petroglyphs of Paleometallic Epoch in Khantau Mountains", *Istoriya i arkheologiya Semirechya* ("History and Archeology of Semirechye"), iss. 7, A.H. Margulan IA, Almaty, pp. 158–178. (In Russ.)

Goryachev, A.A., Potapov, S.A., Chernov, M.A. 2021, "Funeral complex of Bronze age of the Tesik tract", *Kazakhstan archaeology*, no. 1 (11), pp. 9–34. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.52967/akz2021.1.11.9.34

Goryachev, A.A., Chernov, M.A. 2020, "Metal objects found in burial complexes of Khantau transit corridor", *Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy series,* no. 3 (99), pp. 54–70. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31489/2020HPh3/54-70

Gryaznov, M.P. 1927, "Burials of Bronze Age in Western Kazakhstan", *Kazaki. Antropologicheskie ocherki* ("Cossacks. Anthropological Essays"), iss. 1, AN USSR, Leningrad, pp. 179–221. (In Russ.)

Gutkov, A.I., Papin, V.V., Fedoruk, O.A. 2014, "Cultural Features of Andronovo Ceramics from Rublevo VIII Burial Ground", *Arii stepey Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredelnykh territoriyakh: sbornik pamyati E.E. Kuzminoy* ("Arias of Eurasian Steppes: Epoch of Bronze and Early Iron in Steppes of Eurasia and Adjacent Territories: Memoirs Collection of E.E. Kuzmina"), AltGU, Barnaul, pp. 311–320. (In Russ.)

Demin, M.A., Zaprudsky, S.S., Sitnikov, S.M. 2011, *Andronovo Decorations of Gilevsky Archaeological Microdistrict*. AltGPA, Barnaul, 128 p. (In Russ.)

Dremov, V.A. 1997, *Population of Upper Ob Region in Bronze Age (Anthropological Essay)*. TomGU, Tomsk, 364 p. (In Russ.)

Zubova, A.V., Kishkurno, M.S., Pozdnyakov, D.V. 2017, "Odontological Characteristics of the Forest-Steppe Altai Andronovo Population based on the Materials from the Rublyovo VIII Burial Ground", *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* ("Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories"), vol. XXIII, IAET SO RAN, Novosibirsk, pp. 326–330. (In Russ.)

Kadyrbayev, M.K. 1969, "Akmola – Monument of Andronovo Culture", *Kultura Drevnikh Skotovodov i Zemledelcev Kazakhstana* ("Culture of Ancient Pastoralists and Farmers of Kazakhstan"), Nauka Kaz. SSR, Alma-Ata, pp. 91–106. (In Russ.)

Kiryushin, Y.F., Grushin, S.P., Orlova, L.A., Papin, D.V. 2007, "Chronology of Bronze Age in Altai (Problems of Radiocarbon Dating)", *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy. Materialy godovoy sessii IAET SO RAN* ("Issues of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Materials of Annual Session of IAET SB RAS"), vol. XII, IAET SO RAN, Novosibirsk, pp. 255–259. (In Russ.)

Kiryushin, Y.F., Pozdnyakova, O.A., Papin, D.V., Shamshin, A.B. 2006, "Collection of Metal Ornaments from Andronovo Complex Burials of Rublevo-VIII Burial Ground", *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsij bronzovogo veka* ("Altai in System of Metallurgical Provinces of Bronze Age"), AltGU, Barnaul, pp. 33–44. (In Russ.)

Kuzmina, E.E. 2008, *Arias – the Way to the South*. Letniy Sad, Moscow, 558 p. (In Russ.)

Margulan, A.H., Akishev, K.A., Kadyrbayev, M.K., Orazbayev, A.M. 1966, *Ancient Culture of Central Kazakhstan*. Nauka, Alma-Ata, 436 p. (In Russ.)

Margulan, A.H. 1998, "Begazy-Dandybayev Culture of Central Kazakhstan", *Sochineniya. V 14 tomah* ("Essays. In 14 Volumes"), vol. 1, Atamura, Almaty, 400 p. (In Russ.)

Maryashev, A.N., Goryachev, A.A. 1999, "Kulsai Monuments of Late and Final Bronze Age in Semirechye", *Istoriya i arлheologiya Semirechya* ("History and Archeology of Semirechye"), XXI Century Foundation, Almaty, pp. 44–56. (In Russ.)

Merts, I.V., Svyatko, S.V. 2016, "First radiocarbon chronology of the Early Bronze Age sites in North-Estern Kazakhstan. First experience", *Theory and practice of archaeological research*, iss. 1 (13), pp. 126–150. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.14258/tpai(2016)1(13).-09

Mimohod, R.A. 2011, "Radiocarbon Chronology of Post-Catacomb Cultural Formations Block", *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* ("Brief Reports of Institute of Archeology"), iss. 225, pp. 28–51. (In Russ.)

Molodin, V.I., Grishin, A.E. 2019, *Monument Sopka-2 on Omi Rive*r. Vol. 5, IAET SO RAN, Novosibirsk, 223 p. (In Russ.)

Motov, Y.A. 2007, "Burial Ground of Bronze Age of Kargaly I", *Istoriya i arkheologiya Semirechya* ("History and Archeology of Semirechye"), iss. 3, Rodnichok Foundation, Almaty, pp. 80–87. (In Russ.)

Papin, D.V. 2015, "Chronology of the Late Bronze Age sites of the steppe and forest-steppe Altai", *The Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (62), vol. 6, pp. 135–138. (In Russ.)

Pozdnyakova, O.A. 2000, "Issue of Interpretating Burials of Women with Headdresses (based on materials of the Andronovo complex of the Firsovo-XIV burial ground)", *Nasledie drevnikh i traditsionnykh kultur Severnoy i Centralnoy Azii. Materialy 40-y RAESK* ("Heritage of Ancient and Traditional Cultures of North and Central Asia. Materials of the 40th RAESK"), vol. III, NGU, Novosibirsk, pp. 47–53. (In Russ.)

Rogozhinsky, A.E. 1999, "Burial Grounds of Bronze Age Tamgaly Tracts", *Istoriya i arkheologiya Semirechya* ("History and Archaeology of Semirechye"), XXI Century Foundation, Almaty, pp. 7–43. (In Russ.)

Solodovnikov, K.N. 2006, "Paleoanthropological Material from the Andronovo Cemetery of Firsovo-XIV in the Light of development of the Upper Ob Population During the Bronze Age", *Vestnik Arhaeologii, Antropologii i Etnografii,* iss. 6, pp. 127–147. (In Russ.)

Tur, S.S. 2009, "Odontological Characteristics of Population of Andronovo Culture in Altai", *Izvestiya of Altai State University,* no. 4 (64), vol. 2, pp. 228–235. (In Russ.)

Tur, S.S. 2011, "A Nonmetric Cranial Study of the Andronovo Series from the Altai", *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia,* no. 1 (45), pp. 147–155. (In Russ.)

Umansky, A.P., Kiryushin, Yu.F., Grushin, S.P. 2007, *Funeral Rite of Population of Andronovo Culture of Prichumyshye (based on materials of the Kytmanovo burial ground)*. AltGU, Barnaul, 132 p. (In Russ.)

Khabarova, S.V. 1994, "On Penetration of Alakul Groups into Territory of Upper Ob", *Paleodemografiya i migratsionnye processy v Zapadnoy Sibiri v drevnosti i srednevekovye* ("Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Antiquity and Middle Ages"), AltGU, Barnaul, pp. 64–66. (In Russ.)

Сведения об авторе

Светлана Владимировна Сотникова, кандидат исторических наук, доцент, научный консультант ООО «Центр археологических исследований», Российская Федерация, г. Надым. E-mail: svetlanasotnik@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4970-9160

Information About the Author

Svetlana V. Sotnikova, Ph.D., associate professor, scientific consultant, LLC "Center of Archaeological Research", Russian Federation, Nadym. E-mail: svetlanasotnik@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4970-9160

УДК 902 (571.1)
ББК 63.442.6/63.442.7 (232)

CC BY

Дата поступления статьи: 23.08.2022
Дата принятия статьи: 12.09.2022

МИГРАЦИИ В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ В КОНЦЕ БРОНЗОВОГО – НАЧАЛЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ

Юрий Петрович Чемякин
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-mail: yury-che@yandex.ru

Аннотация. Древние миграции далеко не всегда оставляют в археологических источниках явные следы. Но в ряде случаев артефакты позволяют однозначно интерпретировать их как свидетельства передвижения населения. В Сургутском Приобье накануне и в течение раннего железного века зафиксированы две бесспорные крупные миграции, причем в противоположных направлениях. В конце бронзового века сюда с севера проникают коллективы атлымской культуры. В районе Белогорского материка, где сформировалась эта культура, известно около 20 ее памятников. Столько же открыто в бассейне Конды и в низовьях Иртыша. В Сургутском Приобье выявлено не менее 45 атлымских поселений и местонахождений. Они содержат оригинальную керамику, отличающуюся от местной не только формой, орнаментацией, но и технологией. Взаимодействие носителей атлымской культуры с населением аборигенной барсовской приводит к формированию белоярской культуры. Она существовала в первой половине раннего железного века и представлена более чем 100 памятниками (селища, укрепленные поселения, местонахождения). В этот же период в регион с юга приходит население – носители калинкинской культуры. Ее основные характеристики не имеют корней в местных культурах. Это оригинальные планировка поселений, керамика, а также знакомство с коневодством. Район, где она сформировалась, до сих пор неизвестен. Предположительно, это может быть южная тайга Васюганья. В Сургутском Приобье открыто около 60 поселений, городищ и местонахождений калинкинской культуры. В результате взаимной ассимиляции калинкинских групп и населения белоярской культуры складывается сургутский вариант кулайской культуры.

Ключевые слова: миграции, Сургутское Приобье, поздний бронзовый век, ранний железный век, атлымская и барсовская культуры, калинкинская и белоярская культуры

Цитирование. Чемякин Ю.П., 2022. Миграции в Сургутском Приобье в конце бронзового – начале железного веков // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 243–249. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.005

UDC 902 (571.1)
LBC 63.442.6/63.442.7 (232)

Submitted: 23.08.2022
Accepted: 12.09.2022

MIGRATIONS IN THE SURGUT OB REGION AT THE END OF THE BRONZE AGE – THE BEGINNING OF THE IRON AGE

Yury P. Chemyakin
Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia
E-mail: yury-che@yandex.ru

Abstract. Early human migrations, their signs, typology and evidence in archaeological sources have been the subject of considerable interest among scholars for many years. Many articles, conferences and collections of papers are devoted to these topics. It should be noted that, firstly, not all migrations can be traced in archaeological sources and, secondly, not all studies of the sources lead to unambiguous results. However, in some cases data clearly speaks in favor of mass movements of people. In this article attention focuses on Surgut Ob region, where researchers have found dozens of sites dated to the Late Bronze and the Iron Age and referred to the two archaeological cultures having no connections with local cultural substrate. Assemblages discovered at the sites point to mass migrations. One wave of migration happened at the end of the Bronze Age, when groups of the Altym culture came to there from the north. The reasons for their movement were climate fluctuations, such as extreme humidity and cooling, rapid march formation, biomass reduction as well as relative overpopulation on their territory of origin. To date, at least 45 settlements of Altym culture have been identified in the Surgut Ob region. For comparison, only about 20 sites are known in the area of Belogorsk mainland, where this culture was formed. The same amount of settlements has been discovered in the Konda basin and in the lower reaches of the Irtysh river. Interactions of the Altym populations with the representatives of indigenous Barsov culture then led to the formation of the Beloyarsk culture. In the Early Iron Age more people came to the Surgut Ob region from the south; those were representatives of the Kalinkinskaya culture. The main characteristics of this culture such as distinctive settlements layout, ceramics, and horse breeding have no parallels in any local communities. The area of the Kalinkinskaya culture formation is still unknown. Presumably, this could be the southern taiga zone

of Vasyugan region. Approximately 60 settlements and sites of the Kalinkinskaya Culture were discovered in the Surgut Ob Region. As a result of the mutual assimilation of the groups of the Kalinkinskaya and Beloyarsk cultures, a unique Surgut version of the Kulayskaya culture was formed.

Keywords: migrations, Surgut Ob region, Late Bronze Age, Early Iron Age, Atlym and Barsov cultures, Kalinkinskaya and Beloyarsk cultures

Citation. Chemyakin Yu.P., 2022. Migrations in the Surgut Ob region at the end of the Bronze Age – the beginning of the Iron Age. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 243–249. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.005

Вопросам миграций в археологии, их типологии, следам миграций в археологических источниках посвящено немало работ. Их обзор и анализ, методы и критерии выявления были сделаны Л.С. Клейном [Клейн, 1973; Клейн, 1999]. Миграции в Западной Сибири, их причины и последствия в разные эпохи рассматривались М.Ф. Косаревым [Косарев, 1972], им отведена часть сборника Томского университета [Смены…, 1987]. Миграциям посвящены многочисленные конференции, в том числе состоявшаяся недавно на Алтае [Мобильность…, 2019]. Авторы выделяют несколько причин и несколько типов миграций, отмечая при этом, что далеко не все типы миграций оставляют однозначно интерпретируемые следы.

М.Ф. Косарев выделял по социально-экономическим последствиям две основные разновидности древних миграций. 1. Миграции в привычную естественно-географическую среду («логичные») – наиболее обычные переселения, соответствующие понятному желанию мигрантов освоить районы, соответствующие их традиционному хозяйству и быту. 2. Миграции в чуждую ландшафтно-климатическую среду («нелогичные»). Такие переселения случались сравнительно редко, но именно они с наибольшей наглядностью раскрывают механизм разных манер социально-экономической адаптации человеческих коллективов к новым условиям природной среды [Косарев, 1987. С. 4]. Михаил Федорович считал, что в переходное время от бронзового века к железному (как и в другие переходные историко-археологические эпохи) число и роль «нелогичных» миграций в Западной Сибири возрастает; они в большинстве своем вновь направляются из таежных и степных районов в пограничье этих двух природных зон – в лесостепные и южнотаежные области [Косарев, 1987. С. 5].

В основе всех крупных этнопереселенческих движений исторической эпохи, по мнению многих исследователей, лежат демографический и экологический факторы. Этнические перемещения, вызванные этими факторами, В.И. Васильевым названы первичными миграциями [Васильев В., 1987].

Как правило, миграции фиксируются по культурным комплексам, не имеющим корней в местных древностях. Однако, далеко не всегда новые элементы культуры, фиксирующиеся археологически на той или иной территории, являются результатом миграции. Они могут также свидетельствовать об импортах или культурном влиянии [Клейн, 1999. С. 58]. Еще одна проблема – насколько полно отражают новые элементы культуру мигрантов на их родине. Ведь в миграцию часто отправляется не всё общество и не пропорциональный срез всех его слоев и сегментов (репрезентативная выборка), а одна из фракций, например, молодые мужчины-воины, женщины, выходящие замуж, ремесленники и т.п. [Клейн, 1999. С. 59].

Среди крупных миграций, не вызывающих разногласий среди археологов, выделяется миграция нижнеобского населения в конце бронзового века. Ее связывают в первую очередь с носителями атлымской культуры, сформировавшейся в XII–X вв. до н.э. в глубинных таежных районах Нижнего Приобья, на территории Белогорского материка (рис. 1, *1*) [Васильев Е., 2000. С. 76]. На рубеже бронзового и раннего железного веков в Северном Приуралье и Западной Сибири наступил период увлажненности, увеличилась площадь болот, что вызвало сокращение охотничьих угодий и относительное перенаселение. Выходом из этой ситуации стали миграции населения из Нижнего, а затем, видимо, и Сургутского Приобья. Отмечают несколько (минимум две-три) волн миграций. В позднем бронзовом веке крестово-струйчатая керамика появилась на Европейском Северо-Востоке, в районах тундры. Атлымские группы зафиксированы на Конде и Тавде, где проживало лозьвинское население, также вовлеченное в миграционное движение. Последнее в ходе своих переселений достигло Ледовитого океана, низовьев Печоры, но наиболее крупные перемещения происходили в южном направлении, в бассейны Тавды и Лозьвы [Борзунов, 1992. С. 134–135].

По Е.А. Васильеву, в хозяйстве и культуре атлымского населения на рубеже II–I тыс. до н.э. произошли существенные изменения: высокоэффективное рыболовство и широкое внедрение металлических орудий привели к подъему экономики, сопровождавшемуся ростом населения, имевшим скачкообразный характер [Васильев Е., 2000. С. 77]. Это документируется резким увеличением количества археологических памятников атлымской культуры и расширением ее ареала. Видимо, происходили как миграции относительно крупных коллективов, так и локальные инфильтрации не-

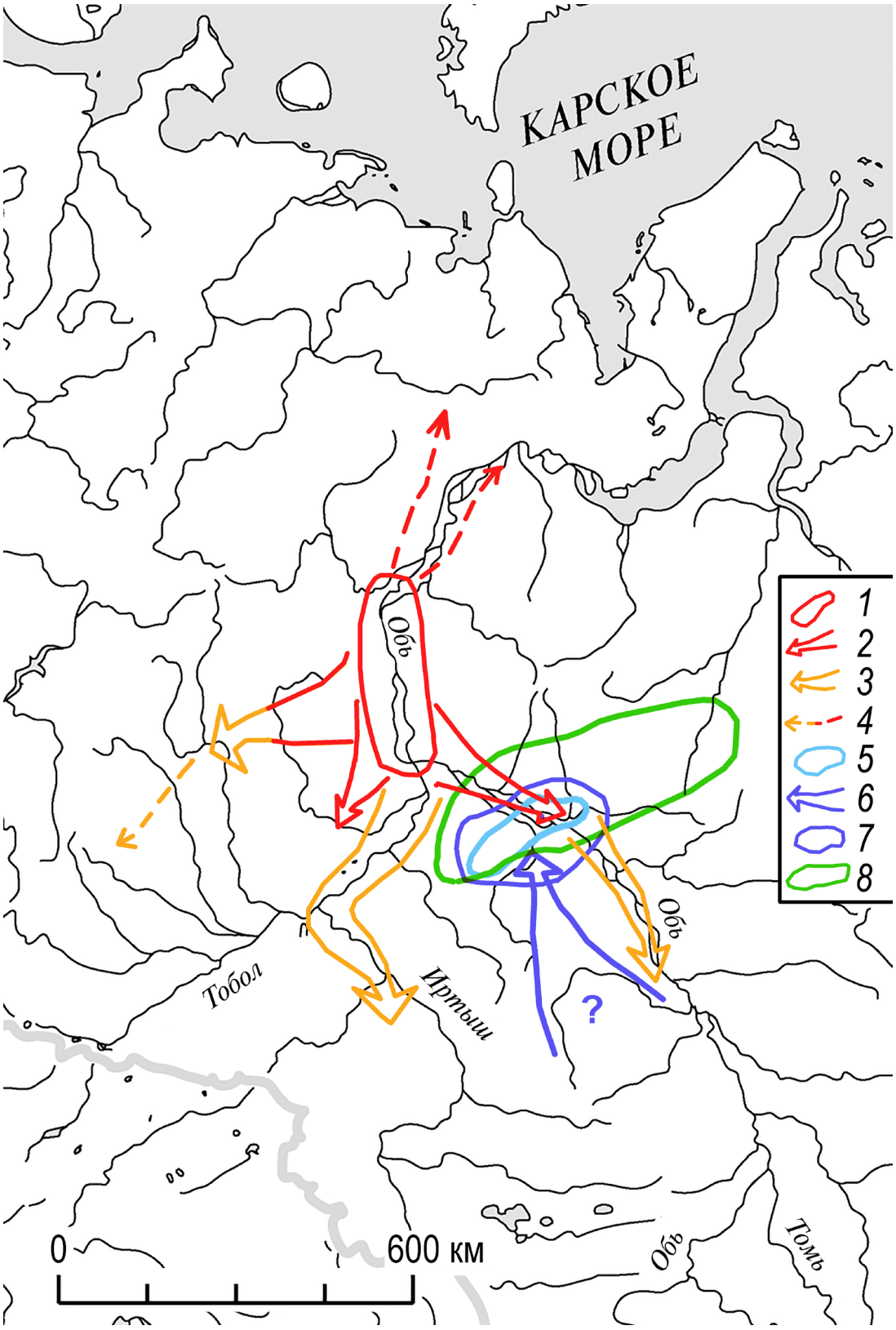

Рис. 1. Карта миграций в Сургутское Приобье в конце бронзового – начале железного веков: *1* – предположительно первичная территория атлымской культуры; *2* – направления атлымских миграций в привычную ландшафтную среду; *3* – направления атлымских миграций в чужеродную ландшафтную среду, приведшие к формированию новых культур; *4* – инфильтрации малочисленных атлымских групп; *5* – ареал барсовской культуры; *6* – направление миграции калинкинского населения; *7* – ареал калинкинской культуры; *8* – ареал белоярской культуры

Fig. 1. Map of migrations to Surgut Ob region at the end of Bronze Age – the beginning of the Iron Age. *1* – presumably the area of origin of the Atlym culture; *2* – directions of the Atlym culture bearers migrations into the familiar landscape environment; *3* – directions of the Atlym culture bearers migrations into the unfamiliar landscape environment, that led to the formation of the new cultures; *4* – Relocations of small groups of the Atlym culture bearers; *5* – Barsovsk culture area of resettlement; *6* – directions of the Kalinkinskaya culture bearers migrations; *7* – Kalinkinskaya culture area or resettlement; *8* – Beloyarsk culture area or resettlement

больших групп. Судя по количеству выявленных памятников, последние совершались в основном в северном и северо-западном направлениях. О них свидетельствуют немногочисленные находки атлымской керамики в тундре (низовья Оби) и на Европейском Северо-Востоке, в бассейне Печоры (рис. 1, *4*). Но в ряде случаев, вероятно, они отражают не инфильтрации населения, а культурные или торгово-обменные контакты.

Атлымские поселения появляются в бассейне р. Конды, в Сургутском Приобье (рис. 1, *2*). Следует отметить, что на этих территориях они сосуществовали с местными культурами (лозьвинской и барсовской). Причем, видимо, не везде это сосуществование носило мирный характер – в низовьях Конды, в бассейне р. Чилимки, известны атлымские городища (Чилимка XIII, Чилимка XXIII) [Глушков, Захожая, 2000. С. 193–195]. Однако, отсутствие городищ на других территориях, появление в раннем железном веке памятников, материальная культура (в первую очередь – керамика) которых сочетает признаки атлымской и аборигенной культур свидетельствуют, возможно, о возникновении территориальных (соседских) общин или о культурном влиянии северного населения [Глушков, Захожая, 2000. С. 43].

Изменение климата в сторону большей увлажненности, активное заболачивание, сдвиг ландшафтных зон к югу, произошедшие накануне эпохи железа [Косарев, 1974. С. 36–38; Львов, 1979. С. 18; Зимина, Сизов, Цембалюк, 2021. С. 50–52], дали толчок к новым миграциям атлымского населения. Если первая волна не выходила за рамки привычной ландшафтной среды (Нижнее Прииртышье, Среднее Приобье, Среднее Зауралье), то мигранты второй волны устремились в южнотаежную и лесостепную зоны, войдя в контакты с населением, знакомым с производящим хозяйством (рис. 1, *3*). Эти контакты привели к формированию новых культур, в которых первоначально преобладали или имели значительный вес черты атлымской культуры (красноозерская, молчановская, завьяловская культуры, памятники тургайского типа) [Абрамова, Стефанов, 1985; Косарев, 1974. С. 121–132; Троицкая, 1985; Бобров, 1999].

В Сургутском Приобье, включая бассейн Агана, открыто около 40–45 атлымских поселений (23 – в урочище Барсова Гора) [Чемякин, 1981; 2008. С. 53–59. Рис. 39–44]. Примерно столько же здесь известно селищ и местонахождений аборигенной барсовской культуры, в том числе 25 – на Барсовой Горе (рис. 1, *5*) [Чемякин, 2008. С. 48–53. Рис. 34–38]. Мигрантов отличает в первую очередь оригинальная посуда – плоскодонные горшки с дугообразно выгнутой шейкой, украшенные крестовыми, гребенчатыми и мелкоструйчатыми штампами. В качестве примеси к глиняному тесту атлымские гончары наряду с шамотом часто использовали дресву, практически неизвестную в местной (барсовской) керамике [Чемякин, 2008. С. 58–59].

Урочище Барсова Гора на правобережье Оби, в 8–15 км к западу от г. Сургут, имеет площадь около 16,3 км^2. По мнению П.А. Косинцева, ведение присваивающего хозяйства на такой ограниченной площади возможно лишь для одного хозяйственного коллектива, состоящего максимум из нескольких десятков человек [Косинцев, 2004. С. 52]. Этот взгляд несколько расходится с нашим представлением о том, что в урочище в определенные периоды на разных поселениях могли проживать представители двух разных культурных традиций. С одной стороны, эти коллективы могли быть малочисленны, с другой – составлять одну хозяйственную единицу (например, территориальную общину). Равное количество одновременных памятников мигрантов и аборигенов, на наш взгляд, подтверждает это. Взаимодействие атлымской и барсовской культур в этом регионе привело к сложению в начале железного века белоярской культуры. Известны ранние белоярские поселения, в керамике которых ощущается большее влияние барсовской культуры (селище Барсова гора I/40) [Чемякин, Кокшаров, 1984], и памятники, где явны черты атлымской культуры (селище Барсова гора III/76) [Погодин, Чемякин, 2006].

Новая миграция в Сургутское Приобье произошла примерно в середине I тыс. до н.э. или чуть раньше. Она имела прямо противоположное направление (рис. 1, *6*). Как и в случае с атлымской миграцией, в регионе появляются памятники, основные характеристики которых не находят корней в предшествующих местных культурах, но выраженные еще ярче. Среди них линейная планировка поселений, плотно поставленные жилища, окруженные канавками, своеобразная керамика с оригинальной орнаментацией. Кроме типичных для таежной посуды горизонтальных линий, поясков вертикальных или наклонных оттисков штампа на ней часты пояски из отпечатков, расположенных в шахматном порядке или сгруппированных по 3–5, часто заключенных между поясками вертикальных или наклонных оттисков. На нескольких памятниках обнаружены кости лошади, неизвестные ни в одновременной белоярской, ни в предшествующих культурах Сургутского Приобья. Мы не знаем, разводили ли пришельцы лошадей, или закупали их в южных регионах для каких-то (ритуальных?) целей, но налицо их знакомство с коневодством. Культура мигрантов названа калинкинской [Чемякин, 2008. С. 74–78. Рис. 59–67; Чемякин, 2019]. Сегодня открыто около 50 селищ и городищ калинкинской культуры (рис. 1, *7*). На 30 из них проведены раскопки, полностью или частично изучено более 70 объектов калинкинской культуры (в том числе 42–45 – на Барсовой Горе), около 20 из них – на городищах. Для сравнения – в Сургутском Приобье сегодня известно свыше 100

памятников белоярской культуры, одновременной калинкинской (рис. 1, *8*). Из них половина – на Барсовой Горе. На многих проведены раскопки, исследованы в разной степени более полутора сотен белоярских построек [Чемякин, 2008. С. 66–74. Рис. 45–58].

Но до сих пор не известна территория, откуда могли выйти носители калинкинской культуры. Высокий удельный вес гладкого штампа и жемчужин в орнаментации сосудов, что не характерно для предшествующей керамики в регионе, оригинальная орнаментация, а также знакомство с элементами скотоводства (присутствие костей лошади на памятниках) позволили в свое время высказаться в пользу южного (юго-восточного) происхождения культуры [Чемякин, 1989. С. 139]. Открытие новых памятников к югу от основного ареала, в бассейне Большого Югана, не противоречит этой гипотезе. Отдаленное сходство некоторых черт калинкинской культуры отмечено с раннекулайскими (по Л.А. Чиндиной [Чиндина, 1984]) древностями Васюганья, а также с новочекинской культурой. Косвенно о южном характере пришельцев свидетельствует металлопластика, найденная на селище Угутское 29 (бассейн Большого Югана). Там обнаружена накладка с головами грифонов,[1] почти идентичная происходящей из могильника Почта-3 (Новосибирское Приобье) [Могильников, 1997. Рис. 55, *6*] и датирующейся V–IV вв. до н.э. Она свидетельствует о связях со степным миром, скорее, в южном или юго-восточном направлении. Близкие накладки известны и в могильнике Новочекино-2 [Полосьмак, 1987. Рис. 41, *3, 5*].

Н.В. Полосьмак отмечала таежный характер новочекинской культуры и близость ее поселений (подчетырехугольные жилища, окружённые канавками или ровиками, расположенные ровными рядами) памятникам калинкинской культуры Барсовой Горы, а также Васюганья [Полосьмак, 1987. С. 59]. К сожалению, новочекинский поселенческий материал практически не издан, а опубликованная посуда отличается от калинкинской. Что касается васюганской керамики, то наблюдается некоторое сходство с калинкинскими сосудов Нововасюганского поселения [Кирюшин, 1975. Табл. 8, *7, 8*]. Н.В. Полосьмак полагает, что новочекинская керамика маркирует проникновение северных (таежных) групп населения в лесостепную Барабу, без указания района исхода [Полосьмак, 1987. С. 108].

Исходя из степени исследованности территорий к югу от Сургутского Приобья, можно предположить, что исходным районом, территорией формирования калинкинской культуры может быть Васюганье. Но без точной ее локализации пока трудно говорить о причинах миграции калинкинского населения. Материалы Барсовой Горы демонстрируют сосуществование поселений аборигенов и мигрантов на ограниченной территории, их взаимодействие, в результате которого формируется сургутский вариант кулайской культуры [Чемякин, 2008. С. 78]. Таким образом, кулайские древности в регионе – не следствие миграций (из Нарымского Приобья), а результат трансформации местных культур. Роль калинкинских племен в этой трансформации в разных районах Сургутского Приобья еще предстоит определить. В Сургутском Приобье известны более 140 кулайских памятников, многие из них изучались раскопками. Только на Барсовой Горе выявлены более 20 городищ, 35 селищ и местонахождений, 2–3 могильника и одиночное погребение, святилище, клад, исследовано около сотни построек, 13 погребений. Анализ такого материала и позволил прийти к выводу об автохтонном происхождении сургутского варианта кулайской культуры (общности).

Вероятно, при такой плотности кулайское население региона также совершало миграции. Это могли быть далекие миграции крупных коллективов, инфильтрации небольших групп в слабо освоенные места, походы воинов, передвижения ремесленников и т.д. Сегодня многие исследователи признают миграцию «кулайцев» из Нарымского Приобья на юг, в Томское и Новосибирское Приобье. Более далекие передвижения могли совершаться потомками этих колонистов. Однако пока вопрос о характере, направлениях, причинах кулайских миграций далек от решения. Он связан во многом с более детальной характеристикой локальных вариантов кулайской общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103–130.

Бобров В.В. Комплексы керамики с фигурно-штамповой орнаментацией на юго-востоке Западной Сибири // Археология, этнография и музейное дело / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 32–43.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: УрГУ, 1992. 188 с.

Васильев В.И. Влияние миграционных процессов на этнические судьбы населения Западно-Сибирской лесостепи в конце I тыс. до н.э. – начале II тыс. н.э. // Смены культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: ТомГУ, 1987. С. 43–45.

[1] Устное сообщение Ю.В. Балуевой. Автор благодарен Юлии Валерьевне за информацию.

Васильев Е.А. Атлымская культура // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 1. А–И. Ханты-Мансийск: Сократ, 2000. С. 76–77.

Глушков И.Г., Захожая Т.М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут: СурГПИ, 2000. 201 с.

Зимина О.Ю., Сизов О.С., Цембалюк С.И. Стратегии заселения на рубеже бронзового и железного веков: природные и палеоэкономические факторы (лесостепная – подтаежная зоны в долине р. Тобол) // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 50–60. DOI: https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-3(72)-50-60

Кирюшин Ю.Ф. Нововасюганское поселение // Из истории Сибири. Вып. 16 / Отв. ред. В.А. Дрёмов. Томск: ТомГУ, 1975. С. 29–48.

Клейн Л.С. Археологические признаки миграций. М., 1973. 17 с. (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады сов. делегации. Чикаго, 1973)

Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. 1999. № 1. С. 52–71.

Косарев М.Ф. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири // Советская археология. 1972. № 4. С. 19–27.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 220 с.

Косарев М.Ф. Миграции и переходные историко-археологические эпохи // Смены культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: ТомГУ, 1987. С. 4–6.

Косинцев П.А. Формирование АМР: процессы и модели // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Материалы науч. конф. Омск: Б/и, 2004. С. 51–54.

Львов Ю.А. Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири / Ред. Л.А. Чиндина. Томск: ТомГУ, 1979. С. 12–18.

Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты: программа и тез. докл. V Междунар. симпозиума «Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты» (Денисова пещера (Алтай, Россия), 19–24 августа 2019 г.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 136 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.: Б/и, 1997. 196 с.

Погодин А.А., Чемякин Ю.П. К вопросу о происхождении белоярской культуры (по материалам селища Барсова гора III/76) // Уральский исторический вестник. № 14. Материалы к II Междунар. Северному археологическому конгрессу. Спец. выпуск. 2006. С. 117–135.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Смены культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: ТомГУ, 1987. 176 с.

Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Тюмень: ТюмГУ, 1985. С. 54–68.

Чемякин Ю.П. Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье // Вопросы археологии Урала. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 87–91.

Чемякин Ю.П. Сургутское Приобье во II–I тысячелетиях до н.э. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 1 / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: Наука, 1989. С. 137–139.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут–Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Чемякин Ю.П. Калинкинская культура эпохи раннего железа таежного Обь-Иртышья // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 11–14 декабря 2019. Ханты-Мансийск, Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 204–206.

Чемякин Ю.П., Кокшаров С.Ф. Поселение начала I тысячелетия до н.э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 115–130. (ВАУ. Вып. 17)

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: ТомГУ, 1984. 256 с.

REFERENCES

Abramova, M.B., Stefanov, V.I. 1985, “Krasnoozersk culture in the Irtysh area”, *Arheologicheskie issledovaniya v rajone novostroek Sibiri* (“Archaeological research in the area of new buildings in Siberia”), Nauka, Novosibirsk, pp. 103–130. (In Russ.)

Bobrov, V.V. 1999, “Ceramic assemblages with figure-stamp ornamentation in the south-east of Western Siberia”, *Arheologiya, etnografiya i muzejnoe delo* (“Archeology, ethnography and museology”), KemSU, Kemerovo, pp. 32–43. (In Russ.)

Borzunov, V.A. 1992, *Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron Ages (Gamayun culture)*, UrGU, Yekaterinburg, 188 p. (In Russ.)

Vasiliev, V.I. 1987, “The influence of migration processes on the ethnic trajectories of the population of the West Siberian forest-steppe at the end of the 1st millennium BC – the beginning of the 2nd millennium AD”, *Smeny kul’tur i migracii v Zapadnoj Sibiri* (“Changes of cultures and migrations in Western Siberia”), Tomsk State University, Tomsk, pp. 43–45. (In Russ.)

Vasiliev, E.A. 2000, “Atlym culture”, *Yugoriya. Enciklopediya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga* (“Yugoria. Encyclopedia of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug”), vol. 1, A–I, Socrates, Khanty-Mansiysk, pp. 76–77. (In Russ.)

Glushkov, I.G., Zahozhaya, T.M. 2000, *Ceramics of the Late Bronze Age of the Lower Irtysh region*, SurGPI, Surgut, 201 p. (In Russ.)

Zimina, O.Y., Sizov, O.S., Tsembalyuk, S.I. 2021, "Settlement strategies at the turn of the Bronze and Iron Ages: natural and paleoeconomic forces (forest-steppe – sub taiga zones in the Tobol river valley)", *Ural Historical Journal*, no. 3 (72), pp. 50–60. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-3(72)-50-60

Kiryushin, Y.F. 1975, "Novovasyugansk settlement", *Iz istorii Sibiri* ("From the history of Siberia"), iss. 16, Tomsk State University, Tomsk, pp. 29–48. (In Russ.)

Klein, L.S. 1973, "Archaeological signs of migrations", *IX Mezhdunarodnyj kongress antropologicheskih i etnograficheskih nauk. Doklady sov. Delegacii. Chikago, 1973* ("9th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. Reports of the Soviet delegation. Chicago, 1973"), Moscow, 17 p. (In Russ.)

Klein, L.S. 1999, "Migration: archaeological signs", *Stratum plus*, no. 1, pp. 52–71. (In Russ.)

Kosarev, M.F. 1972, "On the causes and social consequences of ancient migrations in Western Siberia", *Soviet Archaeology*, no. 4, pp. 19–27. (In Russ.)

Kosarev, M.F. 1974, *Ancient cultures of the Tomsk-Narym Ob region,* Nauka, Moscow, 220 p. (In Russ.)

Kosarev, M.F. 1987, "Migrations and transitional historical and archaeological eras", *Smeny kul'tur i migracii v Zapadnoj Sibiri* ("Changes of cultures and migration in Western Siberia"), Tomsk State University, Tomsk, pp. 4–6. (In Russ.)

Kosintsev, P.A. 2004, "Formation of archaeological micro district: processes and models", *Arheologicheskie mikrorajony Severnoj Evrazii. Materialy nauchnoj konferencii* ("Archaeological micro districts of Northern Eurasia. Proceedings of the scientific conference"), Omsk, pp. 51–54. (In Russ.)

Lvov, Y.A. 1979, "Process of march formation as a factor of human habitat in Western Siberia", *Osobennosti estestvenno-geograficheskoj sredy i istoricheskie processy v Zapadnoj Sibiri* ("Features of the natural-geographical environment and historical processes in Western Siberia"), Tomsk State University, Tomsk, pp. 12–18. (In Russ.)

Mobil'nost' i migraciya: koncepcii, metody, rezul'taty: programma i tezisy dokladov V Mezhdunarodnogo simpoziuma «Mobil'nost' i migraciya: koncepcii, metody, rezul'taty» (Denisova peshchera (Altaj, Rossiya), 19–24 avgusta 2019 g.) ("Mobility and migration: concepts, methods, results: the program and abstracts of the 5th International Symposium "Mobility and migration: concepts, methods, results" (Denisova Cave (Altai, Russia), August 19–24, 2019)"), 2019, IAET SO RAN, Novosibirsk, 136 p. (In Russ.)

Mogilnikov, V.A. 1997, *Populations of the Upper Ob region in the middle – second half of the 1st millennium BC*. Moscow, 196 p. (In Russ.)

Pogodin, A.A., Chemyakin, Y.P. 2006, "On the question of the origin of the Beloyarsk culture (based on the materials from the settlement of Barsova Gora III/76)", *Ural Historical Journal*, no. 14. Materials for the 2nd International Northern Archaeological Congress. Special Issue, pp. 117–135. (In Russ.)

Polos'mak, N.V. 1987, *Baraba in the Early Iron Age*. Nauka, Novosibirsk, 144 p. (In Russ.)

Smeny kul'tur i migracii v Zapadnoj Sibiri ("Changes of cultures and migrations in Western Siberia"), 1987, Tomsk State University, Tomsk, 176 p. (In Russ.)

Troitskaya, T.N. 1985, "Zavyalovskaya culture and its place among the forest-steppe cultures of Western Siberia", *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'e* ("Western Siberia in antiquity and the Middle Ages"), TumGU, Tyumen, pp. 54–68.

Chemyakin, Y.P. 1981, "Ceramics of the Late Bronze Age in the Surgut Ob region", *Voprosy arheologii Urala* ("Questions of the archeology of the Urals"), iss. 15, UrGU, Sverdlovsk, pp. 87–91. (In Russ.)

Chemyakin, Y.P. 1989, "Surgut Ob region in the 2nd – 1st millennia BC", *Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov* ("Proceedings of the 6th International Congress of the Finno-Ugric researchers"), vol. 1, Nauka, Moscow, pp. 137–139. (In Russ.)

Chemyakin, Y.P. 2008, *Barsova Gora: essays on the archeology of the Surgut Ob region. Antiquity*. Omsk House of Printing, Surgut–Omsk, 224 p. (In Russ.)

Chemyakin, Y.P. 2019, "Kalinkinskaya culture of the Early Iron Age in the Ob-Irtysh taiga zone", *V Severnyj arheologicheskij kongress. Tezisy dokladov. 11–14 dekabrya 2019. Hanty-Mansijsk* ("5th Northern Archaeological Congress. Abstracts of reports. December 11–14, 2019. Khanty-Mansiysk"), Alfa-Print, Yekaterinburg, pp. 204–206. (In Russ.)

Chemyakin, Y.P., Koksharov, S.F. 1984, "Settlement of the beginning of the 1st millennium BC on the Barsova Gora", *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoj Sibiri* ("Ancient settlements of the Urals and Western Siberia"), UrGU, Sverdlovsk, pp. 115–130. (In Russ.)

Chindina, L.A. 1984, *Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age. Kulai culture*. Tomsk State University, Tomsk, 256 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Юрий Петрович Чемякин, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: yury-che@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6939-2917

Information About the Author

Yury P. Chemyakin, Ph.D., Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Russian Federation, Yekaterinburg. E-mail: yury-che@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6939-2917

УДК 902/904 (575.2)
ББК 63.4стд1-6 (544)

CC BY

Дата поступления статьи: 20.08.2022
Дата принятия статьи: 20.10.2022

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ САКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИТЯНЬШАНЬЯ В IV–III ВВ. ДО Н.Э.

Сергей Сергеевич Иванов
Киргизский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан
E-mail: sak@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам этнокультурных контактов населения сакской культуры Притяньшанья на северо-восточной периферии территории ее распространения. В первой половине IV в. до н.э. начинается экспансия пазырыкского политического объединения на юг – в Восточный Казахстан, северный Синьцзян и Монгольский Алтай. Это приводит к военному столкновению с саками Притяньшанья, которые утрачивают влияние на племена среднего течения Иртыша и связи с родственной каменской культурой Лесостепного Алтая. Миграция пазырыкцев приводит к формированию гибридной кула-жургинской культуры Восточного Казахстана, носители которой продвигаются в северо-восточные районы политического объединения саков Притяньшанья, как, собственно, и сами племена пазырыкского культурного круга. Военное противостояние с ними, как и военные конфликты с эллинистическими государствами на юго-западе, ослабляют данное объединение. Итогом становится его разгром в результате миграции юэчжей около 165 г. до н.э., что приводит к выдавливанию значительной части сакских племен Притяньшанья в южные районы Средней Азии.

Ключевые слова: ранний железный век, сакский период, сакская культура Притяньшанья, миграции, этнические и культурные контакты

Цитирование. Иванов С.С., 2022. Этнокультурная ситуация на северо-восточной периферии сакской культуры Притяньшанья в IV–III вв. до н.э. // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 250–257. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.006

UDC 902/904 (575.2)
LBC 63.4стд1-6 (544)

Submitted: 20.08.2022
Accepted: 20.10.2022

ETHNOCULTURAL SITUATION ON THE NORTH-EASTERN PERIPHERY OF THE SAKA CULTURE OF TIAN SHAN REGION IN THE 4th - 3rd CENTURIES BC

Sergey S. Ivanov
Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: sak@yandex.ru

Abstract. From 6th through early 2nd century the Fore-Tian-Shan region was occupied by an authentic Saka Culture. It had close ethnical and cultural associations with the contemporary population of Eastern Kazakhstan. They left specific Bukon Culture-type monuments. Besides, the Tian-Shan Sakas made a significant contribution to Kamenskaya Culture in forest-steppe Altai (Ob & Irtysh Interfluve). They maintained regular connections. However, in the 4th century BC the Pazyryk political union from the mountain Altai became stronger and started sustainably expanding to the south – Eastern Kazakhstan, northern Xinjiang and the Mongolian Altai Mountains. This leads to broken connection between the Sakas of the Tian-Shan region and their kin from the forest-steppe Altai. It results in the lost control over Bukon Cultue type tribes in Eastern Kazakhstan. It causes reduced influence in adjacent areas of Xinjiang. Pazyryk and Kara-Koba Culture people were migrating in the Eastern Kazakhstan at the turn of 4th–3rd centuries BC. This migration causes a hybrid Kula-Zhurga Culture. Bearers of this culture were a part of the Pazyryk political union. Obviously, these processes were accompanied by large military conflicts between the Fore-Tian-Shan Sakas and the Pazyrykets'. It resulted in the Sakas losing control over a number of territories in the North-East of their union – North-East Zhetysu. This territory is evident with family burials with Pazyryk (Songshugoukou) and Kula-Zhurga (Tausamaly) appearance. This directly proves the migration and relatively long stay of newly arrived northern populations. Long-standing rivals against the Pazyryks, regular and large conflicts with Hellenic states weaken the political union of the Tian-Shan Sakas. Therefore, in around 165 BC they were defeated by Yuezhi that had come from the East. The majority of the Sakas was pushed to the southern Central Asia. Their this nation took part in the so-called 'nomad invasion' of Greco-Bactria.

Keywords: Early Iron Age, Saka period, Saka culture of Tian Shan, migrations, ethnic and cultural contacts

Citation. Ivanov S.S., 2022. Ethnocultural situation on the North-Eastern periphery of the Saka culture of Tian Shan region in the 4th - 3rd centuries BC. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 250–257. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.006

В истории ранних кочевников Средней Азии остается еще немало «белых пятен», требующих изучения. Это связано с тем, что прошлое региона в эту эпоху получило очень неравномерное освещение в письменных источниках, и основное внимание в них было преимущественно сосредоточено на южную часть данного региона, зону распространения оседло-земледельческой культуры. А районы Средней Азии, занятые скотоводческими племенными группами получили в них лишь фрагментарное освещение и, в основном, в зоне их контактов с оседлой частью региона. По этой причине на основе косвенных данных приходится реконструировать важнейшие исторические события в становлении и развитии политических образований среднеазиатских номадов, по каким-либо причинам не отмеченным нарративными источниками прошлого. Изучению одной из подобных малоизвестных страниц истории посвящена настоящая статья, призванная обозначить проблему военно-политических контактов саков Притяньшанья с пазырыкцами Горного Алтая, поскольку данная проблема ранее не привлекала внимания исследователей.

В VI – первой половине II вв. до н.э. обширные горные и предгорные районы Западного, Внутреннего и отчасти Восточного Тянь-Шаня были заняты самобытной археологической культурой «скифского» типа, которую было предложено называть сакской культурой Притяньшанья [Иванов, 2019а]. Выделяясь в системе оседло-земледельческих и скотоводческих культур Средней Азии и Казахстана, она имела вполне четкие границы, которые хорошо определяются на юге и западе ее ареала соседством с инокультурными памятниками Средней Сырдарьи (включая Ташкентский оазис), Ферганы, Алая и юго-западного Синьцзяна. Некоторым исключением в этом отношении выступают северо-восточные рубежи данной сакской культуры, которые в настоящее время выделяются во многом условно (рис. 1).

Отчасти определяясь озером Балхаш, они достигали Алакольской впадины и южных предгорий Тарбагатайского хребта, поскольку в этих районах отмечены погребальные памятники, которые в культурном плане существенно не отличались от распространенных в долине реки Или [Кушаев, 1968]. Последние выделяются семиреченский локальный вариант сакской культуры Притяньшанья [Иванов, 2019б. С. 73, 74. Рис. 1]. Но на аморфность ее границ на северо-востоке ареала также оказывал воздействие тот фактор, что на протяжении практически всего I тыс. до н.э. Восточный Казахстан этнокультурно был теснейшим образом связан с Притяньшаньем. Поэтому в районе среднего течения Иртыша и оз. Зайсан был выделен особый буконьский тип памятников конца VI – IV вв. до н.э. [Черников, 1975. С. 132–134; Боковенко, Заднепровский, 1992. С. 141–143], который по основным показателям погребально-поминальной обрядности достаточно близок к некрополям саков Притяньшанья.

Столь значительной конвергентности культур населения Притяньшанья и Восточного Казахстана в I тыс. до н.э. способствовало и то, что именно с территории последнего региона на рубеже VIII–VII вв. до н.э. происходит мощная миграционная волна на юг – в горные и предгорные районы Тянь-Шаня [Китов, Тур, Иванов, 2019. С. 155]. Это сыграло ключевую роль в формировании собственно сакской культуры Притяньшанья. По-видимому, не меньшее влияние оказала также обратная миграция через Восточный Казахстан во второй половине VI в. до н.э. на территорию Лесостепного Алтая (Обь-Иртышское междуречье), которая имела решающее значение в формировании там каменской культуры [Могильников, 1997. С. 103–104]. А в течение последующих V – начала IV вв. до н.э. именно район среднего течения Иртыша был своеобразным «перешейком», через который осуществлялись интенсивные культурные контакты между Притяньшаньем и населением Лесостепного Алтая, которое сопровождалось также, по-видимому, передвижением групп сакского происхождения в северо-восточном направлении. Ярким свидетельством последнего можно считать ряд захоронений на могильнике каменской культуры Локоть-4а, расположенном в южной части ее ареала [Шульга, 2003. С. 113, 114, 120].

Впрочем, к середине IV в. до н.э. эти связи начинают все чаще прерываться военной и миграционной активностью кочевого населения соседних регионов. В первую очередь, это было связано с активизацией носителей пазырыкской культуры, которые начинают продвижение из центральных районов Горного Алтая на юго-запад – в пределы современной казахской части Алтая, ярким отражением чего становится создание элитарного некрополя Берель [Самашев, 2011. С. 193–199; Самашев, 2017. С. 145–149; Шульга, Мыглан, Слюсаренко, 2016. С. 277, 280, 281, 283–285]. Одновременно пазырыкцы осуществляют масштабную экспансию на Монгольский Алтай [Törbat, Giscard, Batsükh, 2009. P. 221–229; Батсух, Эрдэнэ-Очир, 2017. С. 142, 143, 154] и в северную часть Синьцзяна, вплоть до района г. Хами [Шульга П.И., Шульга Д.П., 2017; Му, 2020]. Причем, в последнем, наряду с чисто пазырыкскими погребальными комплексами, вскоре также появляются синкретические курганные захоронения, в которых прослеживаются пазырыкские и местные черты [Шульга, 2010. С. 82–93].

По-видимому, военная активность пазырыкцев также приводит к перемещению крупной этнокультурной группы населения из района Саяно-Алтая в Центральный Казахстан, что маркируется памятниками коргантасского типа, появление которых здесь по радиоуглеродным датам

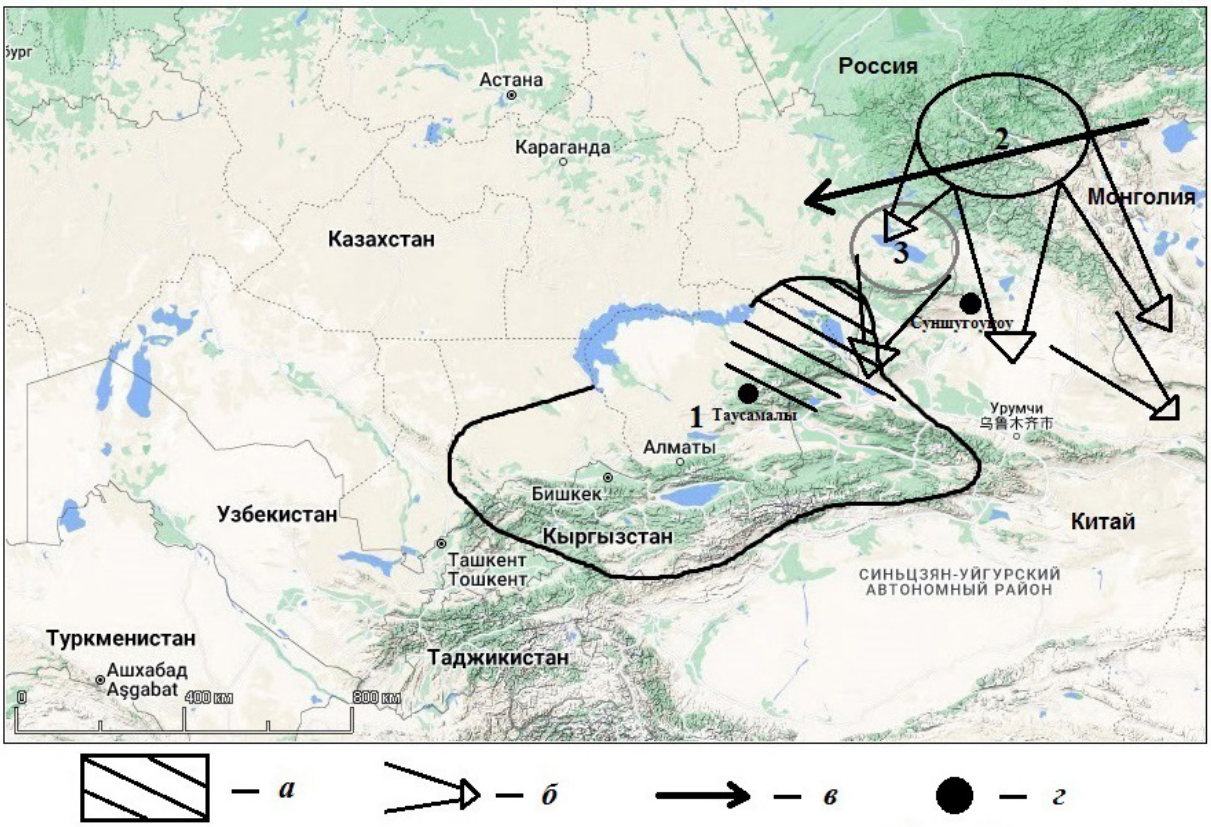

Рис. 1. Сакская культура Притяньшанья и взаимоотношения с соседними культурами на ее северо-восточной периферии. *1* – основная территория сакской культуры Притяньшанья; *2* – первоначальная территория пазырыкской культуры Горного Алтая; *3* – основной ареал распространения кула-жургинской культуры. *Условные обозначения: а* – зона экспансии пазырыкцев на территорию сакской культуры Притяньшанья; *б* – направления экспансии пазырыкцев; *в* – примерное направление миграции коргантассцев; *г* – расположение могильников

Fig. 1. The Saka culture of the Tian Shan region and the ethnocultural situation on its North-Eastern periphery. *1* – the main area of the Saka culture of the Tian Shan region; *2* – the original area of the Pazyryk culture of the Altai mountains; *3* – the main area of the Kula-Zhurga culture. *Map symbols: а* – Expansion area of the Pazyryk peoples on the territory of the Saka culture of the Tian Shan region; *б* – directions of expansion of the Pazyryk peoples; *в* – directions of migrations of the Korgantass peoples; *г* – necropolises

происходит в середине – второй половине IV в. до н.э. [Бейсенов и др., 2015. С. 22, 23. Табл. 2]. Данная миграция приводит к военному разгрому носителей тасмолинской культуры и их отходу из восточных районов центральноказахстанских степей (Сары-Арки) [Бейсенов, 1996; Шульга, 2015]. При этом, миграция коргантасцев, по-видимому, могла пройти по южным предгорьям Алтая, затронув северную часть Восточного Казахстана. Но, вне сомнения, она, наряду с продвижением пазырыкцев на юг, приводит к заметным изменениям этнокультурного фона в районах к северу от территории, занимаемой сакской культурой Притяньшанья, что приводит к частичному нарушению традиционных этнокультурных связей с каменской культурой Лесостепного Алтая.

Впрочем, экспансия носителей пазырыкской культуры, подобно тому, как это произошло в северном Синьцзяне, приводит к появлению в Восточном Казахстане гибридной кула-жургинской археологической культуры. В ее погребальной обрядности синкретически переплетаются черты погребальной обрядности собственно пазырыкской (сопроводительные захоронения лошадей, восточная ориентация погребенных, их скорченное и полускорченное положение и пр.) и кара-кобинской (каменные ящики, восточная ориентация, скорченное положение погребенных и пр.) культур Горного Алтая[1] и местного населения (грунтовые могилы, западная ориентация и, вытянутое положение погребенных и пр.). А в некоторых захоронениях также прослеживаются элементы, характерные для погребальной обрядности саков Притяньшанья – в частности, каменные кольца по периметру курганных насыпей и др. [Черников, 1951. С. 64–80; Черников, 1959. С. 103, 104; Черников, 1975. С. 135, 136; Самашев, 1987. С. 95–114; Боковенко, Заднепровский, 1992. С. 144, 145]. Это, вероятно, показывает, что различные этнокультурные компоненты в составе кула-жургинской культуры так и не успели полностью слиться в единое монолитное целое, сохраняя при этом многие их исходные черты. Причина этого, по нашему мнению, могла крыться в относительно недолгом ее существова-

[1] Принимая во внимание данное сходство, П.И. Шульга высказал даже мнение, что «кулажургинские захоронения в каменных ящиках можно считать вариантом погребений каракобинского типа пазырыкской культуры» [Шульга, 2003. С. 117].

нии, вопреки устоявшимся представлениям о том, что она может датироваться достаточно длительным периодом – с III в. до н.э. до I в. н.э. [Черников, 1975. С. 135–136].

Вызывает интерес также то, что в различных могильниках кула-жургинской культуры сочетание указанных поликультурных элементов вариативно. Эту особенность попытался объяснить еще первооткрыватель данной культуры – С.С. Черников, который погребения в каменных ящиках, часто сопровождающиеся захоронениями коней, относил к ранней группе (III в. до н.э.), а более бедные погребения в грунтовых ямах без подхоронений лошадей к более поздней группе (II в. до н.э. – I в. н.э.), отмечая при этом, что подобная биритуальность в погребальной обрядности обусловлена только хронологическим фактором [Черников, 1975. С. 135, 136]. Впрочем, детальное знакомство с сопроводительным инвентарем из обеих групп захоронений показывает, что в целом они синхронны и существенных временных различий между ними не было. А общая хронология основных его категорий – предметов вооружения (кинжалы, костяные наконечники стрел), предметов быта (пластинчатые ножи, оселки), конского снаряжения (удила, костяные пряжки и пр.), украшений (серьги, шпильки), зеркал – находит полные аналогии в синхронных культурах IV–II вв. до н.э. Впрочем, маловероятно, что кула-жургинская культура существовала ранее конца IV в. до н.э. и позже середины – второй половины II в. до н.э., т.е. общее время ее развития едва ли охватывало более 150–200 лет.

Сложение данной культуры, несомненно, произошло в результате военной экспансии пазырыкцев в Восточном Казахстане. И, по-видимому, ее территория оставалась под их контролем на протяжении практически всего периода своего существования. Последнее могло привести к росту напряженности между носителями пазырыкской культуры и саками Притяньшанья, которые, как отмечалось выше, через Восточный Казахстан поддерживали тесные связи с населением каменской культуры Лесостепного Алтая.

Хотя прямых свидетельств данного противоборства между двумя крупными политическими объединениями номадов в нашем распоряжении не имеется, все же косвенные сведения его подтверждают. К ним можно отнести свидетельства частичной экспансии пазырыкцев на периферии сакской культуры Притяньшанья. В частности, в Синьцзяне был изучен могильник Суншугоукоу, который обладает характерными пазырыкскими чертами [Му, 2020. С. 143; 2022. С. 226-228]. Это показывает, что пазырыкцы в ходе своей экспансии в южном направлении достигают распространения сакской культуры. Не меньший интерес в этом отношении вызывает недавнее открытие в северо-восточном Семиречье крупного могильника Таусамалы.

На этом могильнике были исследованы несколько курганов. В одном из них были выявлены два погребения в каменных ящиках, сопровождавшиеся захоронениями трех коней. Погребенные были уложены в слегка в скорченном положении, головами на северо-восток. Инвентарь представлен керамическими сосудами, шпилькой с шаровидной головкой, украшениями из золотой фольги и железными стержнями. Кроме того, во рту одной из лошадей имелись железные кольчатые удила. В еще двух курганах были также открыты погребения в каменных ящиках, но без захоронений коней. В них погребенные были уложены вытянуто на спине, головами на запад. В состав сопроводительного инвентаря, выявленного в одном из них, входили бронзовое зеркало, серьги, шпилька, бусы и костяная пластинка. Все исследованные курганы могильника Таусамалы были отнесены их исследователями к пазырыкской культуре и предварительно датированы в рамках III–II вв. до н.э. [Ярыгин, Ильдеряков, 2021. С. 24–36].

Впрочем, нельзя не отметить, что с классическими пазырыкскими памятниками Горного Алтая материалы Таусамалы имеют лишь относительное сходство и вряд ли их можно отнести к собственно их кругу. По основным параметрам погребальной обрядности курганные захоронения этого могильника обнаруживают почти полное сходство с погребениями кула-жургинской культуры Восточного Казахстана, особенно с теми из них, которые традиционно выделяются в раннюю (IV–III вв. до н.э.) группу [Черников, 1975. С. 135–136; Самашев, 1987. С. 113]. В них также прослеживается сочетание элементов погребальной обрядности нескольких культур, как и в некрополе Таусамалы, что дает основание отнести его к начальному этапу сложения и существования кула-жургинской культуры. Не противоречит этому и состав сопроводительного инвентаря из него. Поэтому наиболее вероятной датой для исследованных погребений данного могильника является конец IV – III вв. до н.э.

Но гораздо больше вызывает вопросов то, как носители данной культуры оказались на северо-восточной окраине сакской культуры Притяньшанья. Обстоятельство того, что могильник Таусамалы достаточно крупный, свидетельствует о том, что мы имеем дело не с эпизодическими захоронениями этого типа в Семиречье, а, вероятнее всего, с родовым некрополем группы населения, связанной своим происхождением с гибридной кула-жургинской культурой Восточного Казахстана. А сам некрополь, имеющий вполне внушительные размеры – порядка 90 погребальных объектов, вне сомнения, существовал достаточно длительное время. Это, наряду с появлением на восточной периферии сакской культуры Притяньшанья некрополя Суншугоукоу с типичными пазырыкскими чертами, указывает на то, что в северо-восточной части ее ареала наблюдается экспансия как самих

носителей пазырыкской культуры, так и, по-видимому, находившихся под их политическим контролем племен кула-жургинской культуры.

Вряд ли подобные процессы проходили без крупных военных столкновений между саками Притяньшанья и номадами пазырыкского политического объединения, которое к рубежу IV–III вв. до н.э. объединяло обширные пространства Горного Алтая, Западной Монголии, северного Синьцзяна и Восточного Казахстана, а также, возможно, Тувы и Ордоса [Ковалев, 1999. С. 81]. Поэтому появление инокультурных погребальных памятников на северо-востоке территории сакской культуры Притяньшанья могло произойти в результате военных вторжений и миграции нового населения, стремившегося таким образом закрепить за собой эти пограничные районы.

Все эти свидетельства открывают перед нами ранее неизвестные страницы истории саков Притяньшанья, не получившие отражения в письменных источниках, и поэтому воссоздающиеся исключительно по косвенным фактам. Вероятно, отмеченное выше военно-политическое столкновение с пазырыкцами, вкупе с другими факторами, оказало заметное воздействие на постепенный политический упадок политического объединения саков Притяньшанья в III – первой половине II вв. до н.э., закончившийся его полным политическим разгромом новой волной кочевников – юэчжей – около 165 г. до н.э. [Заднепровский, 1971. С. 29–30; Заднепровский, 2007. С. 78, 79]. Что приводит к выдавливанию значительной части сакского населения в южные районы Средней Азии.

Но дело в том, что на территории распространения самой сакской культуры Притяньшанья следов внутреннего кризиса как будто не отмечается – наоборот, происходит рост населения. Это выразилось в заметном увеличении могильников на протяжении V – начала II вв. до н.э., в которых курганные цепочки насчитывают до десяти и более насыпей, показывающее, что на протяжении большей части этого периода происходит стабильное развитие кланово-племенных групп без существенных изменений в социальном и экономическом развитии. Локальные группы населения оставались на одних и тех же территориях столетиями, что отмечается также на уровне антропологии, фиксирующей консервацию физических особенностей сакских популяций в привязке к крупным долинам Притяньшанья [Китов, Тур, Иванов, 2019. С. 110–123]. Отсутствие следов крупных военно-политических конфликтов внутри самого политического объединения саков этого региона[2] указывает на их протекание в IV – начале II вв. до н.э. преимущественно на его периферии.

Но если о них на юго-западных границах сакской культуры Притяньшанья мы достаточно хорошо знаем – это столкновение с войсками Александра Македонского на Сырдарье (битва на Яксарте/Танаисе) в период завоевания им Средней Азии, походы Селевкидов в пограничные районы политического объединения саков Притяньшанья (экспедиция полководца Демодама), а также возможное их участие в политических потрясениях в регионе во время становления Греко-Бактрии [Иванов, 2012; Иванов, 2013; Иванов, 2014], то о событиях, протекавших на его северной и восточной периферии, мы практически не имеем никаких сведений. Но именно длительные военные конфликты на рубежах сакского политического объединения Притяньшанья могли сыграть существенную роль в его внутреннем ослаблении,[3] что позднее стало причиной его падения под ударом пришедших с востока племен юэчжей.

Под их нажимом значительная часть сакского населения была вынуждена покинуть насиженные земли и устремляется на юг Средней Азии, где принимает активное участие в так называемом «кочевом штурме» греко-бактрийского царства [Литвинский, 1972. С. 187–189; Бернар, Абдуллаев, 1997. С. 73]. Но это уже совершенно иная страница в истории саков, никак теперь не связанная с территорией Притяньшанья.

Таким образом, начиная с середины IV в. до н.э. на северо-восточной периферии культуры саков Притяньшанья под влиянием мощной военной экспансии носителей пазырыкской культуры в южном направлении – в Восточный Казахстан, северный Синьцзян и Монгольский Алтай, существенно меняется этнокультурный фон. Прежде находившиеся под контролем притяньшанских саков родственные племена буконьского культурного типа попадают в зону влияния пазырыкцев, и на их территорию происходит переселение носителей кара-кобинской и, в меньшей мере, пазырыкской культур Горного Алтая, что приводит к формированию синкретической кула-жургинской культуры.

[2] При исследовании 247 черепов сакского периода, основная часть которых относится к V – первой половине II вв. до н.э., только на одном из них были отмечены достоверные следы боевых травм [Китов, Тур, Иванов, 2019. С. 109. Рис. 1].

[3] Дополнительной существенной причиной, приведшей к ослаблению политического объединения саков Притяньшанья на фоне длительных военных столкновений на его границах, в том числе с пазырыкцами, может выступить то, что к этому времени в сакском обществе происходит дальнейшее, более жесткое размежевание на социальные страты, границы между которыми становятся все более закрытыми. Это выразилось в дифференциации курганных погребений на рядовые и элитарные. Последние отличаются внушительными размерами и соотносятся с аристократией и выделившейся к тому времени социальной прослойкой воинов-дружинников [Акишев, 1984. С. 103–107], и их сопроводительный инвентарь резко контрастирует на фоне рядовых погребений частыми находками предметов вооружения. Поэтому участие данных социальных групп в затяжных конфликтах на периферии и неизбежная гибель их представителей в течение многих десятилетий не могла не сказаться на политическом могуществе саков Притяньшанья, причем, признаков внутреннего кризиса в их объединении не наблюдается ввиду сохранения стабильности социальной и политической структуры и хозяйственной деятельности сакского общества.

Эти процессы, по-видимому, сопровождались военным столкновением пазырыкцев и саков Притяньшанья, которое приводит к некоторому сокращению ареала культуры последних на северо-востоке и появлению пазырыкских и кула-жургинских могильников непосредственно на утерянных территориях в северо-восточном Семиречье. Это, вне сомнений, сопровождалось снижением сакского влияния в северо-западной части Синьцзяна и вовлечением этих районов в зону культурного доминирования пазырыкцев.

Экспансия последних в Восточном Казахстане приводит к снижению контактов саков Притяньшанья с близкородственной каменской культурой Лесостепного Алтая, по крайней мере – с рубежа IV–III вв. до н.э. Незадолго до этого происходит последний известный всплеск контактов между ними, который хорошо прослеживается по материалам могильника Локоть-4а, имеющим заметное сходство в материальной культуре с курганом Иссык в Притяньшанье. Вероятно, воздействие на это могло оказать также передвижение из Саяно-Алтая в Центральный Казахстан группы племен коргантасского культурного типа, проходившее, вероятнее всего, по южным предгорьям Алтая на территории Восточного Казахстана. Но, так или иначе, все эти военные и миграционные последствия, начиная с III в. до н.э., привели к резкому сокращению этнокультурных связей между населением Притяньшанья и Лесостепного Алтая.

Противостояние притяньшанских саков и пазырыкцев приводит к негативным последствиям для первых не только в плане частичного сокращения территории их расселения, снижению влияния в соседних регионах, но в значительной мере растрачивает его военные ресурсы в длительных войнах, которые протекали не только на северо-восточной периферии их владений. Не менее длительные политические конфликты в течение конца IV – начала II вв. до н.э. у притяньшанских саков возникают с эллинистическими государствами в Средней Азии. Все это в заметной мере ослабляет их политическое объединение и приводит к тому, что около 165 г. до н.э. оно было разгромлено пришедшими с востока юэчжами и навсегда сходит с исторической арены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.

Батсүх Д., Эрдэнэ-Очир Н. Монгол Алтайн пазырыкийн дайчдын зэр зэвсэг // Studia Archaeologica. Tom. XXXVI. Fasc. 10. Улан-Батор, 2017. С. 139–168. (на монг. яз.)

Бейсенов А.З. Коргантасские погребения конца I тыс. до н.э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Ч. I. Междунар. конф. (12–19 августа 1996 г., Улан-Удэ). Тез. докл. Улан-Удэ: Олеон, 1996. С. 89–94.

Бейсенов А.З., Исмагулова О.А., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Бернар П., Абдуллаев К. Номады на границе Бактрии (к вопросу об этнической и культурной идентификации) // Российская археология. 1997. № 1. С. 68–86.

Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 140–149. (Археология СССР)

Заднепровский Ю.А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э. – V в. н.э. // Страны и народы Востока. Т. X. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история / Отв. ред. В.А. Ромодин. М.: Наука, 1971. С. 27–36.

Заднепровский Ю.А. Путь миграции юечжей по новым археологическим данным // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 74–79.

Иванов С.С. Военно-политические взаимоотношения саков Семиречья и Тянь-Шаня с Греко-Бактрией // Билим жана тарбия. 2012. № 1 (13). С. 35–38.

Иванов С.С. Кампания селевкидского полководца Демодама против саков Семиречья и Тянь-Шаня // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. Спец. выпуск. Ч. 2. 2013. С. 71–74.

Иванов С.С. Военно-политические взаимоотношения Александра Македонского и саков семиреченско-тяньшанского региона // Кыргызский и Караханидский каганаты: неизгладимые следы. Сб. материалов междунар. науч. конф. Бишкек: Maxprint, 2014. С. 93–96.

Иванов С.С. Культура саков Притяньшанья: современное состояние и важнейшие проблемы исследования // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 7. 2019а. С. 11–23.

Иванов С.С. К выделению локальных вариантов сакской культуры Притяньшанья // SCYTHIA et SARMATIA / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019б. С. 71–78.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – первая половина II в. до н.э.). Алматы: Хикари, 2019. 300 с.

Ковалёв А.А. О связях населения Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 1999. С. 75–82.

Кушаев Г.А. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 135–145.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 270 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.: ИА РАН, 1997. 195 с.

Му Ц. Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне // Теория и практика археологических исследований. 2020. №2 (30). С. 138–147. DOI: https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-10

Му Ц. Курганы пазырыкской культуры с керамическими сосудами, исследованные на могильнике Суншугоу // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 226–228. DOI: https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.226-228

Самашев З.С. Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 95–114.

Самашев З.С. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.

Самашев З.С. Казахский Алтай в I тыс. до н.э. // Казахстан в сакскую эпоху / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 101–156.

Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // Известия АН КазССР. Серия археологическая. 1951. Вып. 3. № 108. С. 64–81.

Черников С.С. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиций в 1956 году // КСИИМК. 1959. Вып. 73. С. 99–106.

Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А.М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 132–137.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: АлтГУ, 2003. 204 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: АлтГТУ, 2010. 240 с.

Шульга П.И. О захоронениях коргантасского типа // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2015. С. 405–418.

Шульга П.И., Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю. Хронология могильников позднего этапа пазырыкской культуры: дендрохронологическая шкала и археологический аспект // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 272–285.

Шульга П.И., Шульга Д.П. Проникновение пазырыкской культуры в Синьцзян // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. №4: Востоковедение. С. 24–29.

Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н. Погребение «пазырыкского типа» на могильнике Таусамалы // Народы и религии Евразии. 2021. №2 (27). С. 23–39. DOI: https://doi.org/10.14258/nreur(2021)2–02

Törbat Ts., Giscard P.H., Batsükh D. First Excavation of Pazyryk Kurgans in Mongolian Altai // Current Archaeological Research in Mongolia / Eds. by J. Bemmann, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms University, 2009. P. 221–230.

REFERENCES

Akishev, A.K. 1984, *Art and Mythology of the Saka peoples*. Nauka, Alma-Ata, 176 p. (In Russ.)

Batsukh, D., Erdene-Diamond, N. 2017, "Weapons of Mongol Altai Pazyryk Warriors", *Studia Archaeologica*, vol. XXXVI, fasc. 10, Ulaanbaatar, pp. 139–168. (In Mongolian)

Beisenov, A.Z. 1996, "Korgantass burials dated to the end of the 1st millenium BC in Central Kazakhstan and the problem of studying intra-grave head altars", *100 let gunnskoy arkheologii. Nomadizm: proshloe, nastoyashchee v globalnom kontekste i istoricheskoy perspektive. Gunnskiy fenomen. Ch. I. Mezhdunarodnaya konferentsiya (12–19 avgusta 1996 g., Ulan-Ude). Tezisy dokladov* ("100 Years of Hunnic Archeology. Nomadism: Past, Present in a Global Context and Historical Perspective. The Hunnish Phenomenon. Part I. International Conference (August 12–19, 1996, Ulan-Ude). Abstracts of reports"), Oleon, Ulan-Ude, pp. 89–94. (In Russ.)

Beisenov, A.Z., Ismagilova, O.A., Kitov, E.P., Kotova, A.O. 2015, *Population of Central Kazakhstan in the 1st millennium BC*. A.H. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, 188 p. (In Russ.)

Bernard, P., Abdullaev, K. 1997, "Nomads on Border of Bactria (to the issue of ethnic and cultural identification)", *Russian Archaeology*, no. 1, pp. 68–86. (In Russ.)

Bokovenko, N.A., Zadneprovsky, Yu.A. 1992, "Early Nomads of East Kazakhstan", *Arkheologiya SSSR. Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* ("Archaeology of USSR. Steppe Strip of Asian Part of USSR during Scythian-Sarmatian Time"), Nauka, Moscow, pp. 140–149. (In Russ.)

Zadneprovsky, Y.A. 1971, "*On Ethnicity of Monuments of Nomads of Semirechye during Usun Period, 2nd Century BC – 5th Century AD", Strany i narody Vostoka. T.X. Srednyaya i Centralnaya Aziya. Geografiya, etnografiya, istoriya* ("Countries and Peoples of East. Vol. X. Middle and Central Asia. Geography, Ethnography, History"), Nauka, Moscow, pp. 27–36. (In Russ.)

Zadneprovsky, Y.A. 2007, "Migration Path of Yuezhi according to New Archaeological Data", *Zadneprovskiy Yu.A. Drevnie nomady Centralnoy Azii* ("Zadneprovsky Y.A. Ancient Nomads of Central Asia"), IIMK RAN, St. Petersburg, pp. 74–79. (In Russ.)

Ivanov, S.S. 2012, "Military-Political Relations of the Saks from Semirechye and Tien Shan with Greco-Bactria", *Bilim zhana tarbiya*, no. 1 (13), pp. 35–38. (In Russ.)

Ivanov, S.S. 2013, "The campaign of Seleucid general Demodamas against Saka of Semirechie and

Tien-Shan region", *Bulletin of KSU I. Arabaev*, Special issue, part 2, pp. 71–74. (In Russ.)

Ivanov, S.S. 2014, "Military-Political Relations of Alexander the Great and Saks of Semirechensk-Tianshan Region", *Kyrgyzskij i Karahanidskij kaganaty: neizgladimye sledy. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* ("Kyrgyz and Karakhanid Kaganates: Indelible Traces. Proceedings of the International scientific conference"), Maxprint, Bishkek, pp. 93–96. (In Russ.)

Ivanov, S.S. 2019a, "The Culture of Saka Tribes of Tien Shan Region: Present State and General Problems of Research", *Scripta antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*, vol. 7, pp. 11–23. (In Russ.)

Ivanov, S.S. 2019b, "The distinction of local variations of Saka culture of Tien Shan region", *SCYTHICA et SARMATIA*, MAKS Press, Moscow, pp. 71–78. (In Russ.)

Kitov, E.P., Tur, S.S., Ivanov, S.S. 2019, *The paleoanthropology of Saka cultures of Tien Shan region (VIII – early half of II centuries BC*). Hikari, Almaty, 300 p. (In Russ.)

Kovalev, A.A. 1999, "On relations between populations in the 5th - 3rd centuries BC", *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredelnykh territoriy* ("Results of Studying Scythian Epoch of Altai and Adjacent Territories"), AltGU, Barnaul, pp. 75–82. (In Russ.)

Kushaev, G.A. 1968, "Early Burials of Alakul Depression", *Novoe v arkheologii Kazakhstana* ("New in Archeology of Kazakhstan"), Nauka, Alma-Ata, pp. 135–145. (In Russ.)

Litvinsky, B.A. 1972, *Ancient Nomads of the "Roofs of the World"*. Nauka, Moscow, 270 p. (In Russ.)

Mogilnikov, V.A. 1997, *Population of the Upper Ob region in the middle - second half of the 1st millenium BC*, IA RAN, Moscow, 195 p. (In Russ.)

Mu, J. 2020, "The sites of Pazyryk Culture in Xinjian", *Theory and practice of archaeological research*, no. 2 (30), pp. 138–147. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-10

Mu, J. 2022, "Pazyryk burial mounds with ceramic vessels from Songshugou grave field (Xinjiang, China)", *Evraziya v eneolite – rannem srednevekov'e (innovacii, kontakty, translyacii idej i tekhnologij): Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 120-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya issledovatelya drevnostej Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii Mihaila Petrovicha Gryaznova (1902–1984)* ("Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies): Proceedings of the International conference dedicated to the 120th anniversary of the outstanding researcher of Southern Siberian and Central Asian antiquities Mikhail Petrovich Gryaznov (1902–1984)"), IIMK RAN, St. Petersburg, pp. 226–228. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.226-228

Samashev, Z.S. 1987, "Monuments of the Kulazhurginsky type", *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy GES* ("Archaeological monuments in the zone of flooding of the Shulbinskaya HPP"), Nauka, Alma-Ata, pp. 95–114. (In Russ.)

Samashev, Z.S. 2011, *Berel*. Tajmas, Almaty, 236 p. (In Russ.)

Samashev, Z.S. 2017, "Kazakh Altai in the I millennium BC", *Kazakhstan v sakskuyu epohu* ("Kazakhstan in the Saka epoch"), A.X. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, pp. 101–156. (In Russ.)

Chernikov, S.S. 1951, "Report on the works of the East Kazakhstan expedition in 1948", *Izvestiya AN KazSSR. Seriya arkheologicheskaya* ("Izvestiya AN KazSSR. Archaeological Series"), iss. 3, no. 108, pp. 64–81. (In Russ.)

Chernikov, S.S. 1959, "Works of the East Kazakhstan archaeological expedition in 1956", *KSIIMK*, vol. 73, pp. 99–106. (In Russ.)

Chernikov, S.S. 1975, "To the question of chronological periods during the era of early nomads (according to the archaeological materials from Eastern Kazakhstan)", *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri* ("Primitive Archaeology of Siberia"), Nauka, Leningrad, pp. 132–137. (In Russ.)

Shulga, P.I. 2003, *Necropolisof the Scythian time Lokot'-4a*. AltGU, Barnaul, 204 p. (In Russ.)

Shulga, P.I. 2010, *Xinjiang in the VIII–III centuries BC (Burial grounds. Chronology and periodization)*. AltGTU, Barnaul, 238 p. (In Russ.)

Shulga, P.I. 2015, "About the graves of Korgantass type", *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokulturnykh protsessov Stepnoy Evrazii ("The Saka culture of Saryarka in the Context of Studying Ethnosociocultural Processes of Steppe Eurasia")*, NICIA Begazy-Tasmola, Almaty, pp. 405–418. (In Russ.)

Shulga, P.I., Myglan, V.S., Slyusarenko, I.Yu. 2016, "Chronology of Burial Grounds during the Late Pazyryk Culture: Dendrochronological Scale and Archaeological Aspect", *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey* ("Altai among Eurasian Antiquities"), IAET SO RAN, Novosibirsk, pp. 272–285. (In Russ.)

Shulga, P.I., Shulga, D.P. 2017, "Pazyryk entry into Xinjiang", *Vestnik NSU. Series: History and Philology,* vol. 16, no. 4: Oriental Studies, pp. 24–29. (In Russ.)

Yarygin, S.A., Ilderyakov, N. N. 2021, "Burial of the "Pazyryk type" at the Tausamaly burial ground", *Nations and religions of Eurasia*, no. 2 (27), pp. 23–39. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.14258/nreur(2021)2–02

Törbat, Ts., Giscard, P.H., Batsükh, D. 2009, "First Excavation of Pazyryk Kurgans in Mongolian Altai", *Current Archaeological Research in Mongolia,* Rheinische Friedrich-Wilhelms University, Bonn, pp. 221–230.

Сведения об авторе

Сергей Сергеевич Иванов, кандидат исторических наук, доцент, Киргизский национальный университет им. Ж. Баласагына, Кыргызстан, г. Бишкек. E-mail: sak@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4081-3749

Information About the Author

Sergey S. Ivanov, Ph.D., Associate Professor, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Kyrgyzstan, Bishkek. E-mail: sak@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4081-3749

УДК 903.5:325.1 (470.51)
ББК 63.48(2)/63.442.7(235.55)

CC BY

Дата поступления статьи: 19.08.2022
Дата принятия статьи: 11.10.2022

НОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ МАЗУНИНСКОГО ТИПА В УДМУРТСКОМ ПРИКАМЬЕ: К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННИХ МИГРАЦИЯХ

Елизавета Михайловна Черных
Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
E-mail: emch59@mail.ru
Иван Григорьевич Широбоков
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. События второй четверти I тыс. н.э. в Среднем и Нижнем Прикамье характеризуются определенными изменениями в расселении носителей чегандинской археологической культуры. Появляются новые типы укрепленных поселений и новые черты в погребальной обрядности. Какие явления лежат в основе культурных изменений? Смена культурно-хозяйственного типа, неблагоприятные природно-климатические условия, или внешние импульсы, повлекшие за собой подвижки групп местного населения внутри региона? В этой картине расселения позднепьяноборского населения авторы видят признаки «выборочной» колонизации, основным вектором движения которой были северные территории, прежде почти неосвоенные, в лесном междуречье Камы и Вятки. В публикации представлены новые материалы по археологии Удмуртии, опирающиеся на комплексные исследования двух могильников – Боярского и Дубровского, оставленных населением пьяноборской КИО на мазунинском этапе III–V вв. н.э. Синтез данных двух наук – археологии и антропологии – позволяет выделить несколько причин выборочных миграций позднепьяноборского населения в границах прикамского региона, а также направлений внутренних миграционных потоков. Краниологические характеристики обоих могильников не являются идентичными, но тяготеют к различным группам пьяноборского и кара-абызского населения. Если выборка из Боярского могильника отличается неоднородным составом, то дубровская серия выглядит более гомогенной, но обнаруживает сходство с отдельными группами населения лесостепной и степной зон Приуралья. Белые пятна на антропологической карте Среднего Прикамья не позволяют детально реконструировать миграции чегандинцев. Однако отмечается, что как боярская, так и дубровская краниологические серии входят в «западный кластер» мазунинцев, характеризующийся высоким сходством с чегандинским населением.

Ключевые слова: Прикамье, пьяноборская культурно-историческая общность, мазунинская культура/этап, миграции

Цитирование. Черных Е.М., Широбоков И.Г., 2022 Новые могильники мазунинского типа в Удмуртском Прикамье: к вопросу о внутренних миграциях // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 258–268. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.007

UDC 903.5:325.1 (470.51)
LBC 63.48(2)/63.442.7(235.55)

Submitted: 19.08.2022
Accepted: 11.10.2022

NEWLY DISCOVERED NECROPOLISES OF THE MAZUNINO TYPE IN THE UDMURT KAMA REGION: TO THE PROBLEM OF INTERNAL MIGRATIONS

Elizaveta M. Chernych
Udmurt State University, Izhevsk, Russia
E-mail: emch59@mail.ru
Ivan G. Shirobokov
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russia

Abstract. From the ancient times and until the 2–3 centuries AC the leading part in the ethnocultural history of the Middle Kama region was played by local populations of the Pyany Bor culture. In the 3rd century AC their role started changing due to active interactions between the peoples of the forest-steppe Cis-Urals and the Late Sarmatians from the Southern Ural steppes. Some cultural shifts in the region, which also happened in the 3rd – 5th centuries AC, can be considered as a result of Western (Goths and Slavic) infusions. During this period members of the Pyany Bor cultural community began to disseminate expanding their settlement area. Discoveries of their sites along small tributaries of the Kama river indicate the main directions of migrations: to the north, north-east and north-west. While slowly abandoning territories near the Ik and Syun rivers, peoples were activity exploring the right bank of the lower Belaya river and the areas in the middle reaches of the Bystry Tanyp river. Migrations of the late Pyany Bor culture bearers show the patterns of "selective" colonization. Archaeological and anthropological data obtained during the excavations of the two newly discovered necropolises of the Mazunino type – Boyarsky and Dubrovsky – are of particular interest in the context of

studying the internal migrations of the Cheganda culture. These two necropolises are not identical from the point of craniology; however both of them contain skulls with the features typical for the representatives of the Kara-Abyz and Pyany Bor cultures. While the samples from Boyarsky necropolis are heterogeneous, bone remains from the cemetery of Dubrovsky are more unified and reflect characteristics of some specific forest and forest-steppe Cis-Urals populations. Blank sports on the anthropological map of the Middle Kama region don't allow to reconstruct the exact migration paths of the Cheganda peoples. However, it could be noted that craniological samples from both Boyarsky and Dubrovsky necropolises refer to the "western cluster" of the Mazunino culture and have much in common with the Cheganda culture. Some features of the Cheganda culture bearers are also of an evident similarity with those of the Azelin culture. Though female samples of the Mazunino and Azelin type have in fact no differences, male samples differ significantly. Probably, male populations of both cultures were influenced by foreign groups with distinctive anthropological characteristics. As for the anthropological similarities between the Mazunino and the Kara-Abyz peoples, they are rather the consequence of a common substrate, than the direct participation of Kara-Abyz descendants in the formation of Mazunino culture. This can be proved by the fact that samples from late Kara-Abyz groups don't converge with samples from Mazunino groups, in contrast to ones from the early Kara-Abyz groups.

Keywords: Kama region, Pyany Bor cultural-historical community, Mazunino culture/stage, migrations

Citation. Chernykh E.M., Shirobokov I.G., 2022. Newly discovered necropolises of the Mazunino culture in the Udmurt Kama region: to the problem of internal migrations. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 258–268. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.007

Финал существования пьяноборской культуры в Прикамье до недавнего времени обозначался рубежом II–III вв. н.э., но не позднее середины III в. [Агеев, 1992. С. 79; Останина, 1997. С. 176]. Считалось, что местное население, испытавшее сильнейшее внешнее воздействие, в начале III в. переселяется на запад (на Вятку, Нижнюю Каму и еще дальше на Волгу); в генезисе мазунинской культуры III–V вв. решающая роль отводилась пришлым западносибирским племенам [Генинг, 1967. С. 53–54]. Позднее В.Ф. Генингом базой для формирования мазунинской культуры стала рассматриваться экспансия кара-абызских племен и их смешение с чегандинскими [Генинг, 1972. С. 241]. В носителях кара-абызской культуры видели основной компонент мазунино Б.Б. Агеев и А.Х. Пшеничнюк [Агеев, 1992. С. 108; Пшеничнюк, 1987. С. 73]. В то же время, Т.И. Останина и Р.Д. Голдина полагают, что никакой смены населения в Среднем Прикамье не происходило. Речь должна идти о качественных изменениях в среде местного пьяноборского и кара-абызского населения при переходе к новой культуре, происходивших под влиянием природно-климатических, демографических и технологических условий [Останина, 1997. С. 174]. Р.Д. Голдина последовательно отстаивает точку зрения об этнокультурном единстве пьяноборских групп в составе пьяноборской КИО на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. [Голдина, 2020. С. 305; Голдина, Лещинская, 2018. С. 18–19]. А.А. Красноперов, напротив, пишет, ссылаясь на картографию находок собственно пьяноборских вещей, что пьяноборцы в финале существования общности (II–III в.) «бросились врассыпную» [Красноперов, 2018а. С. 59].

До II–III вв. н.э. генерализирующую роль в этнокультурной истории Среднего Прикамья играло поступательное развитие автохтонного пьяноборского населения. В начале новой эры пьяноборское население тесно контактировало с сарматским населением Южного Приуралья. Проявления этих контактов Д.Г. Бугров отметил в керамике Тойгузинского II городища и материалах Ново-Сасыкульского могильника [Бугров, 2006. С. 12]. Сарматы рассматриваются как проводники в Прикамье ранних фибул юго-западного происхождения [Ставицкий, 2015. С. 111–116; Голдина, 2019. С. 182–183]. В то же время, у пьяноборцев из Ново-Сасыкульского и Тарасовского могильников замечены признаки умеренно неблагоприятной демографической стрессовой ситуации, связанной с воздействием «определенного генерализованного стресса» [Куфтерин, Воробьева, 2019. С. 174–175].

В III в. контакты населения лесных и лесостепных районов Приуралья с носителями позднесарматской культуры южноуральских степей активизируются [Овсянников, 2009. С. 146–147; Малашев, 2014. С. 130]. Активность южноуральских кочевников находит проявление в материальной культуре кара-абызского населения III–IV вв., как в погребальных, так и поселенческих комплексах [Овсянников и др., 2007. С. 83]. Исследователями допускается даже физическое присутствие сармат (или потомков близких к ним групп кочевого населения) в Нижнем Прикамье (Гулюковский могильник) и на Нижней Белой (курганно-грунтовый Старо-Муштинский могильник) [Бугров, Асылгараева, 2020. С. 146; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004. С. 63–73]. Пристальное внимание к палеоантропологическим материалам позволяет говорить о наличии признаков искусственной деформации черепов в азелинских погребениях Рождественского V и Нармонского могильников, а также в мужских погребениях Тарасовского могильника, которые, по мнению авторов публикации, можно

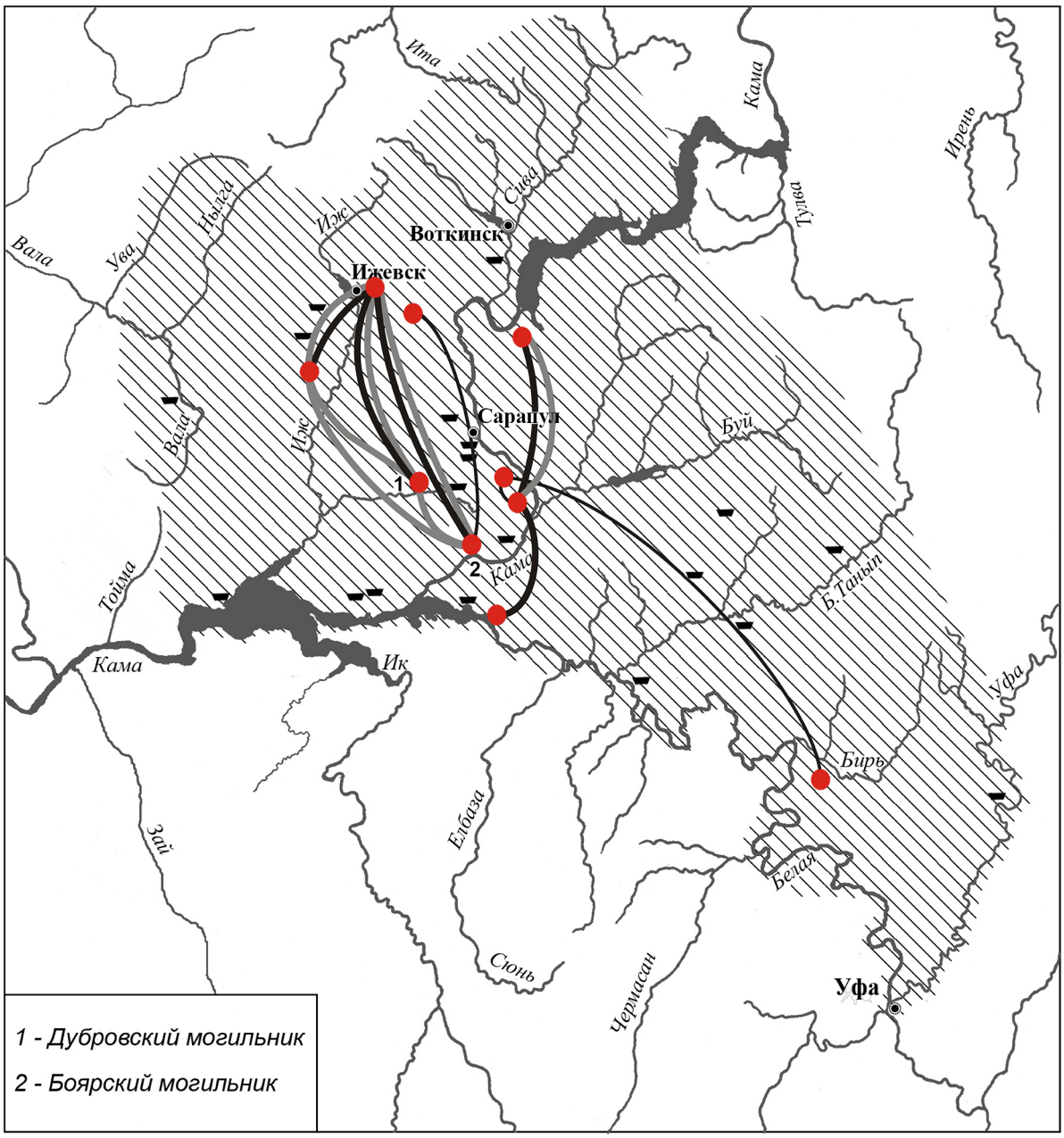

Рис. 1. Карта-схема могильников мазунинского типа в Прикамье. Кружками отмечены могильники, краниологические материалы из которых опубликованы. Черным цветом отмечены наиболее близкие связи (по результатам расчета D^2 с поправкой на численность) между мужскими группами, серым – между женскими. Тонкими линиями обозначены самые близкие связи для тех могильников, которые в принципе не обнаруживают заметного сходства со сравниваемыми выборками (возможно, из-за незначительного размера выборок)

Fig. 1. Map-scheme of Mazunino type necropolises in the Kama region. The circles point to the necropolises described in the article. The closest similarities (according to the results of adjusted Mahalanobis distances (D^2)) between male groups are marked in black, and between female groups are marked in gray. Thin lines indicate the closest similarities for the necropolises, which do not reveal noticeable similarities with the compared samples (possibly due to small number of the samples)

рассматривать как индикаторы тесных контактов кочевого и местного оседлого населения [Хохлов, Газимзянов, Сташенков, 2022. С. 210–214].

Некоторые региональные этнокультурные инновации III–V вв. рассматриваются Р.Д. Голдиной в контексте западных (гото-славянских) импульсов [Голдина, 2006. С. 284; Голдина, Бернц, 2010. С. 149–150]. Появление пришлого населения в III в. н.э. отмечается ею не только в азелинско-суворовских комплексах на Вятке и Нижней Каме, но и в мужских погребениях Тарасовского могильника [Голдина, Бернц, 2016. С. 32–33]. Для событий IV в. н.э. она выделяет две волны юго-западного происхождения – предгуннскую (третья четверть IV в., «держава Германариха») и гуннскую (конец IV в.) [Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010. С. 181–182].

Доказательство наличия миграций и их причин в древние эпохи представляет одну из сложных проблем археологической науки. И все же, полагаясь на современные данные археологии и антропологии (а, в скором времени, можно наде-

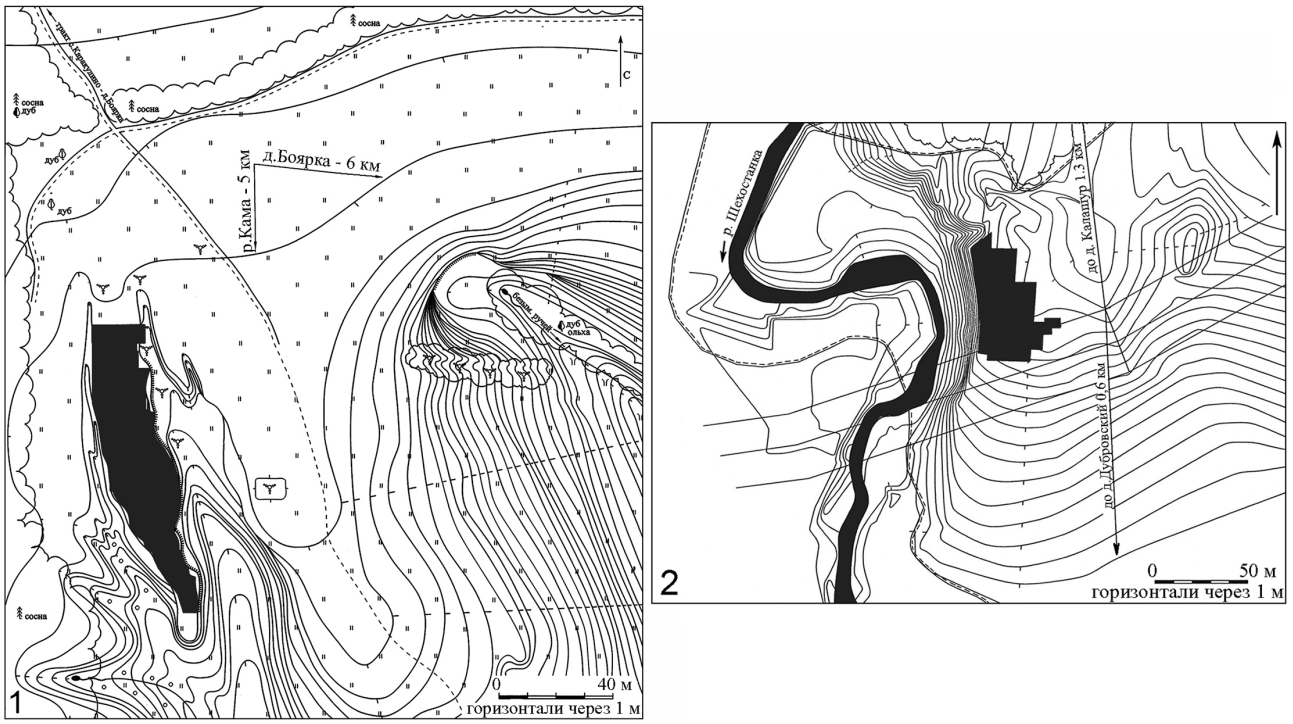

Рис. 2. Топографические планы мазунинских могильников. *1* – Боярский «Арай»; *2* – Дубровский
Fig. 2. Topographic plans of Mazunino type necropolises. *1* – Boyarsky “Aray”; *2* – Dubrovsky

яться, и данные палеогенетики), можно говорить об археологической и антропологической специфике мазунинского населения.

В III–V вв. границы пьяноборского ареала существенно изменились. Граница расселения несколько сместилась на север-северо-восток – левобережье р. Белая запустело (рис. 1). Результаты раскопанных большими площадями укрепленных поселений Удмуртского Прикамья (Зуевоключевское I, Ныргындинские, Чегандинское I, Момылевское) позволяют считать, что эти городища на мазунинском этапе прекращают функционировать как долговременные постоянные центры жизни. Вновь основанные городища (Кладовая Веретья, Чупиха, Межновское II, Галановское I, Перевознинское, Колюшевское и др.), как правило, небольшие, с бедным культурным слоем. Однако, их фортификации визуально оцениваются как более сложные. Строительство новых городищ вдоль мелких, укрытых в лесной чащобе, притоков Камы, как правых (Иж, Сива, Шаркан, Докшинка), так и левых (Буй, Сайгатка), служит наглядным основанием для выводов о направленной миграции позднепьяноборских групп на север, северо-восток и северо-запад. На правобережье осваиваются территории водораздела Камы и Ижа (Чепанихинский могильник, Колюшевское городище, Воткинское городище, могильники и городища на территории города Ижевск, Чужьяловский, Покровский, Нивский могильник), Заборьинский и Дубровский комплексы памятников в правобережье р. Кырыкмас, сайгатская группа на левобережье р. Кама, в районе современного г. Чайковский. Более плотно были освоены низовья правобережья р. Белой и среднее течение Быстрого Таныпа, Буй. В то же время опустели бассейны рек Ик и Сюнь [Голдина, 2020. С. 318].

Наверное, правильным будет видеть за этой новой картиной расселения позднепьяноборского населения признаки «выборочной» колонизации. Маркерами путей отхода во внутренние районы Камско-Вятского междуречья косвенным образом могут служить, кроме изменений в географии могильников и городищ, пьяноборские клады II–III вв., известные в правобережье Камы [Генинг, 1970. С. 195].

Причинами локальных миграций поздних пьяноборцев, помимо внешних угроз, называются факторы демографического порядка. Обращается внимание на относительно быстрые темпы роста населения кара-абызской АК (пример – Охлебининский могильник с его 1500 потенциальных захоронений). Среди причин подвижек населения нельзя исключать и факторы природно-климатического порядка. Так, В.Н. Мингалевым предложено по-новому взглянуть на взаимосвязь между фактами похолодания и повышенной увлажненности и появлением сложных систем фортификаций на городищах IV–V вв. в Пермском Приуралье, строившихся, как и мазунинские, на камских притоках второго-третьего порядка [Мингалев, Перескоков, 2021. С. 161–164].

В аспекте внутренних миграций чегандинцев на последнем этапе бытования этой культурной общности далеко не исчерпан потенциал в целом неплохо изученных мазунинских могильников Среднего Прикамья. Ценными представляются

Рис. 3. Общий вид комплекса памятников у н.п. Дубровский в Удмуртии (фото Е.М. Черных)
Fig. 3. General view of the group of archaeological sites near Dubrovsky village in the Udmurt Republic (photo by E.M. Chernykh)

данные, полученные в ходе раскопок новых могильников – Боярского и Дубровского, расположенных непосредственно вблизи камской магистрали (первый) и на ее притоке третьего порядка (второй). Оба могильника принадлежат к рядовым некрополям мазунинского типа. Но их различные географические позиции, при определенной диахронии, могут служить объяснением тех различий, которые наблюдаются в погребальном обряде и инвентаре обоих некрополей, а также пониманию характера и направления подвижности позднепьяноборского населения.

На Боярском могильнике (рис. 2, *1*) изучено 183 погребения III–V вв. [Черных, Хайруллина, 2018]. Его специфические черты проявляются, прежде всего, в погребальном обряде: относительно высокая доля детских захоронений (около 25 %), значительное количество погребений с нарушенными костяками (41 случай, то есть каждое четвертое). Могильник имеет самый высокий показатель среди мазунинских могильников по количеству безынвентарных погребений – более 42 % от общего числа захоронений. До сих пор по этому показателю выделялся Быргындинский могильник – 36,6 % [Останина, 1997. С. 31. Рис. 2]. Ассортимент самых популярных категорий инвентаря в Боярке довольно скуп: поясная гарнитура, ножи, редко – бусы. Оружие (наконечники копий, стрелы) обнаружено в 27 погребениях (41,5 % от числа с установленным мужским полом) [Черных, Хайруллина, 2020]. Культурную принадлежность погребенных подчеркивают височные подвески мазунинского типа и головные ленты с металлическими украшениями, накосники, плетеные из железных колечек. Приметное место в женских комплектах занимали гривны (14 экз.), фибулы (15 экз.) и сюльгамы (17 экз.). Погребений с типично чегандинскими предметами, явно «переживающими свой век» (ажурные накладки, застежка с неподвижным крючком, полукруглые пронизки, крупные прямоугольные обувные накладки), но прекрасно манифестирующих связи с предшественниками, в Боярке 7 (№№ 42, 74, 132, 141, 145а, 147, 168 [Черных, Хайруллина, 2018. Рис. 8]). Шесть из них принадлежали женщинам. Весь облик обрядовых действий на могильнике и материальных следов оставившего его социума соответствует картине локальной драмы местного прикамского населения, находившегося под явным воздействием внешних сил.

Антропологическая характеристика боярцев свидетельствует об их внутригрупповой неоднородности. В антропологическом составе условно выделяются два краниологических комплекса: морфологическая характеристика первого обнаруживает сходство боярцев с пьяноборским и кара-абызским населением (при этом женщины в большей степени сближаются с пьяноборскими, а мужчины – с кара-абызскими группами); истоки второго в выборках из непосредственно предшествующих мазунинцам прикамских памятников неизвестны, но отмечается сходство с серией из ананьинского нижнекамского Измерского VII могильника, характеризующейся выраженными европеоидными чертами [Широбоков, Черных, 2016. С. 29–32].

На Дубровском могильнике (рис. 2, *2*) изучены 204 погребения IV–IV/V вв. Могильник, вместе с небольшим городищем (площадь около 4300 м^2) и селищем (площадь около 15000 м^2), составляют обособленную, но очень компактную территориальную группу мазунинских памятников в глу-

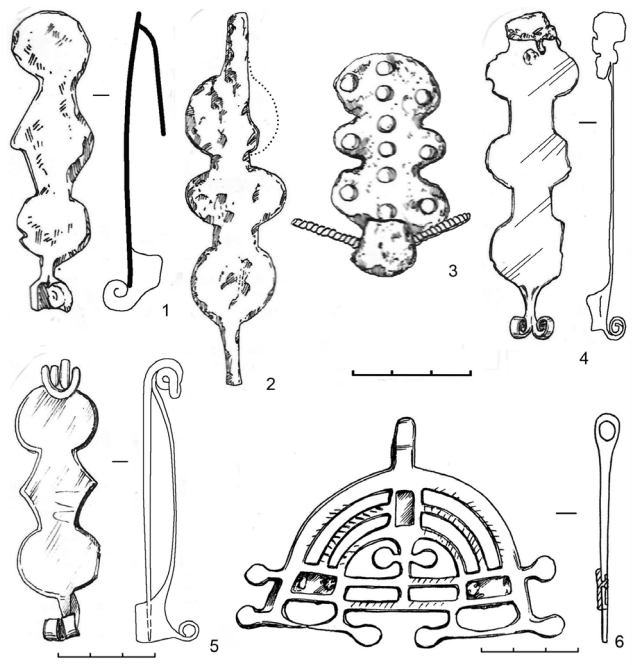

Рис. 4. Фибулы из мазунинских могильников. *1* – Тураевский, погр. 38; *2* – Тураевский, погр. 202; *3* – Усть-Сарапульский, погр. 26, 69; *4* – Дубровский, погр. 63; *5* – Дубровский, погр. 40; *6* – Дубровский, застежка (подвеска) из погр. 67 (рисунки Н.Ф. Шишкиной)

Fig. 4. Fibulae from the Mazunino type necropolises. *1* – Turaevsky, burial 38; *2* – Turaevsky, burial 202; *3* – Ust-Sarapulsky, burial 26, 69; *4* – Dubrovsky, burial 63; *5* – Dubrovsky, burial 40; *6* – Dubrovsky, clasp (pendant) from the burial 67 (drawings by N.F. Shishkina)

бине Ижско-Камского междуречья, занимавшую оба берега небольшой речки Шехостанки, правого притока р. Кырыкмас (рис. 3). Основная масса погребений на памятнике – индивидуальные. Показательными в контексте происхождения группы, оставившей могильник, являются некоторые специфические черты погребального обряда «дубровцев»: обмазывание стенок и дна ямы охрой (пп. 3, 131, 198), присутствие в ряде могил меловой подсыпки захороненных (пп. 51, 128, 132), каменные наброски в засыпке могил (погр. 128). В то же время, имели место отдельные случаи ритуального разрушения костяков (пп. 25, 51, 72 и 137); симптоматично, что это были исключительно захоронения мужчин.

На долю погребений с инвентарем в Дубровском могильнике приходится более 75 % захоронений. Культурными индикаторами служат мужские пояса с бронзовыми и железными накладками, пряжками и наконечниками, женские украшения (головные уборы, фибулы). Захоронений с раннечегандинскими украшениями (характерная прямоугольная накладка с зубчатым орнаментом) всего одно – это детское п. 201, занимавшее восточный край погребального поля. Вооружение дубровских мужчин (18 погребений, или около 27 % от определенных с мужским полом) отличается существенно более заметным, нежели в Боярском могильнике, видовым разнообразием: кроме стрел, это дротики, мечи, «косы-горбуши». Имеются и предметы конского снаряжения (удила).

Для понимания места исхода дубровской группы, возможно, имеет значение наблюдение, сделанное при сопоставлении ряда оригинальных предметов из его коллекции. Это, прежде всего выразительная серия фибул, выполненных из качественного сплава на основе меди (рис. 4, *4, 5*). Т.М. Сабирова выделила эту группу фибул в особый тип – трехщитковых/трехосновных [Сабирова, 2019. С. 23]. Близкие им по форме застежки известны только в Тураевском могильнике (рис. 4, *1, 2*) [Голдина, Бернц, 2010. Табл. 209, *2, 3*], но они там исключительно железные. Т.М. Сабирова отметила также сходство формы фибул с оригинальной группой поясных накладок из п. 1717 Тарасовского могильника и высказала предположение об их промежуточной позиции между бабочковидными и фибулами сайгатского типа в их особом варианте, известном по находкам в Усть-Сарапульском могильнике (рис. 4, *3*). Заметим, пока попутно, что обе дубровских фибулы происходят из женских погребений, где они были помещены в дарственные наборы (жертвенные комплексы) вместе с биметаллическими височными подвесками мазунинского типа. Примечательно, что из той же части могильника происходит бронзовая застежка, переделанная из привозной подвески круга восточноевропейских эмалей довольно позднего облика (рис. 4, *6*). До попадания в могилу с инвентарем IV в., подвеска явно на длительное время задержалась в местной аборигенной среде, поменяв свое назначение – с тыльной стороны к ней была припаяна железная игла. Происхождение предметов с выемчатыми эмалями в камских могильниках исследователи объясняют балто-гото-славянскими контактами III–IV вв. [Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010. С. 182] или посредническими связями с западно-волжским населением [Бугров, 1994. С. 37]. В любом случае, в Дубровском могильнике данная вещь могла появиться только вместе с группой, продвинувшейся сюда, как представляется исходя из сравнительного изучения вещевых комплексов, с берегов Камы. Наиболее перспективной для локализации исхода нам видится западная периферия мазунинского ареала, прежде всего район Тураево, где в IV в. завязался сложный узел конфронтации местного мазунинского населения и пришлого тураевского. А.А. Красноперовым была предпринята интересная попытка обозначить проблему появления в мазунинских комплексах предметов западного (азелинского) происхождения [Красноперов, 2018б. С. 130–177], требующая продолжения. Выявленные нами связи, думается, носят неслучайный характер и требуют специального рассмотрения.

Представление об антропологическом облике дубровцев удалось составить по измерениям небольшой серии черепов из погребений, локализованных в юго-восточной части могильника. Характеристика полученной выборки отличается пониженной изменчивостью ряда показателей и,

вероятно, не является репрезентативной по отношению ко всей популяции, оставившей могильник.

Сравнительный анализ метрических признаков черепов дубровцев показал их близость к некоторым мазунинским (Ижевский, Боярский, Покровский) сериям, а также сериям из чегандинских и кара-абызских могильников. Кроме того, как по остеометрическим, так и по краниометрическим признакам прослеживается сходство дубровцев с отдельными группами населения лесостепной и степной зон Приуралья и, возможно, отчасти Нижнего Поволжья [Широбоков, Черных, Нечвалода, 2018. С. 504–508].

Могут ли быть использованы антропологические материалы из раскопок Боярского и Дубровского могильников в качестве независимого источника для реконструкции миграционных процессов в регионе? И да, и нет. К сожалению, приходится признать, что краниологические данные для поставленной задачи явно недостаточны. Основных причин для скепсиса две. Первая состоит в том, что антропологические характеристики большинства погребенных нам неизвестны, и что еще хуже – у нас отсутствуют антропологические данные для большинства могильников региона того же и предшествующего времени. Имеющиеся сравнительные материалы недостаточны ни для анализа антропологических различий между группами разных хронологических периодов одного памятника, ни для детального изучения территориальной изменчивости групп, относящихся к одному периоду. Краниология Прикамья – это антропология белых пятен.

Вторая причина заключается в том, что краниологические данные сами по себе недостаточно информативны для суждения о миграциях, когда речь идет о регионе со столь сложной историей формирования антропологического состава населения. Заключения о сходстве и различиях между выборками, основанные на краниологическом анализе, требуют подтверждения со стороны других независимых систем антропологических признаков, доступная информация об изменчивости которых отличается еще большей неполнотой. Морфологическое сходство, установленное по одной группе признаков, может оказаться случайным и слабо отражать реальные генетические связи между группами. На региональном уровне в условиях отсутствия независимых данных краниологические материалы могут использоваться в качестве дополнительного источника информации, но никак не основы для реконструкции путей миграций.

Тем не менее, имеющиеся данные вполне пригодны для проведения анализа общего характера. Опубликованные к настоящему времени некоторые антропологические данные мазунинских могильников, в т.ч. Боярского «Арай», Бирского, Дубровского, Ижевского, Мазунинского, Покровского, Сайгатского, Старо-Муштинского, Тарасовского и Чепанихинского, позволили провести сравнительный анализ краниологических серий, характеризующих мазунинское, азелинское, чегандинское и кара-абызское население [Акимова, 1968; Алексеев, 1969; Ефимова, 1981; Куфтерин, 2020; Нечвалода, 2012; 2018; Рыкушина, Тихонов, 2000; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004; Фаттахов, 1978; 1980; 1981]. Такой анализ был проведен путем расчета квадратов расстояний Махаланобиса (D^2) с поправкой на численность серий [Rightmire, 1969].

Картина наиболее близких связей ($D^2 \leq 2.5$) между выборками представлена на рисунке 1. Выборки образуют два самостоятельных кластера, которые условно могут быть обозначены как «западный» и «восточный». Сопоставление обобщенных характеристик кластеров показывает, что «западный» кластер заметно ближе к чегандинским сериям, чем «восточный» (D^2=1.45 и 5.16 соответственно). Выборки как Боярского, так и Дубровского могильников ожидаемо вошли в «западный» кластер. Характеристика «восточного» кластера не находит параллелей среди сравниваемых серий иной культурной принадлежности. Несомненно, отчасти причина этого заключается в том, что «восточные» выборки чаще представлены единичными черепами, однако нельзя также исключать, что эти расхождения имеют объективную генетическую основу.

Суммарная мазунинская серия в наибольшей степени сходна с чегандинцами (D^2=1.37). С чегандинцами вполне ожидаемое сближение демонстрируют также азелинцы, однако уровень сходства последних с мазунинцами резко различается между выборками разного пола. Если мужские группы мазунинцев и азелинцев заметно различаются между собой (D^2=4.17), то женские, напротив, демонстрируют столь тесную степень сходства, что фактически оказываются не различимы между собой (D^2=-1.16). В первую очередь, эти расхождения обусловлены резко выраженной горизонтальной профилировкой долихокранных черепов мужчин-азелинцев, не типичной для Камско-Вятского региона. Однако, в целом, видимо, будет справедливым утверждение, что мужское население обеих культур в большей степени изменялось в ходе взаимодействия с пришлыми группами иного антропологического облика, нежели женское.

При этом, накопление новых антропологических данных, характеризующих население региона разной культурной принадлежности, позволяет утверждать, что гипотеза о сколь-нибудь значимом кара-абызском компоненте в составе населения мазунинской культуры является маловероятной. Вопреки результатам некоторых предыдущих исследований, как мужская, так и женская части обобщенной выборки мазунинцев оказывается

ближе к чегандинцам (D^2=1.37), чем к кара-абызцам (D^2=2.86). Суммарная выборка поздних кара-абызцев (II в. до н.э. – II в. н.э.) по сравнению с ранней (IV–III вв. до н.э.) не обнаруживает тенденции сближения с мазунинцами (D^2=2.90 и 2.75 соответственно). Такая картина лучше согласуется с предположением о том, что наблюдаемое умеренное сходство антропологических характеристик мазунинцев и кара-абызцев является скорее следствием присутствия в их составе общего субстрата, нежели прямого участия потомков кара-абызцев в формировании мазунинского населения.

Детальное изучение внутренних связей позднепьяноборского/ мазунинского населения, как представляется, несет в себе значительный информационный потенциал. В настоящее время мы лишь приближаемся к реальному (а не декларативному) объединению данных разных дисциплин для решения этой задачи. От общих, не противоречащих друг другу результатов, полученных в рамках археологических и антропологических исследований, и описательных характеристик материалов, до детальной реконструкции путей миграций и анализа состава мигрантов все еще предстоит проделать большой путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.

Бугров Д.Г. Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 33–39.

Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Автореф. … канд. ист. наук. Казань, 2006. 20 с.

Бугров Д.Г., Асылгараева Г.Ш. Животные в погребальном обряде населения Нижнего Прикамья первой половины I тыс. н.э. (по материалам Гулюковского могильника) // Поволжская археология. 2020. № 1. С. 146–166. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.146.166

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УрГУ, 1967. С. 7–84. (ВАУ. Вып. 7)

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть 1. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.). Свердловск, Ижевск: УрГУ, УдмНИИ ИЭЛЯ, 1970. С. 3–224. (ВАУ. Вып. 10)

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров. Сб. статей советских и венгерских археологов / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразие проявлений взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск: УдГУ, 2010. С. 156–247.

Голдина Р.Д. О моделях взаимодействия различных этносов эпохи Великого переселения народов в Прикамье // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 281–304.

Голдина Р.Д. Фибулы Тарасовского могильника на Средней Каме (III–V вв.) // Stratum Plus. 2019. № 4. С. 169–186.

Голдина Р.Д. Расселение финно-пермян на Средней Каме в VIII в. до н.э. – II в. н.э. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. №. 2. С. 304–323. DOI: https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-304-323

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск: УдГУ, 2010. 499 с. (МИКВАЭ. Т. 17)

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А. О пьяноборской культурно-исторической общности // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 17–55.

Ефимова С.Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. 1981. Вып. 67. С. 64–73.

Красноперов А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018а. № 1. С. 56–86.

Красноперов А.А. Азелино: движение на восток. Находки азелинских вещей к востоку от основного ареала // Археология евразийских степей. 2018б. № 1. С. 130–177.

Куфтерин В.В., Воробьева С.Л. К палеодемографии пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 164–179. DOI: https://doi.org/10.24852/2019.1.27.164.179

Куфтерин В.В. Краниология Ново-Сасыкульского могильника // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 1(48). С. 82–96.

Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. 2014. С. 130–140.

Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Фортифика-

ция многовальных городищ в Пермском Приуралье в эпоху Великого переселения народов: теория и интерпретации // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 155–169. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.155.169

Нечвалода А.И. Новые краниологические материалы кара-абызской культуры из могильника Кара-Абыз II // Этнос. Общество. Цивилизация: III Кузеевские чтения. Материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, 28 сентября 2012 г.). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2012. С. 249–251.

Нечвалода А.И., Воробьёва С.Л. Мужские и женские погребения носителей кара-абызской культуры по материалам Охлебининского могильника: Антропологические данные и погребальный костюм // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. (г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 152–170.

Овсянников В.В. Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // Уфимский археологический вестник. Вып. 9. 2009. С. 144–156.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепной Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.

Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 67–76.

Рыкушина Г.В., Тихонов А.Г. Предварительное сообщение об антропологических материалах из могильника мазунинской культуры Покровка // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть 2 / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Старый сад, 2000. С. 170–188.

Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2019. 248 с.

Ставицкий В.В. К вопросу о хронологии погребений с фибулами Ново-Сасыкульского могильника // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. 2015. С. 111–116.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2004. 172 с.

Фаттахов Р.М. Антропологическая характеристика населения Удмуртского Прикамья середины I тысячелетия н.э. // Проблемы этнографии и этнической антропологии / Отв. ред. А.А. Воронов. М.: Наука, 1978. С. 206–215.

Фаттахов Р.М. Новые антропологические материалы со Средней и Нижней Камы // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР / Отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 130–138. (Сборник МАЭ. Т. 36)

Фаттахов Р.М. Краниологическая характеристика материалов могильника Старый Чекмак // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 94–109.

Хохлов А.А., Газимзянов И.Р., Сташенков Д.А. О распространении традиции искусственной деформации головы на северных окраинах Волго-Уралья (эпоха бронзы и ранний железный век) // Поволжская археология. 2022. № 1. С. 204–220. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2022.1.39.204.220

Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 86–106.

Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. Наконечники стрел в погребениях Боярского («Арай») могильника III–V вв. в Среднем Прикамье // Вещь в контексте погребального обряда / Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. Москва: РГГУ, 2020. С. 203–216.

Широбоков И.Г., Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.

Широбоков И.Г., Черных Е.М., Нечвалода А.И. Антропологическая характеристика скелетных останков из раскопок Дубровского могильника // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 499–512.

Rightmire G.P. On the computation of Mahalanobis' generalized distance (D^2) // American Journal of Physical Anthropology. 1969. Vol. 30. P. 157–160.

REFERENCES

Ageev, B.B. 1992, *The Pyany Bor culture*. BNC UrO RAN, Ufa, 140 p. (In Russ.)

Akimova, M.S. 1968, *Anthropology of ancient people in the Pre-Urals area*. Nauka, Moscow, 120 p. (In Russ.)

Alekseev, V.P. 1969, *Origin of the peoples of Eastern Europe (Craniological research)*. Nauka, Moscow, 324 p. (In Russ.)

Bugrov, D.G. 1994, "Objects with champlevé from the Lower Kama region", *Istoriko-archeologicheskoe izuchenie Povolzhya* ("Historical and archaeological study of the Volga region"), Yoshkar-Ola, pp. 33–39. (In Russ.)

Bugrov, D.G. 2006, Settlements of the Pyany Bor Culture in the Ik-Belaya interfluve. *Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 20 p. (In Russ.)

Bugrov, D.G., Asylgarayeva, G.S. 2020, "Animals in the burial rite of the Lower Kama region populations in the first half of the 1st millennium AD (based on the assemblages from Gulyukovo necropolis)", *The Volga River Region Archaeology*, no. 1, pp. 146–166. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.146.166

Gening, V.F. 1967, "Mazunino culture in the Middle Kama region", *Pamyatniki mazuninskoy kultury,* ("Archaeological sites of the Mazunino culture"), USU, Izhevsk, Sverdlovsk, pp. 7–84. (In Russ.)

Gening, V.F. 1970, *History of the Udmurt Kama region in the Pyany Bor stage. Part 1. Cheganda culture (3rd century BC – 2nd century AD)*. USU, UdmNII IELYa, Sverdlovsk, Izhevsk, pp. 3–224. (In Russ.)

Gening, V.F. 1972, "Southern Cis-Urals in the 3–7 centuries AD (The problem of ethnos and its origin)", *Problemy archeologii i drevney istorii ugrov. Sbornik statey Sovetskih i Vengerskih Archeologov* ("Problems of archeology and ancient history of Ugrians. A collection of papers written by Soviet and Hungarian archaeologists"), Nauka, Moscow, pp. 221–295. (In Russ.)

Goldina, E.V., Goldina, R.D. 2010, «Distant Import» in the Kama region – peculiarities of interactions between the peoples of Eurasia (8th century BC – 9th century AD)", *Goldina E.V. Busy mogilnikov nevolinskoy kultury (konets 4 – 9 vv.)* (in book "Goldina E.V. Beads from the Nevolino culture necropolises (the end of the 4th – 9th centuries)"), Izhevsk, pp. 156–247. (In Russ.)

Goldina, R.D. 2006, "On the interaction models of various ethnic groups of the Kama region during the migration period", *Vzaimodeystvie Narodov Evrazii v Epohu Velikogo pereseleniya narodov* ("Interactions between peoples of Eurasia during the migration period"), Izhevsk, pp. 281–304. (In Russ.)

Goldina, R.D. 2019, "Fibulae from Tarasovsky necropolis in the Middle Kama region (3–5 centuries AD)", *Stratum Plus*, no. 4, pp. 169–186. (In Russ.)

Goldina, R.D. 2020, Dissemination of Finno-Permyaks in the Middle Kama region in the 8th century BC – 2nd century AD, *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, vol. 14, iss. 2, pp. 304–323. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-304-323

Goldina, R.D., Bernts, V.A. 2010, *Turaevsky I necropolis – a unique settlement of the migration period in the Middle Kama region (barrow less graves).* Izhevsk, 499 p. (In Russ.)

Goldina, R.D., Bernts, V.A. 2016, "Chronology of male burials of Tarasovsky necropolis dated to the 3th – 5th centuries AD", *The Volga River Region Archaeology*, no. 3 (17), pp. 17–58. (In Russ.)

Goldina, R.D., Leshchinskaya, N.A. 2018, "About the Pyany Bor cultural and historical community", *Archeology of the Eurasian steppes*, no. 1, pp. 17–55. (In Russ.)

Efimova, S.G. 1981, "To the craniology of the Early Iron Age of Volga-Kama region", *Voprosy antropologii*, vol. 67, pp. 64–73. (In Russ.)

Krasnoperov, A.A. 2018a, "Anachronisms in funeral inventory. Items of the Pyany Bor culture in the Mazunino burials: the change of eras in the Kama region", *Archeology of the Eurasian steppes*, no. 1, pp. 56–86. (In Russ.)

Krasnoperov, A.A. 2018b, "Azelin culture: moving eastwards. Items of Azelin type found to the east of the primary area", *Archeology of the Eurasian steppes*, no. 1, pp. 130–177. (In Russ.)

Kufterin, V.V., Vorobyova, S.L. 2019, "To the paleodemography of the Pyany Bor culture", *The Volga River Region Archaeology*, no. 1 (27), pp. 164–179. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24852/2019.1.27.164.179

Kufterin, V.V. 2020, "Craniology of Novo-Sasykul necropolis", *Perm University Herald. History*, vol. 48, iss. 1, pp. 82–96. (In Russ.)

Malashev, V.Y. 2014, "Some aspects of contacts of the Late Sarmatians from the South Ural steppes with the populations from the forest-steppe zones of the Volga and Cis-Ural regions", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 14, pp. 130–140. (In Russ.)

Mingalev, V.V., Pereskokov, M.L. 2021, "Fortification of settlements with multiple hillforts in the Perm Cis-Urals during the migration period: theory and interpretations", *The Volga River Region Archaeology,* no. 1 (35), pp. 155–169. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.155.169

Nechvaloda, A.I. 2012, "New craniological materials of Kara-Abyz culture from Kara-Abyz II burial ground", *Etnos. Obshchestvo. Civilizaciya: III Kuzeevskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Ufa, 28 sentyabrya 2012 g.)* ("Ethnos. Society. Civilization: III Kuzeev's readings. Materials of the international scientific conference (Ufa, 28 September 2012)"), Ufimskij poligrafkombinat, Ufa, pp. 249−251. (In Russ.)

Nechvaloda, A.I., Vorobyova, S.L. 2018, "Male and female burials of the representatives of the Kara-Abyz culture according to the materials found at the Okhlebinino burial site: anthropological evidence and burial clothing", *Muzhskoj i zhenskij mir v otrazhenii arheologii: Materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii (g. Ufa, 19–22 noyabrya 2018 g.)* ("Male and female world in the reflection of archeology: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation (Ufa, November 19–22, 2018)"), IIYaL UFIC RAN, Ufa, pp. 152–170. (In Russ.)

Ovsyannikov, V.V. 2009, "On the identification of zones of active interaction between settled and nomadic populations of Trans-Urals during the Savromato-Sarmatian era", *Ufa Archaeological Herald,* vol. 9, pp. 144–156. (In Russ.)

Ovsyannikov, V.V., Savelev, N.S., Akbulatov, I.M., Vasiliev, V.N. 2007, *Shipovo necropolis in the forest-steppe Cis-Urals.* Gilem, Ufa, 166 p. (In Russ.)

Ostanina, T.I. 1997, *Population of the Middle Kama region in the 3rd – 5th centuries.* UIIYaL UrO RAN, Izhevsk, 326 p. (In Russ.)

Pshenichnyuk, A.H. 1987, "Studies of the Early Iron Age", *Voprosy drevney i srednevekovoy istorii Yuzhnogo Urala* ("Problems of ancient and medieval

history of the Southern Urals"), BFAN SSSR, Ufa, pp. 67–76. (In Russ.)

Rykushina, G.V., Tikhonov, A.G. 2000, "Preliminary report about anthropological materials from Mazunino culture burial site Pokrovka", *Narody Rossii: ot proshlogo k nastoyashchemu. Antropologiya* ("Peoples of Russia: from past to present. Anthropology"), vol. 2, Stary sad, Moscow, pp. 170–188. (In Russ.)

Sabirova, T.M. 2019, *Fibulae of the Middle Kama region: first half of the 1st millennium AD.* UdmFIC UrO RAN, Izhevsk, 248 p. (In Russ.)

Stavitsky, V.V. 2015, "To the question of chronology of the burials with fibulae from Novo-Sasykul' necropolis", *Ufa Archaeological Herald,* vol. 15, pp. 111–116. (In Russ.)

Sungatov, F.A., Garustovich, G.N., Yusupov, R.M. 2004, *Cis-Urals Region during the Great Migration (Staraya Myshta barrow-ground necropolis).* Ufimskij poligrafkombinat, Ufa, 172 p. (In Russ.)

Sungatov, F.A., Garustovich, G.N., Yusupov, R.M. 2004, *Cis-Urals during the migration period (Staro-Mushtinsky barrow necropolis*). IIYaL UNC RAN, Ufa, 172 p. (In Russ.)

Fattakhov, R.M. 1978, "Anthropological characteristic of population of Udmurt Kama region in the middle of the 1st millennium AD", *Problemy etnografii i etnicheskoj antropologii* ("Problems of Ethnography and Ethnical Anthropology"), Nauka, Moscow, pp. 206–215. (In Russ.)

Fattakhov, R.M. 1980, "New anthropological materials from Middle and Lower Kama region", *Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR* ("Research on paleoanthropology and craniology of the USSR"), vol. 36, Nauka, Leningrad, pp. 130–138. (In Russ.)

Fattakhov, R.M. 1981, "Craniological study of the materials from Staryy Chekmak burial site", *Ob istoricheskih pamyatnikah po dolinam Kamy i Beloj* ("On the historical sites in Kama and Belaya river valleys"), IYaLI KFAN SSSR, Kazan, pp. 94–109. (In Russ.)

Khokhlov, A.A., Gazimzyanov, I.R., Stashenkov, D.A. 2022, "On the spread of the tradition of artificial deformation of the scull in the northern part of the Volga-Ural region (the Bronze and Early Iron Ages)", *The Volga River Region Archaeology,* no. 1 (39), pp. 204–220. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24852/pa2022.1.39.204.220

Chernykh, E.M., Khairullina, O.F. 2018, "Boyarsky («Aray») necropolis – a newly discovered site of the migration period in the Middle Kama region", *Archaeology of the Eurasian Steppes*, no. 1, pp. 86–106. (In Russ.)

Chernykh, E.M., Khairullina, O.F. 2020, "Arrowheads from the 3rd – 5th century burials of the Boyarsky («Aray») necropolis in the Middle Kama region", *Veshch v kontekste pogrebalnogo obryada* ("Items in the burial rite context"), RGGU, Moscow, pp. 203–216. (In Russ.)

Shirobokov, I.G, Chernikh, E.M. 2016, "Physical anthropology data on the origin of the Kama region population of the middle of the 1st millennium AD (according to the finds from Boyarskiy «Aray» necropolis)", *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, vol. 26, iss. 1, pp. 25–34. (In Russ.)

Shirobokov, I.G., Chernykh, E.M., Nechvaloda, A.I. 2018, "Anthropological characteristic of skeletal remains from excavation of Dubrovsky necropolis", *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, vol. 28, iss. 4, pp. 499–512. (In Russ.)

Rightmire, G.P. 1969, "On the computation of Mahalanobis' generalized distance (D2)", *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 30, pp. 157–160.

Сведения об авторах

Елизавета Михайловна Черных, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: emch59@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5800-7545

Иван Григорьевич Широбоков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург. E-mail: ivansmith@bk.ru, ORCID: 0000-0002-3555-7509

Information About the Authors

Elizaveta M. Chernykh, Ph.D, professor, Udmurt State University, Russian Federation, Izhevsk. E-mail: emch59@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5800-7545

Ivan G. Shirobokov, Ph.D, Senior researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Russian Federation, Saint-Petersburg. E-mail: ivansmith@bk.ru, ORCID: 0000-0002-3555-7509

УДК 902.6,/903.5/903.53/904 (470.5)
ББК 63.4стд1-6 (235.5)

CC BY

Дата поступления статьи: 20.08.2022
Дата принятия статьи: 31.10.2022

«ВНЕДРЕНИЕ В МАЗУНИНСКУЮ КУЛЬТУРУ ТУРАЕВСКО-ХАРИНСКИХ ГРУПП»: К ДЕФИНИЦИИ ТИПОВ[1]

Александр Анатольевич Красноперов
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия
E-mail: alexander.kaa@mail.ru

Аннотация. Формулировка проблемы объединяет три самостоятельных блока. «Классический» харинский культурный комплекс представлен находками в подкурганных погребениях поясной гарнитуры, обильно украшенной зернью. Датируется VI в. Группы разделены территориально, но разделение на самостоятельные археологические культуры нецелесообразно. Культурные отличия становятся существенно заметны только в после-харинское время. Во всех ареалах (Коми Республика, Пермский край, Удмуртия) харинские древности развиваются на гляденовской основе. Можно говорить о выделении двух более ранних этапов V в. и последней четверти IV – начала – первой половины V в. Тураевские курганы представляют собой изолированное явление в Прикамье. Типологические связи материалов ограничены перечнем из примерно десяти комплексов. Хронологически они синхронны самым ранним пред-пред-харинским комплексам, но реальной связи между Тураевскими курганами и харинскими могильниками нет. Мазунинская культура в «классическом» виде прекращает существование во второй половине IV в. В конце IV в. перестают совершаться погребения на всех могильниках к северу от р. Камы и на большинстве могильников к югу от нее. Территория запустевает. Мазунинские «этнографические» элементы с материалами V в. изучены только на Бирском и Бахмутинском могильниках в сочетании с керамикой «чандарского» типа. Хронология появления новых керамических групп пока не ясна. Фактически, мазунинская культура заканчивается до совершения первых погребений в Тураевских курганах и в харинских могильниках.

Ключевые слова: мазунинская культура, харинский тип, Тураевские курганы, хронология

Цитирование. Красноперов А.А., 2022. «Внедрение в мазунинскую культуру тураевско-харинских групп»: к дефиниции типов // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 269–282. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.008

Благодарности. Я благодарен за существенную помощь и поддержку в работе (музейные коллекции, архивы, литература, обсуждения, участие в раскопках) А.К. Бахшиевой (Уфа), В.А. Бернц (Ижевск), Д.Г. Бугрову (Казань), С.Л. Воробьевой (Уфа), И.О. Гавритухину (Москва), Э.В. Камалееву (Уфа), А.Г. Колонских (Уфа), В.И. Мухаметдинову (Уфа), А.Р. Нуретдиновой (Казань), М.Л. Перескокову (Пермь), Н.Л. Решетникову (Сарапул), Р.Р. Руслановой (Уфа), Е.В. Русланову (Уфа), А.Н. Султановой (Уфа), Е.В. Чуйкиной (Пермь), Е.А. Шаблавиной (СПб.).

UDC 902.6,/903.5/903.53/904 (470.5)
LBC 63.4стд1-6 (235.5)

Submitted: 20.08.2022
Accepted: 31.10.2022

«INTRODUCTION OF THE TURAEVO-KHARINO-TYPES GROUPS INTO THE MAZUNINO CULTURE»: TO THE DEFINITION OF TYPES

Alexander A. Krasnopeorov
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Izhevsk, Russia
E-mail: alexander.kaa@mail.ru

Abstract. The article discusses three interrelated questions. The “classical” Kharino cultural complex is represented by finds of a belt set, richly decorated with granule, in burial mounds. Dated to the 6th century. The groups are territorially separated, but the division into independent archaeological cultures is inexpedient. Cultural differences become significantly noticeable only in the post-Kharino time. In all areas (Komi Republic, Perm region, Udmurtia), Kharino antiquities continue to develop on the basis of carriers of the Glyadenovo cultural type. We can talk about the allocation of two earlier stages of the 5th century AD and 4 quarters of the 4th – beginning – 1st half of the 5th century. The Turaevo barrows constitute an isolated phenomenon in the Kama region. The typological relationships of materials are limited to a list of approximately 10 complexes. Chronologically, they are synchronous with the earliest pre-pre-Kharino complexes, but there is no real connection between the Turaevo barrows and the Kharino burial grounds. The Mazunino culture in its “classical”

[1] Статья представляет собой расширенный вариант доклада, подготовленного к круглому столу «Археология миграций: древность, средневековье и Новое время» (Уфа, сентябрь 2022 г.). В первом информационном письме организаторами был предложен перечень блоков вопросов, представляющих, по их мнению, наименее решенные проблемы. Из них и родилась тема доклада к конференции.

form ends in the 2nd half of the 4th century. At the end of the 4th century, burials ceased in all burial grounds north of the Kama River, and in most burial grounds to the south. The area remains uninhabited for a long time. Mazunino "ethnographic" elements with materials of the 5th century studied only at the Birsk and Bakhmutino burial grounds in combination with ceramics of the "Chandar" type. The chronology of the emergence of new ceramic groups is not yet clear. Per se, the Mazunino culture ends before the first burials in the Turaevo barrows and in the Kharino burial grounds.

Keywords: Mazunino culture, Kharino type, Turaevo barrows, chronology

Citation. Krasnopeorov A.A., 2022. «Introduction of the Turaevo-Kharino-types groups into the Mazunino culture»: to the definition of types. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 269–282. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.008

Acknowledgements. I am grateful for the significant assistance and support for my work (museum collections, archives, literature, discussions, excavations) provided by A.K. Bakhshieva (Ufa), B.A. Bernts (Izhevsk), D.G. Bugrov (Kazan), S.L. Vorobyova (Ufa), I.O. Gavritukhin (Moscow) E.V. Kamaleev (Ufa), A.G. Kolonskikh (Ufa), V.I. Mukhametdinov (Ufa), A.R. Nuretdinov (Kazan), M.L. Pereskokov (Perm), N.L. Reshetnikov (Sarapul), R.R. Ruslanova (Ufa), E.V. Ruslanov (Ufa), A.N. Sultanova (Ufa), E.V. Chuykina (Perm), E.A. Shablavina (Saint Petersburg).

В публикациях по раннесредневековой археологии часто встречаются сложные конструкции, объединяющие несколько различных археологических групп памятников. Причем часто начинается с создания усложненного термина, а затем превращается в масштабные концепции передвижений больших масс населения через горы и огромные расстояния. И авторов этих работ не беспокоят различия в хронологии. Формулировка «внедрение», вынесенная в название данной статьи, предполагает историографический экскурс и возможность наметить пути решения. Фактически в названии объединены три археологических явления, которые и разбираются последовательно. Дальнейший текст оперирует только археологической составляющей (находки, объекты, их датировки, и их аргументация) без «этнической» идентификации и ярлыков.

Понимание харинского культурного комплекса

Находки с разрушающегося могильника близ д. Харино стали известны по собранию Теплоуховых и раскопкам В.Л. Борисова в 1900–1902 гг. ([ОАК 1900. С. 87–88; ОАК 1901. С. 115–116], ГЭ, колл. 570).[2] С 1927 г. в работах А.В. Шмидта [Schmidt, 1927; Шмидт, 1929] ранние материалы стали эпонимными для выделения эпохи распространения курганных могильников, которые в дальнейшем связали с формированием неволинской, ломоватовской, поломской и ванвиздинской культур. Специфическим маркером этой традиции, сразу резко выделившимся на фоне местных древностей, были особенности погребального обряда: ингумации в срубах в один венец, с дном, выстланным берестой, и перекрытые толстыми тесаными плахами, кремации с углями и не обгоревшими вещами в ямах и на дневной поверхности, перекрытые «сплошными» насыпями [Генинг, 1959а. С. 203–204; Генинг, Голдина, 1973. С. 61, 63, 65], находки элементов поясной гарнитуры и «калачевидных» височных подвесок с зернью и вставками [Красноперов, 2019].

Понимание культурного комплекса «харино» заложено работами 1970-х гг. [Генинг, Голдина, 1973; Голдина, 1968; Голдина, 1977].

Средневековые древности Верхнекамья VIII–IX вв. выделил А.А. Спицын в предисловии к атласу коллекции Теплоуховых [Спицын, 1902. С. 23, 27]. После работ ГАИМК А.В. Шмидт развил эти положения, выделив более дробные периоды [Шмидт, 1929]. Мнение было поддержано А.П. Смирновым [Смирнов А.П., 1952. С. 80, 81, 174, 176, 178, 180–182] и в ранних работах О.Н. Бадера, В.А. Оборина, В.Ф. Генинга [Генинг, 1953; Генинг, 1959б]. Здесь принципиально, что все материалы Пермского Прикамья вначале были отнесены к единой – ломоватовской – культуре, а собственно харинские памятники представляли ее ранний этап. Разделил единую ломоватовскую культуру на две самостоятельных – ломоватовскую и неволинскую – В.А. Оборин на II Уральском археологическом совещании [Оборин, 1961. С. 57].[3]

При обобщении материалов Р.Д. Голдиной было выделено четыре локальных скопления памятников:[4] Гайнская, Косинская, Туйская, Обвинская (единственный могильник – Б. Висимский) [Голдина, 1985. Табл. 1], отдельно от них – неволинская группа на р.Сылве [Голдина, 1968. Рис. 1], отдельно – находки харинских типов в поломских могильниках на р.Чепце [Генинг, 1958. С. 95–97; 1959б. С. 196].[5] Но некоторые памятники не впи-

[2] Благодарю за помощь в работе †Е.И. Оятеву (ОАВЕС ГЭ, СПб.).

[3] Но основания для этого гораздо любопытнее и к археологическим находкам отношения не имеют – «из числа памятников ломоватовской культуры должны быть *исключены* памятники в Кунгурской лесостепи, *поскольку* эти памятники *связаны не с коми-пермяцкой народностью*, а с угорскими племенами» ([Генинг, 1965. С. 340]; *курсив мой – А.К.*).

[4] Выделение групп непоследовательно: ни по рекам, ни по «пустым пространствам» (см. карты в указанных работах).

[5] Памятники на территории Коми еще не были известны.

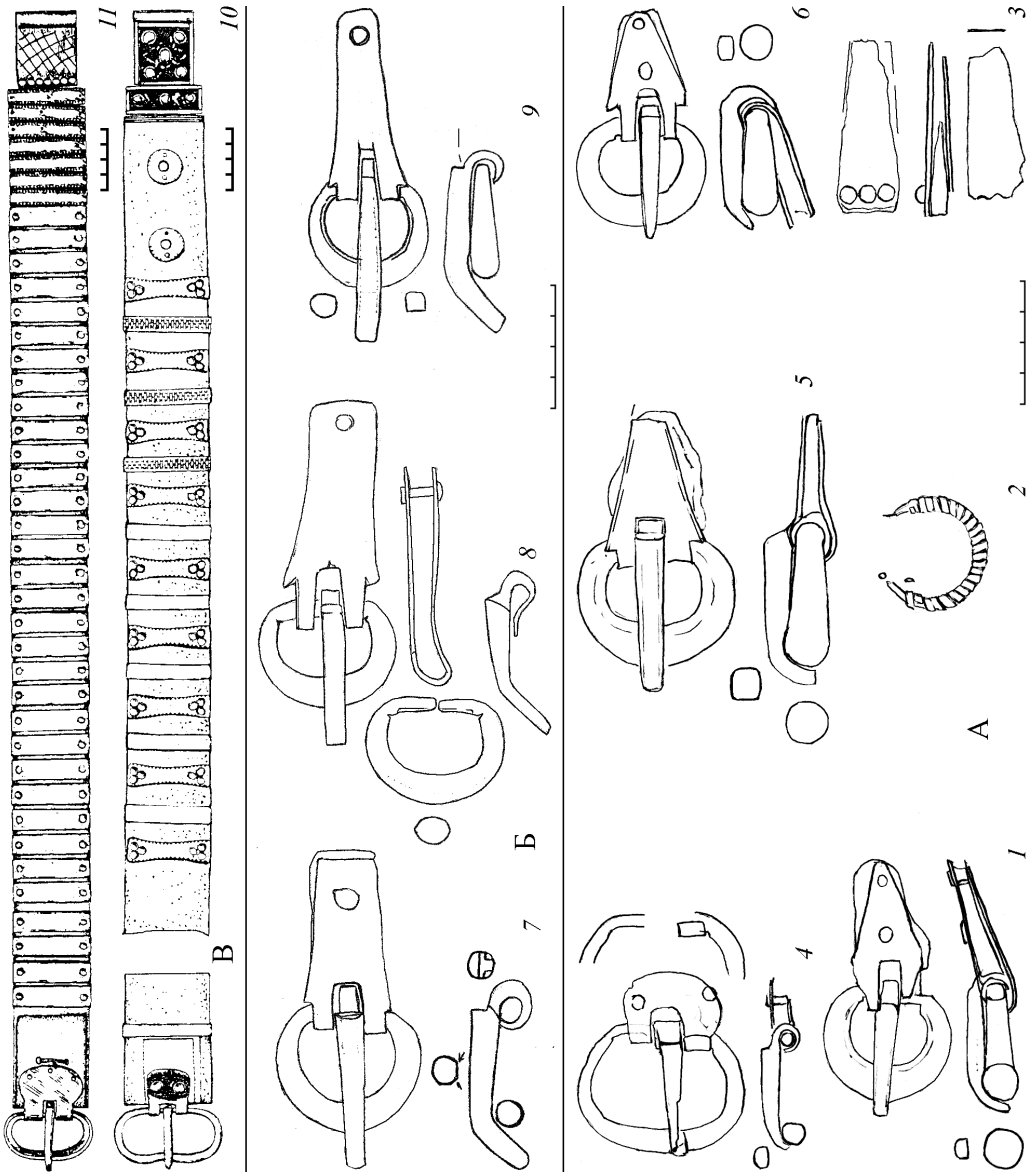

Рис. 1. Относительная хронология харинских древностей (схема). *А* – пред-пред-харино; *Б* – пред-харино; *В* – «классическое» харино. *1–6* – Качка; *7–9* – Харино; *10, 11* – Верх-Сая, к. 14 п. 1, п. 147 (*1–9* – рисунки автора; *10, 11* – по: [Голдина, Перевозчикова, Голдина, 2018. Табл. 22, *1*; 238, *7*])

Fig. 1. Relative chronology of Kharino antiquities (sketch). *A* – pre-pre-Kharino; *Б* – pre-Kharino; *B* – classic Kharino. *1–6* – Kachka; *7–9* – Kharino; *10, 11* – Verkh-Saya, к. 14 b. 1, b. 147 (*1–9* – author's pictures; *10, 11* – after: [Goldina, Perevozchikova, Goldina, 2018. Table 22, *1*; 238, *7*])

сываются в общую схему. Есть находки без специфического обряда; есть погребения с соблюдением обряда, но разительно отличающимся инвентарем. Несколько могильников вообще не получили культурной идентификации (Качка).[6]

Иную позицию занимал Ю.А. Поляков [Поляков, 1980. С. 17; Поляков, 2001], сейчас поддержанную и развитую М.Л. Перескоковым [Перескоков, 2018б. С. 100–105; Перескоков, 2020], которые считают харинские памятники последним этапом развития гляденовской культуры. Прежде всего, М.Л. Перескокову доступны материалы одного из, видимо, двух определяющих памятников гляденовской культуры – Мокинского могильника [Перескоков, 2018а; Перескоков, 2022], дополненные целенаправленным изучением других [Перескоков, 2017; Мингалев, Перескоков, 2016].

Вырванными из всех контекстов оказываются могильники на территории Коми. Совсем не изданы Юванаягский и Вомынъягский, практически не изданы Борганъель и Сэбысь. Диссертация Н.Н. Чесноковой, специально посвященная ванвиздинской культуре [Чеснокова, 1983], осталась не издана, несколько небольших заметок совсем не раскрывают проблему. Планомерного сопоставления коми- и прочих харинских групп, судя

[6] Определен как «типичный харинский» [Генинг, 1959а. С. 205], но не отнесен ни к ломоватовской, ни к неволинской культурам.

по всему (сужу по ее автореферату и выдержкам, использованным в «Археологии Коми» [Археология…, 1997]), не было. Ф.В. Овчинников собирал все находки харинских типов поясной гарнитуры независимо от территорий [Овчинников, 2005], но работу не завершил. В настоящее время постепенно стали появляться обобщающие статьи А.Л. Белицкой, но преимущественно, по погребальному обряду [Белицкая, 2014; Белицкая, 2015; Белицкая, 2016; Белицкая, 2018].

Для оценки харинских материалов в совокупности существенно беглое замечание Р.Д. Голдиной: «*различия* в культурах верхнекамского и сылвенского районов увеличиваются *в более позднее время*, в VI–VII вв.» [Голдина, 1968. С. 91] (*курсив мой – А.К.*), и определение: «памятники харинского типа представляют собой *единый культурно*-хронологическ*ий комплекс*; других курганов в верхнем Прикамье нет; содержат однородную, *стилистически единую группу вещей*» [Генинг, Голдина, 1973. С. 84] (*курсив мой – А.К.*).

Датировка полихромных находок собственно «харинских» типов в пределах VI в. разногласий не вызывает (рис. 1, *В*). Очевидно наличие более раннего пласта V в. (Броды, Мокино, Калашниково, Кала-Урын, Чазево II, Весляна(?), Юванаяг, Шойнаяг, Борганъель) (рис. 1, *Б*). Но типологические ряды показывают и предшествующий этап последней четверти IV – первой половины V в. (Качка, Мокино, Бурково, Чазево II(?), Агафоново, Варни)[7] (рис. 1, *А*). Относить их к «харино», разделять на «харино А» и «харино Б» (М.Л. Перескоков) [Перескоков, 2014], выделять «горизонт Кала-Урын–Броды»[8] (И.О. Гавритухин) – в контексте рассматриваемой темы вопрос не только номинатива. Но если вернуться к отвергнутым самими авторами ранним идеям, то 1) культурные отличия действительно проявляются позднее, в после-харинское время, 2) памятники всех ареалов развиваются на гляденовской основе, 3) харинские типы представлены везде (Верхняя Кама, Сылва, Чепца, Вычегда). Нет необходимости придумывать дополнительные названия в каждой из культур.

Понимание «тураевского» культурного комплекса

Понимания культурного комплекса Тураевских курганов, скорее, нет. В *подавляющем* большинство работ не обсуждается археология, а постулируются выводы про «этничность» погребенных, – они не стоят даже перечисления. Тураевские курганы – 9 насыпей над 1–3 погребениями, раскопанными В.Ф. Генингом у с. Тураево Менделеевского района Татарстана в 1959–1960 и 1969 гг. Они изданы дважды [Генинг, 1976; Gening, 1995], но не полностью.[9]

Фактически, погребенные в амуниции, избыточной в условиях лесной зоны, в глубоких ямах с подбоями и каменной забросной, под курганами, не имеют соответствий в местных культурах. Датировка особых расхождений не вызывает. В инвентаре имеются хронологические различия по времени формирования наборов, возможно определяющиеся возрастом умерших. При этом, совокупная хронология очень плотная, в пределах от середины IV до рубежа IV/V в.[10] (рис. 2, *А*). Действительный интерес представляет соотношение курганов с ближайшим могильником с типично местным инвентарем.[11] Расположенные здесь же грунтовые могильники мазунинской культуры нет оснований датировать позднее середины IV в., а курганные и грунтовые комплексы хронологически между собой не смыкаются.

Круг соответствий набору инвентаря среди материалов Предуралья очень ограничен: Первомай, п. 9 [Голдина, Лещинская, Макаров, 2014. Табл. 139–142] (рис. 2, *Б*), Тарасово, пп. 43 (рис. 2, *Д*), 1802 [Голдина, 2003. Табл. 16/43, 679, 680] (рис. 2, *В*), Кудаш, п. 206 [Казанцева, 2021. Рис. 1; 2] (рис. 2, *Ж*), Мокино, пп. 255 (рис. 2, *Г*), 232 [Перескоков, 2018а. Рис. 9В, 10А, 11В], Броды, к. 26/п. 1 [Голдина, 1986. Табл. 15, *1–8, 17–19, 23, 24, 26, 27, 32, 37*] (рис. 2, *Е*).

Возможная параллель особенностям обряда в этом хронологическом диапазоне – Кантемировские курганы [Рудинський, 1931; Обломский, 2002. Рис. 91, 92. С. 80–81] (рис. 2, *З*). В плане сопоставления интересны комплексы, перечисленных И.Н. Храпуновым [Храпунов, 2021. С. 87], особенно Дружное, п. 84 [Храпунов, 2002. Рис. 194–201; особенно рис. 200] (рис. 2, *И*) и находки костяка в слое штурма с внутренней стороны вала Булганакского городища [Храпунов, 1987. С. 40. Рис. 1, *1, 2, 6*].

Количество погребений невелико, встречаются они небольшими группами, но на тех же могильниках, что и «местное» население, причем занимают последовательное положение в общих рядах погребений. Это свидетельствует о том, что вариант с масштабнейшими миграциями через половину Евразии археологическими матери-

[7] Большинство могильников очень «долгие». Многие из них основываются к V в. и продолжают функционировать до IX–X–XI вв. (напр. Аверино, Броды, Варни, Митино и др.).

[8] Который, кстати, не включает последнюю четверть IV в. Примерно соответствует времени пред-харино – раннее харино (V в).

[9] Готовится систематическая публикация этих коллекций.

[10] Подробная доказательная база изложена И.О. Гавритухиным в специальном разделе, посвященном Тураевским курганам, подготовленным для издания «Археология Волго-Уральского региона».

[11] Монтаж планов Р.Д. Голдиной [Голдина, Бернц, 2010. Рис. 4; 5] не соответствует действительности (доклад на конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» в музее-заповеднике «Куликово Поле» в ноябре 2019 г.), хотя курганный и грунтовый могильники располагаются на одной площадке.

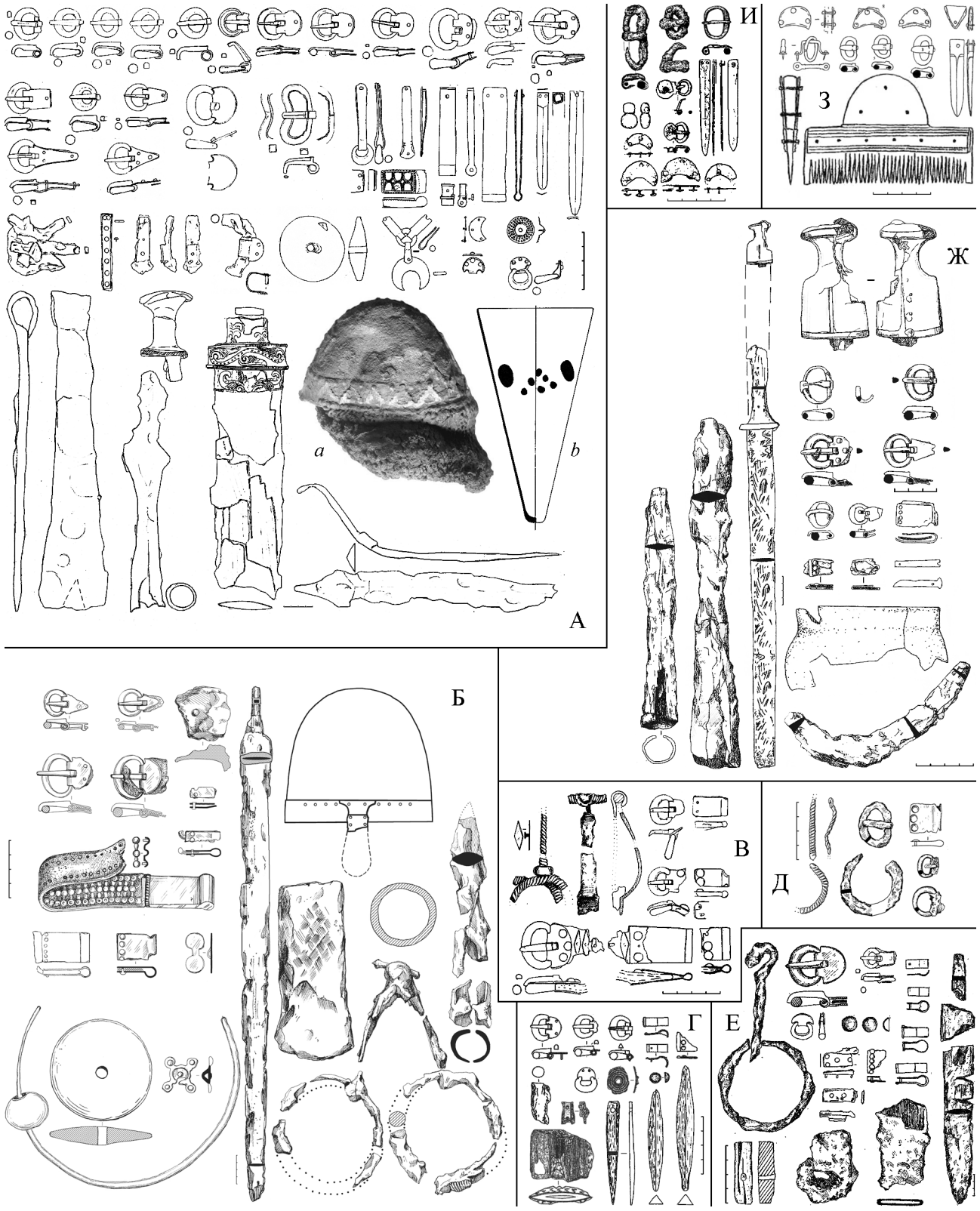

Рис. 2. Контекст находок из Тураевских курганов (схема). *А* – Тураево (рисунки автора; шлем (*a*) – по: [Радюш, Кубик, 2019. Рис. 7]; стакан (*b*) – реконструкция формы И.О. Гавритухина); *Б* – Первомай, п. 9 [Голдина, Лещинская, Макаров, 2014. Табл. 139, *3–11*; 140, *1, 2, 5–8*; 141, *1, 5, 6*; 142, *1*]; с корректировками и добавлениями автора); *В* – Тарасово, п. 1802 [Голдина, 2003. Табл. 679, *6–2*; 680, *1–11*]; с корректировками и добавлениями автора); *Г* – Мокино, п. 255 [Перескоков, 2018а. Рис. 9, *В–1, 2, 4*; 10, *А–6–8, 10–17, 19, 20*]; *Д* – Тарасово, п. 43 [Голдина, 2003. Табл. 16, *43*]; *Е* – Броды, к. 26 п. 1 [Голдина, 1986. Табл. 15, *7, 8, 23, 24, 26, 27, 32, 37*]; с корректировками и добавлениями автора); *Ж* – Кудаш, п. 206 [Казанцева, 2021. Рис. 1; 2, *1, 2, 4*; 3, *4–6, 9, 10, 12, 14, 17*]; *З* – Кантемировка, п. 3 [Обломский, 2002. Рис. 91]; *И* – Дружное, п. 84 [Храпунов, 2002. Рис. 200, *3, 5, 6, 8, 9, 14, 15, 18, 19, 25–27*]

Fig. 2. Context of finds from Turaevo barrows. *А* – Turaevo; *Б* – Pervomay, b. 9; *В* – Tarasovo, b. 1802 (with author's amendments and additions); *Г* – Mokino, b. 255; *Д* – Tarasovo, b. 43; *Е* – Brody, barrow 26, burial 1; *Ж* – Kudash, b. 206; *З* – Kantemirovka, b. 3; *И* – Druzhnoe, b. 84

алами не подтверждается. А вот вариант участия групп/отрядов (несколько разновременных событий [Красноперов, 2012. С. 222], см. также точку зрения И.О. Гавритухина) выходцев из Прикамья в военных кампаниях на восточных рубежах Римской Империи представляется наиболее реалистичным (не соглашусь только с предположением И.О. Гавритухина о погребениях в перерывах между «войнами»).

Понимание мазунинского культурного комплекса

Первые находки публиковали Н.И. Булычов [Булычов, 1902. С. 13. Табл. IV, *1–6*; Булычов, 1904. С. 8–11. Табл. III] и И.Н. Смирнов [Смирнов И.Н., 1895. С. 196]. Раскопки Бахмутинского могильника остались неизвестны [Шмидт, 1929. С. 16–23; Смирнов А.П., 1957. С. 50–54. Табл. VI, VII; Минеева, 2004. Цв.вкл.]. Лишь работа А.В. Шмидта [Шмидт, 1929] заложила основы относительной хронологии древностей в Башкирии. Спецификой этой группы памятников является распространение в двух субъектах уровня АССР, в каждом из которых культуру старательно пытались включить в непрерывность своего этногенеза, а основной последовавший спор превратился в чистую схоластику – каким словом называть группу памятников с *условно* одинаковыми материалами. Различия между подходами В.Ф. Генинга и Н.А. Мажитова, видимо, в первичном основании выделения культуры. В.Ф. Генинг оперировал могильниками [Генинг, 1967], прибавляя к ним материалы практически не изучавшихся поселений. Н.А. Мажитов оперировал резко выделяющейся керамикой, но из случайных сборов и шурфов, лишь позже дополненной тремя могильниками [Мажитов, 1968], два из которых многокомпонентны.[12]

Современные представления о характерных признаках культуры полностью сформировано на основе систематизации Т.И. Останиной. К сожалению, между публикацией [Останина, 1997] и написанием [Останина, 1983] прошло 15 лет, за которые изменился не только внутренний материал (из могильников – Тарасовский, Тураевский грунтовый, Усть-Сарапульский, Старо-Муштинский, Бирский; и очень много поселений в Башкирии), но, что очень важно, сравнительные материалы и основания их датировок. К 1983 г. Т.И. Останиной был доступен только первый год раскопок Тарасовского могильника, который был учтен [Останина, 1997. Рис. 24, 26]. Но кардинальные перемены в сарматской хронологии, произведенные А.С. Скрипкиным в середине 1980-х гг., должны были сказаться на датировках к 1997 г., чего не случилось. В любом случае, именно обобщающей характеристикой Т.И. Останиной оперируют все исследователи, в т.ч. и Р.Д. Голдина, вводящая в оборот новые названия, но в описаниях полностью цитирующая Т.И. Останину.

Выделенные Т.И. Останиной варианты [Останина, 1997. Рис. 79] опровергаются реальными материалами. Вследствие перемен в сарматской хронологии (А.С. Скрипкин, С.И. Безуглов, В.Ю. Малашев) не срабатывает и периодизация. Вернее, динамика типологических рядов (височные подвески, бабочковидные фибулы) остается в силе, но, важно, что 1) она не равнозначна, есть более «короткие» и более «долгие» типы, и 2) она (динамика) не синхронизируется между категориями, эволюция фибул во времени не совпадает с эволюцией височных подвесок. Но важнейшие перемены произошли в датировках поясной гарнитуры в принципе. Все ведущие признаки описал А.К. Амброз, но большинство работ вышло пост-фактум и наблюдения разбросаны по текстам. Фактически материал систематизирован В.Ю. Малашевым [Малашев, 2000; Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015. С. 99, 100], определившим, что динамика изменений элементов (рамка, язычок, щиток) не синхронна, что, в принципе, девальвирует «чистые» типологии по одному ведущему признаку. Серьезной проблемой являются критические ошибки в рисунках, когда значимые для датирования признаки оказываются изображенными не верно,[13] или «убиты» чудовищной штриховкой.

Даже визуально заметно, что для мазунинских украшений (височные подвески, бабочковидные фибулы, поясная гарнитура) характерно использование разного металла, бронзы и железа. Также заметно, что эти две группы различаются прочими деталями. С бронзовыми пряжками встречаются накладки типов [Останина, 1997. Рис. 11, *14–24, 29, 34*], бляхи из раковин, ножны группы «И» [Красноперов, 2018а], сарматские фибулы (рис. 3, *II–Б*). В погребениях, где много железных предметов, они редки, зато распространены накладки [Останина, 1997. Рис. 11, *28, 33, 35, 36*], ножны групп «П» и «СтК», пронизки в виде медведей и уточек, асимметричные фибулы с широким кольцом для удержания оси пружины, височные кольца (рис. 3, *II–Г*), здесь же гораздо больше оружия.[14] Собственно, *примерно* эти наборы Т.И. Останина предлагала считать территориальными. Но если посмотреть на датировки сопутствующей поясной гарнитуры (рис. 3, *I*), группы являются хронологическими. Из них «бронзовая» более ранняя и распространена относительно повсеместно по всей территории культуры, а «железная» более поздняя и заметно

[12] На одной площадке, но не факт, что непрерывные. С этим вопросом еще предстоит разбираться.

[13] На основании сечения на псевдо-рисунке В.Ю. Малашев посчитал, что пряжка из Бродов «принципиально отличается» от пряжек из Тугозвоново, Брюхановского и Муслюмово [Малашев, 2000. С. 205]. В реальности пряжки из Бродов и Тугозвоново очень близки (см.: [Красноперов, 2019. Рис. 1А, *2*; 6, *1–4*. С. 116. Прим. 43], что синхронизирует их.

[14] Выделяются и более мелкие/краткие группы, ранние [Красноперов, 2018б] и переходные, но более дробное деление здесь не принципиально.

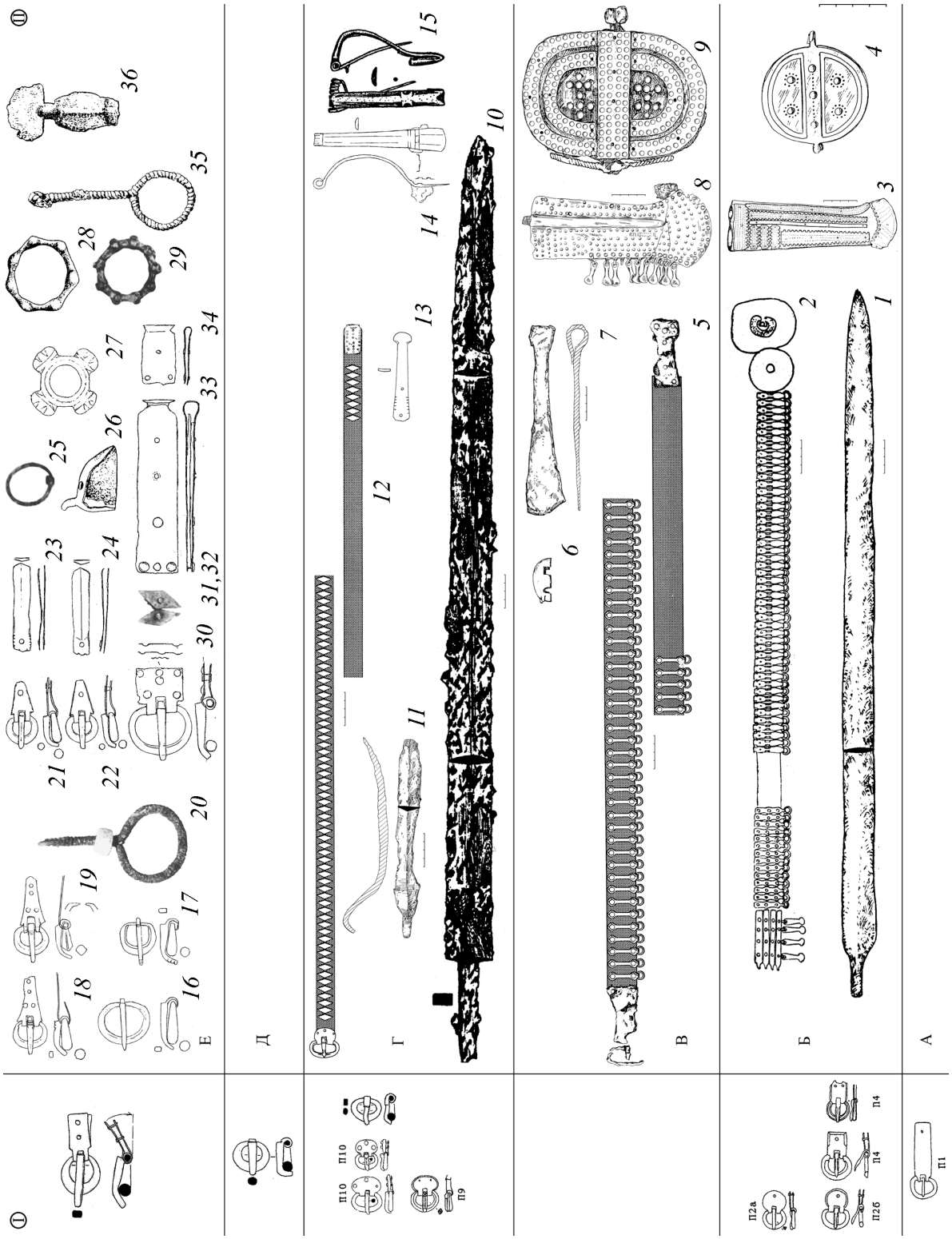

Рис. 3. Относительная хронология мазунинских древностей. Схема.

I – относительная хронология пряжек «сарматских» типов ([Малашев, 2000. Рис. 2], с изменениями; [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015. Рис. 203, *2*; 204, *2, 17*]; номера соответствуют типам по В.Ю. Малашеву);

II – схема развития некоторых типов инвентаря из мазунинских и бахмутинских могильников. *1, 8* – Покровка [Останина, 1992. Рис. 23, *3*; 32, *7*]; *2* – Ижевск [Останина, 1984. Табл. 23, *1*]; *3, 4, 6, 7, 11, 12, 14* – Тарасово [Голдина, 2003. Табл. 67, *4–2*; 133, *5*; 197, *2*; 672, *8*; 681/1803, *6*]; *5, 9, 13* – Тураево [Голдина, Бернц, 2010. Табл. 203, *4*; 221, *2*; 222, *1*]; *10, 15* – Старая Мушта [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004. Рис. 30, *14*; 36, *1*]; *16–36* – Бирск, пп. 52, 128 (выборочно) (рисунки автора; [Мажитов, 1958. Табл. 19, *3, 6, 7, 10*; Мажитов, 1959. Табл. 47, *7*; Мажитов, 1960. Табл. 31, *1, 9*; 34, *4*]) (незаполненные ячейки в настоящей статье не обсуждаются)

Fig. 3. Relative chronology of Mazunino antiquities. Sketch. *I* - relative chronology of belt-buckles of "Sarmatian" types; numbers correspond to the types after V.Yu. Malashev ; *II* – graph to illustrate development of certain types of tools belonging to Mazunino and Bakhmutino burials. *1, 8* – Pokrovka; *2* – Izhevsk; *3, 4, 6, 7, 11, 12, 14* – Tarasovo; *5, 9, 13* – Turaevo; *10, 15* – Staraya Mushta; *16–35* – Birsk, ba. 52, 128 (partly)

превалирует на левом берегу р. Кама. Далее, совершенно очевидно, что пряжек, показательных для V в. н.э. на правом берегу Камы нет. Они есть на Чепце, на Вятке, на Волге, на Белой, в пермском Прикамье. Внутри петли Камы (правый берег Камы, левый берег Чепцы, левый берег Вятки) пряжек V в.[15] нет ни одной. Учитывая, что вокруг они есть, вывод может быть только один – территория пуста.[16] Тут не было населения.[17] Однако характерные «этнографические» мазунинские вещи – височные подвески, бабочковидные фибулы – не пропали. Они есть с пряжками V в. на Бирском могильнике (напр., погр. 18, 23, 40, 52, 61(?), 71, 81, 125, 128, и др.)[18] (рис. 3, *II–E*). Все однокомпонентные собственно мазунинские могильники прекращают функционировать во второй половине IV в.[19] Финал мазунинской культуры (ее постепенная трансформация в бахмутинскую) находится в пределах второй половины IV – V вв. Развитие продолжается только на многокомпонентных могильниках – Бирском, Бахмутинском, Никольском. Т.е. население продолжает жить, но жить южнее. Заодно, *примерно*[20] в это время распространяется «чандарская» керамика, составляющая характерную особенность бахмутинской культуры.

Для решения вопроса о причинах оставления правобережья Камы оснований в ближайшее время не предвидится. Остается комплекс вопросов с датировкой времени появления групп керамики в Башкирии: чандарской, имендяшевской и др. Принципиально они решаемы, хотя и не просты.

***

Вернемся к формулировке названия в свете хронологии. «Харино» в чистом виде (детали пояса с декором зернью) (рис. 1, *В*) датируется VI в. Однозначно существует пласт пред-(«чистое»)-харино V в. (рис. 1, *Б*). Вероятно, есть пласт пред-пред-харина последней четверти IV – начала – первой половины V в. (рис. 1, *А*). «Чисто»-харинские находки очень своеобразны. Таких в мазунино нет. И быть не может просто потому, что мазунино заканчивается на 100 лет раньше.

Тураевский комплекс, именно как комплекс, совокупность (рис. 2, *А*), тоже совершенно чужд мазунинскому. Хронологически эти группы несколько различаются. В плане инвентаря сопоставление допустимо лишь для нескольких комплексов (рис. 2, *Б–Ж*), что говорит о хронологии, а не о «внедрении».

Хронология мазунино/бахмутино продолжает оставаться на уровне середины 50-х гг. XX в. Прошло 70 лет. Никаких изменений, только повторы и пересказы из В.Ф. Генинга. Это не «традиция», это стагнация. И так не годится. Нужно обсуждать археологию (находки, вещи, конкретные объекты), а не кто от кого произошел.

Синхронизация групп возможна только на этапе пред-пред-харино.

Внедрение находок VI в. в то, что в основном закончилось в IV в., несколько затруднительно. Но начинать надо с перепроверки хронологических оснований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. 758 с.

Белицкая А.Л. Разрушенные погребения курганных могильников европейского Северо-Востока // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 2014. С. 279–282.

Белицкая А.Л. К вопросу о культурном единстве курганных могильников Европейского Северо-Востока // Российская археология. 2015. № 2. С. 101–109.

Белицкая А.Л. Целенаправленные разрушения погребений курганных могильников Европейского Северо-Востока // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2016. С. 179–188. (Тр. ИИМК РАН. Т. 46)

Белицкая А.Л. Проблематика изучения этнокультурных процессов на Европейском Северо-Востоке в середине I тыс.н.э. // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: СГСПУ, 2018. С. 266–268.

Булычов Н.И. Древности из Восточной России. Вып. 1. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. 30 с.

[15] Про «V в.» в Тарасовском могильнике обсуждать нечего.

[16] Какие-то локальные отдельные, скорее всего небольшие, или даже маленькие, группы с традициями чандарской керамики «посещали» правобережье. Но оснований датировать эти эпизоды именно V в. нет. А дата появления самой чандарской керамики пока не ясна. Это могло происходить и в IV(?), и VI в.

[17] Запустение было масштабным. Если отбросить неубедительные концепты «верхнеутчанской» и «чумойтлинской» культур, то находки VI, VII (напр., геральдических типов; именьковская или кушнаренковская керамика) есть, но очень точечно. Предметов салтовского времени, кажется, нет. Есть очень немного булгарской керамики, еще меньше вещей (на самих булгарских поселениях находок всегда очень много). Более-менее заметное количество находок появляется к XV в. Списать это на неизученность территории невозможно. Напр., Каракулинский район сплошь покрыт памятниками [Голдина, Черных, 2011], но не этих эпох.

[18] Может быть даже позже, в VI в., предварительные наблюдения [Красноперов, 2007].

[19] Аналогично – во второй половине IV в. прекращаются захоронения на азелинских могильниках на р. Вятка.

[20] О датах этой группы событий пока говорить рано.

Булычов Н.И. Древности из Восточной России. Вып. 2. СПб.: Товарищество Художественной печати, 1904. 15 с.

Генинг В.Ф. Бродовский могильник // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 87–98.

Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удм. книж. изд-во, 1958. 192 с.

Генинг В.Ф. Могильник Качка // Отчеты Камской (Вятской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: ИА АН СССР, 1959а. С. 196–209.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР. Сер. гуманит. наук. Вып. 2. Казань, 1959б. С. 157–219.

Генинг В.Ф. Памятники неволинского типа и их место в истории уральского населения // Acta Archaeologica Hungarica. T. XVII, fas. 1–4. Budapest, 1965. S. 335–342.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УрГУ, 1967. С. 7–84. (ВАУ. Вып. 7)

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 55–108.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 12 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1973. С. 60–125.

Голдина Р.Д. К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы // Ученые записки Перм. гос. ун-та. № 191. Пермь, 1968. С. 87–98. (Тр. КАЭ. Вып. 4)

Голдина Р.Д. К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников // Древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1977. С. 42–51.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 279 с.

Голдина Р.Д. Исследование курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: УдГУ, 1986. С. 49–98.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 2. Ижевск: Удмуртия, 2003. 724 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск: УдГУ, 2010. 499 с. (МИКВАЭ. Т. 17)

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Макаров Л.Д. Дневники раскопок могильников первой половины I тыс. н.э. бассейна р. Вятки // Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск: УдГУ, 2014. С. 212–445. (МИКВАЭ. Т. 27)

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск: УдГУ, 2018. 720 с. (МИКВАЭ. Т. 19)

Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской республики. Ижевск: УдГУ, 2011. 168 с. (МИКВАЭ. Т. 18)

Казанцева О.А. Обряд парных погребений в Кудашевском I могильнике Пермского Прикамья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 2. С. 341–353. DOI: http://doi.org/10.35634/2224-9443-2021-15-2-341-353

Краснопёров А.А. К определению верхней границы и внутренней периодизации мазунинской культуры // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова. Материалы междунар. конф. Уфа: Китап, 2007. С. 265–275.

Краснопёров А.А. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 218–254.

Краснопёров А.А. Ножны из Усть-Сарапульского могильника в связи с находками в некрополях Дружное и Нейзац в Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IV / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2018а. С. 116–126.

Краснопёров А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018б. № 1. С. 56–86.

Краснопёров А.А. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 103–190.

Мажитов Н.А. Научный отчет об исследованиях археологической экспедиции ИИЯЛ в 1959 г. в северных р-нах Башкирии // Архив ИА РАН. Р–1. № 2005а.

Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях ИИЯЛ в Бирском, Покровском, Нуримановском р-нах БАССР за 1960 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 2105а.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и

их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д.: Гефест, Терра, 2000. С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1)

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.

Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Хронология и культурная принадлежность Калашниковского курганного могильника (по материалам раскопок 1982 г. и 2012 г.) // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 9–12 февр. 2016 г.). Пермь: ПГНИУ, 2016. С. 145–154.

Минеева И.М. Археологические исследования в музеях Башкортостана: опыт исследования и проблемы современности. Уфа: Гилем, 2004. 204 с.

ОАК за 1900 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902. 173 с.

ОАК за 1901 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1903. 198 с.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М.: Наука, 2002. 522 с. (Раннеславянский мир. Вып. 5)

Оборин В.А. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете 1–7 февраля 1961 года. Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 53–65. (ВАУ. Вып. 1)

Овчинников Ф.В. О происхождении харинской поясной гарнитуры (к вопросу о происхождении культуры харинского типа) // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 47–61. (МАЕСВ. Вып. 17)

Останина Т.И. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. Автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1983. 18 с.

Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия / Науч. ред. Т.И. Останина. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.

Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Алфавит, 1992. С. 1–94.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Перескоков М.Л. Культурно-хронологический горизонт Тураево – Кудаш: теоретический аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 2014. С. 378–381.

Перескоков М.Л. Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 1. С. 84–97. DOI: http://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-1-84-97

Перескоков М.Л. Археологические критерии социальной структуры населения Пермского Прикамья на позднем этапе гляденовской культуры (по материалам Мокинского могильника III–V/VI вв. н.э.) // Stratum Plus. 2018а. № 4. С. 47–70.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГНИУ, 2018б. 320 с.

Перескоков М.Л. К вопросу о верхней дате существования гляденовской культуры: динамика культурной трансформации // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1. С. 34–49.

Перескоков М.Л. Комплексы III века гляденовской культуры Пермского Прикамья (к вопросу об интеграции в систему связей Восточной Европы) // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1 (56). С. 48–71. DOI: http://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-1-48-71

Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Среднем и Верхнем Прикамье (III в. до н.э. – середина VI в. н.э.). Автореф. дис… канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1980. 18 с.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1 / Гл. ред. А.Ф. Мельничук. Березники: Б.и., 2001. С. 10–19.

Радюш О.А., Кубик А. Шлемы многосегментной конструкции у восточных врагов поздней римской империи: находки из Царицыно (Рязанская обл.) и их место в оружиеведческом дискурсе // Лесная и лесостепные зоны восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 84–102.

Рудинський М.Я. Кантамирівські могили римської доби // Зап. ВУАК. Т. 1. Київ: ВУАК, 1930. С. 127–158.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Урала. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с. (МИА. № 28)

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // / Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5–113. (МИА. № 58)

Смирнов И.Н. Материалы по доисторической археологии России… Пермская и Вятская губернии. Экскурсии проф. Смирнова // Записки РАО. Н.с. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб.: Тип. П.Н. Скороходова, 1896. С. 189–211.

Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых: Атлас рисунков. С предисловием Члена Императорской Археологической Комиссии А.А. Спицына. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1902. 70 с. (МАР. Вып. № 26)

Сунгатов Ф.А. Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов

(Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.

Храпунов И.Н. Раскопки Булганакского городища (1961–1984 гг.) // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 40–45.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (3–4 вв. н.э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 314 s.

Храпунов И.Н. Инновации IV в. н.э. в культуре населения крымских предгорий // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. №3. С. 80–91. DOI: http://doi.org/10.18503/1992-0431-2021-3-73-80–91

Чеснокова Н.Н. Ванвиздинская археологическая культура. Автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1983. 16 с.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР // Хозяйство Башкирии. №8–9. Уфа, 1929. С. 1–28.

Gening V.F. Völkerwanderungszeitlische Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Band 1. B.; Mainz/Rhein, 1995. S. 265–327.

Schmidt A.V. Kacka. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Völkerwanderung, (III–IV Jh.) // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. 1. 1927. S. 18–50.

REFERENCES

Archeology of Komi Republic. DiK, Moscow, 1997, 758 p. (In Russ.)

Belitskaya, A.L. 2014, "Destroyed Burials of Burial Mounds in European Northeast", *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Kazani* ("Proceedings of IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan"), vol. 2, Otechestvo, Kazan, pp. 279–282. (In Russ.)

Belitskaya, A.L. 2015, "On the question of the cultural unity of the burial mounds of the European North-East", *Russian Archaeology*, no. 2, pp. 101–109. (In Russ.)

Belitskaya, A.L. 2016, "Purposeful Destruction of Burial Mounds in European Northeast", *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebalnye ritualy, simvolicheskie zahoroneniya i ogrableniya. Trudy IIMK RAN* ("Ancient Necropolises and Settlements: Post-Burial Rituals, Symbolic Burials and Robberies. Proceedings of IIMK RAN"), vol. 46, IIMK RAN, Nevsky Book Printing House, St. Petersburg, pp. 179–188. (In Russ.)

Belitskaya, A.L. 2018, "Problematics of Studying Ethnocultural Processes in European Northeast in Middle of 1st Millennium AD," *XXI Uralskoe arkheologicheskoe soveshchanie, posvyashchennoye 85-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Matveevoy i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasilyeva. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 8–11 oktyabrya 2018* ("XXI Ural Archaeological Meeting Devoted to 85th Anniversary of G.I. Matveeva and 70th Anniversary of I.B. Vasilyev. Materials of the International Conference with Foreign Participants, 8–11 October 2018"), SGPU, Samara, pp. 266–268. (In Russ.)

Bulychov, N.I. 1902, *Antiquities from Eastern Russia. Iss. 1*. A.I. Mamontov Printing Company, Moscow, 30 p. (In Russ.)

Bulychov, N.I. 1904, *Antiquities from Eastern Russia. Iss. 2*. Art Printing Society, St. Petersburg, 15 p. (In Russ.)

Gening, V.F. 1953, "Brodovsky Burial Ground", *KSIIMK*, iss. 52, pp. 87–98. (In Russ.)

Gening, V.F. 1958, *Archaeological Sites of Udmurtia*. Udmurt Book Publishing House, Izhevsk, 192 p. (In Russ.)

Gening, V.F. 1959a, "Necropolis Kachka", *Otchety Kamskoy (Vyatskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii* ("Reports of Kama (Vyatka) Archaeological Expedition"), iss. 1, IA AN USSR, Moscow, pp. 196–209. (In Russ.)

Gening, V.F. 1959b, "Essay on Ethnic Cultures of Kama Region in Iron Age", *Trudy KFAN SSSR. Seriya gumanitarnykh nauk* ("Proceedings of KFAN of USSR. Humanities Series"), iss. 2, pp. 157–219. (In Russ.)

Gening, V.F. 1965, "Nevolin Monuments and Their Place in History of Ural Population", *Acta Archeologica Hungarica,* vol. XVII, fas. 1–4, Budapest, pp. 335–342. (In Russ.)

Gening, V.F. 1967, "Mazunin Culture in Middle Kama Region", *Pamyatniki mazuninskoy kul'tury* ("Monuments of Mazunin Culture"), UrGU, Izhevsk, Sverdlovsk, pp. 7–84. (In Russ.)

Gening, V.F. 1976, "Turaevsky necropolis of 5th Century A.D. (Burial of Military Leaders)", *Iz arkheologii Volgo-Kamya* ("From Archeology of Volga-Kama Region"), IYaLI KFAN USSR, Kazan, pp. 55–108. (In Russ.)

Gening, V.F., Goldina, R.D. 1973, "Burial mounds of the Kharinsky type in the Upper Kama region", *Voprosy archeologii Urala*, vol. 12, pp. 58–87. (In Russ.)

Goldina, R.D. 1968, "To Issue of Originality of Nevolin Monuments from Sylva River Basin", *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta* ("Scientific Notes of Perm State University'), no. 191, pp. 87–98. (In Russ.)

Goldina, R.D. 1977, "To Issue of Cultural Unity of Lomovatov Monuments", *Drevnosti Volgo-Kamya* ("Antiquities of Volga-Kama Region"), pp. 42–51. (In Russ.)

Goldina, R.D. 1985, *Lomovatov Culture in Upper Kama Region*. Publishing House of Irkutsk University, Irkutsk, 279 p. (In Russ.)

Goldina, R.D. 1986, "Studies of Kurgan Part of Brodovsky Burial Ground", *Priuralye v drevnosti i srednie veka* ("Urals in Antiquity and Middle Ages"), UdGU, Ustinov, pp. 49–98. (In Russ.)

Goldina, R.D. 2003, *Tarasov necropolis of 1st-5th Centuries on Middle Kama*. Vol. 2, Udmurtia, Izhevsk, 724 p. (In Russ.)

Goldina, R.D., Bernts, V.A. 2010, *Turaevsky I Burial Ground – Unique Monument during Great Migration of Peoples in Middle Kama Region (non-burial part)*. UdGU, Izhevsk, 499 p. (In Russ.)

Goldina, R.D., Leshchinskaya, N.A., Makarov, L.D. 2014, "Diaries of Excavations at Burial Grounds Dated First Half of 1st Millennium A.D. in Vyatka River Basin", *Leshchinskaya N.A. Vyatskiy kray v pyanoborskuyu epokhu (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov I–V vv. n.e.)* ("Leshchinskaya N.A. Vyatka Krai in Pyanobor Epoch (based on the materials of funerary monuments of the 1–5 centuries A.D.)"), UdGU, Izhevsk, pp. 212–445. (In Russ.)

Goldina, R.D., Perevozchikova, S.A., Goldina, E.V. 2018, *Burial Ground of 6–9th Centuries near Verkh-Saya Village in Kungur Forest-Steppe*. UdGU, Izhevsk, 720 p. (In Russ.)

Goldina, R.D., Chernykh, E.M. 2011, *Archaeological Map of Karakulinsky District, Udmurt Republic.* UdGU, Izhevsk, 168 p. (In Russ.)

Kazantseva, O.A. 2021, "The ritual of twin burials in Kudashevsky I burial ground of Perm Prikamye", *Yearbook of Finno-Ugric studies*, vol. 15, iss. 2, pp. 341–353. (In Russ.) DOI: http://doi.org/10.35634/2224-9443-2021-15-2-341-353

Krasnoperov, A.A. 2007, "To Definition of Upper Boundary and Internal Periodization of Mazunin Culture", *Formirovanie i vzaimodeystvie uralskikh narodov v izmenyayushcheysya etnokulturnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya. Chteniya pamyati K.V. Salnikova. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* ("Formation and Interaction of Ural Peoples in Changing Ethno-Cultural Environment of Eurasia: Problems of Study and Historiography. Readings in Memory of K.V. Salnikov. Proceedings of International Conference"), Kitap, Ufa, pp. 265–275. (In Russ.)

Krasnoperov, A.A. 2012, "Polychrome Objects with Cloisonne Inlay in Kama Region ("Dogunsky" Style of Cloisonne Inlays)", *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epoh rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3* ("Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe during Roman Influences and Great Migration of Peoples. Conference 3"), Kulikovo Pole State Museum-Reserve, Tula, pp. 218–254. (In Russ.)

Krasnoperov, A.A. 2018a, "Scabbards from Ust-Sarapul Burial Ground in connection with Finds in Druzhnoye and Neyzats Necropolises in Crimea", *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.) IV.* ("Crimea in Sarmatian Era (2nd century BC – 4th Century AD). IV"), IP Brovko A.A., Simferopol, pp. 116–126. (In Russ.)

Krasnoperov, A.A. 2018b, "Anachronisms in Grave Goods. Artefacts of the Pyany Bor Culture in the Mazunino Culture Burials: the changing of the times in the Kama Region", *Archeology of the Eurasian steppes*, no. 1, pp. 56–86. (In Russ.)

Krasnoperov, A.A. 2019, "Buckle from the Brody burial ground (Prikamye) in the context of polychrome belt-garnitures and jewellery styles", *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4. Chast 2* ("Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe during Roman Influences and Great Migration of Peoples. Conference 4. Part 2"), Kulikovo Pole State Museum-Reserve, Tula, pp. 103–190. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. *Scientific Report on Research of IIYaL Archaeological Expedition in 1959 in Northern Regions of Bashkiria*. Archive of IA RAN, R–1, no. 2005a. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. *Scientific Report on Archaeological Research of IIYaL in Birsky, Pokrovsky, Nurimanovsky Districts of BASSR for 1960.* Archive of IA RAN, R–1, no. 2105a. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. 1968, *Bakhmutinskaya culture. Ethnic history of the population of the Northern Bashkiria in the 1st millennium AD*. Nauka, Moscow, 164 p. (In Russ.)

Malashev, V.Y. 2000, "Periodization of Belt Sets of Late Sarmatian Time", *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* ("Sarmatians and Their Neighbors on Don"), pp. 194–232. (In Russ.)

Malashev, V.Y., Gadzhiev, M.S., Ilyukov, L.S. 2015, *The Country of Maskuts in Western Caspian Sea. Burial Mounds of Caspian Dagestan 3d–5th Centuries*. Mavraev, Makhachkala, 452 p. (In Russ.)

Mingalev, V.V., Pereskokov, M.L. 2016, "Chronology and Cultural Affiliation of Kalashnikov Burial Mound (based on the materials of excavations in 1982 and 2012)", *XV Baderovskie chteniya po arkheologii Urala i Povolzhya: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Perm', 9–12 fevr. 2016 g.)* ("XV Bader Readings on Archeology of Urals and Volga Region: Materials of the All-Russian Research-to-Practice Conference (Perm, February 9-12, 2016)"), PGNIU, Perm, pp. 145–154. (In Russ.)

Mineeva, I.M. 2004, *Archaeological Research in Museums of Bashkortostan: Research Experience and Contemporary Problems*. Gilem, Ufa, 204 p. (In Russ.)

Report of Imperial Archaeological Commission for 1900. Printing House of the Main Department of the Estates, St. Petersburg, 1902, 173 p. (In Russ.)

Report of Imperial Archaeological Commission for 1901. Printing House of the Main Department of the Estates, St. Petersburg, 1903, 198 p. (In Russ.)

Oblomsky, A.M. 2002, *Dnipro Forest-Steppe Left Bank in Late Roman and Hunnic Times (middle 3rd – first half of 5th century AD)*. Nauka, Moscow, 522 p. (In Russ.)

Oborin, V.A. 1961, "Certain Results and Tasks of Studying Iron Age in Upper and Middle Kama Region", *Vtoroe Uralskoe arkheologicheskoe soveshchanie pri Uralskom universitete 1–7 fevralya 1961 goda. Itogi i problemy izucheniya arkheologii Urala* ("Second Ural Archaeological Meeting at Ural University on February 1–7, 1961. Results and Problems of Studying Archeology of Urals"), UrGU, Sverdlovsk, pp. 53–65. (In Russ.)

Ovchinnikov, F.V. 2005, "On Origin of Harin Belt Headset (to issue of Origin of Harin Type Culture)", *Pamyatniki epokhi kamnya, rannego metalla i srednevekovya evropeyskogo Severo-Vostoka* ("Monuments of Stone Age, Early Metal Age and Middle Ages in European Northeast"), Komi NC UrO RAN, Syktyvkar, pp. 47–61. (In Russ.)

Ostanina, T.I. 1983, *Mazunin Culture in Middle Kama Region. Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*. Moscow, 18 p. (In Russ.)

Ostanina, T.I. 1984, "Two Monuments of Mazunin Culture in Central Udmurtia", *Poiski, issledovaniya, otkrytiya* ("Search, Research, Discovery"), Udmurtia, Izhevsk, pp. 26–92. (In Russ.)

Ostanina, T.I. 1992, *Pokrovsky Burial Ground. Catalogue of Archaeological Collection*. Alfavit, Izhevsk, pp. 1–94. (In Russ.)

Ostanina, T.I. 1997, *Population of Middle Kama Region in 3rd–5th Centuries*. UIIYaL UrO RAN, Izhevsk, 327 p. (In Russ.)

Pereskokov, M.L. 2014, "Cultural and Chronological Horizon of Turaevo – Kudash: Theoretical Aspect", *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Kazani* ("Proceedings of IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan"), vol. 2, Otechestvo, Kazan, pp. 378–381. (In Russ.)

Pereskokov, M.L. 2017, "Mound with military burial of V century from the Kala-Uryn cemetary", *Perm University Herald. History,* no. 1, pp. 84–97. (In Russ.) DOI: http://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-1-84-97

Pereskokov, M.L. 2018a, "Archaeological Criteria of Social Structure of the Population of the Perm Kama Region at the Late Stage of the Glyadenovo Culture (based on the materials of the Mokino burial ground, 3rd–5th/6th centuries AD)", *Stratum Plus*, no. 4, pp. 47–70. (In Russ.)

Pereskokov, M.L. 2018b, *Perm Cis-Ural region at the end of the Early Iron Age*. Izdatel'skiy centr «PermUniversityPress», Perm, 320 p. (In Russ.)

Pereskokov, M.L. 2020, "On the question of the upper date of the existence of Glyadenovo culture: dynamics of cultural transformation", *Perm University Herald. History*, no. 1, pp. 34–49. (In Russ.)

Pereskokov, M.L. 2022, "Complexes of the 3d century of the Glyadenovo culture of the Perm Kama region (problem of integration into the system of communications of Eastern Europe)", *Perm University Herald. History*, no. 1(56), pp. 48–71. (In Russ.) DOI: http://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-1-48-71

Polyakov, Y.A. 1980, *Glyadenovskaya Culture in Middle and Upper Kama Region (3rd Century BC – Middle of 6th Century AD). Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*. Moscow, 18 p. (In Russ.)

Polyakov, Y.A. 2001, "Glyadenovskaya Culture", *Arkheologiya i etnografiya Srednego Priuralya* ("Archeology and Ethnography of Middle Urals"), iss. 1, Berezniki, pp. 10–19. (In Russ.)

Radyush, O.A., Kubik, A. 2019, "Helmets of Multi-Segment Construction in Eastern Enemies of Late Roman Empire: Finds from Tsaritsyno (Ryazan Region) and Their Place in Weapons Discourse", *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4. Chast 2* ("Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe during Roman Influences and Great Migration of Peoples. Conference 4. Part 2"), Kulikovo Pole State Museum-Reserve, Tula, pp. 84–102. (In Russ.)

Rudinsky, M.Ya. 1930, "Kantamirovsky graves of the Roman era", *Zapiski VUAK* ("Notes of VUAK"), vol. 1, VUAK, Kiev, pp. 127–158. (In Ukrainian)

Smirnov, A.P. 1952, *Essays on Ancient and Medieval History of Peoples in Volga Region and Urals*. AN SSSR, Moscow, 274 p. (MIA, no. 28) (In Russ.)

Smirnov, A.P. 1957, "The Iron Age in Bashkiria", *MIA*, no. 58, pp. 5–113. (In Russ.)

Smirnov, I.N. 1896, "Materials on Prehistoric Archeology of Russia… Perm and Vyatka Provinces. Excursions by Prof. Smirnov", *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya* ("Notes of Imperial Russian Archaeological Society. New Series"), vol. VIII, iss. 1–2, P.N. Skorokhodov Printing House, St. Petersburg, pp. 189–211. (In Russ.)

Spitsyn, A.A. 1902, *Antiquities of Kama Chud from Teploukhovs Collection: Atlas of Drawings. With a foreword by a member of the Imperial Archaeological Commission A.A. Spitsyn*. Printing House of V. Bezobrazov and Co, St. Petersburg, 70 p. (Materials on archeology of Russia. Iss. no. 26) (In Russ.)

Sungatov, F.A. Garustovich, G.N., Yusupov, R.M. 2004, *Urals during Great Migration of Peoples (Staro-Mushta burial mound)*. Ufa Printing Plant, Ufa, 172 p. (In Russ.)

Khrapunov, I.N. 1987, "Excavations of Bulganak Settlement (1961-1984)", *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* ("Brief Reports of the Institute of Archeology"), iss. 191, pp. 40–45. (In Russ.)

Khrapunov, I.N. 2002, *Druzhnoe Burial Ground (3-4 centuries AD)*. Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin. 314 p. (In Russ.)

Khrapunov, I.N. 2021, "The fourth-century AD innovations in the culture of the Crimean submountain area population", *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 3, pp. 80–91. (In Russ.) DOI: http://doi.org/10.18503/1992-0431-2021-3-73-80–91

Chesnokova, N.N. 1983, *Vanvizdinskaya Archaeological Culture. Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*. Leningrad, 16 p. (In Russ.)

Schmidt, A.V. 1929, “Archaeological Surveys of Bashkir Expedition by USSR Academy of Sciences”, *Hozyaystvo Bashkirii* (“The Economy of Bashkiria”), no. 8–9, pp. 1–28.

Gening, V.F. 1995, “Völkerwanderungszeitlische Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland”, *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens,* Band 1, Mainz, Rhein, 265–327 p. (In German)

Schmidt, A.V. 1927, “Kacka. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Os-trusslands in der Zeit der Völkerwanderung, (III–IV Jh.)”, *Eurasia Septen-trionalis Antiqua,* vol. 1, pp. 18–50. (In German)

Сведения об авторе

Александр Анатольевич Красноперов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: alexander.kaa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7931-4536

Information About the Author

Aleksandr A. Krasnopeorov, Ph.D., researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Russian Federation, Izhevsk. E-mail: alexander.kaa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7931-4536

УДК 902.01/903.531 (478)
ББК 63.48(4мол5)

Дата поступления статьи: 06.09.2022
Дата принятия статьи: 11.10.2022

РАННЕВЕНГЕРСКОЕ ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА НИЖНЕМ ДНЕСТРЕ

Виталий Степанович Синика
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровье
E-mail: sinica80@mail.ru

Сергей Николаевич Разумов
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровье

Сергей Дмитриевич Лысенко
Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина

Николай Петрович Тельнов
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровье

Аттила Тюрк
Католический университет им. Петера Пазманя, Будапешт, Венгрия

Аннотация. В статье впервые публикуются и анализируются материалы, полученные при исследовании венгерского погребения 3 кургана 7 группы «ДОТ» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Захоронение было совершено в прямоугольной яме возле юго-восточной полы насыпи. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад-юго-запад. У левого плеча находилась левая плечевая кость овцы. Подобный обряд зафиксирован не только в венгерских могилах Северного Причерноморья, но и восточнее – в Подонье, в Поволжье и на Урале. В качестве жертвенных животных венгры использовали не только овец, но и лошадей, а также крупный рогатый скот. В ногах была поставлена деревянная колода. У левого колена был найден железный нож, у левой стопы – железная пластина. Поверх левого крыла таза лежали две серединные костяные накладки от лука. На правой лучевой кости располагались остатки колчана в виде пяти железных наконечников стрел и железного шила. Под правым запястьем, у крыла таза, зафиксированы фрагменты железного кресала и кресальный кремень. Аналогии наконечникам стрел, а также радиоуглеродные даты позволяют датировать захоронение концом IX – первой половиной X вв. Это погребение, вместе с ранее исследованными на левобережье Нижнего Днестра венгерскими могилами, позволяет фиксировать пребывание венгров в регионе с середины IX по середину X вв.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, левобережье Нижнего Днестра, венгры, погребение, яма, кость животного, наконечники стрел, накладки на лук, конец IX – первая половина X вв.

Цитирование. Синика В.С., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Тюрк А., 2022. Ранневенгерское воинское погребение на Нижнем Днестре // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 283–298. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.009

Благодарности. Исследование реализовано в рамках проекта «Археологическое исследование контактов между Венгрией и Востоком» («Наше восточное наследие», Междисциплинарная исследовательская группа по истории и археологии Католического университета им. Петера Пазманя; TUDFO/51757-1/2019/ITM) при поддержке программы Thematic Excellence Министерства национальных исследований Венгрии, развития и инноваций и при поддержке Программы династии Арпад, проект IV.2

UDC 902.01/903.531 (478)
LBC 63.48(4мол5)

Submitted: 06.09.2022
Accepted: 11.10.2022

EARLY HUNGARIAN WARRIOR GRAVE IN THE LOWER DNIESTER

Vitalij S. Sinika
Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Tiraspol', Pridnestrovie
E-mail: sinica80@mail.ru

Sergey N. Razumov
Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Tiraspol', Pridnestrovie

Sergey D. Lysenko
Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Nikolay P. Telnov
Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Tiraspol', Pridnestrovie

Attila Turk
Pázmány Péter Catholic University, Budapest, Hungary

Abstract. This paper for the first time publishes and analyzes materials obtained during the study of the Hungarian burial 3 of the barrow 7 of the "DOT" group located near Glinoe village, Slobodzeya region, on the left bank of the Lower Dniester. Description of the barrow and the grave: The burial was made in a rectangular

pit near the southeastern floor of the barrow built in the Early Bronze Age. The skeleton of an adult lay in an extended position on its back, with its head to the west–south–west. The arms were extended along the body. The occipital part of the skull was shattered, possibly by a crushing weapon. There was a through hole in the left wing of the pelvis. There were traces of a healed wound on the left tibia. At the left shoulder was the left humerus of a sheep. A similar rite was recorded many times not only in the Hungarian graves of the North Black Sea region, but also to the east – in the Don region, in the Volga region and in the Urals. As sacrificial animals, the Hungarians used not only sheep, but also horses, as well as cattle. At the feet of the skeleton the wooden deck was placed, the purpose of which has not been established. An iron knife was found near the left knee, and an iron plate was found near the left foot. Two middle bone plates of the bow were placed above the left wing of the pelvis. On the right radius were the remains of a quiver in the form of five iron arrowheads (four of them with a rhombic feather with a rib in the middle, and one with rectangular feather) and an iron awl. Fragments of an iron fire steel and fire flint were found under the right wrist of the skeleton, near the wing of the pelvis. Burial dating: Analogies to arrowheads found in the burial, as well as five radiocarbon dates obtained in the Kiev and Debrecen laboratories, allow us to date the grave to the end of the 9th – the first half of the 10th century. Final remarks: This burial, together with the Hungarian graves previously discovered on the left bank of the Lower Dniester, makes it possible to record the presence of the Hungarians in the region from the middle of the 9th century to the middle of the 10th century.

Keywords: Black Sea region, Left bank of the Lower Dniester, Hungarians, burial, pit, animal bone, the end of the 9th – the first half of the 10th century

Citation. Sinika V.S., Razumov S.N., Lysenko S.D., Telnov N.P., Turk A., 2022. Early Hungarian warrior grave in the Lower Dniester. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 283–298. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.009

Acknowledgements. The research was implemented within the project framework "Archaeology Research on the Contacts between Hungary and the East" (Our Eastern Heritage, PPCU History and Archaeology Interdisciplinary Research Team; TUDFO/51757-1/2019/ITM), with the support of the Thematic Excellence Program, National Research, Development and Innovation Ministerium and with the support of the Arpad dynasty Program, project IV.2

Введение

Повышенный интерес к изучению проблематики ранневенгерского присутствия в Северном Причерноморье (венгры Этелькёза) на этапе, предшествующем обретению родины [Комар, 2018], повлёк за собой пересмотр материалов из исследованных ещё начиная с рубежа XIX–XX вв. курганных и грунтовых погребений. В результате в Северо-Западном Причерноморье была выделена представительная группа ранневенгерских погребений [Синика, Тельнов, Квитницкий, 2019; Kvitnyivckij et al., 2022], которая постепенно дополняется новыми комплексами [Квитницкий и др., 2019; 2020a; 2020b; 2020c; 2020d; 2021; Фокеев и др., 2019; Квитницкий, Тельнов, Тюрк, 2021].

В настоящей работе впервые публикуются и анализируются материалы, полученные сотрудниками Днестровской археологической экспедиции Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко в 2021 г. при исследовании средневекового захоронения № 3 кургана № 7 группы «ДОТ». Памятник находился в 2,061 км к северу-северо-востоку от северной окраины с. Глиное Слободзейского района, на левобережье Нижнего Днестра. Ниже приводятся описание кургана и исследованного в нём венгерского захоронения.

Описание комплекса

Курган 7 группы «ДОТ» исследовался с использованием техники методом прокладки параллельных траншей. Была разбита одна бровка по линии север-юг длиной 20 м и шириной 0,6 м (рис. 1). В кургане было обнаружено 12 погребений эпохи бронзы и раннего железа, а также публикуемое здесь раннесредневековое захоронение. Насыпь и погребённый чернозём были полностью уничтожены плантажной распашкой.

Погребение 3 (венгерское, впускное) обнаружено в 12 м к востоку-юго-востоку от R_0 на глубине –0,99 м от R_0. Совершено в яме (рис. 2, *1, 2*). Яма подпрямоугольной формы размерами 2,75×0,75 м и глубиной –1,21 м от R_0, длинной осью ориентирована по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток.

Костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад-юго-запад. Руки были вытянуты вдоль тела. Затылочная часть черепа раздроблена, возможно, ударно-дробящим оружием. В левом крыле таза сквозное отверстие. На левой берцовой кости следы зажившего ранения (рис. 2, *4*). У левого плеча лежала левая плечевая кость овцы. В ногах была поставлена деревянная колода диаметром 18–20 см и толщиной около 10 см.

Состав и расположение инвентаря. У левого колена найден железный нож (1). У левой стопы лежала железная пластина (9). Поверх левого крыла таза найдены две серединные костяные накладки от лука (10, 11). На правой лучевой кости располагались остатки колчана в виде пяти железных наконечников стрел (2–6) и железное шило (7).

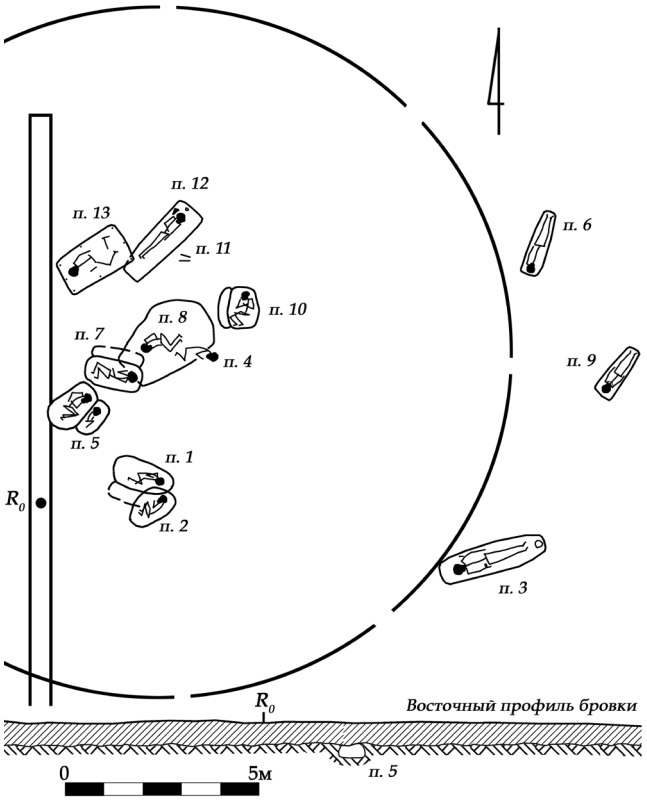

Рис. 1. План и профиль кургана 7 группы «ДОТ» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра

Fig. 1. Plan and profile of the barrow 7 of the "DOT" group near Glinoe village, Slobodzeya region, on the left bank of the Lower Dniester

Под правым запястьем у крыла таза зафиксированы фрагменты железного кресала (8) и кресальный кремень (12).

Описание находок

1. Фрагмент железного ножа с истлевшей деревянной рукоятью. Черенок трапециевидный в плане, прямоугольный в сечении, сужается и утончается к торцу. Лезвие клиновидное, с закруглённой спинкой. Длина фрагмента 64 мм. Длина черешка 27 мм, размеры сечения в основании 7×3 мм. Ширина лезвия до 12 мм, толщина до 4 мм. Нож вставлялся в деревянный чехол, остатки которого сохранились на обеих широких плоскостях лезвия. Сохранившаяся толщина ножен до 5 мм (рис. 2, *6*).

2. Листовидный черешковый железный наконечник стрелы. Край острия отломан, черешок фрагментирован. Нижние боковые поверхности слегка вогнуты. По центру широких плоскостей прослеживается слабо выраженная нервюра. Нижняя часть пера в сечении овальная. Основание пера и черешок в сечении круглые. Перо отделено от черешка уступом. Длина большого фрагмента 75,5 мм. Реконструируемая длина наконечника около 100 мм. Реконструируемая длина черешка 40 мм. Ширина пера до 24 мм. Толщина пера около 5 мм, по нервюре – около 8 мм. Диаметр основания пера около 12 мм. Диаметр основания черешка около 7 мм (рис. 2, *10*).

3. Ромбический черешковый железный наконечник стрелы. Край острия и одна из боковых граней выкрошены, черешок фрагментирован, наконечник сильно разорван окислами. По центру широких плоскостей прослеживается слабо выраженная нервюра. Основание пера овальное в сечении, черешок круглый в сечении. Перо отделено от черешка уступом. Длина сохранившейся части изделия 82 мм. Длина пера 62 мм, реконструируемая длина – около 66 мм. Ширина пера 31 мм, реконструируемая ширина – около 34 мм. Толщина пера по нервюре около 10 мм. Размеры сечения основания пера около 14×12 мм. Диаметр основания черешка около 8 мм (рис. 2, *11*).

4. Ромбический черешковый железный наконечник стрелы. Черешок фрагментирован. По центру широких плоскостей пера прослеживается слабо выраженная нервюра. Основание пера и черешок круглые в сечении. Перо отделено от черешка уступом. Длина сохранившейся части наконечника 57 мм. Длина пера 51 мм, ширина – 26 мм. Толщина пера около 6 мм, по нервюре – около 9 мм. Диаметр основания пера около 11 мм, диаметр основания черешка около 8 мм (рис. 2, *12*).

5. Листовидный черешковый железный наконечник стрелы. Одна из боковых граней выкрошена; черешок фрагментирован. По центру широких плоскостей прослеживается слабо выраженная нервюра. Основание пера и черешок круглые в сечении. Перо отделено от черешка уступом. Длина сохранившейся части изделия 85 мм. Длина пера около 67 мм, реконструируемая ширина – около 28 мм. Толщина пера около 7 мм, по нервюре – около 9 мм. Диаметр основания пера около 13 мм, диаметр основания черешка около 9 мм (рис. 2, *13*).

6. Прямоугольный черешковый железный наконечник стрелы – срезень. Одна из плоскостей и край основания пера выкрошены. Сечение пера прямоугольное. Заострённый торец дуговидно изогнут. Черешок круглый в сечении, перо отделено от черешка уступом. Длина наконечника около 55 мм, черешка – 34 мм. Размеры сечения пера в основании 13×7 мм, у дуговидно изогнутого торца – около 13×3 мм. Размеры сечения черешка в основании до 7 мм, в средней части – 5 мм, у торца – 2 мм. На черешке с разных сторон частично сохранилось дерево от древка. Диаметр древка около 9 мм (рис. 2, *14*).

7. Фрагмент железного шила с истлевшей деревянной рукоятью обнаружен среди железных наконечников стрел. Рабочая часть и черенок прямоугольные в сечении. Большая часть черенка отломана. Длина фрагмента 47 мм. Длина рабочей части 38 мм. Размеры сечения черенка у основания 6×4 мм. Размеры сечения рабочей части у черенка 7×6 мм, ближе к острию – 6×4 мм (рис. 2, *7*).

8. Фрагмент железного кресала. Длина фрагмента 29 мм, ширина – до 16,5 мм, толщина – до 6 мм (рис. 2, *5*).

9. Фрагмент железной прямоугольной в сече-

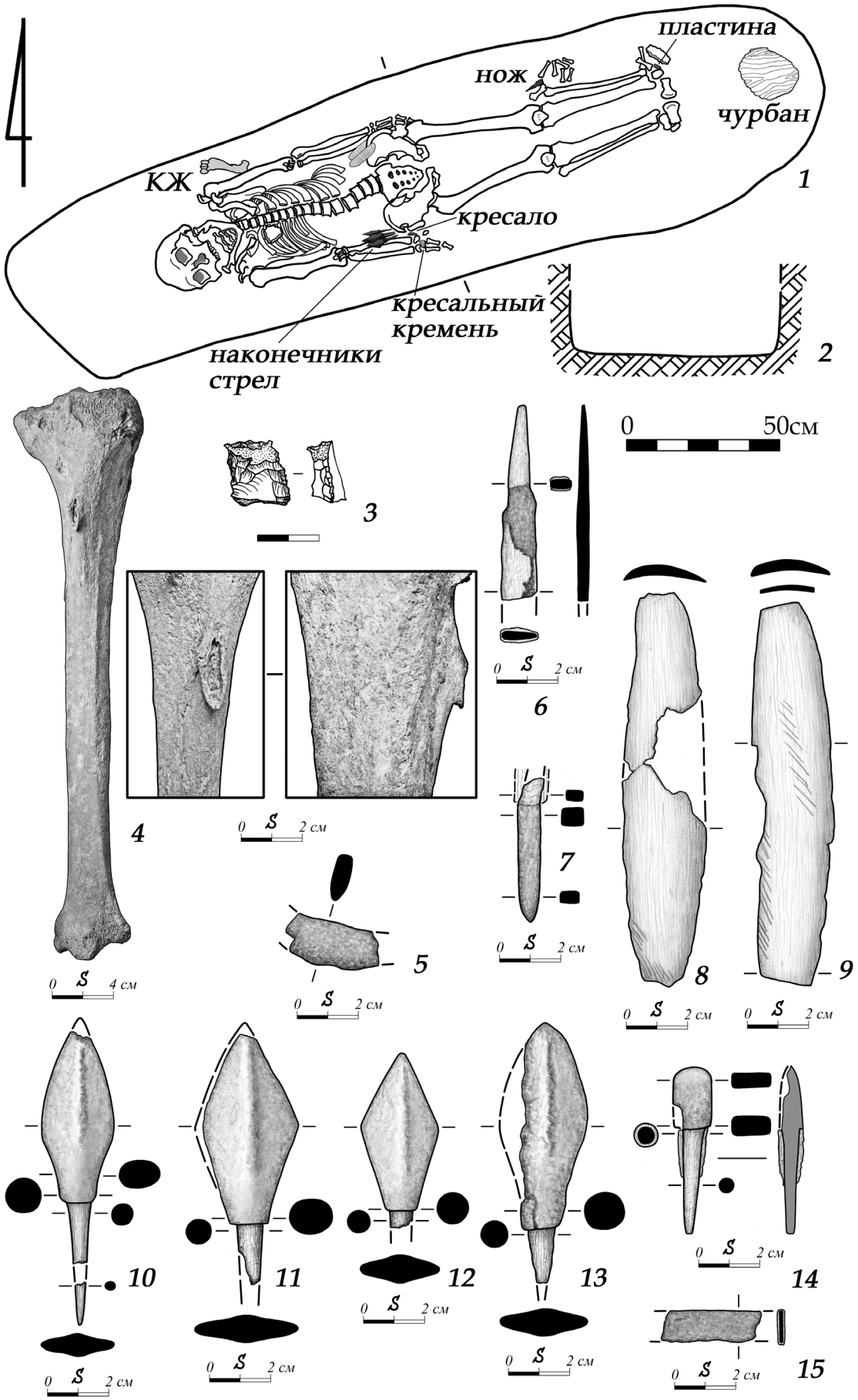

Рис. 2. Погребение Глиное/ДОТ 7/3. *1, 2* – план и разрез ямы; *3–15* – погребальный инвентарь
Fig. 2. Burial Glinoe/DOT 7/3. *1, 2* – plan and section of the pit; *3–15* – grave goods

нии пластины. По обе стороны широких плоскостей зафиксированы следы прикипевшего дерева. Длина фрагмента 32 мм, ширина до 10,5 мм. Толщина пластины 1,2 мм, вместе с прикипевшим деревом – до 3 мм (рис. 2, *15*).

10. Костяная серединная накладка на лук (правая). Плавно расширяется к средней части. Торцы обрезаны. Сечение дуговидное. На внешней и внутренней поверхностях местами прослеживаются следы преднамеренного ошершавливания в виде параллельных нарезок. Длина пластины до 125 мм, ширина до 26 мм. Толщина пластины до 4,3 мм, на нижнем торце – до 2 мм. Высота сечения в средней части до 6 мм (рис. 2, *9*).

11. Костяная серединная накладка на лук (левая), фрагментирована. Плавно расширяется к средней части. Сечение дуговидное. На внешней и внутренней поверхностях местами прослеживаются следы преднамеренного ошершавливания в виде параллельных нарезок. Длина пластины до 129 мм, ширина до 27 мм, толщина до 3,5 мм. Высота сечения в средней части до 5,5 мм (рис. 2, *8*).

12. Кресальный кремень на фрагменте гальки размерами 21×10×8 мм (рис. 2, *3*). Кремень жёлто-серый.

Анализ данных

Материалы из погребения 3 кургана 7 группы «ДОТ» у с. Глиное свидетельствуют, что оно было сооружено в средневековое время для захоронения рядового воина-лучника. Это подтверждается находками железных наконечников стрел (вместе с железным шилом в составе колчанного набора) и костяных накладок на лук. Другие находки (железный нож и железное кресало с кресальным кремнем) являются универсальными бытовыми предметами.

Для определения культурной принадлежности могилы наибольшее значение имеет находка одиночной кости овцы от жертвенной пищи, положенной у левого плеча погребённого. Подобный обряд в Северном Причерноморье характерен для ранневенгерских захоронений [Квитницкий и др., 2019. С. 325; Синика, Тельнов, Квитницкий, 2019. С. 8–9; Фокеев и др., 2019. С. 337; Квитницкий и др., 2020a. С. 223–224; 2020b. С. 243–244; 2020d. С. 335], достоверно задокументированных в Поднепровье, Побужье, Поднестровье, Подунавье и Попрутье (всего 38 случаев).

Достоверно известно 11 случаев помещения в могилу мяса овцы. В Нижнем Поднепровье левая плечевая кость овцы[1] зафиксирована (у левого плечевого сустава) в погребении Мамай-Гора 8/2 [Андрух, Тощев, 1999. С. 58]. В захоронении Верхнетарасовка 57/16 (под черепом) найдена «кость овцы» [Евдокимов, 1977. С. 55. Рис. 28, *8*]. В бассейне Южного Буга бедренная кость барана была зафиксирована (в изголовье) в захоронении № 3 Субботцевского могильника [Бокий, Плетнева, 1988. С. 108]. На левобережье Нижнего Днестра, помимо рассматриваемого в настоящей работе комплекса Глиное/ДОТ 7/3 (у левого плеча), правая плечевая кость овцы[2] была обнаружена (в изголовье) в погребении Глиное 13/2 [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 126. Рис. 52, *1*], трубчатые (плечевая/бедренная) кости овцы выявлены в захоронениях 16 (у левого плеча) и 18 (справа в изголовье) Слободзейского могильника [Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008. С. 23–28. Рис. 6, *4*; 7, *1*]. Плечевая кость овцы/козы найдена (у левого плеча) на правобережье Нижнего Днестра в могиле Оланешты 13/1 [Яровой, 1990. С. 193; Квитницкий и др., 2020d. С. 331, 332].[3] В Прутско-Днестровском междуречье правая плечевая кость овцы была обнаружена (на правом плечевом суставе) в погребении Чимишлия 5/14[4] [Popovici, Ciobanu 2021. P. 32. Fig. 27, *3*].[5] Известны два комплекса на левобережье Прута с костями овец: левая плечевая кость овцы[6] – в погребении Егоровка 3/1 под правым плечом [Popovici, Ciobanu, 2019. P. 60, 61. Fig. 6];[7] левая плечевая кость барана[8] – в захоронении Бурланешты 5/1 под черепом [Демченко, Левицкий, 2006. С. 321. Рис. 17, *1*].[9]

Кости лошади отмечены в восьми случаях. Кость бедра жеребца со следами жарки на огне зафиксирована в комплексе Дмитровка 1/2 слева у черепа [Супруненко, 2007. С. 20. Рис. 20, *2*]. Кость молодой лошади[10] (плечевая?) найдена в погребении Пуркары 2/11 (слева в изголовье) на правобережье Нижнего Днестра [Яровой, 1990. С. 97. Рис. 42, *4*]. Левая плечевая кость лошади[11] находилась в захоронении Глиное/Водовод 14/2 (у левого плеча) на левобережье Нижнего Днестра [Квитницкий и др., 2019. С. 318. Рис. 2, *1*].[12]

[1] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (Одесса, Украина).
[2] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (Одесса, Украина).
[3] Определение докт. биол. наук А.И. Давида [Яровой, 1990. С. 9].
[4] Определение *de visu* канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[5] В публикации приведено определение канд. биол. наук Р. Кройтора: «целая левая плечевая кость крупного рогатого скота (*Bos taurus*)» [Popovici, Ciobanu, 2021. P. 9, 32].
[6] Определение *de visu* канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[7] В публикации приведено определение канд. биол. наук Р. Кройтора: «несколько костей животного, принадлежащие взрослой особи козы/овцы» [Popovici, Ciobanu, 2019. P. 61].
[8] Определение *de visu* канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[9] В публикации «небольшая кость животного» [Демченко, Левицкий, 2006. С. 321].
[10] Определение докт. биол. наук А.И. Давида.
[11] Определение 2021 г. канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[12] На момент первой публикации комплекса (2019 г.) авторы раскопок ошибочно определили кость животного как «кость крупного рогатого скота» [Квитницкий и др., 2019. С. 318].

В могиле Глиное/Север 7/1 (у правого плеча) обнаружена правая плечевая кость лошади.[13] Также на левобережье Нижнего Днестра плечевая кость молодой лошади найдена в погребении Буторы-I 14/7 [Синика, Разумов, Тельнов, 2013. С. 84].[14] Правая плечевая кость лошади[15] отмечена в могиле Мреснота Могила 1/10 (слева в изголовье) на левобережье Нижнего Дуная [Гудкова и др., 1985. С. 69, 70. Рис. 40, *1*]. В комплексе Старые Бедражи 3/7, на левобережье Среднего Прута, под черепом погребённого находилась плечевая кость лошади[16] [Чирков, 1990. С. 161. Рис. 4, *1*]. Правая плечевая кость жеребёнка[17] была в разрушенном погребении у с. Бучумены [Reabțeva, Vlasenco, 2018. С. 108], также на левобережье Среднего Прута.

Кости коровы определены в пяти комплексах. В погребении № 2 Субботцевского могильника найдены лопатка, плечевая кость и рёбра слева в изголовье [Бокий, Плетнева, 1988. С. 101. Рис. 2]. Бедренная кость взрослого быка зафиксирована в захоронении Дмитровка 1/14 под черепом [Супруненко, 2007. С. 58. Рис. 20, *1*]. Фрагмент трубчатой кости быка находился в могиле Васильевка 15/6 (слева в изголовье) в Нижнем Поднепровье [Плешивенко, 1991. С. 33. Табл. 32, *1*]. Правая плечевая кость быка найдена в погребении Чимишлия 5/13 (слева в изголовье) в Прутско-Днестровском междуречье [Popovici, Ciobanu, 2021. P. 31–32. Fig. 22, *1, 2*]. Бедренная кость крупного рогатого скота находилась в комплексе Плавни-II 1/2 (в изголовье) на левобережье Нижнего Дуная [Фокеев и др., 2019. С. 334, 337. Рис. 1, *2*].

В остальных 14 случаях определения видов животных, кости которых были обнаружены в погребениях, не проводились. В публикациях они описываются, в основном, как крупные кости или кости крупных животных. По одной кости животного найдено в комплексах Мамай-Гора 161/9 (на правом плече) [Андрух, Тощев, 2009. С. 80] и Скелька 42 (в изголовье) [Попандопуло, 2011. С. 53–54. Рис. 24, *6*][18] в Нижнем Поднепровье. Кость быка (?) зафиксирована в погребении Снигирёвка 1/1 (в изголовье) на правобережье Нижнего Днепра [Никитин, Рубан, 1974. С. 2. Рис. 5]. Кость ноги крупного животного находилась в захоронении Ровенки 3/22 (у правого плеча) в Северо-Восточном Крыму [Щепинский, 1975. С. 30, 31. Рис. 39]. Кость животного отмечена в могиле Яблоня 13/1 (справа в изголовье) в Буго-Днепровском междуречье [Шапошникова и др., 1975. С. 317–318. Табл. 140]. Кость большого животного найдена в могиле Окница 11/3 (в изголовье) на левобережье Среднего Днестра [Манзура, Клочко, Савва, 1992. С. 25–26, 113. Рис. 11]. Крупная трубчатая кость животного зафиксирована в комплексе Маркулешты 1/3 (в изголовье) на правобережье Среднего Днестра [Левинский, Тентюк, 1990. С. 94–96. Рис. 1, *5, 6*]. Трубчатая кость животного находилась в погребении Траповка 1/17 (слева в изголовье) в Дунай-Днестровском междуречье [Субботин, Островерхов, Дзиговский, 1995. С. 16. Рис. 6, *4*]. Обломок кости крупного животного найден в захоронении Белолесье 3/2 (справа у нижней части грудной клетки) в Дунай-Днестровском междуречье [Субботин, Дзиговский, Островерхов, 1998. С. 67. Рис. 24, *1–9*]. Две трубчатые кости лежали в могиле Петрешты 2/1 (справа и слева от черепа) на левобережье Среднего Прута [Чирков, 1990. С. 159. Рис. 2, *1*]. В комплексе Старые Бедражи 10/10 (за черепом) найдены несколько костей животного [Чирков, 1990. С. 163. Рис. 5, *1*]. Две кости животного обнаружены в погребении Безеда 2/1 (за черепом) на левобережье Среднего Прута [Яровой, 2010. С. 30. Табл. 2 на с. 72]. Кости (трубчатые) крупного животного «компактной грудой» находились в захоронении 143 (справа от черепа) кургана Дракуля (с. Мирное Одесской обл.) на левобережье Нижнего Дуная [Гудкова и др., 1980. С. 91. Табл. LXVIII, *3*; Добролюбский, 1986. С. 118. Табл. XII, *3–7*]. Кость животного найдена в могиле Струмок 5/9 (справа от плеча) на левобережье Нижнего Дуная [Гудкова и др., 1979. С. 21, 22. Табл. XVII, *1*].

Представленные выше данные позволяют констатировать, что венгры в период своего пребывания в Северном Причерноморье использовали три вида жертвенных животных – овцу/козу (11 случаев), лошадь (8 случаев) и корову (5 случаев), при этом реальное соотношение видов установить практически невозможно ввиду отсутствия археозоологических определений для значительного числа погребений (14).

При этом многократно указывалось, что подобный обряд характерен для венгерских захоронений более восточных регионов – Подонья, Поволжья и Приуралья [Круглов, 2021. С. 53–67; Мышкин и др., 2022. С. 215–216. Рис. 3, *1*].

Кроме того, очень важно, что венгры сохранили этот погребальный обычай и в период после обретения родины. В Карпатской котловине нам известны всего четыре могилы, в которых от жертвенной пищи остались только одиночные кости лошади: Карош-Эперешьёг II, погр. 52 [Vörös, 1996; Révész, 1996. O. 26–28]; Гнадендорф [Lauermann, 2006. Abb. 3] (рис. 3, *1*); Дебрецен-Йожа, Клаштромпарт, погр. 22 [Nepper, 2002. Kép 22]

[13] Раскопки 2022 г., материалы не опубликованы. Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской.

[14] В публикации ошибочно указано «кость крупного рогатого скота». В приложении к отчёту о раскопках, автором которого является докт. биол. наук А.И. Давид, есть определение «плечевая кость лошади» [Давид, 1979. С. 2].

[15] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской.

[16] Определение докт. биол. наук А.И. Давида [Чирков, 1990. С. 168].

[17] Определение *de visu* канд. ист. наук Е.П. Секерской.

[18] В указанной монографии погребение Скелька 42 рассматривается автором безосновательно как скифское.

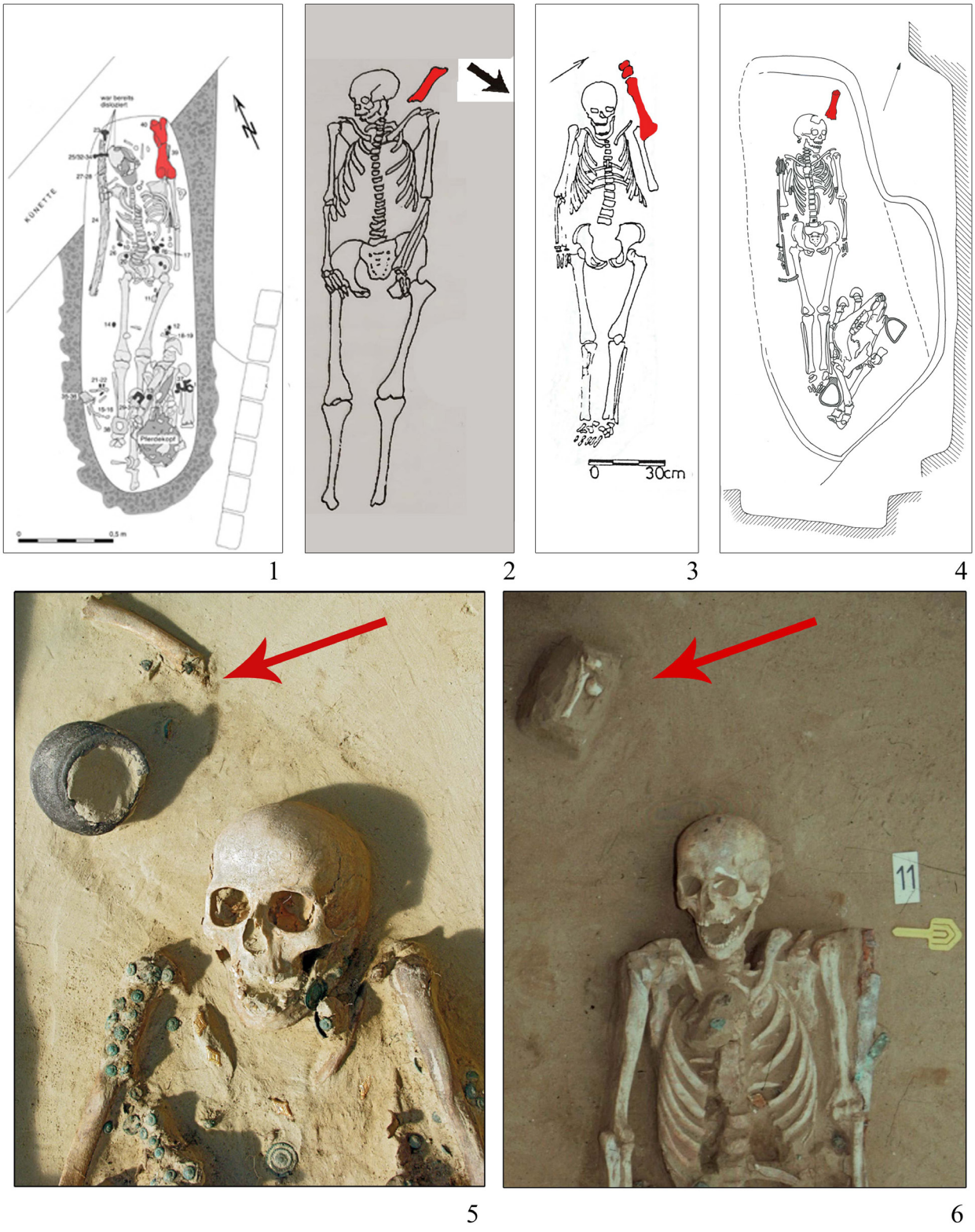

Рис. 3. Захоронения X в. с одиночной костью животного в изголовье в Карпатской котловине. *1* – Гнадендорф [Gnadendorf], [A] (по: [Lauermann, 2006. Abb. 3]); *2* – Дебрецен-Йожа, Клаштромпарт [Debrecen-Józsa, Klastrompart], погр. 22 (по: [Nepper, 2002. Kép 22]); *3* – Карош-Эперешьёг II [Karos-Eprejesszög II], погр. 58 (по: [Révész, 1996. Tábla 77]); *4* – Сегед-Ётхалом V, песчаный карьер [Szeged-Öthalom, V. Homokbánya], погр. 36 (по: [Türk, Lőrinczy, Marcsik, 2015. Kép 68]); *5* – Карош-Эперешьёг II, погр. 11 (по: [Révész, 1996. Kép 35]); *6* – Сегед-Кишкундорожма-Хосухат [Szeged-Kiskundorozsma-Hosszúhát], погр. 595 (по: [Türk, Lőrinczy, Marcsik, 2015. Kép 29])

Fig. 3. Burials of the 10th century with the single animal bone at the head in the Carpathian basin. *1* – Gnadendorf, [A] (after: [Lauermann, 2006. Abb. 3]); *2* – Debrecen-Józsa, Klastrompart, grave 22 (after: [Nepper, 2002. Kép 22]); *3* – Karos-Eprejesszög II, grave 58 (after: [Révész, 1996. Tábla 77]); *4* – Szeged-Öthalom, V. Homokbánya, grave 36 (after: [Türk, Lőrinczy, Marcsik, 2015. Kép 68]); *5* – Karos-Eprejesszög II, grave 11 (after: [Révész, 1996. Kép 35]); *6* – Szeged-Kiskundorozsma-Hosszúhát, grave 595 (after: [Türk, Lőrinczy, Marcsik, 2015. Kép 29])

(рис. 3, *2*); Сегед-Ётхалом V, песчаный карьер, погр. 36 [Türk, Lőrinczy, Marcsik, 2015. O. 25–26; Vörös, 2015] (рис. 3, *4*).[19] Кости крупного рогатого скота от жертвенной пищи встречаются чаще. Достоверно археозоологами определены кости из 13 захоронений: Карош-Эперешьёг II, могильник 1, погр. 16, 27, 36, 37, 58 (рис. 3, *3*), 66, 67; Тендёг-Хекут, погр. 4; Пшемысль (Лендьелорсаг), погр. 1 и 5; Ибрань-Эшбохалом, погр. 224; Артанд-Надьфаркашдомб (1965), погр. 6; Дьёр-Пошдомб (1970), погр. 126 [Vörös, 2000. O. 368]. Наконец, кости мелкого рогатого скота достоверно известны в двух погребениях: Карош-Эперешьёг II, погр. 11 [Révész, 1996. Kép 35] (рис. 3, *5*); Сегед-Кишкундорожма-Хосухат, погр. 595 [Türk, Lőrinczy, Marcsik, 2015. Kép 29] (рис. 3, *6*). Очевидно, что соотношение видов будет уточняться по мере увеличения костей животных, изученных специалистами-археозоологами.

Фрагмент железного кресала с кресальным кремнем, фрагмент железного ножа, железное шило, а также костяные накладки на лук из могилы Глиное/ДОТ 7/3 невыразительны в культурном отношении. Подобные находки зафиксированы и в венгерских, и в более поздних средневековых погребениях региона. Кроме того, авторам настоящей работы неизвестны аналогии находке деревянной колоды в ногах погребённого.

Колчанный набор погребения Глиное/Дот 7/3 включал в себя пять наконечников стрел. Два из них ромбической формы (рис. 2, *11, 12*), ещё два – подтреугольной или листовидной формы (рис. 2, *10, 13*). Эти четыре наконечника, за счёт наличия выраженной нервюры, едва ли не идентичны наконечникам стрел из грунтового венгерского погребения конца IX – первой трети X вв. у с. Фрумушика на правобережье Среднего Днестра [Квитницкий и др., 2021. С. 348–350, 365. Рис. 4, *1–5*].

Значительно более интересен наконечник стрелы с пером прямоугольной формы – срезень (рис. 2, *14*). Уже отмечалось, что подобных находок в Северо-Западном Причерноморье немного: два изделия из Екимауцкого городища [Чера, 2013. С. 201. Рис. 1, *5*]; два наконечника из упомянутого выше венгерского захоронения Фрумушика [Квитницкий и др., 2021. С. 355–356. Рис. 4, *6, 7*], один из которых (с пером в виде прямоугольной лопаточки) является прямой аналогией [Квитницкий и др., 2021. С. 356. Рис. 4, *7*] срезню из погребения Глиное/Дот 7/3. Ещё один срезень (с пером вытянутой трапециевидной формы) был в колчанном наборе (вместе с листовидным/ромбовидным наконечником с нервюрой посередине пера) в венгерском погребении Кале 1/10 на левобережье Нижнего Дуная [Фокеев и др., 1996. С. 13. Рис. 33, *1*; 38, *4–8*]. Важно, что подобные наконечники известны и в древностях ранних венгров Карпатской котловины: два изделия найдены в погребении 11 могильника X в. возле Кенезлё [Jósa, 1914. С. 314. Kép XXIII].

Датировка комплекса

На основании археологических данных мы предварительно определили время совершения погребения Глиное/ДОТ 7/3 концом IX – первой половиной X в. Однако, эта датировка требовала верификации с помощью радиоуглеродного анализа.

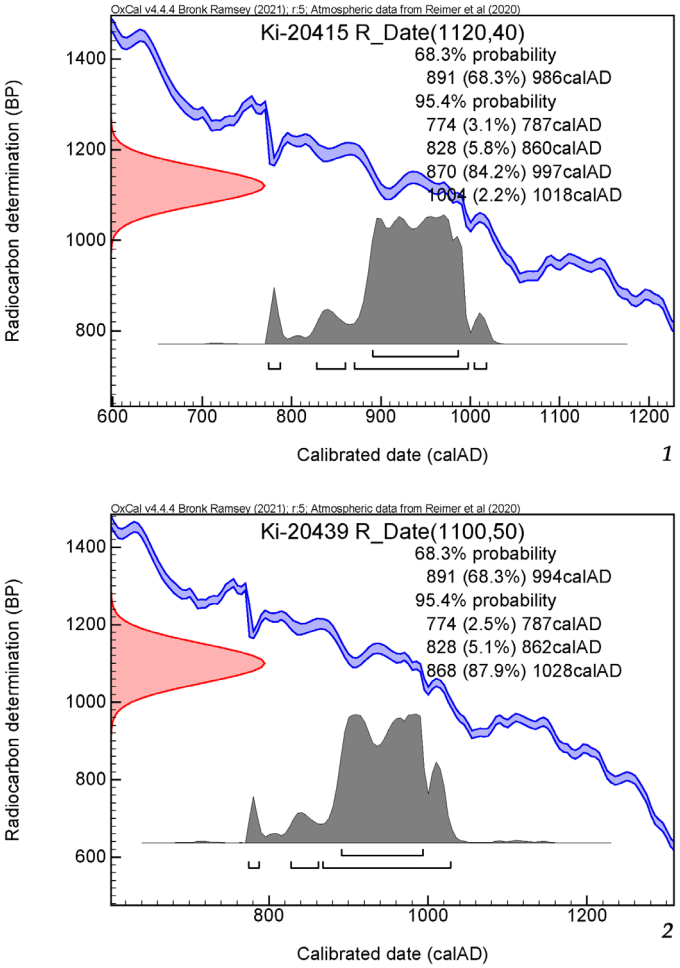

Рис. 4. Калиброванные радиоуглеродные даты погребения Глиное/ДОТ 7/3. *1* – по кости овцы (Ki–20415); *2* – по кости человека (Ki–20439)

Fig. 4. Calibrated radiocarbon dates of grave Glinoe/DOT 7/3. *1* – sheep bone (Ki–20415); *2* – human bone (Ki–20439)

[19] В двух могилах из указанных, помимо одиночной кости лошади в изголовье, в ногах погребённых были зафиксированы чучела лошадей (черепа и кости конечностей): Гнадендорф (рис. 3, *1*) и Сегед-Ётхалом V, песчаный карьер, погр. 36 (рис. 3, *4*). Во-первых, это отдельный обряд, который фиксируется к востоку от Карпатской котловины, например, на правобережье Прута – в погребении Пробота 7 [Zaharia, Zaharia, 1962. P. 603. Fig. 6], на левобережье Нижнего Прута – в могиле Румянцево 1/15 [Бубулич, 1992. С. 17. Рис. 15, *1*], на левобережье Нижнего Днестра – в захоронении Слободзея 18 [Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008. Рис. 7, *1*]. Во-вторых, кости животных в изголовье не принадлежали особям, лежавшим в виде чучела в ногах погребённых.

[20] Могильник Кале находился на оконечности мыса, служащего водоразделом рек Большой и Малый Катлабух, в 0,86 км к западу-северо-западу от с. Новокаменка Измаильского р-на Одесской обл.

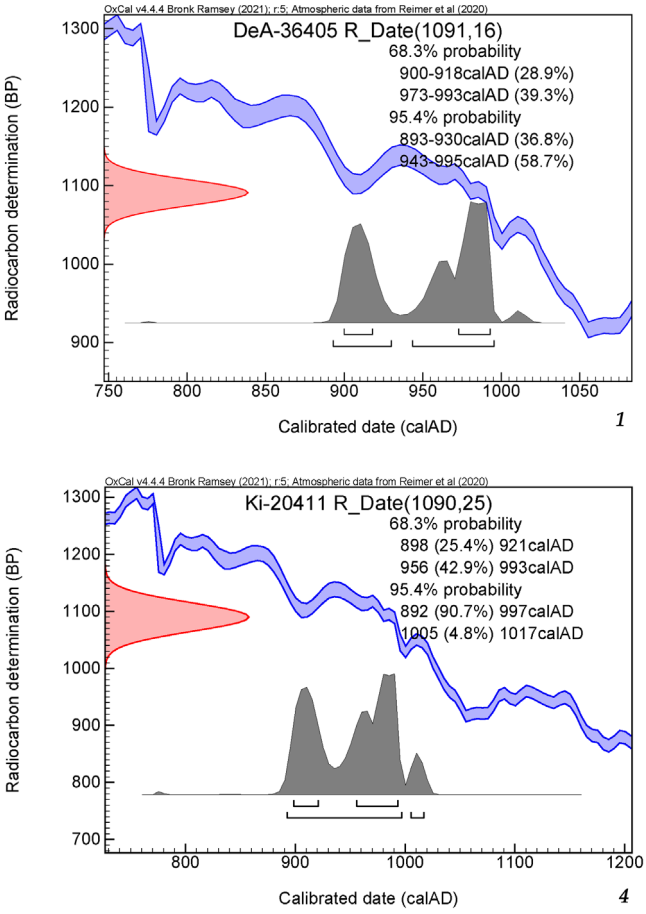

Рис. 5. Калиброванные радиоуглеродные даты погребения Глиное/ДОТ 7/3. *1* – по дереву (Ki–20411); *2* – по кости человека (DeA–36405)

Fig. 5. Calibrated radiocarbon dates of grave Glinoe/DOT 7/3. *1* – wood (Ki–20411); *2* – human bone (DeA–36405)

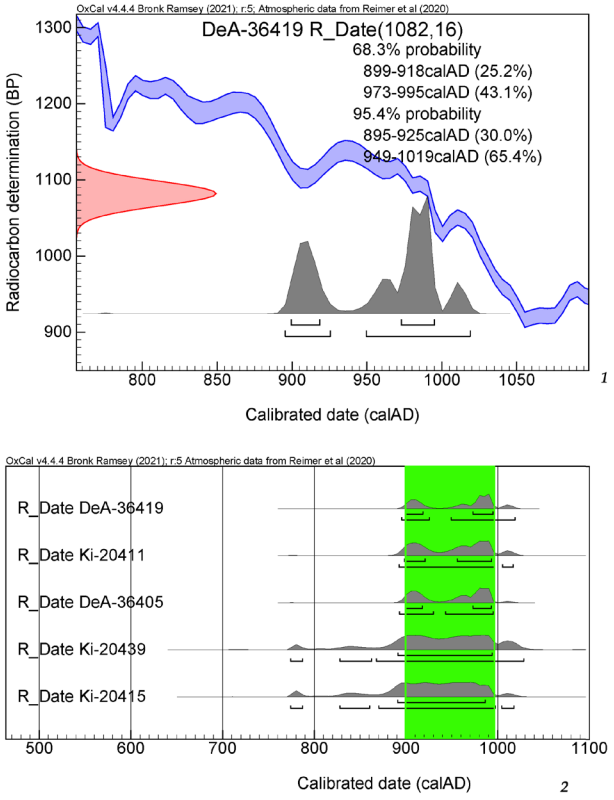

Рис. 6. *1* – калиброванная радиоуглеродная дата погребения Глиное/ДОТ 7/3 по кости овцы (DeA–36419); *2* – сводная таблица радиоуглеродных дат

Fig. 6. *1* – calibrated radiocarbon date of grave Glinoe/DOT 7/3 of sheep bone (DeA–36419); *2* – general table of radiocarbon dates

В 2022 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории были получены три даты погребения Глиное/ДОТ 7/3 – по кости человека, по кости овцы и по дереву (деревянная колода). Первая из них – по кости овцы: Ki–20415; 1120±40 BP (рис. 4, *1*), калиброванные интервалы: 1σ – 891–986 гг., 2σ – 774–1018 гг.[21] Вторая дата – по кости человека: Ki–20439; 1100±50 BP (рис. 4, *2*), калиброванные интервалы: 1σ – 891–994 гг., 2σ – 774–1028 гг.. Третья дата – по дереву: Ki–20411; 1090±25 BP (рис. 5, *1*), калиброванные интервалы: 1σ – 898–993 гг., 2σ – 892–1017 гг.

Кроме того, были получены две даты в Дебреценской радиоуглеродной лаборатории – по кости человека и по кости овцы. Дата по кости человека: DeA–36405; 1091±16 BP (рис. 5, *2*), калиброванные интервалы: 1σ – 900–993 гг., 2σ – 893–995 гг. Дата по кости овцы: DeA–36419; 1082±16 BP (рис. 6, *1*), калиброванные интервалы: 1σ – 899–995 гг., 2σ – 895–1019 гг.

Необходимо констатировать, что все эти пять дат являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на достаточных отрезках по первой (900–986 гг.) и по второй (895–995 гг.) сигмам (рис. 6, *2*). Также наиболее важно, что полученные даты не противоречат предложенной выше археологической датировке. Кроме того, нижняя граница интервалов пересечения всех пяти радиоуглеродных дат полностью соответствуют нижней границе археологической датировки – это самый конец IX в. или рубеж IX–X вв.

Таким образом, несмотря на более широкий диапазон совпадения калиброванных радиоуглеродных дат (конец IX – конец X вв.), у нас есть все основания считать археологическую дату (конец IX – первая половина X вв.) не только приемлемой, но и обоснованной.

Заключительные положения

В завершение необходимо отметить, что публикуемый в настоящей работе погребальный комплекс является не единственным памятником ранних венгров, исследованным у с. Глиное Слободзейского района.

[21] Калибрование всех указанных ниже дат было произведено с использованием программы OxCalv4.4.4 и калибровочной кривой IntCal20 [Reimer et al., 2020].

В 2008 г. было исследовано захоронение Глиное 13/2 [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 126, 127] в кургане, расположенном в 1,39 км к югу–юго–востоку от кургана Глиное/ДОТ 7. В 2022 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории были получены две даты этого погребения – по кости человека и по кости овцы. Первая из них (по кости человека) старше: Ki–20441, 1210±50 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 708–887 гг., 2σ – 675–975 гг. Вторая дата (по кости барана) младше: Ki–20413; 1080±40 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 898–1018 гг., 2σ – 886–1029 гг. При этом калиброванные интервалы обеих дат по второй сигме пересекаются на протяжении 86 лет (886–972 гг.), что не оставляет сомнений в их корректности. С учётом этого, мы ограничиваем время совершения погребения Глиное 13/2 последним десятилетием IX – первой половиной X вв.

В 2016 г. было изучено погребение Глиное/ДОТ 2/9. Костяк взрослого человека был смещён бульдозером при снятии бровки: *in situ* сохранились только кости стоп, инвентарь не обнаружен. Радиоуглеродная дата (DeA–11323; 1186±20 BP), полученная в 2018 г., и её калиброванный интервал (1s – 779–884 гг.; 2s – 773–889 гг.) указывают, что погребение было совершено не позже 889 г. [Разумов и др., 2019. С. 124, 125, 131, 132]. Курган Глиное/ДОТ 2 располагался в 0,272 км к северо-востоку от кургана Глиное/ДОТ 7.

В 2016 г. в 1,856 км к северо-востоку от публикуемого комплекса было изучено венгерское погребение Глиное/Водовод 4/1, дата которого была определена на основании археологических данных серединой IX – началом X вв. В 2021 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата по кости человека: Ki–20165, 1270±50 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 670–818 гг., 2σ – 660–878 гг. Полученный интервал по второй сигме, во-первых, пересекается с археологической датой (на отрезке 850–878 гг.) и, во-вторых, ограничивает её верхний предел концом 870-х гг. [Квитницкий, Тельнов, Тюрк, 2021. С. 607–608].

В 2018 г. в 1,15 км к северо-востоку от кургана Глиное/ДОТ 7 было исследовано захоронение Глиное/Водовод 14/2, датированное на основании археологического материала второй половиной IX – рубежом IX–X вв. [Квитницкий и др., 2019. С. 327; 2020а. С. 226]. В 2019 г. в Дебреценской радиоуглеродной лаборатории была получена дата по кости человека: Ki–19118, 1226±21 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 710–873 гг., 2σ – 705–881 гг. В 2021 г. были получены две даты из Киевской радиоуглеродной лаборатории – по кости человека и по кости лошади. Первая из них (по кости человека) старше: Ki–20181, 1180±50 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 775–945 гг., 2σ – 703–991 гг. Вторая дата (по кости лошади) младше: Ki–20188; 1110±50 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 890–992 гг., 2σ – 774–1025 гг. При этом калиброванные интервалы всех трёх дат по второй сигме пересекаются на протяжении 108 лет (774–881 гг.), что не оставляет сомнений в их корректности. С учётом этого, время совершения погребения Глиное/Водовод 14/2 ограничивается 850–880 гг.

Ранневенгерскими являются исследованные в 2020 г. в 2,785 км к востоку-юго-востоку от кургана Глиное/ДОТ 7 захоронения Глиное/Клин 2/6 и 2/11. Погребение Глиное/Клин 2/6 датировано по кости человека в 2021 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории: Ki–20254, 1250±50 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 679–876 гг., 2σ – 665–885 гг. Могила Глиное/Клин 2/11 датирована по кости человека дважды: в 2021 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории – Ki–20263, 1160±50 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 776–973 гг., 2σ – 707–994 гг.; в 2022 г. – в Дебреценской радиоуглеродной лаборатории – DeA–36407; 1077±16 BP (рис. 5, *1*), калиброванные интервалы: 1σ – 901–1015 гг., 2σ – 896–1021 гг.

Наконец, в 2022 г. в 5,108 км к северо-востоку от кургана Глиное/ДОТ 7 было изучено венгерское погребение Глиное/Север 7/1. В могиле, как отмечено выше, найдены правая плечевая кость лошади, фрагменты золотой фольги и другой инвентарь.

Таким образом, в настоящее время в окрестностях с. Глиное зафиксировано восемь ранневенгерских погребений. Указанное обстоятельство позволяет говорить о появлении венгров на левобережье Нижнего Днестра с середины IX в. Напомним, что в 9 км к западу-северо-западу от с. Глиное располагался Слободзейский могильник [Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008], оставленный, очевидно, более крупным коллективом ранних венгров. Публикуемый в настоящей работе комплекс (Глиное/ДОТ 7/3), как и изученные ранее погребения Глиное 13/2, Глиное/Клин 2/11 и Фрумушика, позволяют констатировать, что венгры вплоть до середины X в. находились в Поднестровье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Кн. I. Запорожье: ЗГУ, 1999. 232 с.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Кн. IV. Запорожье: ЗНУ, 2009. 312 с.

Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // Советская археология. 1988. № 2. С. 99–115.

Бубулич В.Г. Отчёт о полевых исследованиях Прутской новостроечной археологической экспедиции у сс. Румянцево и Дойна Кантемирского района в 1991 г. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 334. Кишинёв, 1992.

Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет о работе Измаильской ново-

строечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1979 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1979/5. Киев, 1979.

Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1980 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1980/7. Киев, 1980.

Гудкова А.В., Тощев Г.Н., Фокеев М.М., Андрух С.И. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1984/158. Киев, 1985.

Давид А.И. Приложение // Кетрару Н.А., Серова Н.Л. Отчёт о работе Первобытной новостроечной экспедиции в 1978 г. Архив Национального музея истории Молдовы. № 132. С. 53–54 (1–2). Кишинёв, 1979.

Демченко Т., Левицкий О. Курганы у села Бурлэнешть // Revista arheologică. Serie nouă. Vol. II. Nr. 1–2. 2006. С. 293–327.

Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев: Наукова думка, 1986. 140 с.

Евдокимов Г.Л. Курганы эпохи бронзы Верхнетарасовского могильника // Курганы юга Днепропетровщины / Отв. ред. Н.Н. Чередниченко. Киев: Наукова думка, 1977. С. 5–55.

Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus. 2019. № 5. С. 317–331.

Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Синика В.С., Тюрк А. Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра // Первый молдовенгерский круглый стол, посвящённый вопросам раннего средневековья Восточной Европы. Кишинёв, 10–11 июня 2015 г. Будапешт: BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport – Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet, 2020a. С. 205–232.

Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Синика В.С., Тюрк А. Кочевническое погребение на левобережье Нижнего Дуная в контексте изучения культуры древних венгров // Первый молдо-венгерский круглый стол, посвящённый вопросам раннего средневековья Восточной Европы. Кишинёв, 10–11 июня 2015 г. Будапешт: BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport – Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet, 2020b. С. 233–251.

Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Синика В.С., Лысенко С.Д., Тюрк А. Погребение из Владычень с украшением венгерского облика // «На одно крыло – серебряная, на другое – золотая ...» / Отв. ред. Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов. Кишинёв: Stratum plus, 2020c. С. 415–423.

Квитницкий М.В., Тюрк А., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Синика В.С. Два венгерских погребения IX века в Дунай-Днестровских степях // Stratum plus. 2020d. № 5. С. 329–339.

Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С., Тюрк А. Ранневенгерское погребение у с. Фрумушика в Среднем Поднестровье // Stratum plus. 2021. № 5. С. 345–369.

Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Тюрк А. Ранневенгерское воинское погребение с декоративными обувными накладками у с. Глиное // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 603–618.

Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт: Martin Opitz Kiadó, 2018. 424 с.

Круглов Е.В. Угро-мадьяры в степях между землей Дентумогер и областью Ателькузу // Золотоордынское наследие: сб. ст., посвящ. 700–летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сараи (4) / Отв. ред. Э.Г. Сайфетдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 50–73.

Левинский А.Н., Тентюк И.С. Исследование курганов у с. Мэркулешть // Археологические исследования молодых ученых Молдавии / Отв. ред. В.А. Дергачев. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 93–100.

Манзура И.В., Клочко Е.О., Савва Е.Н. Каменские курганы. Кишинев: Штиинца, 1992. 134 с.

Мышкин В.Н., Турецкий М.А., Богачев А.В., Хохлов А.А. Раннесредневековый погребальный комплекс курганного могильника Масленниково I в Самарском Заволжье // Самарский научный вестник. Т. 11. № 1. 2022. С. 213–219. DOI: https://doi.org/10.55355/snv2022111209

Никитин В.И., Рубан В.В. Отчет о работе Ингулецкой степной экспедиции Николаевского краеведческого музея в 1973 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1973/63а. Киев, 1974. 49 с.

Плешивенко А.Г. Отчёт о раскопках курганов в Васильевском районе Запорожской области в 1990 году // Научный архив ИА НАН Украины. № 1990/141. Киев, 1991.

Попандопуло З.Х. Скифский грунтовый могильник Скельки. Запорожье: Запорожский областной краеведческий музей, 2011. 116 с.

Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С., Тельнов Н.П. Курган бронзового века № 2 группы «ДОТ» у с. Глиное на Нижнем Днестре // Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies. 2019. № 1. С. 119–144.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Курганы у села Буторы. Тирасполь: Полиграфист, 2013. 148 с. (Археологические памятники Приднестровья. I)

Синика В.С., Тельнов Н.П., Квитницкий М.В. Венгерские памятники IX – первой половины X в. в Северо-Западном Причерноморье // «Hadakútján». A népvándorláskor fiatalkutatóinak XXIX. Konferenciája / Szerk. B. Sudár, A. Türk. Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, 2019. С. 7–10.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Археологические древности Буджака. Курганы у сёл Вишнёвое и Белолесье. Одесса: НАНУ, 1998. 173 с.

Субботин Л.В., Островерхов А.С., Дзиговский А.Н. Археологические древности Буджака. Курганы восточного побережья озера Сасык. Одесса: Гермес, 1995. 136 с.

Супруненко О.Б. Курган з угорським некрополем у пониззі Псла. Київ–Полтава: Гротеск, 2007. 110 с.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus, 2016. 1096 с. (Археологические памятники Приднестровья. III)

Фокеев М.М., Руссев Н.Д., Рандсборг К., Щукин М.Б. Отчёт о раскопках Славяно-сарматской экспедиции в окрестностях с. Суворово в 1995 г. // Архив Одесского археологического музея. Одесса, 1996.

Фокеев М.М., Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. Кочевническое погребение на левобережье Нижнего Дуная в контексте изучения культуры древних венгров // Stratum plus. 2019. № 5. С. 333–342.

Чера С.В. К вопросу о выделении финно-угорского компонента в коллекции наконечников стрел с городищ Алчедар и Екимауцы // Stratum plus. 2013. № 5. С. 197–202.

Чирков А.Ю. Новые данные о поздних кочевниках Среднего Попрутья // Археологические исследования молодых учёных Молдавии / Отв. ред. В.А. Дергачёв. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 158–168.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Бочкарёв В.С., Балушкин А.М., Гребенников Ю.С., Клюшинцев В.М., Ребедайло Г.П., Рычков Н.А. Отчет Ингульской экспедиции за 1974 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1974/12. Киев, 1975.

Щепинский А.А. Отчёт о работах Северо-Крымской археологической экспедиции в 1974 году // Научный архив ИА НАН Украины. № 1974/18а. Киев, 1975.

Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея). Кишинёв: АН РМ, 2008. 138 с. (Археологическая библиотека. IV)

Яровой Е.В. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. 272 с.

Яровой Е.В. Отчёт о полевых исследованиях Бричанского отряда Прутской новостроечной археологической экспедиции в 1989 г. // Архив Национального музея истории Молдовы, № 515. 37 с. Кишинёв, 2010.

Jósa A. Honfoglaláskori emlékek Szabolcsban // Archaeologiai Értesítő (ÚF) XXXIV (4–5). 1914. O. 214–224.

Kvitnyivckij M.V., Tyelnov N.P., Szinyika V.Sz., Türk A. Korai magyar leletek a Fekete–tenger északnyugati előteréből (9. század – 10. század első fele) // "Hadak útján" A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIX. Konferenciája. Budapest, 2019. November 15–16. Budapest: Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport – Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Bölcsészet és Társadalomtudományi Kar, Régészettudományi Intézet – Martin Opitz Kiadó, 2022. O. 585–591.

Lauermann E. Fundort, Fundgeschichte, Befund // Das frühungarische Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich) / Hrsg. F. Daim, E. Lauermann. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2006. S. 1–28.

Nepper I.M. Hajdú-Bihar megye 10–11. századi sírleletei I–II. Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 3. Budapest–Debrecen: Déri Múzeum – Magyar Nemzeti Múzeum – MTA Régészeti Intézete, 2002. 454 o.

Popovici S., Ciobanu I. Cercetări arheologice preventive la Fălești Noi și Egorovca (r–nul Fălești) // Arheologia preventivă în Republica Moldova IV, 2019. P. 55–62.

Popovici S., Ciobanu I. Cercetări arheologice la Cimișlia: (1969, 2015, 2019). Chișinău: Agenția Națională Arheologică, Rezervația Cultural–Naturală «Orheiul Vechi», 2021. 225 p.

Reabțeva S., Vlasenco I. Materiale din mormântul nomad de la Buciumeni (raionul Ungheni, Republica Moldova) în contextul vestigiilor din secolele IX–X din regiunea carpato–nistreană // Revista arheologică. Serie nouă. Vol. XIV. Nr. 2. 2018. P. 108–115.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. Is. 4. IntCal20: Calibration Issue, August 2020, 2020. P. 725–757.

Révész L. A karosi honfoglalás kori temetők. Adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez (Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahmezeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des Oberen Theiβgebietes im 10. Jahrhundert). Miskolc: Herman Ottó Múzeum – Magyar Nemzeti Múzeum, 1996. 506 o.

Révész L. Honfoglalás kori sír az alsó-ausztriai Gnadendorfban (A Conquest-Era Grave in Gnadendorf, Lower Austria) // Csodaszarvas II / Szerk. Á. Molnár. Budapest: Molnár Kiadó, 2006. O. 77–116.

Türk A., Lőrinczy G., Marcsik A. Régészeti és természettudományi adatok a Maros-torkolat nyugati

oldalának 10. századi történetéhez (=Archäologische Daten und naturwissenschaftliche Ergebnisse zur Geschichte des 10. Jahrhunderts des westlichen Ufers der Muresch-Mündung). Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem Bölcsészet és Társadalomtudományi Kar Régészeti Tanszék – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport. 2015. 300 o.

Vörös I. A karosi honfoglalás kori temetők állatcsontmaradványai // Révész L. A karosi honfoglalás kori temetők. Adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez. Miskolc: Herman Ottó Múzeum – Magyar Nemzeti Múzeum, 1996. O. 461–493.

Vörös I. Az algyői honfoglalás kori temető archaeozoologiai vizsgálata (Die archäozoologische Untersuchungen des landnahmezeitlichen Gräberfeldes von Algyő) // Studia Archaeologica, 6, 2000. O. 357–402.

Vörös I. A Maros-torkolattal szembeni mikrorégió 10. századi sírjainak archaeozoológiai vizsgálata (=Archaeozoological examination of the 10th century graves from the microregion opposite of the Maros mouth) // A. Türk, G. Lőrinczy, A. Marcsik. Régészeti és természettudományi adatok a Maros-torkolat nyugati oldalának 10. századi történetéhez (=Archäologische Daten und naturwissenschaftliche Ergebnisse zur Geschichte des 10. Jahrhunderts des westlichen Ufers der Muresch-Mündung). Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem Bölcsészet és Társadalomtudományi Kar Régészeti Tanszék – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport. 2015. O. 465–474.

Zaharia E., Zaharia N. Sondajul de salvare din necropola de la Probota (r. și reg. Iași) // Materiale si cercetări arheologice. VIII. 1962. P. 599–608.

REFERENCES

Andrukh, S.I., Toshchev, G.N. 1999, "*Mamay-Gora Necropolis*". Book I, ZNU, Zaporozhye, 232 p. (In Russ.)

Andrukh, S.I., Toshchev, G.N. 2009, "*Mamay-Gora Necropolis*". Book IV, ZNU, Zaporozhye, 312 p. (In Russ.)

Bokiy, N.M., Pletneva, S.A. 1988, "Burial of the family of a warrior-nomad of the 10th century in the Ingul basin", *Soviet Archaeology,* no. 2, pp. 99–115. (In Russ.)

Bubulici, V.G. 1992, "*Report on field investigations of the Prut rescue archaeological expedition near the Rumiantsevo and Doina villages, Cantemir district, in 1991*", Archive of the National Museum of History of Moldova, Chisinau, no. 334 (in Russ.)

Gudkova, A.V., Dobrolyubsky, A.O., Toshchev, G.N., Fokeev, M.M. 1979, "*Report on the work of the Izmail new building expedition of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR in 1979*", Scientific Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1979/5, Kiev. (In Russ.)

Gudkova, A.V., Dobrolyubsky, A.O., Toshchev, G.N., Fokeev, M.M. 1980, "*Report on the work of the Izmail new building expedition of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR in 1980*", Scientific archive of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of Ukraine, no. 1980/7, Kiev (In Russ.)

Gudkova, A.V., Toshchev, G.N., Fokeev, M.M., Andrukh, S.I. 1985, "*Report on the work of the Izmail new building expedition in 1984*", Scientific archive of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of Ukraine, no. 1984/158, Kiev (In Russ.)

David, A.I. 1979, "Appendix", (*Ketraru, N.A., Serova, N.L. Report on the work of the Primaeval New Building Expedition in 1978. Archive of the National Museum of the History of Moldova*), no. 132, 53–54 (1–2), Chisinau (In Russ.)

Demchenko, T., Levitsky, O. 2006, "Mounds near the village of Burlanesti", *Revista arheologică. Serie noua,* vol. II, nr. 1–2, pp. 293–327.

Dobrolyubsky, A.O. 1986, "*Nomads of the North-Western Black Sea region in the Middle Ages*", Naukova Dumka, Kiev, 140 p. (In Russ.)

Evdokimov, G.L. 1977, "Barrows of the Bronze Age of the Verkhnetarasovsky cemetery", *Kurgany juga Dnepropetrovshhiny* ("Mounds of the south of Dnepropetrovsk region"), Kiev, pp. 5–55. (In Russ.)

Kvitnytskyi, M.V., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2019, "Ancient Hungarian Grave of a Warrior on the Left Bank of the Lower Dniester", *Stratum plus*, no. 5, pp. 317–331. (In Russ.)

Kvitnitsky, M.V., Telnov, N.P., Sinika, V.S., Turk, A. 2020a, "Ancient Hungarian Grave of a Warrior on the Left Bank of the Lower Dniester", *Pervyj moldo–vengerskij kruglyj stol, posvjashhjonnyj voprosam rannego srednevekov'ja Vostochnoj Evropy. Kishinjov, 10–11 ijunja 2015 g.* ("The first Moldo-Hungarian round table dedicated to the issues of the early Middle Ages in Eastern Europe. Chisinau, June 10–11, 2015"), BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport – Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet, Budapest, pp. 205–232. (In Russ.)

Kvitnitsky, M.V., Telnov, N.P., Sinika, V.S., Turk, A. 2020b, "Nomadic Grave on the Left Bank of the Lower Danube in the Context of Studying the Culture of the Ancient Hungarians", *Pervyj moldo–vengerskij kruglyj stol, posvjashhjonnyj voprosam rannego srednevekov'ja Vostochnoj Evropy. Kishinjov, 10–11 ijunja 2015 g.* ("The first Moldo-Hungarian round table dedicated to the issues of the early Middle Ages in Eastern Europe. Chisinau, June 10–11, 2015"), BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport – Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet, Budapest, pp. 233–251. (In Russ.)

Kvitnitsky, M.V., Telnov, N.P. Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Türk, A. 2020c, "Grave from Vladycheni

with Adornment of the Hungarian Type", *Na odno krylo – serebrjanaja, na drugoe – zolotaja …* ("One her wing is silver, the other one is made of gold…"), Stratum plus, Chisinau, pp. 415–423. (In Russ.)

Kvitnitsky, M.V., Turk, A., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Sinika, V.S. 2020d, "Two Hungarian Graves of the 9th Century in the Danube-Dnister Steppes", *Stratum plus*, no. 5, pp. 329–339. (In Russ.)

Kvitnitsky, M.V., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S., Turk, A. 2021a, "Early Hungarian Grave near Frumuşica Village in the Middle Dniester Region", *Stratum plus,* no. 5, pp. 345–369. (In Russ.)

Kvitnitsky, M.V., Telnov, N.P., Türk, A. 2021b, "Early Hungarian Grave with Decorative Shoe Soles near the Glinoe Village", *Materials on archeology and history of the ancient and medieval Black Sea region*, no. 13, pp. 603–618. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.53737/2713-2021.2021.18.78.016

Komar, A.V. 2018, "*History and archeology of the ancient Magyars in the era of migration*", Martin Opitz Kiadó, Budapest, 424 p. (In Russ.)

Kruglov, E.V. 2021, "Ugro-Magyars in the steppes between the Dentumoger land and the Atelkuzu region", *Zolotoordynskoe nasledie: sbornik statej, posvjashhennyj 700–letiju so dnja rozhdenija srednevekovogo tatarskogo pojeta Sejfa Sarai (4),* ("Golden Horde heritage: a collection of articles dedicated to the 700th anniversary of the birth of the medieval Tatar poet Seif Sarai (4)"), Institute of History, Sh. Marjani AN RT, Kazan, pp. 50–73. (In Russ.)

Levinsky, A.N., Tentyuk, I.S. 1990, "The study of barrows at the Marculesti village", *Arheologicheskie issledovanija molodyh uchenyh Moldavii* ("Archaeological research of young scientists of Moldova"), Shtiintsa, Kishinev, pp. 93–100. (In Russ.)

Manzura, I.V., Klochko, E.O., Savva, E.N. 1992, "*Kamenska barrows*". Shtiintsa, Kishinev, 134 p. (In Russ.)

Myshkin, V.N., Turetsky, M.A., Bogachev, A.V., Khokhlov, A.A. 2022, "Early Medieval Burial Complex of the Burial Mound of Maslennikovo I in the Samara Volga Region", *Samara Journal of Science*, vol. 11, no. 1, pp. 213–219. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.55355/snv2022111209

Nikitin, V.I., Ruban, V.V. 1974, "*Report on the work of the Ingulets steppe expedition of the Nikolaev Museum of Local Lore in 1973*", Scientific Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1973/63a. (In Russ.)

Pleshivenko, A.G. 1991, "*Report on the excavations of mounds in Vasilyevsky district of the Zaporozhye region in 1990*", Scientific Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1990/141. (In Russ.)

Popandopulo, Z.X. 2011, "*Scythian plain cemetery Skelki*". Zaporozhye Regional Museum of Local Lore, Zaporozhye, 116 p. (In Russ.)

Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2019, "Bronze Age barrow No. 2 of the "DOT" group near Glinoe village on the Lower Dniester", *Revista de Arheologie, Antropologie şi Studii Interdisciplinare, Journal of archeology, anthropology and interdisciplinary studie*s, no. 1, pp. 119–144. (In Russ.)

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2013, "*Barrows near Butory Village. Series: Archaeological Sites of Pridnestrovie. I*". Poligrafist, Tiraspol, 148 p. (In Russ.)

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Kvitnitsky, M.V. 2019, "Hungarian sites of the 9th – the first half of the 10th century in the North-Western Black Sea", *"Hadakútján". A népvándorláskor fiatalkutatóinak XXIX. Konferenciaja*", Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Budapest, pp. 7–10. (In Russ.)

Subbotin, L.V., Dzigovskiy, A.N., Ostroverkhov, A.S. 1998, *"Archaeological antiquities of Budzhak. Mounds near the villages of Vishnevoe and Belolesye. National Academy of Sciences of Ukraine"*. Odessa, 173 p. (In Russ.)

Subbotin, L.V., Ostroverkhov, A.S., Dzigovskiy, A.N. 1995, "*Archaeological antiquities of Budzhak. Barrows on the eastern coast of Lake Sasyk*". Hermes, Odessa, 136 p. (In Russ.)

Suprunenko, O.B. 2007, "*Barrow with Ugrian cemetery at the lower Psel*". Grotesk, Kiev-Poltava, 110 p. (In Ukrainian)

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016, "*Scythian Cemetery of the 3rd–2nd Centuries BC near Glinoe Village. Series: Archaeological Sites of Pridnestrovie. III*". Stratum plus, Tiraspol, 1096 p. (In Russ.)

Fokeev, M.M., Russev, N.D., Randsborg, K., Shchukin, M.B. 1996, "*Report on the excavations of the Slavic-Sarmatian expedition in the vicinity of the Suvorovo village in 1995*". Archive of the Odessa Archaeological Museum, Odessa. (In Russ.)

Fokeev, M.M., Kvitnitsky, M.V., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2019, "Nomadic Grave on the Left Bank of the Lower Danube in the Context of Studying the Culture of the Ancient Hungarians", *Stratum plus,* no. 5, pp. 333–342. (In Russ.)

Chera, S.V. 2013, "Finno-Ugric Influence in Collection of Arrowheads from Fortified Settlements Alchedar and Ekimautsy", *Stratum plus,* no. 5, pp. 197–202. (In Russ.)

Chirkov, A.Yu. 1990, "New data on the late nomads of the Middle Prutus region", *Arheologicheskie issledovanija molodyh uchenyh Moldavii* ("Archaeological research of young scientists of Moldova"), Shtiintsa, Kishinev, pp. 158–168. (In Russ.)

Shaposhnikova, O.G., Fomenko, V.N., Bochkarev, V.S., Balushkin, A.M., Grebennikov, Yu.S., Klyushintsev, V.M., Rebedailo, G.P., Rychkov, N.A. 1975, *"Report of the Ingul expedition for 1974. Scientific Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine"*, no. 1974/12, Kyiv (In Russ.)

Schepinsky, A.A. 1975, "*Report on the work of the North Crimean archaeological expedition in 1974. Scientific Archive of the Institute of Archeol-*

ogy of the National Academy of Sciences of Ukraine", no. 1974/18a, Kyiv (In Russ.)

Shcherbakova, T.A., Tashchi, E.F., Telnov, N.P. 2008, "*Nomadic antiquities of the Lower Dniester region (based on materials from excavations of a barrow near the town of Slobodzeya)*". AN RM, Chisinau, 138 p. ("Archaeological Library". IV) (In Russ.)

Yarovoy, E.V. 1990, "*Mounds of the Eneolithic – Bronze Age of the Lower Dniester Region"*. Shtiintsa, Kishinev, 272 p. (In Russ.)

Yarovoy, E.V. 2010, "*Report on the field research of the Briceni part of the Prut new building archaeological expedition in 1989. Archive of the National Museum of the History of Moldova*", no. 515. 37 p. (In Russ.)

Jósa, A. 1914, "Honfoglaláskori emlékek Szabolcsban", *Archaeologiai Értesítő,* (ÚF) XXXIV (4–5), pp. 214–224. (In Magyar)

Kvitnyivckij, M.V., Tyelnov, N.P., Szinyika, V. Sz., Türk, A. 2022, "Korai magyar leletek a Fekete–tenger északnyugati előteréből (9. század – 10. század első fele)", *"Hadak útján" A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIX. Konferenciája. Budapest, 2019. November 15–16"*, Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport – Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Bölcsészet és Társadalomtudományi Kar, Régészettudományi Intézet – Martin Opitz Kiadó, Budapest, pp. 585–591. (In Magyar)

Lauermann, E. 2006, "Fundort, Fundgeschichte, Befund", *Das frühungarische Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich),* Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz, pp. 1–28. (In German)

Nepper, I.M. 2002, "*Hajdú-Bihar megye 10–11. századi sírleletei I–II. Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 3*", Déri Múzeum – Magyar Nemzeti Múzeum – MTA Régészeti Intézete, Budapest – Debrecen, p. 454. (In Magyar)

Popovici, S., Ciobanu, I. 2019, "Cercetări arheologice preventive la Fălești Noi și Egorovca (r–nul Fălești)", *Arheologia preventivă în Republica Moldova* IV, p. 55–62. (In Romanian)

Popovici, S., Ciobanu, I. 2021, "*Cercetări arheologice la Cimișlia: (1969, 2015, 2019)"*. Agenția Națională Arheologică, Rezervația Cultural – Naturală «Orheiul Vechi», Chișinău, 225 p. (In Romanian)

Reabțeva, S., Vlasenco, I. 2018, "Materiale din mormântul nomad de la Buciumeni (raionul Ungheni, Republica Moldova) în contextul vestigiilor din secolele IX–X din regiunea carpato–nistreană", *Revista arheologică. Serie nouă*, vol. XIV, no. 2, pp. 108–115. (In Romanian)

Reimer, P., Austin, W., Bard, E., Bayliss, A., Blackwel, P., Bronk Ramsey, C., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R., Friedrich, M., Grootes, P., Guilderson, T., Hajdas, I., Heaton, T., Hogg, A., Hughen, K., Kromer, B., Manning, S., Muscheler, R., Palmer, J., Pearson, C., van der Plicht, J., Reimer, R., Richards, D., Scott, E., Southon, J., Turney, C., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Capano, M., Fahrni, S., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Reinig, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020, "The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0-55 cal kBP)", *Radiocarbon,* is. 4. IntCal20: Calibration Issue, August 2020, pp. 725–757.

Révész, L. 1996, "*A karosi honfoglalás kori temetők. Adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez (Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahmezeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des Oberen Theißgebietes im 10. Jahrhundert)"*. Herman Ottó Múzeum – Magyar Nemzeti Múzeum, Miskolc. 506 p. (In Magyar)

Révész, L. 2006, "Honfoglalás kori sír az alsó-ausztriai Gnadendorfban (A Conquest-Era Grave in Gnadendorf, Lower Austria)", *Csodaszarvas II,* Molnár Kiadó, Budapest, pp. 77–116. (In Magyar)

Türk, A., Lőrinczy, G., Marcsik, A. 2015, "*Régészeti és természettudományi adatok a Maros-torkolat nyugati oldalának 10. századi történetéhez (= Archäologische Daten und naturwissenschaftliche Ergebnisse zur Geschichte des 10. Jahrhunderts des westlichen Ufers der Muresch-Mündung)*". Pázmány Péter Katolikus Egyetem Bölcsészet és Társadalomtudományi Kar Régészeti Tanszék – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport, Budapest, 300 p. (In Magyar)

Vörös, I. 1996, "A karosi honfoglalás kori temetők állatcsontmaradványai", *Révész L. A karosi honfoglalás kori temetők. Adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez*. Herman Ottó Múzeum – Magyar Nemzeti Múzeum, Miskolc, pp. 461–493. (In Magyar)

Vörös, I. 2000, "Az algyői honfoglalás kori temető archaeozoologiai vizsgálata (Die archäozoologische Untersuchungen des landnahmezeitlichen Gräberfeldes von Algyő)", *Studia Archaeologica*, no. 6, pp. 357–402. (In Magyar)

Vörös, I. 2015, "A Maros-torkolattal szembeni mikrorégió 10. századi sírjainak archaeozoológiai vizsgálata (=Archaeozoological examination of the 10th century graves from the microregion opposite of the Maros mouth)", *A. Türk, G. Lőrinczy, A. Marcsik Régészeti és természettudományi adatok a Maros-torkolat nyugati oldalának 10. századi történetéhez (= Archäologische Daten und naturwissenschaftliche Ergebnisse zur Geschichte des 10. Jahrhunderts des westlichen Ufers der Muresch-Mündung)*, Pázmány Péter Katolikus Egyetem Bölcsészet és Társadalomtudományi Kar Régészeti Tanszék – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport, Budapest, pp. 465–474. (In Magyar)

Zaharia, E., Zaharia, N. 1962, "Sondajul de salvare din necropola de la Probota (r. și reg. Iași)", *Materiale si cercetări arheologice,* VIII, pp. 599–608. (In Romanian)

Сведения об авторах

Виталий Степанович Синика, кандидат исторических наук, заведующий НИЛ «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Приднестровье, г. Тирасполь. E-mail: sinica80@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1621-9205

Сергей Николаевич Разумов, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЛ «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Приднестровье, г. Тирасполь. E-mail: razum_22@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-6030-9390

Сергей Дмитриевич Лысенко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии энеолита – бронзового века, Институт археологии НАН Украины, Украина, г. Киев. E-mail: suraganga@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9624-0364

Николай Петрович Тельнов, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник НИЛ «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Приднестровье, г. Тирасполь. E-mail: telnov_nikolai@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6878-0216

Аттила Тюрк, Ph.D., доцент Католического университета им. Петера Пазманя, Венгрия, г. Будапешт. E-mail: turk.attila@abtk.hu ORCID: 0000-0001-9199-0019

Information About the Authors

Vitalij S. Sinika, Ph.D., Head of the Scientific Research Laboratory “Archaeology”of the Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Pridnestrovie, Tiraspol’. E-mail: sinica80@mail.ru ORCID: 0000-0002-1621-9205

Sergey N. Razumov, Ph.D., Leading researcher of the Scientific Research Laboratory “Archaeology” of the Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Pridnestrovie, Tiraspol’. E-mail: razum_22@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-6030-9390

Sergey D. Lysenko, Ph.D., Senior researcher of the Department of Archaeology of the Eneolithic and the Bronze Age of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine, Kiev. E-mail: suraganga@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9624-0364

Nikolay P. Telnov, Ph.D., Leading researcher of the Scientific Research Laboratory “Archaeology” of the Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Pridnestrovie, Tiraspol’. E-mail: telnov_nikolai@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6878-0216

Attila Turk, Ph.D., docent of the Pázmány Péter Catholic University, Hungary, Budapest. E-mail: turk.attila@abtk.hu ORCID: 0000-0001-9199-0019

УДК 902/904 (470.4/.5)
ББК 63.48(235.55)

Дата поступления статьи: 17.08.2022
Дата принятия статьи: 31.10.2022

ДИНАМИКА МИГРАЦИЙ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Владимир Александрович Иванов
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются миграционные процессы, происходившие на территории Урало-Поволжского региона в I тыс. н.э., в их археологическом проявлении. Используя метод историко-географической характеристики археологических культур региона в рассматриваемый период, автор определяет типы миграций (согласно типологии, разработанной в отечественной и зарубежной археологии), их масштабы и результаты в формировании этнической карты Урало-Поволжья. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в конце эпохи раннего железа и в первые века I тыс. н.э. в регионе имели место вторжения воинских дружин поздних сарматов, вследствие чего происходят территориальные подвижки местных пьяноборских, гляденовских и караабызских племен. В эпоху Великого переселения народов позднесарматская инвазия приобретает характер миграции-вторжения. В результате этого в регионе формируются три этнокультурных ареала: именьковско-турбаслинский (позднесарматский), финно-пермский (азелинская и мазунинская/бахмутинская культуры) в Южном Предуралье, неволинская культура в её ранней (бродовской) стадии в Среднем Прикамье и ломоватовская (харинская стадия) – в Верхнем Прикамье. Во второй половине I тыс. н.э. Урало-Поволжский регион становится этнокультурным ареалом (ЭКА) древних угров, представленных памятниками кушнаренковской, караякуповской, неволинской, ломоватовской и чепецкой культур, которые морфологически (и генетически) были связаны с бакальской культурой Среднего Зауралья. На этом основании в современной археологии региона господствует концепция об иммиграции – ползучем вторжении зауральско-западносибирских угров в Предуралье и их продвижении далее в Среднее Поволжье (земля Хетумогер/Дентумогер древних мадьяр). В самом конце I тыс. н.э. угорский период в истории населения региона завершается, что выражается в резком сокращении ареала угорских памятников (петрогромско-мрясимовского типа) в Предуралье. Представляется наиболее вероятным, что произошло это вследствие тюркской (огузо-печенежской) миграции-вторжения в степи Урало-Поволжья на рубеже IX–X вв.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, сарматы, угры, мадьяры, болгары, огузы, печенеги

Цитирование. Иванов В.А., 2022. Динамика миграций в Урало-Поволжье в эпоху средневековья и их результаты // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 299–309. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.010

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, https:rscf.ru/project/22-28-01153/

UDC 902/904 (470.4/.5)
LBC 63.48(235.55)

Submitted: 17.08.2022
Accepted: 31.10.2022

DYNAMICS AND OUTCOMES OF MIGRATIONS IN THE URAL-VOLGA REGION DURING THE MIDDLE AGES

Vladimir A. Ivanov
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Ufa, Russia
E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Abstract. The article discusses the migration processes on the territory of the Ural-Volga region in the 1st millennium AD from the archaeological point of view. The author describes historical and geographical characteristics of the region's archaeological cultures in the studied period. He also identifies types of migrations (according to the typology, created by Russian and foreign archaeologists), their scale and effects on the formation of the ethnic map of the Ural-Volga region. The obtained results show that at the end of the Early Iron Age and in the early centuries of the 1st millennium AD the region suffered from intrusions of the late Sarmatian military squads, which resulted in territorial shifts of the local Pyany Bor, Glyadenovo and Kara-Abyz tribes. The late Sarmatian intrusions acquire the nature of a migration- invasion during the Great Migration period. As a result, three ethno cultural areas are formed in the region: Imenkovo-Turbasly (Late Sarmatian) and Finno-Permian (Azelin and Mazunino / Bahmutino cultures) in the Southern Cis-Urals as wells as Nevolino culture in its early (Brodovskaya) stage in the Middle Kama region and Lomovatovo culture (Kharinskaya stage) in the Upper Kama region. In the second half of the 1st millennium AD the Ural-Volga region becomes an ethno-cultural area (ECA) of the ancient Ugrians. It is represented by the sites of the Kushnarenkovo, Karayakupovo, Nevolino, Lomovatovo and Chepetskaya cultures. They were morphologically (and genetically) related to the

Bakal culture of the Middle Trans-Urals. Hence, modern archeologists of the region believe that it was a case of immigration – a creeping intrusion of the Trans-Ural-West Siberian Ugrians to the Cis-Urals. Further they advanced into the Middle Volga region (the land of Hetumoger / Dentumoger of the ancient Magyars). The Ugric period in the history of the region's population ended in the final years of the 1st millennium AD. This led to a sharp reduction of the area where Ugric sites are found (of the Petrogrom-Mryasimov type) in the Cis-Urals. It seems that this happened as a result of the Turkic (Oghuz-Pecheneg)migration-invasion into the steppes of the Ural-Volga region at the turn of the 9th –10th centuries AD.

Keywords: migration, immigration, Sarmatians, Ugrians, Magyars, Bulgarians, Oghuz, Pechenegs

Citation. Ivanov V.A., 2022. Dynamics and outcomes of migrations in the Ural-Volga region during the Middle Ages. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 299–309. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.010

Acknowledgements. The research was conducted by means of the grant No. 22-28-01153, https:rscf.ru/project/22-28-01153/ allocated by the Russian Science Foundation

Решающая роль миграций в этнических процессах и формировании этнокультурной карты Урало-Поволжья в эпоху средневековья является аксиомой, не нуждающейся в специальных доказательствах, поскольку наглядно представлена в археологически фиксируемых следах и географических последствиях [Белавин, 2009; Зубов, Михеев, 2006; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Иванов, 2020; Сунгатов, 2020]. Другое дело, что мы слабо представляем себе типы этих миграций (а их несколько [Клейн, 1999]), от которых зависят и их археологические следы, и археологически фиксируемые этнокультурные результаты. Это – во-первых.

Во-вторых, чтобы хотя бы приблизиться к адекватному пониманию и оценке миграционных процессов, необходимо учитывать географию археологических памятников, отражающих эти процессы. В настоящее время этнокультурная ситуация в регионах (в частности – в Урало-Поволжье) иллюстрируется мелкомасштабными карто-схемами, на которых различными геометрическими фигурами очерчены приблизительные ареалы распространения археологических культур. О весьма поверхностном информационном потенциале подобных иллюстраций я уже имел возможность высказаться [Иванов, 2015; 2016].

В продолжение этой темы ниже я предлагаю рассмотреть археологические следы миграций (и их результатов) в Урало-Поволжье в эпоху раннего средневековья (I – начало II тыс. н.э.) в их географическом и семантическом контекстах. И хотя карты, иллюстрирующие эти процессы, отнюдь не идеальны, они, тем не менее, дают возможность более четко представить и масштабы и ареалы распространения археологических памятников, документирующих миграционные процессы в указанный период, и обусловленную ими динамику этнокультурной карты региона.

На рубеже I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (финал эпохи раннего железа) этнокультурный состав населения региона определялся автономным существованием здесь трех этнокультурных образований (племена?; союзы племен?) – пьяноборского, караабызского и гляденовского (рис. 1). Единой этнокультурной общности они не представляли, хотя общий генетический субстрат, уходящий своими корнями в ананьинскую эпоху, в их этногенезе прослеживается [Иванов, Проценко, 2017].

О взаимодействии «пьяноборцев», «караабызцев» и «гляденовцев» с окружающим миром в рассматриваемый период говорить очень сложно. Обращение к археологической карте региона показывает, что в это время по всем румбам, кроме южного, вокруг ареалов рассматриваемых культур на сотни километров простирались пустые пространства.[1] На юге наиболее близкими соседями племенам Прикамья и Предуралья являлись поздние сарматы (рис. 1), которые, в силу своей малочисленности,[2] не могли оказывать сколь-нибудь существенного влияния на этно- и культурогенез «пьяноборцев», «гляденовцев» и «караабызцев». Хотя, конечно, полностью исключать его нельзя. Во-первых, известны отдельные находки импортных римских изделий в пьяноборских погребениях [Васюткин, Калинин, 1986. С. 121]. Во-вторых, известны следы культурного воздействия «пьяноборцев» на культуру мигрантов, оставивших в Поволжье Андреевские и Писеральские курганы (*воинская миграция*). Сферы этногенеза это воздействие не затрагивало, но о каких-то культурных контактах свидетельствует очевидно [Зубов, 2011. С. 107–109].

В-третьих, пока ещё не до конца понятное явление представляют собой курганы Кипчаковского могильника. Оставившее их пришлое население (возможно, что иранско-угорской этнической принадлежности [Зубов, Михеев, 2006. С. 222]),

[1] Для сравнения см. карты Волго-Вятского междуречья или Среднего Зауралья [Никитин, Соловьев, 2013. С. 49. Рис. 31; Берсенева, 2016. С. 33].

[2] Их не могло быть много, поскольку в это время степи Урало-Поволжья находились в стадии усыхания [Дёмкин и др., 2009. С. 85].

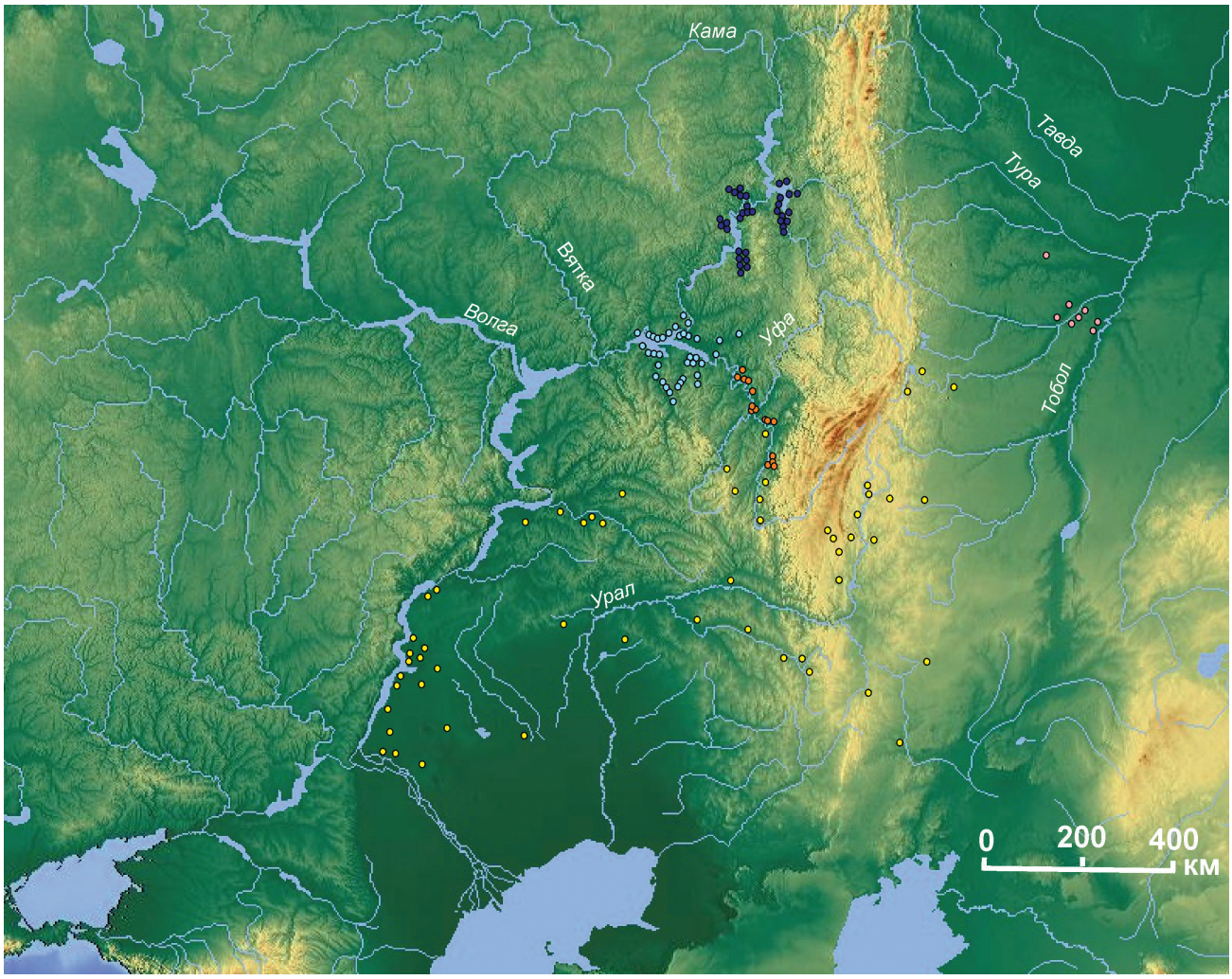

Рис. 1. Карта-схема основных культур Предуралья на рубеже эр

Fig. 1. Chart map of key cultures in Cis-Urals at the turn of the eras

очевидно, участвовало в формировании пьяноборской культуры на поздней стадии её развития [Зубов и др., 2021. С. 282].

Появление в III в. н.э. в Предуралье пришлых групп населения[3] (воинская миграция), оставивших курганные могильники типа Тураевского, Старо-Муштинского, Харинского, Агафоновского, Верх-Саинского и др., завершило тот период в истории региона, когда роль миграций в этнокультурных процессах была минимальной[4] (рис. 2). Далее, уже в эпоху Великого переселения народов, очертания и содержание этнокультурной карты Прикамья и Предуралья меняется едва ли не через каждое столетие.

Я не берусь рассуждать о механизме этнокультурных процессов, происходивших в регионе в IV–VI вв. н.э. Любые рассуждения на сей счет не более чем дискурс, опирающийся на довольно зыбкую эмпирическую основу. Гораздо более конструктивной является констатация результатов этих процессов, представленных в археологических материалах (рис. 3).

В рассматриваемое время довольно плотно заселяется территория Среднего Поволжья от устья Камы на севере до Самарской Луки на юге (памятники именьковской культуры). Их появление в регионе было внезапным, а их культура – гомогенной. Аналогичным образом появляется и выглядит турбаслинская культура в среднем течении р. Белая. Керамика и вещевой комплекс этих культур обнаруживают между собой определенное морфологическое сходство. На этом основании Е.П. Казаков объединяет их в единую *турбаслинско-именьковскую общность,* занимавшую часть Урало-Поволжской лесостепи от Приуралья до Мордовии (рис. 3). Генетически эту общность исследователь связывает с сарматами [Казаков, 2018. С. 116].

[3] Вопрос об этнической принадлежности и исходной территории которых остается открытым, хотя многие из современных исследователей придерживаются точки зрения об их позднесарматской принадлежности.

[4] Из культур эпохи раннего железа Прикамья и Предуралья только в генезисе караабызской культуры участие мигрантов прослеживается отчетливо.

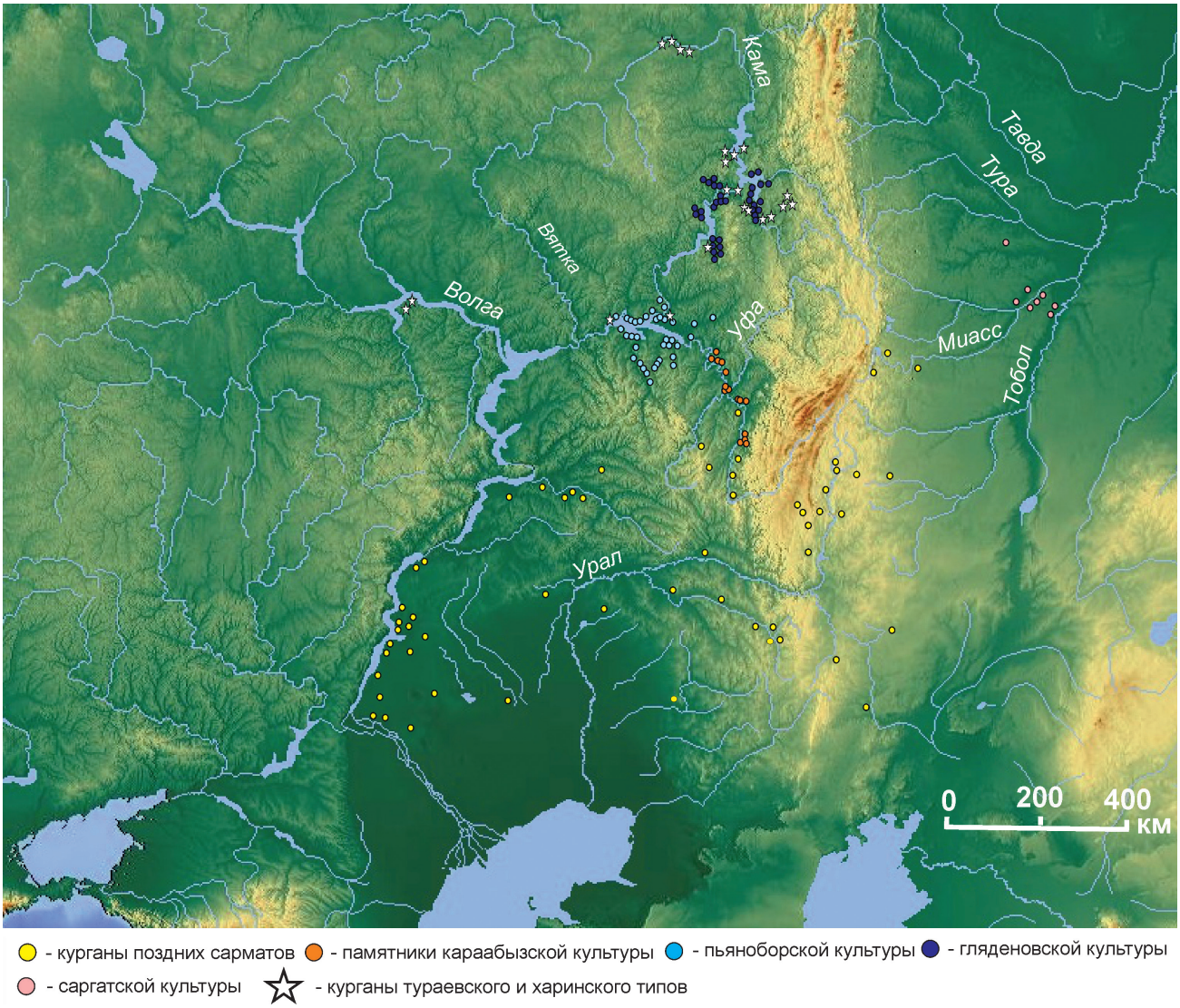

Рис. 2. Этнокультурная карта-схема Урало-Поволжья в первые века н.э.

Fig. 2. Ethnocultural chart map of Ural-Volga region in the early centuries AD

То, что поздние сарматы в IV–V вв. участвовали в этнокультурных процессах в Прикамье и Предуралье, очевидно, следует признать за факт. К такому выводу, независимо от Е.П. Казакова, на основании результатов сравнительно-статистического анализа могильников эпохи Великого переселения народов в Прикамье и Предуралье приходит Д.В. Шмуратко. Проведя кластерный анализ погребального обряда могильников эпохи ВПН,[5] исследователь разделяет их на семь групп (кластеров), объединенных внутренней типологической общностью и обнаруживающих различную степень близости между собой. По полученным данным, позднесарматский[6] и харинский (Среднее и Верхнее Прикамье) кластеры демонстрируют явное доминирование позднесарматской погребальной традиции со всеми вытекающими отсюда интерпретационными последствиями. Причем, по мнению Д.В. Шмуратко, образование харинского кластера явилось следствием глубокого проникновения в Прикамье неких социальных групп поздних сарматов (воинских дружин – *авт.*) [Шмуратко, 2006. С. 126].

Азелинский кластер, расположенный на территории Волго-Вятского междуречья, оставлен потомками носителей пьяноборской культуры, оттесненными туда пришельцами, оставившими Тураевский и Старо-Муштинский могильники. Близость азелинского кластера с постпьяноборским[7] вполне закономерна, поскольку они имеют общую генетическую основу (пьяноборскую).

Совершенно автономным выступает именьковский кластер. Д.В. Шмуратко никак этот факт не комментирует. Со своей стороны могу предположить, что, вероятно, обусловлено это тем, что носители именьковской культуры если и имели

[5] 34 могильника, содержащих в общей сложности 1815 погребений.

[6] В принципе, его можно было бы назвать и турбаслинским, поскольку Ново-Турбаслинский могильник является центральным звеном этого кластера.

[7] Центральными звеньями которого являются Бирский, Старо-Кабановский, Красноярский могильники мазунинской/бахмутинской культуры.

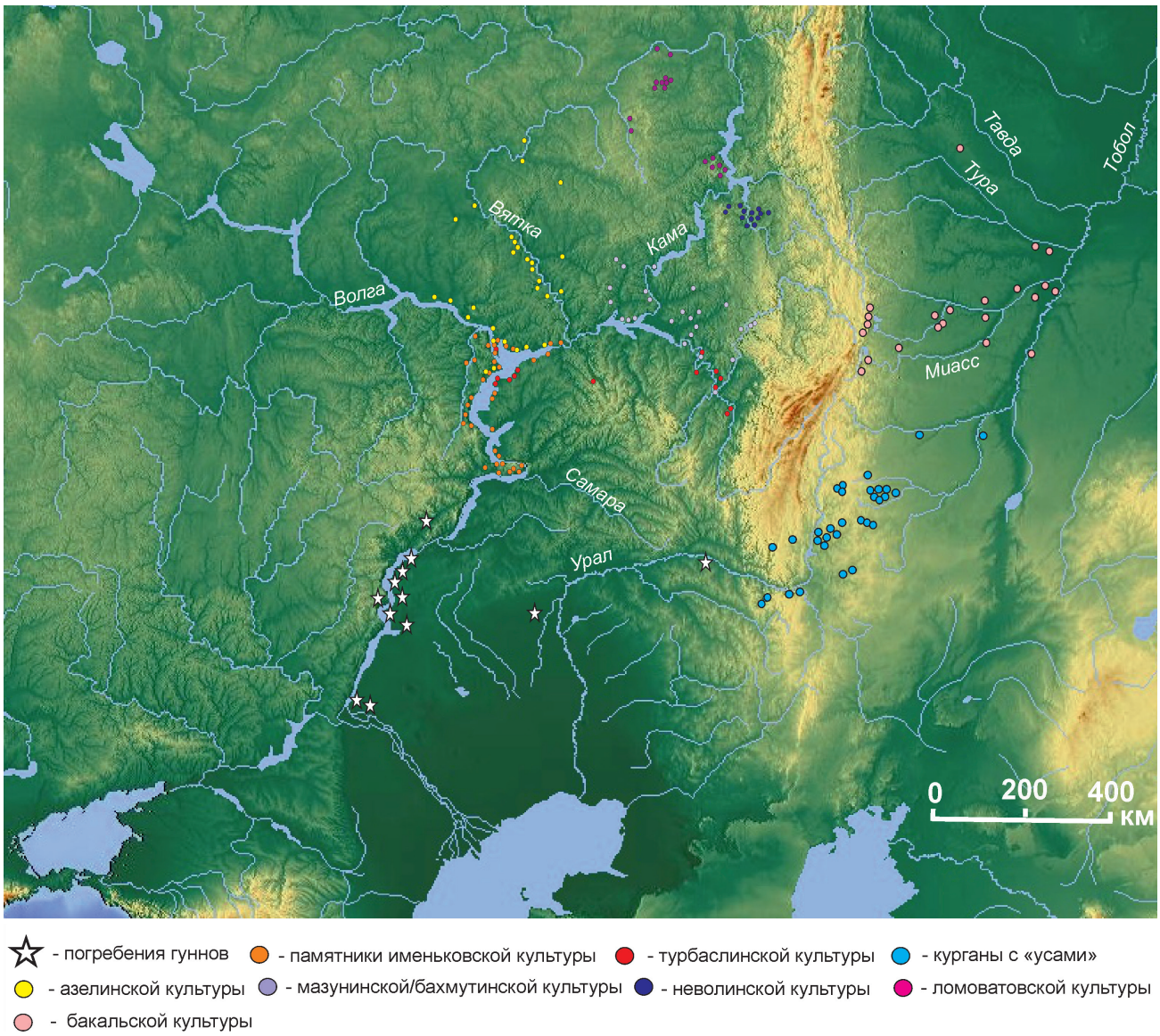

Рис. 3. Этнокультурная карта-схема Урало-Поволжья в эпоху Великого переселения народов
Fig. 3. Ethnocultural chart map of Ural-Volga region during Great Migration period

генетическую связь с поздними сарматами, то в конечном итоге эта связь была «размыта» каким-то иным этническим субстратом.

Таким образом, в середине I тыс. н.э. в Прикамье и Предуралье формируются три этнокультурных ареала, различающиеся между собой по своему этническому содержанию. На северной границе лесостепной зоны Урало-Поволжья это носители турбаслинской и именьковской культур, по-видимому, генетически действительно связанные с поздними сарматами. Это была компактная, автономная и гомогенная этническая общность [Казаков, 2021. С. 38] (рис. 3). Тесных контактов с финно-пермскими соседями они не имели[8] и с этнической карты региона сошли, не оставив заметных следов ни в этно-, ни в культурогенезе оставшегося здесь населения.

В зоне смешанных лесов Урало-Поволжья расселяются финно-пермские племена азелинской и мазунинской/бахмутинской культур – потомки «пьяноборцев». Причем, если «мазунинцы/бахмутинцы», оставаясь, по сути, на территории своих предков-«пьяноборцев» расселялись довольно плотно и равномерно, без внутренних субрегионов [Бахшиев, Колонских, 2016], то в расселении носителей азелинской культуры такие субрегионы – вятский и волжский – прослеживаются (рис. 3). Впоследствии их население будет участвовать в этногенезе удмуртов и мари соответственно.

Третий этнокультурный ареал составляют памятники харинского типа в лесных районах Среднего и Верхнего Прикамья (рис. 3). Для него тоже характерна автономность и гомогенность. Вероятно, это было обусловлено тем обстоятельством,

[8] Указание Е.П. Казакова на тесные контакты «именьково-турбаслинцев» с азелинскими и неволинскими племенами базируется на находках кольцевидных с утолщениями подвесок и фаллических фигурок [Казаков, 2021. С. 37]. Эти вещи в V–VI вв. появились в Урало-Поволжье с Кавказа и какого-либо преимущественного распространения в археологических памятниках региона этого времени не имели.

что пришлое население «харинских курганов» в культурном плане оказалось доминирующим над местным позднегляденовским населением. Это наглядно проявляется в эволюции погребальной обрядности: на смену погребальным памятникам «гляденовцев», характеризующимся «небольшими грунтовыми могильниками, на которых покойников хоронили практически без вещей по обряду трупоположения. Основанием для датировки таких могильников гляденовским временем служат случайно забытые в погребениях предметы и поминальные жертвенники с гляденовской посудой, находившиеся в центре могильников» [Очерки…, 2002. С. 123], приходят курганные могильники с обрядом кремации и в последующем, уже на агафоновской стадии ломоватовской культуры, обряд этот сохраняется [Голдина, 1985. С. 127].[9]

Традиционно появление в Прикамье памятников харинского типа объясняется угорской (носители саргатской культуры) миграцией из Западной Сибири и Зауралья. Что, в общем-то, не подтверждается напрямую соответствующими эмпирическими данными. Например, потому, что следов пребывания «саргатцев» вблизи Камы, Сылвы или Белой пока не выявлено.[10] Поэтому, чтобы логически объяснить взаимосвязь между саргатским и позднесарматским кластерами, а через позднесарматский – со всеми остальными,[11] Д.В. Шмуратко развивает точку зрения В.А. Могильникова о «турбаслинцах» как о ретрансляторах саргатской погребальной традиции в Прикамье [Шмуратко, 2012. С. 24–29]. Однако, этот тезис не согласуется с замкнутым характером турбаслинско-именьковской общности, для носителей которой финно-пермский мир был этнически чуждым, а обитатели Верхнего Прикамья просто недосягаемыми (рис. 3).

Сарматский период в этнической истории Прикамья и Предуралья завершается на рубеже VI–VII вв., когда в регион устремляются сразу две миграционных волны – ранние болгары с юга и древние угры-мадьяры с востока. По своему характеру это была выраженная *иммиграция – вторжение*, по своему содержанию представляющая переселение фракции народа на соседнюю или дальнюю территорию, по своему археологическому выражению – местонахождения пришлой культуры равномерно покрывают всю территорию [Клейн, 1999. С. 67]. Что мы и наблюдаем в Прикамье и Предуралье в VII–IX вв. н.э. (рис. 4).

Генетическая связь древних венгров Арпадского периода на Дунае и носителей караякуповской, неволинской и ломоватовской культур Прикамья и Предуралья сейчас воспринимается почти как аксиома. В свою очередь, генезис перечисленных культур возводится к бакальской культуре (культурной общности) Зауралья и Западной Сибири. Что, однако, пока так и не находит надежного подтверждения в археологическом материале.

В этой связи наиболее конструктивной и требующей дальнейшей разработки является гипотеза, выдвинутая Н.П. Матвеевой и её коллегами-соавторами, о формировании этнического ядра древних мадьяр-венгров в недрах уральских культур второй половины I тыс. н.э. – бакальской, караякуповской, неволинской, ломоватовской [Матвеева, Дьёни, Зеленков, 2021. С. 158, 159]. И это совершенно логично, поскольку все перечисленные культуры не только синхронны, но и географически образуют один этнокультурный ареал (ЭКА), границы которого простирались от Тобола до Верхней Камы и Самарской Луки (рис. 4). То есть, караякуповские памятники в окрестностях Самарской Луки – 116-й км., Немчанка, Ромашинское, Лебяжинское и другие погребения, Пролетарское городище – являются не какой-то «сепаратной группой» мигрантов с запада из Поднепровья[12] [Комар, 2018. С. 167], а юго-западной периферией угорских/мадьярских кочевий до их ухода из Урало-Поволжья [Сташенков, 2020. С. 114].

Равным образом искусственным является отождествление угорских памятников с территории Самарского Поволжья с мадьярской областью Леведия [Лифанов, 2018]. Прежде всего, этому противоречит география указанных памятников (рис. 4) и сам исходный для данного дискурса нарратив (Константин Багрянородный), внимательное прочтение которого фактически не дает никаких координат для локализации названной области.[13]

С юга, в степях Южного Зауралья, ближайшими соседями угров являлись кочевники, оставившие курганы селенташского типа, генетически восходящие к своим предшественникам, оставившим на этой территории «курганы с усами» и появившимся здесь (иммиграция-вторжение) ещё в эпоху ВПН (рис. 3; 4). Их этнокультурная принадлежность определялась исследователями неоднозначно (западные тюрки – по С.Г. Боталову; гунно-сарматы – по И.Э. Любчанскому) [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. С. 147–161]. Но к какой бы этнической группе ни принадлежали эти мигранты, их участие в этнических процессах на Южном Урале не прослеживается[14].

[9] Уместно вспомнить, что в это время во всем регионе, кроем харинских, обряд кремации зафиксирован в могильниках именьковской культуры. Т.е. в двух культурных агломерациях, удаленных географически, но связанных генетически.

[10] Эталонными звеньями саргатского кластера Д.В. Шмуратко определяет Тютринский и Калачевский могильники, расположенные в 500 км к востоку от Камы и Сылвы.

[11] То есть, показать участие «саргатцев»-угров в этнических процессах в регионе.

[12] Памятники субботцевского типа по А.В. Комару.

[13] Локализация Леведии – давняя проблема «мадьяроведения», анализ которой требует особого исследования.

[14] По аналогии с племенами именьковско-турбаслинской общности эпохи ВПН.

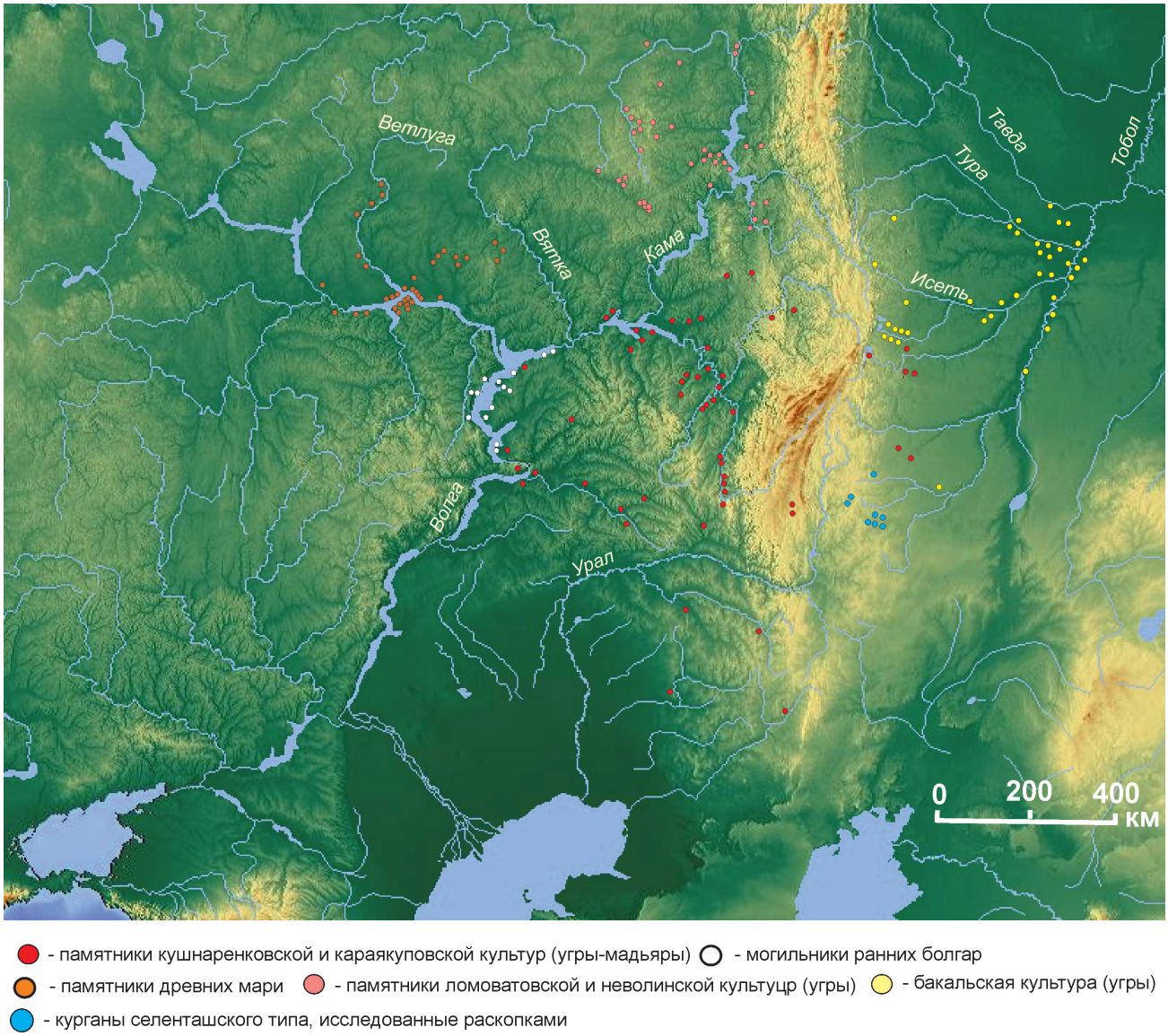

Рис. 4. Этнокультурная карта-схема Урало-Поволжья во второй половине I тыс. н.э. (угорско-мадьярский период)
Fig. 4. Ethnocultural chart map of Ural-Volga region in the second half of the 1st millenium AD (Ugric-Madyar Period)

В контексте наших современных знаний, очерченный выше ЭКА и являлся «землей Дентумогер/Хетумогер» («земля семи мадьярских племен»), откуда мадьяры-венгры и начали свою грандиозную миграцию в поисках «новой Родины».

Эта миграция завершила угорскую (точнее – угро-мадьярскую) эпоху в этнической истории Прикамья и Предуралья. По классификации, предложенной Л.С. Клейном, это была *эмиграция*, т.е. полное (или почти полное) переселение народа, археологическим проявлением которого является исчезновение памятников данной культуры в ее ареале и появление их в другом [Клейн, 1999. С. 67. Рис. 9].

На рубеже IX–X вв. этническая карта региона вновь существенно меняется. Степи Урало-Поволжья тюркизируются пришедшими сюда на рубеже IX–X вв. огузами и печенегами.[15] В Среднем Поволжье между устьем Камы и Самарской Лукой в это время формируется государство Волжская Болгария, полиэтничное (тюрко-угорское) по своему этническому составу.

Угорско-мадьярский ЭКА перестает существовать и на его территории (будущая Magna Hungaria) обитают разрозненные и, очевидно, весьма немногочисленные (но угорские же) группы, представленные в регионе отдельными и широко разбросанными географически памятниками петрогромского (предчияликского) типа (рис. 5).

Угорский анклав в Верхнем Прикамье заметно сокращается вследствие вытеснения «ломоватовцев» финнскими (древние коми) мигрантами. Часть «ломоватовцев» мигрирует в Волжскую Болгарию, часть – на восток, за Урал [Очерки…, 2002. С. 162].

[15] По мнению Е.П. Казакова именно печенеги вытеснили угров-мадьяр из Урало-Поволжья [Казаков, 2018].

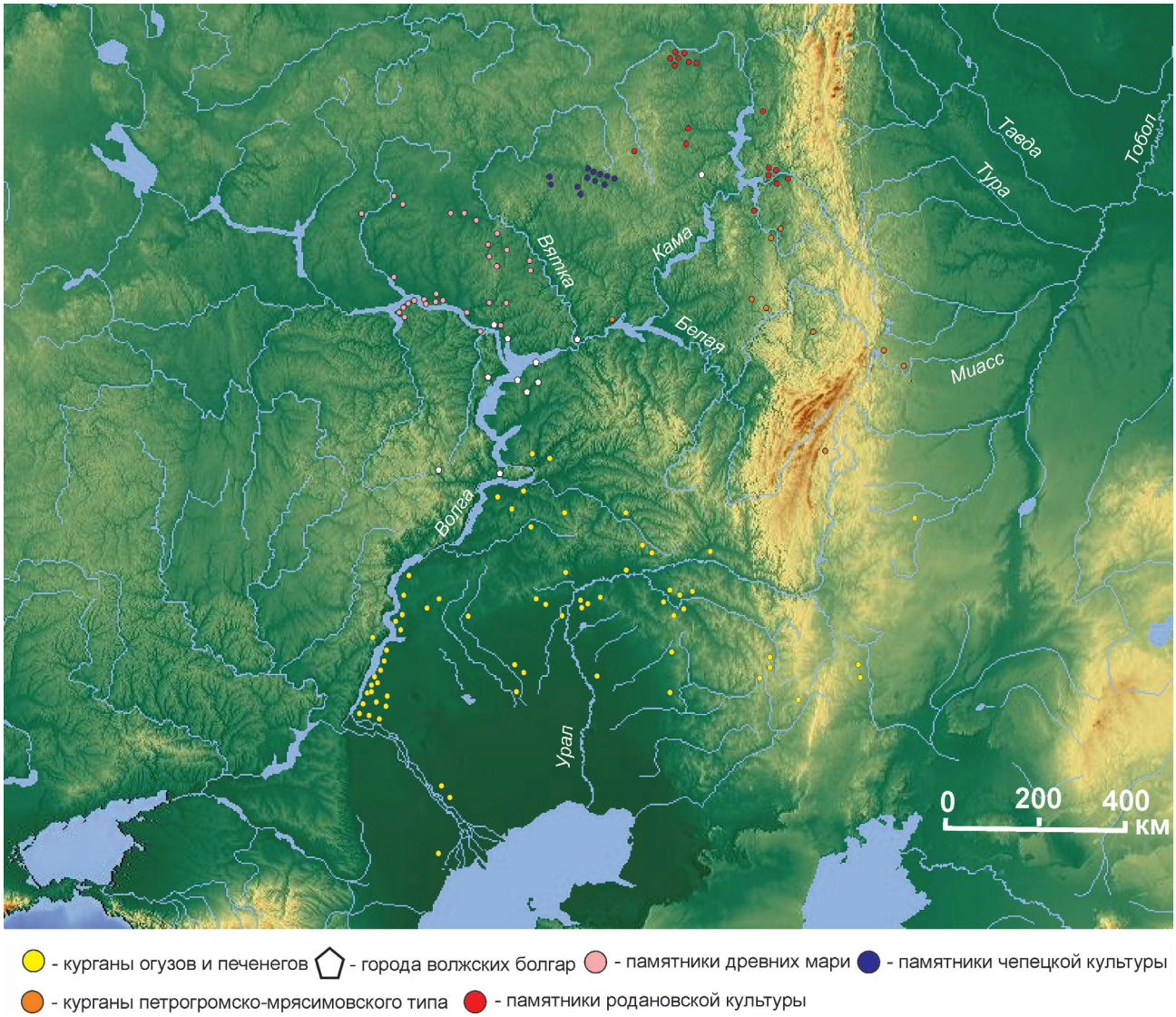

Рис. 5. Этнокультурная карта-схема Урало-Поволжья на рубеже I–II тыс. н.э.
Fig. 5. Ethnocultural chart map of Ural-Volga region at the turn of 1st and 2nd millennium AD

Выводы

1. Зафиксированные по археологическим данным миграции в Урало-Поволжье в эпоху раннего железного века, Великого переселения народов и раннего средневековья не тождественны между собой ни по содержанию, ни по масштабам, ни по результатам. В первом случае мы имеем дело с военным набегом (или набегами), сопровождавшимся подчинением местных жителей и последующей абсорбацией пришельцев в местной этнической среде (Кипчаковские курганы в пьяноборской культуре, Шиповские в караабызской).

Во втором – продолжение военных набегов и переселение фракции народа в соседнюю местность (если считать, что таковой для поздних сарматов (именьково-турбаслинцев) являлась урало-поволжская лесостепь).

В третьем – «ползучая» экспансия или иммиграция зауральско-западносибирских угров в Предуралье [Клейн, 1999. С. 67. Рис. 9].

Как мы видим, типы миграций и их результаты эпохи раннего железа и средневековья различались по своему характеру и результатам. Это дает нам основание присоединиться к точке зрения Н.П. Матвеевой и её соавторов о том, что этнокультурные процессы раннего железного века и средневековья не были тождественны и уводить процессы этногенеза вглубь времен неконструктивно [Матвеева и др., 2021. С. 158].

2. В течение всего рассматриваемого времени вне этнокультурных процессов оказывалась территория Бугульминско-Белебеевской возвышенности (рис. 1–5). Это вполне естественно, поскольку по своим физико-географическим и климатическим условиям эта территория непригодна ни для скотоводческого, ни для земледельческого хозяйствования [Иванов, Злыгостев, Антонов, 2013. С. 247]. Что и следует учитывать при составлении «геометризированных» карто-схем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: СамГУ, 1998. 286 с.

Бахшиев И.И., Колонских А.Г. Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 59–82.

Белавин А.М. Миграции и колонизация в древней истории Предуралья // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 50–59.

Берсенева Н.А. Некоторые проблемы и перспективы изучения саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ЦИКР «Рифей», 2016. С. 31–44. (Этногенез уральских народов)

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» Урало-Казахстанских степей. Челябинск: ЮУФ ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Алексеев А.О., Хомутова Т.Э., Золотарёва Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Алексеева Т.В., Борисов А.В., Дёмкина Е.В., Журавлёв А.Н. Палеопочвы и климат степей Нижнего Поволжья в I–IV вв. н.э. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2009. 93 с.

Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 136 с.

Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 204–225.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник // Археология евразийских степей. 2021. № 2. С. 261–300. DOI: http://doi.org/10.24411/2587-6112-2021-10023

Иванов В.А. Финно-пермяки и угры эпохи раннего средневековья в Урало-Поволжье: историческая география и этнокультурные связи в контексте данных археологии // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: ЧГКМ, 2015. С. 283–286.

Иванов В.А. Этногеография Урало-Поволжья в эпоху раннего средневековья по данным археологии, палеогеографии и палеоклиматологии // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 225–228.

Иванов В.А. Миграции как механизм культурогенеза у населения Урала и Предуралья в эпоху Великого переселения народов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур. Материалы VIII Междунар. науч. конф. Челябинск: ГИМЮУ, 2020. С. 58–65.

Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В. Южный Урал в эпоху средневековья (V–XVI века н.э.). Уфа: БГПУ, 2013. 280 с.

Иванов В.А., Проценко А.С. Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.

Казаков Е.П. К проблеме характеристики средневековых культур Урало-Поволжья // Археология евразийских степей. 2018. № 6. С. 116–119.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник. Казань: АН РТ, 2021. 148 с.

Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. 1999. № 1. С. 52–71.

Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest: Pasmany Peter Katolikus Bolcseszet es Tarsadalomtudomanyi Kar Regeszettudomanyi Intezet; Martin Opitz Kiado; Magyar Tudomanyos Akademia Bolcseszettudomanyi Kutatokozpont Magyar Ostorteneti Temacsoport, 2018. 424 с.

Лифанов Н.А. К вопросу локализации «местности Леведия» (памяти А.В. Расторопова) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: СГСПУ, 2018. С. 300–302.

Матвеева Н.П., Дьёни Г., Зеленков А.С. Проблемы изучения происхождения мадьяр (по урало-сибирским материалам раннего средневековья) // Российская археология. 2021. № 2. С. 147–166. DOI: http://doi.org/10.31857/S086960630015374-0

Никитин В.В., Соловьев Б.С. История заселения Марийского края // Марийцы. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. А.С. Казимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. С. 40–50.

Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2002 253 с.

Сташенков Д.А. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. 120 с.

Сунгатов Ф.А. Южный Урал в период Великого переселения народов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур. Материалы VIII Междунар. науч. конф. Челябинск: ГИМЮУ, 2020. С. 66–83.

Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2012. 33 с.

Шмуратко Д.В. Прикамье в эпоху Великого переселения народов, этнокультурные влияния…? // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 1 / Гл. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2006. С. 120–127.

REFERENCES

Bagautdinov, R.S., Bogachev, A.V., Zubov, S.E. 1998, *Prabolgary on the Middle Volga (at Origins of History of Volga-Kamya Tatars)*. SamGU, Samara, 286 p. (In Russ.)

Bakhshiev, I.I., Kolonskikh, A.G. 2016, "Spatial Analysis Methods Used to Characterize Bakhmutino Settlement Patterns Between the Ufa and Belaya Rivers", *The Volga River Region Archaeology*, no. 3 (17), pp. 59–82. (In Russ.)

Belavin, A.M. 2009, "Migrations and Colonization in Ancient History of Urals", *Ural Historical Journal*, no. 2 (23), pp. 50–59. (In Russ.)

Berseneva, N.A. 2016, "Some problems and perspectives in research of a Sargatskoe culture in The Trans-Urals and Western Siberia", *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza). Etnogenez ural'skih narodov* ("Archeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe (problems of cultural genesis). «Ethnogenesis of Ural peoples» Series"), TSIKR "Rifey", Chelyabinsk, pp. 31–44. (In Russ.)

Vasyutkin, S.M., Kalinin, V.K. 1986, "Novo-Sasykulsky Burial Ground", *Arheologicheskie Raboty v Nizovyah Beloj* ("Archaeological Works in Lower Reaches of River Belaya"), BFAN USSR, Ufa, pp. 95–122. (In Russ.)

Goldina, R.D. 1985, *Lomovatovskaya Culture in Upper Kama Region*. Izd-vo Irkut. Un-ta, Irkutsk, 280 p. (In Russ.)

Demkin, V.A., Demkina, T.S., Alekseev, A.O., Khomutova, T.E., Zolotareva, B.N., Kashirskaya, N.N., Udaltsov, S.N., Alekseeva, T.V., Borisov, A.V., Demkina, E.V., Zhuravlev, A.N. 2009, *Paleosoils and Climate of Steppes of the Lower Volga Region in 1–4th Centuries AD,*: ONTI PNC RAN, Pushchino, 93 p. (In Russ.)

Zubov, S.E. 2011, *Military migrations in the Middle Volga region during the Roman period (the I–III centuries BC)*. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, Saarbrücken, Germany, 208 p. (In Russ.)

Zubov, S.E., Mikheev, A.V. 2006, "Ethnocultural Processes in Western Volga Region at the turn of the Early Iron Age and the Early Middle Ages (Issues of Chronology and Ethnic Attribution of Monuments of Writer-Andreevsky type)", *Yuhnyj Ural i sopredelnye territorii v Skifo-Sarmatskoe vremya. Sbornik statey k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka* ("South Urals and Adjacent Territories in Scythian-Sarmatian Times. Collection of Papers Devoted to 70th Anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk"), Gilem, Ufa, pp. 204–225. (In Russ.)

Zubov, S.E., Sattarov, R.R., Tagirov, F.M. 2021, "Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground", *Archaeology of the Eurasian steppes*, no. 2, pp. 261–300. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.261.300.

Ivanov, V.A. 2015, "Finno-Permians and Ugric Peoples of the Early Middle Ages in Ural-Volga Region: Historical Geography and Ethnocultural Relations in Context of Archaeological Data", *Etnicheskie Vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale: Materialy VI Vserossiyskoy Nauchnoy Konferentsii* ("Ethnic Interactions in Southern Urals: Materials of VI All-Russian Research Conference"), CHGAKI, Chelyabinsk, pp. 283–286. (In Russ.)

Ivanov, V.A. 2016, "Ethnogeography of Ural-Volga Region in Early Middle Ages according to Archeology, Paleogeography and Paleoclimatology", *Arheologicheskoe Nasledie Urala: ot Pervyh Otkrytiy k Fundamentalnomu Nauchnomu Znaniyu (XX Ural'skoe Arheologicheskoe Soveshchanie): Materialy Vserossiyskoy (s Mezhdunarodnym Uchastiem) Nauchnoy Konferentsii,* ("Archaeological Heritage of Urals: from First Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (XX Ural Archaeological Meeting): Materials of All-Russian (with International Participants) Research Conferences"), Institute of Computer Research, Izhevsk, pp. 225–228. (In Russ.)

Ivanov, V.A. 2020, "Migrations as Mechanism of cultural genesis among the population of the Urals and the Urals in the era of the Great Migration of peoples", *Etnicheskie Vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Velikoe Pereselenie Narodov: Dialog Kultur. Materialy VIII Mezhdunarodnoy Nauchnoy Konferentsii* ("Ethnic Interactions in Southern Urals. The Great Migration of Peoples: Dialogue of Cultures. Materials of VIII International Research Conference"), GIMYuU, Chelyabinsk, pp. 58–65. (In Russ.)

Ivanov, V.A., Zlygostev, V.A., Antonov, I.V. 2013, *Southern Urals in Middle Ages (5–16 Centuries AD)*. BSPU, Ufa, 280 p. (In Russ.)

Ivanov, V.A., Procenko, A.S. 2017, "Funerary rituals as an indicator of genetic continuity of the Early Iron Age cultures of the Kama region and Cis-Urals", *Archeology of the Eurasian Steppes*, no. 1, pp. 117–129. (In Russ.)

Kazakov, E.P. 2018, "The Issue of Characterization of Medieval Cultures in the Ural-Volga Region", *Archeology of the Eurasian Steppes*, no. 6, pp. 116–119. (In Russ.)

Kazakov, E.P. 2021, *Volga-Kamye in Era of Turkic Khaganates. First Book. Kominternovsky II Burial Ground*. AN RT, Kazan, 148 p. (In Russ.)

Klein, L.S. 1999, "Migration: Archaeological hallmarks", *Stratum plus*, no. 1, pp. 52–71. (In Russ.)

Komar, A.V. 2018, *History and archeology of the Ancient Hungarians in the era of migration*. Pasmany Peter Katolikus Bolcseszet es Tarsadalomtudomanyi Kar Regeszettudomanyi Intezet; Martin Opitz Kiado; Magyar Tudomanyos Akademia Bolcseszettudomanyi Kutatokozpont Magyar Ostorteneti Temacsoport, Budapest, 424 p. (In Russ.)

Lifanov, N.A. 2018, "On Issue of Localization of Levedia Locality" (in memory of A.V. Rastoropov)", *XXI Uralskoe Arheologicheskoe Soveshchanie, Posvyashch. 85-Letiyu so Dnya Rozhdeniya G.I. Matveevoy i 70-Letiyu so Dnya Rozhdeniya I.B. Vasileva. Materialy Vserossiyskoy Nauchnoy Konferentsii s Mezhdunarodnym Uchastiem* ("XXI Ural Archaeological Meeting Dedicated to 85th Anniversary of G.I. Matveeva and 70th Anniversary of I.B. Vasiliev. Materials of All-Russian Research Conference with International Participants"), SGPU, Samara, pp. 300–302. (In Russ.)

Matveeva, N.P., Dyeni, G., Zelenkov, A.S. 2021, "The issues of studying Magyars genesis (based on the Ural-Siberian materials of the Early Middle Ages)", *Russian Archeology*, no. 2, pp. 147–166. (In Russ.) DOI: http://doi.org/10.31857/S086960630015374-0.

Nikitin, V.V., Soloviev, B.S. 2013, "History of Settlement of Mari Region", *Mariytsy. Istoriko-Etnograficheskie Ocherki* ("Mari. Historical and Ethnographic Essays"), Marniiyali, Yoshkar-Ola, pp. 40–50. (In Russ.)

Essays on Archaeology of Permian Urals: Guide for Students and Postgraduates. PGPU, Perm, 2002, 253 p. (In Russ.)

Stashenkov, D.A. 2020, *Ancient Hungarians and Their Environment in Samara Volga Region. Catalogue of Archaeological Collections*. SOIKM, Samara, 120 p. (In Russ.)

Sungatov, F.A. 2020, "Southern Urals in the Great Migration period", *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale. Velikoe pereselenie narodov: dialog kul'tur. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* ("Ethnic interactions in the Southern Urals. The Great Migration: dialogue between cultures. Materials for the 8th International Scientific Conference"), GIMYuU, Chelyabinsk, pp. 66–83. (In Russ.)

Shmuratko, D.V. 2012, "Burial mounds of the Kharinsky type in the Upper Kama region in the context of cultural and historical processes of the epoch of the Great Migration of Peoples (statistical analysis of burial complexes)", *Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*, Kazan, 33 p. (In Russ.)

Shmuratko, D.V. 2006, "Prikamye in the era of the Great Migration of peoples, ethnocultural influences...?", *Vestnik muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* ("Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Permian Urals"), iss. 1, PGPU, Perm, pp. 120–127. (In Russ.)

Сведения об авторе

Владимир Александрович Иванов, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-7243-2588

Information About the Author

Vladimir A. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russian Federation, Ufa. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-7243-2588

УДК 902/903.43/904
ББК 63.444(235.54)

Дата поступления статьи: 20.08.2022
Дата принятия статьи: 20.10.2022

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГОРОДА И ОБЛАСТИ САКСИН В XII ВЕКЕ

Дмитрий Викторович Васильев
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия
E-mail: hvdv@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются некоторые археологические данные в сравнении со сведениями письменных источников, которые позволяют реконструировать этнический состав населения города Саксина. Остатки этого города локализуются на Самосдельском городище в дельте Волги. Сопоставление сведений из сочинений Абу Хамида ал-Гарнати, относящихся к 30–50-м гг. XII века с этнокультурными группами керамики Самосдельского городища позволяет выделить следующие основные этнические группы в составе его населения: огузы (возможно, в составе огузского компонента присутствует и инкорпорированный в него печенежский), хазары, булгары, сувары. Хазарский компонент населения выделяется по керамике древнетюркского облика, а вовсе не по салтово-маяцкой посуде, как того можно было бы ожидать. Посуда общебулгарских типов, которая появляется на Самосдельском городище в самых нижних горизонтах, относящихся к IX в., опережает появление подобных типов керамики в Среднем Поволжье и может быть связана происхождением с культурой северокавказских савиров, переселившихся в дельту Волги после арабо-хазарских войн. Автор приходит к выводу о том, что существование политической общности под названием «область Саксин» не привело в итоге к сложению этнической общности «саксин», население города и области в течение всей своей истории оставалось полиэтничным.

Ключевые слова: город и область Саксин, Самосдельское городище, хазары, сувары, булгары, огузы, печенеги

Цитирование. Васильев Д.В., 2022. Этническая структура города и области Саксин в XII веке // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 310–315. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.011

UDC 902/903.43/904
LBC 63.444(235.54)

Submitted: 20.08.2022
Accepted: 20.10.2022

ETHNIC STRUCTURE OF THE SAQSIN CITY AND DOMAIN IN THE 12th CENTURY AD

Dmitry V. Vasiliev
Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia
E-mail: hvdv@mail.ru

Abstract. This article opens a discussion with the Volgograd archaeologist E.V. Kruglov. In his works Kruglov argues that highly decorated hand built pottery, which was discovered at Samosdelka settlement in the delta of the Volga river, belongs to the Pechenegs. Contrary to that, members of research team, who were conducting the archaeological excavations at the site, claim that it belongs to the Oğuz Turks. The idea that finds in focus are of the Oğuz origin is based on the no proven opinion of S.P. Tolstov. The scholar believes that so-called "swamp settlements" located in the lower reaches of the Syr Darya river, where similar pottery was found, refer to the Oğuz. However, data shows that the Oğuz people appear in the aforementioned region only in the middle of the 9th century AD. Thus, it is hard to link the pottery from Samosdelka with this particular ethnic group. Kazakh researchers associate this pottery with indigenous peoples of Middle and Lower Syr Darya – Kangar Pechenegs. They consider the settlement of Samosdelka as archaeological remains of Saqsin city. Abu Hamid al-Gharnati, an Arabic traveler of the 11th – 12th centuries AD, describes this city in his diaries and indicates the presence of 40 Oğuz tribes in it. This doesn't allow us to ignore the influence of Oğuz ethnic communities in Samosdelka studies even though it is known that they were no longer masters of the steppes in the 1100s. Al-Gharnati's books may hide the Pechenegs among the Saqsin population groups under the name of Maghrebs. In favour of this hypothesis speaks the fact that, describing the Maghrebs in Hungary and Kyiv the traveler points out that they belong to the Bjnak group (i.e. the Pechenegs). Samosdelka settlement doesn't contain any known burials with distinct ethnic features, which makes it even more difficult to arrive to any conclusions. Numerous Muslim burials were discovered in the region and this resonates with the information about Islam spreading across Saqsin. Based on Al-Gharnati's records and archaeological data, Saqsin was among others occupied by the Khazars (based on finds of old Turkic pottery and numerous tamghas), the Suvars (they are probable owners of so-called "general Bulgarian pottery" found in the earliest layers at Samosdelka archaeological site and having no prior ceramics tradition). Possibly, the Suvars is the other name of the Sabir peoples who came to Saqsin from the Northern Caucasus. Historical records tell us about ethnic segregation in Saqsin domain. So it seems, there was no general Saqsin community, so the Saqsins is more of a polytonym rather than an ethnonym denoting a certain nation.

Keywords: Saqsin city and domain, Samosdelka settlement, Khazars, Suvars, Bulgars, Oğuz, Pechenegs

Citation. Vasiliev D.V., 2022. Ethnic structure of the Saqsin city and domain in the 12th century AD. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 310–315. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.011

Полтора десятилетия назад, когда исследования на Самосдельском городище в дельте Волги только начинались, волгоградский исследователь-кочевниковед Е.В. Круглов выступил с дискуссионной статьёй «К проблеме этнокультурной атрибуции населения Самосдельского городища и лепной керамики, украшенной гирляндоподобным орнаментом» [Круглов, 2005. С. 164–166]. В ней автор констатирует факт обнаружения на Самосдельском городище значительного числа фрагментов лепной керамики, украшенной «пышным» орнаментом, аналогии которой встречаются, в частности, в материалах Саркела. При этом Е.В. Круглов указывает, что процентное соотношение лепной посуды пока вычислить невозможно даже приблизительно. В настоящее время эта цифра известна, по крайней мере, по материалам раскопа № 1. Общее количество фрагментов данной посуды составляет от 13 до 15% от общего объёма выборки, что является довольно значительной цифрой [Васильев, 2010. С. 241–249]. Е.В. Круглов не согласен с неоднократно высказывавшейся исследователями городища Д.В. Васильевым и Э.Д. Зиливинской этнической интерпретацией данной группы керамики в качестве огузской [Васильев, Зиливинская, Гречкина, 2003. С. 83–122; Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006. С. 24–36]. При этом он совершенно справедливо указывает на то, что принадлежность керамики с «пышной» орнаментацией именно огузам нигде и никем не доказана.

Лишь в настоящее время у нас появились данные, которые позволяют сформировать своё мнение по некоторым вопросам этнической структуры Самосдельского городища на основе сопоставления данных археологии и письменных источников.

Самосдельское городище интерпретируется в качестве археологических остатков города Саксина или Саджсина. И основным письменным источником, проливающим свет на этническую ситуацию в городе Саксине, являются сочинения Абу Хамида ал-Гарнати, который 20 лет прожил в этом городе и совершал оттуда свои путешествия по Азии и Европе. Именно ал-Гарнати пишет, что в городе Саксине «…сорок племен гуззов, и у каждого племени – отдельный эмир. У них большие дворы, а в каждом дворе – покрытый войлоками шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий сто и больше человек» [Путешествие…, 1971. С. 27]. Прямое указание на наличие в составе населения города огузов («гуззов») не позволяет нам игнорировать эту этническую группу в своих реконструкциях, несмотря на то, что время господства огузов в степях в XII веке уже ушло в прошлое. Тем более, что подобная посуда была обнаружена впервые С.П. Толстовым в низовьях Сырдарьи на «болотных городищах» Янгикентской группы и интерпретирована в тот момент как огузская [Толстов, 1947. С. 55–102]. Возможно, именно авторитет С.П. Толстова сыграл в этом вопросе свою роль, однако на долгие годы за подобной керамикой закрепилась именно эта интерпретация. Е.В. Круглов совершенно справедливо приводит мнение С.Г. Кляшторного о том, что огузы появляются в низовьях Сырдарьи лишь в середине IX века, поэтому связывать данную группу керамики с этой этнической группой будет не вполне корректно. Он же указывает, что К.А. Акишев, К.М. Байпаков и Л.Б. Ерзакович связывают данную группу керамики с автохтонным населением Средней и Нижней Сырдарьи – кенгересами-печенегами [Круглов, 2005. С. 164–166].

Сам Е.В. Круглов аргументированно связывает керамику, покрытую накольчатым и гирляндообразным орнаментом, именно с печенегами, анализируя материалы погребальных памятников печенегов [Круглов, 2005. С. 164–166]. Сравнительного материала для аналогий, правда, приводится мало.

Тем не менее, основной «свидетель», описывающий этнический состав населения города Саксина, ал-Гарнати, пишет именно об огузах. Как же снимается данное противоречие?

Абу-Хамид ал-Гарнати помимо огузов упоминает среди населения города Саксина неких «магрибинцев» [Путешествие…, 1971. С. 27], которые придерживаются «толка Малика», то есть исповедуют ислам в форме маликитского мазхаба. Причём, в одном месте ал-Гарнати говорит об «арабах из Магриба», перечисляя купцов разных народностей, а в другом – именно о магрибинцах-маликитах.

В одной из своих прошлых статей [Васильев, 2015. С. 205, 218] я расценил это лишь как свидетельство наличия в Саксине купцов из стран мусульманского Запада – Магриба (Северной Африки). Однако, в своём комментарии к сочинению ал-Гарнати О.Г. Большаков указывает на то, что сама фраза как будто не допускает иного понимания, но обращает внимание на то, что говорится о «сыновьях магрибинцев» в других частях данного сочинения [Путешествие…, 1971. С. 66]. Вот что, например, пишет ал-Гарнати о своём пребывании в Киеве: «И прибыл я в город [страны] славян, который называют «Гор[од] Куйав». А в нём тысячи «магрибинцев», по виду тюрков, гово-

рящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджн[ак]» [Путешествие…, 1971. С. 37]. В части, касающейся наличия «магрибинцев» в Венгрии, речь идёт всё о тех же многотысячных по численности кочевниках, в обоих случаях ими оказываются печенеги (беджнаки), что заставляет искать иное понимание фразы о магрибинцах в Саксине. Возможно, что слово «Магриб» здесь употреблено не в значении «Запад», а в значении «даль», «отдалённость», «уход». Вполне вероятно, что и здесь речь идёт именно о печенегах, «отдалённо проживающих народах» [Путешествие…, 1971. С. 66]. Между тем, следует сделать оговорку, что маликитский мазхаб ислама распространён именно в странах Северной и Центральной Африки, а также в Испании, то есть в странах, относящихся к арабскому Магрибу.

Вопрос мог бы быть решён достаточно просто, имейся в нашем распоряжении курганный могильник с разнообразным погребальным обрядом. Однако, городское население было исламизировано и погребальный обряд был унифицирован. В самом культурном слое городища были найдены лишь случайные непреднамеренные захоронения людей, связанные с периодом монгольского нашествия 1230-х гг. и кыпчакского набега середины – второй половины XI века [Мартынова, 2020. С. 281–283]. Единственным пригородным некрополем, на настоящий момент известным в окрестностях городища, является кладбище Левобережного Самосдельского селища, на котором в 2018 году было исследовано 12 мусульманских погребений [Васильев, 2018. С. 27–29].

Однако, факт остаётся фактом – на фоне «40 племён», то есть множества огузов, в Саксине существуют ещё и печенеги. Вполне ясно, что они занимали подчинённое по отношению к огузам положение, возможно, даже будучи инкорпорированы в состав огузских племён.

Что же ещё пишет ал-Гарнати о народах, населяющих Саксин? «И есть в нем (в Саксине) соборные мечети, в которых совершают пятничное моление хазары, которых тоже несколько племен. А в середине города живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут булгарцы. И есть еще соборная мечеть, другая, в которой молится народность, которую называют «жители Сувара», она тоже многочисленна. А в день праздника выносят многочисленные мимбары, и каждый эмир молится с многочисленными народностями» [Путешествие …, 1971. С. 27].

Прокомментируем данный отрывок по порядку упоминания народов.

Хазары

В материалах Самосделки практически полностью отсутствуют элементы салтово-маяцкой культуры, которыми привыкли оперировать археологи-хазароведы (за исключением ряда сосудов, которые найдены на раннем этапе изучения городища) [Васильев, 2016. С. 420]. Однако, здесь в нижних слоях встречаются сосуды древнетюркского облика, которые характерны для Приаралья и Средней Азии (речь идёт о котлах с витыми ручками) [Попов, 2009. С. 153–186], а также лепные горшки, которые встречаются в захоронениях типа «Соколовская балка» [Круглов, 2021. С. 68–75]. Всё это, а также значительное количество тамг и тамгообразных знаков хазарской эпохи на посуде, костяных предметах и кирпичах Самосделки, позволяет говорить о наличии собственно тюрок-хазар в составе населения городища в X веке. Я акцентирую внимание именно на тюркской принадлежности группы лепной керамики без орнамента, украшенной лишь тамгообразными знаками. В хазароведении сложилась традиция считать хазарской посуду салтово-маяцкого облика, однако эта посуда является этническим маркером донских алан и кочевых болгар. Между тем, собственно этнические хазары, которые представляли собой верхушку общества Хазарского каганата, были тюрками по этнической принадлежности. Об этом свидетельствуют как их погребальные обряды [Иванов, 1999. С. 166, 167], так и упоминание хазар среди тюрко-огузских родов, входивших в структуру западного крыла Тюркского каганата [Кляшторный, 2005. С. 109–114]. Если верным окажется предположение о расположении последней столицы Хазарии на месте Самосдельского городища, то происхождение хазарского элемента в составе его населения вполне объяснимо. Если же в ходе последующих исследований выяснится, что городище возникло уже в постхазарский период, то в таком случае следует предположить о переселении в Саксин значительной группы тюрок-хазар из оставленного Итиля.

Булгары и сувары

Интересно отметить, что эмир «жителей Булгара» живет в центре города. Возможно, что центральное расположение жилища этого эмира и отдельная соборная мечеть для булгарцев, живущих в Саксине, говорят о том, что эта этническая группа занимала весьма элитное, если не лидирующее, положение. Это хорошо прослеживается по материалам археологических раскопок на Самосдельском городище.

Абсолютное большинство фрагментов и целых форм гончарной неполивной посуды из слоев X–XII вв. составляет посуда булгарского производства – сделанная булгарскими мастерами непосредственно на месте. Столь значительные масштабы керамического производства позволяют говорить о тесных связях Самосдельского городища с Волжской Булгарией в X–XII вв., о большом булгарском компоненте среди населения городища в тот период и, предположительно, о булгарской торгово-ремесленной фактории, существовавшей

на этом месте в X–XIII веках. В таком случае, фактория является самым южным из известных на настоящий момент пунктом волжско-булгарской экономической и политической экспансии [Васильев, 2004. С. 264–269].

Между тем, керамический комплекс круговых сосудов «общебулгарского облика», выделяющийся в керамике Самосдельского городища, появляется в его материалах непосредственно с уровня материка, то есть уже в IX–X вв. эта керамика появляется в Самосделке в готовом, сформировавшемся виде. Номенклатура сосудов довольно невелика – в основном это высокогорлые кувшины без выделенного слива, глубокие миски с загнутыми внутрь краями, хумы, хумчи, кринки и кружки. Аналогии данным типам керамики имеются в материалах Волжской Булгарии X–XI веков – на Кайбельском селище, Остолоповском и Криушинском селищах, Алексеевском городище. Т.А. Хлебникова включает её в I группу керамики X–XI веков [Хлебникова, 1984. С. 86–95, 134, 135. Рис. 53*, 6, 7*; 54, *1, 2, 4*; 55, *13, 14, 23, 24*]. Этот комплекс посуды сохраняется практически без изменений вплоть до периода монгольского нашествия [Попов, 2011. С. 58–86]. Отметим только, что посуда эта претерпевает изменения, аналогичные тем, что происходят с посудой данных типов на территории Волжской Булгарии. Этот процесс также описан и зафиксирован Т.А. Хлебниковой. Посуда приобретает более стройные очертания, немного вытягиваются горла кувшинов, становится более выпуклой губа венчика, также вытягиваются и приобретают лёгкое раструбовидное расширение кверху горла кружек [Хлебникова, 1984. С. 174–191. Рис. 55, *13, 14, 23, 24*; 92, *3, 4, 7, 9*; 93, *8–10, 15–17*]. Т.А. Хлебникова связывает происхождение ранних форм данной группы керамики с салтово-маяцкой культурой Подонья, Приазовья, Предкавказья и с алано-болгарским этническим компонентом.

В связи с этим надо сделать два замечания. Во-первых, ранняя датировка посуды общебулгарского облика на Самосдельском городище, гораздо более ранняя, чем в Среднем Поволжье, позволяет предположить, что на территорию будущей Волжской Булгарии эта посуда проникла именно из дельты Волги, благодаря связям между этими регионами, существовавшим в хазарское и постхазарское время. В самом деле, в Среднем Поволжье отсутствуют переходные и промежуточные формы от керамики предшествующего периода к общебулгарской. Согласно хронологической таблице, которую приводит Т.А. Хлебникова, керамика I группы появляется в Волжской Булгарии во второй половине IX века, когда абсолютно доминируют серолощёные кувшины с выделенными сливами, и уже к середине X века абсолютно их вытесняет [Хлебникова, 1984. С. 208–214. Рис. 119]. Нам представляется, что она не имеет генетического родства с керамикой местного населения предшествующего периода или же с керамикой ранних болгар, переселившихся на Волгу. Как осуществлялся процесс проникновения этой посуды в Среднее Поволжье в реальности – вопрос, требующий дополнительной проработки.

Во-вторых, складывается такое впечатление, будто этот керамический комплекс был перенесен в низовья Волги в готовом виде вместе с переселившимся населением из какого-то другого региона в VIII–IX вв. Возможно, что генетические корни этого керамического комплекса находятся на Кавказе и в Закавказье. В этой связи очень интересным является высказывание ал-Гарнати о «жителях Сувара».

Это очень многочисленная община, весьма близкая булгарам по своему этническому происхождению. Возможно, это выходцы из Сувара на Средней Волге, которые переселились в Нижнее Поволжье вместе с булгарами, но так же возможен вариант, что они представляют собой этнических суваров или савиров, переселившихся с Северного Кавказа или из Закавказья. Этот вопрос также требует дополнительной специальной проработки. Комплекс круговой керамики с Самосдельского городища находит себе близкие аналогии на городище Шабран («Шабиран» – «савиры» по-персидски) в Азербайджане, причем он имеет ряд морфологических отличий от посуды так называемых «общебулгарских типов», имеющих распространение на территории Волжской Булгарии [Попов, 2011. С. 58–86].

Дальнейшее описание у ал-Гарнати праздничных молитв свидетельствует о том, что город Саксин был составлен из кварталов, организованных по этническому принципу: каждая отдельная этническая община занимала отдельный квартал (по аналогии с кварталом булгарцев) и управлялась своим эмиром. Более того, у каждой общины имелись свои кадии (мусульманские судьи), факихи (знатоки шариата) и хатибы (духовные лица, имеющие право проводить пятничный намаз). Таким образом, мы можем констатировать полную автономию этнических общин Саксина – отдельные молитвы по праздникам, пусть даже не в мечетях, а у отдельных минбаров, самостоятельное судопроизводство и контроль за соблюдением законов, самостоятельное светское управление в лице эмиров.

Думаю, не ошибусь, сказав, что в подобной ситуации не могла сложиться единая политическая и этническая общность в городе и области Саксин. Скорее всего, единственное, что объединяло представителей разных этнических общин и удерживало их в дельте Волги – обеспечение бесперебойной транзитной торговли. Поэтому термин «саксины», который встречается в венгерских источниках и русских летописях [Федоров-Давыдов, 1969. С. 260], следует понимать всего лишь

как политоним, но не как этноним, относящийся к определенному народу.

На основании анализа археологических и письменных источников мы можем констатировать совпадение этнических компонентов населения Саксина, упоминаемых в письменных источниках с археологическими реалиями, которые наблюдаются на основании выделения групп керамики. Этническая структура Саксина выглядит следующим образом: булгары и сувары (им принадлежат группы красноглиняной гончарной керамики прекрасного качества местного производства), хазары (носители лепной неорнаментированной посуды древнетюркского облика – котлов и горшков), огузы и, возможно, инкорпорированные в их среду печенеги (носители лепной посуды с «пышной» орнаментацией). Наличие представительной и разнообразной по типам группы импортной керамики, в том числе и глазурованной, говорит нам о присутствии в городе многочисленных купцов из разных регионов средневекового Востока, пребывание которых здесь могло быть эпизодическим, кратковременным, но как группа населения они наличествовали в Саксине постоянно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Д.В. О местоположении города Саксин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Междунар. Нижневолжская археологическая конф., г. Волгоград, 1–5 ноября 2004 г. Тез. докл. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 264–269.

Васильев Д.В. Методика обработки и общая характеристика массового материала с Самосдельского городища // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Междунар. Нижневолжской археологической конф. (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань: АГУ, 2010. С. 241–249.

Васильев Д.В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 189–267.

Васильев Д.В. Кувшины // Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Издат. дом Марджани, 2016. С. 420.

Васильев Д.В. Об археологических исследованиях в окрестностях села Самосделка в 2018 году // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы XIV Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 17 мая 2018 г.). Астрахань: АГУ, 2018. С. 27–29.

Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д., Гречкина Т.Ю. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 83–122.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология. 2006. № 4. С. 24–36.

Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Дисс. на соиск. … к.и.н. Волгоград, 2000. 255 с.

Кляшторный С.Г. Хазарские заметки // Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье / Редкол. С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. М.: Восточная литература, 2005. С. 95–117.

Круглов Е.В. К проблеме этнокультурной атрибуции населения Самосдельского городища и лепной керамики, украшенной гирляндоподобным орнаментом // Проблеми дослідження пам´яток археології Східної України / Гл. ред. В.В. Отрощенко. Київ; Луганськ: Шлях, 2005. С. 164–166

Круглов Е.В. Об аналогиях к сосудам первой группы лепной посуды Самосдельского городища // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Вып. 13 / Отв. ред. А.А. Курапов. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2021. С. 68–75.

Мартынова Е.В. «Брошенные» захоронения XI–XIII вв. на Самосдельском городище // LII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК, 5–9 февраля 2020 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых. Пермь: ПГНИУ, 2020. С. 281–283.

Попов П.В. Лепные котлы Самосдельского городища и проблема их этнической интерпретации // Степи Европы в эпоху Средневековья. Том 7. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 153–186.

Попов П.В. Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханская цифровая типография, 2011. С. 60–89.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М.: ГРВЛ, 1971. 136 с.

Толстов С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды) // Советская этнография. 1947. № 3. С. 55–102.

Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы. М.: ИА АН СССР, 1969. С. 253–261. (МИА. № 169)

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

REFERENCES

Vasiliev, D.V. 2004, “About the location of Saqsin city”, *Problemy arheologii Nizhnego Povolzh’ya. 1 Mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya arheologicheskaya konferenciya, g. Volgograd, 1–5 noyabrya 2004 g. Tezisy dokladov* (“Problems of the archeology of the Lower Volga region. 1st International Lower Volga archaeological conference, Volgograd, November 1–5, 2004. Abstracts of reports”), VolGU, Volgograd, pp. 264–269. (In Russ.)

Vasiliev, D.V. 2010, "Methods of processing and general characteristics of the mass materials from Samosdelka settlement", *Arheologiya Nizhnego Povolzhya: problemy, poiski, otkrytiya. Materialy III Mezhdunarodnoj Nizhnevolzhskoj arheologicheskoj konferencii. (g. Astrahan, 18–21 oktyabrya 2010 g.)* ("Archeology of the Lower Volga region: problems, searches, discoveries. Materials of 3rd International Lower Volga archaeological conference. (Astrakhan, October 18–21, 2010)"), AGU, Astrakhan, pp. 241–249. (In Russ.)

Vasiliev, D.V. 2015, "New data on the city and the environs of Saksin", *The Volga River region archeology*, no. 2 (12), pp. 189–267. (In Russ.)

Vasiliev, D.V. 2016, "Jugs", *Puteshestvie ibn Fadlana: Volzhskij put' ot Bagdada do Bulgara: katalog vystavki* ("Ibn Fadlan's journey: the Volga river route from Baghdad to Bulghar: Exhibition Catalogue"), Mardjani Publishing House, Moscow, p. 420. (In Russ.)

Vasiliev, D.V. 2018, "About archaeological research around the village of Samosdelka in 2018", *Perekryostki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoj nauki. Materialy XIV Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Astrahan', 17 maya 2018 g.)* ("Crossroads of History. Current issues of historical science. Materials of 14th All-Russian scientific conference (Astrakhan, May 17, 2018)"), AGU, Astrakhan, pp. 27–29. (In Russ.)

Vasiliev, D.V., Zilivinskaya, E.D., Grechkina, T.Y. 2003, "Samosdelka settlement – archaeological site of the Pre-Mongol period in Lower reaches of the Volga river", *Stepi Evropy v epohu srednevekovya. Tom 3. Polovecko-zolotoordynskoe vremya* ("Steppes of Europe in the Middle Ages. Volume 3. Polovtsian-Golden Horde time"), DonNU, Donetsk, pp. 83–122. (In Russ.)

Zilivinskaya, E.D., Vasiliev, D.V., Grechkina, T.Y. 2006, "Excavations at Samosdelka settlement in Astrakhan oblast in 2000–2004", *Russian Archeology*, no. 4, pp. 24–36. (In Russ.)

Ivanov, A.A. 2000, "*Early Medieval under barrow nomadic burials of the second half of the 7th – the first half of the 9th century in the Lower Don and Volga-Don interfluve region".* Dissertation ... Candidate of Historical Sciences, Volgograd, 255 p. (In Russ.)

Klyashtorny, S.G. 2005, "Khazar Notes", *Tyurkologicheskij sbornik 2003–2004. Tyurkskie narody v drevnosti i srednevekove* ("Turkology. Collection of articles 2003–2004. Turkic peoples in the Ancient times and the Middle Ages"), Oriental Literature, Moscow, pp. 95–117. (In Russ.)

Kruglov, E.V. 2005, "To the problem of ethno cultural attribution of the peoples from the Samosdelka settlement and hand built pottery, decorated with garland-like ornaments", *Problemy doslidzhennya pam'yatok arheologiyi Skhidnoyi Ukrayini* ("Research problems of archeological sites in Eastern Ukraine"), Shlyakh Publ., Kyiv, Lugansk, pp. 164–166. (In Russ.)

Kruglov, E.V. 2021, "About vessels identical to the first group of hand build pottery from Samosdelka settlement", *Astrahanskie kraevedcheskie chteniya: sbornik statej* ("Astrakhan regional studies readings: collection of articles"), Publisher: Roman V. Sorokin, Astrakhan, iss. 13, pp. 68–75. (In Russ.)

Martynova, E.V. 2020, "Abandoned burials of the 11 – 13 centuries at Samosdelka settlement", *LII Uralo-Povolzhskaya arheologicheskaya konferenciya studentov i molodyh uchyonyh (UPASK, 5–9 fevralya 2020 g.): materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov, aspirantov, molodyh uchenyh* ("52nd Ural-Volga archaeological conference for students and young researchers (UPASK, February 5–9, 2020): Materials of All-Russian research and practical conference for students, postgraduates, young researchers"), PGNIU, Perm, pp. 281–283. (In Russ.)

Popov, P.V. 2009, "Hand built cauldrons from Samosdelka settlement and the problem of their ethnic attribution", *Stepi Evropy v epohu Srednevekov'ya. Tom 7. Hazarskoe vremya* ("Steppes of Europe in the Middle Ages. Volume 7. Khazar Time"), DonNU, Donetsk, pp. 153–186. (In Russ.)

Popov, P.V. 2011, "Preliminary results of studying ceramics from Samosdelka settlement", *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniya i interpretacii* ("Samosdelka settlement: study questions and interpretations"), Astrahanskaya Cifrovaya Tipografiya, Astrakhan, pp. 60–89. (In Russ.)

The journey of Abu Hamid al-Gharnati to Eastern and Central Europe (1131–1153). GRVL, Moscow, 1971, 136 p. (In Russ.)

Tolstov, S.P. 1947, "Cities of Oghuz peoples (historical and ethnographic essays)", *Soviet Ethnography*, no. 3, pp. 55–102. (In Russ.)

Fedorov-Davydov, G.A. 1969, "Saqsin city and region in the 12–14 centuries", *Drevnosti Vostochnoj Evropy. Materialy i issledovaniya po arheologii* ("Antiquities of Eastern Europe. Materials and research on archaeology"), no. 169, pp. 253–261. (In Russ.)

Khlebnikova, T.A. 1984, "*Ceramics from the sites of Volga Bulgaria. To the question of ethno-cultural structure of population*". Nauka, Moscow, 241 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Дмитрий Викторович Васильев, кандидат исторических наук, руководитель Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Российская Федерация, г. Астрахань. E-mail: hvdv@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2346-8856

Information About the Author

Dmitry V. Vasiliev, Ph.D., Head of the School "Archaeology of the Lower Volga Region", Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev. E-mail: hvdv@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2346-8856

УДК 903.42/904 (571)
ББК 63.445(253.7)

Дата поступления статьи: 15.08.2022
Дата принятия статьи: 20.10.2022

МИГРАЦИИ В ОДНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ В XVII–XIX ВЕКАХ (на примерах Среднего Прииртышья и Среднего Притомья)

Сергей Семенович Тихонов
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия
E-mail: semchi957@gmail.com

Аннотация. При изучении этнографо-археологических комплексов аялынских татар в Среднем Прииртышье, а также этнографии и истории русских старожилов, проживающих в среднем течении р. Томь, были получены материалы, позволяющие ставить вопрос о возможности изучения миграций позднесредневекового населения в однокультурной среде. Пока можно говорить о двух вариантах таких передвижения. Первый – это переселения на небольшое расстояние в 5–10 км в пределах территории, которой владеет коллектив. Такая ситуация была прослежена на примере материалов об одной из групп аялынских татар, проживавших в Бергамацких юртах. За 2–3 столетия они минимум три раза последовательно переносили свои юрты на новое место. Второй вариант – переселение на незанятые земли в пределах ареала проживания населения, родственного им по происхождению и культуре. Это было прослежено у русских Среднего Притомья, когда на свободные земли в верховьях р. Иня и на Томи в месте ее выхода из гор на равнину русские крестьяне и служилые люди основали несколько деревень, что привело к необходимости для их охраны поставить Мунгатский острог. Не исключено, что передвижения населения на свободные земли или в пределах принадлежащей ему территории были и в более ранние времена. Однако пока нет достоверных и убедительных археологических свидетельств подобных передвижений, относящихся ко времени ранее появления письменных источников в изучаемых регионах, хотя не исключена вероятность того, что подобные материалы появятся.

Ключевые слова: миграции, археологические микрорайоны, этнографо-археологические комплексы, культурные ареалы

Цитирование. Тихонов С.С., 2022. Миграции в однокультурной среде в XVII–XIX веках (на примерах Среднего Прииртышья и Среднего Притомья) // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 316–321. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.012

UDC 903.42/904 (571)
LBC 63.445(253.7)

Submitted: 15.08.2022
Accepted: 20.10.2022

MIGRATIONS IN A SINGLE-CULTURAL ENVIRONMENT IN THE XVII-XIX CENTURIES (on the examples of the Middle Irtysh and Middle Tom)

Sergei S. Tikhonov
Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies, Institute of Archaeology and Ethnography,
Sinerian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia
E-mail: semchi957@gmail.com

Abstract. Archaeologists believe that elements of material culture serve as a reliable source of evidence for migrations, happening in the Ancient times or the Middle Ages. If some area contains many items of foreign origin, which differ in appearance from those typical for local communities, then it indicates that people were moving there from other territories. There are many examples of migrations like these. However, this is also possible, that migrations could take place inside regions occupied by the same archaeological culture or community. Unfortunately, such cases are poorly studied. In 1990s–2010s Omsk researchers, studying ethnographic and archaeological complexes of Siberian peoples and archaeological microdistricts of Western Siberia, have detected two examples of migrations within a single-cultural environment. One such migration happened in the midstream of the Tara river (Irtysh's right tributary). Several groups of Ayalyn Tatars were moving around the territory they kept exploring. Kemerovo region witnessed another migration. Russian peasants and soldiers moved from the villages located 10-30 kilometers north of Kuznetskaya fortress to the yet unoccupied territories located in the upper reaches of the Inya river (Ob's right tributary) and on the left bank of the Tom river. The letter at that time belonged to the Upper-Tomsk fortress. Russian long-term residents migrated to places with various natural and geographic features. Their final destinations were occupied by mountains and taiga as well as large rivers with wide flood plain and meanders. These facts suggest that people also migrated from areas with diverse natural conditions. Single-cultural migrations were first mentioned in ethnographic and written sources. Later they were confirmed by the results of archaeological studies in the Tara river region. Migrations in the Tom river region are partly proven by the last names of migrants and frequently mentioned names of founders of the new villages. Results of the author's works in archaeology of the Late Bronze Age demonstrate that similar conclusions can be drawn from comparative analysis of pottery discovered at the settlements in the northern part of Novosibirsk region and the settlements in the southern part of Tomsk region.

Keywords: migrations, archaeological microregions, ethnographic and archaeological complexes cultural areas

Citation. Tikhonov S.S., 2022. Migrations in a single-cultural environment in the XVII–XIX centuries (on the examples of the Middle Irtysh and Middle Tom). *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 316–321. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.012

Введение

Когда на исследуемой территории с привычным для археолога набором культурных, этнических, хронологических и прочих маркеров фиксируется внезапно появившийся не имеющий местных корней комплекс, резко отличающийся от привычного материала, тогда сразу напрашивается вывод о приходе населения с иной культурой, что может быть результатом миграции. Примеры таких вторжений многочисленны: распространение бронз сейминско-турбинского типа на территории от Верхнего Приобья до Прикамья, появление посуды с крестовой орнаментацией в Среднем Прииртышье на рубеже бронзового и раннего железного веков, фиксация многочисленных памятников и предметов тюркского облика в Верхнем Приобье, Нижнем Притомье, Среднем Прииртышье в эпоху средневековья и т.д. Многие миграции отражены как в археологических, так и письменных источниках: вторжение народов моря в Египет, переселение сюнну от границ Китая в пределы владений Римской империи или появление остготов на Днепре и в Крыму. Во всех случаях на территорию, занятой населением с определенной культурой, вторгаются чужаки. Следствием таких процессов является ассимиляция аборигенного населения и появление гибридных культур, или же вытеснение/истребление коренных жителей пришельцами. Такие миграции легко фиксируются, и одной из задач исследователя становится выяснение места выхода мигрантов и причины самого переселения.

В ходе изучения этнографо-археологических комплексов народов Сибири, преимущественно тоболо-иртышских татар, в меньшей степени хантов, селькупов и манси, стало очевидно, что представители этих народов в пределах ареала занимаемой ими территории активно передвигаются, в том числе и на значительные расстояния. Иными словами, на территории, занятой представителями одного народа с материальной культурой, основной комплекс которой присущ только этому народу, происходят миграции (т.е. в однокультурной среде), фиксируемые по письменным источникам. Но можно ли их проследить археологически? И если да, то будет ли это основанием ретроспективно изучать передвижения населения в пределах больших общностей других эпох, таких как, например, андроновская, срубная, ирменская в бронзовом веке, или сросткинская культура в раннем средневековье?

Целью работы является изучение возможности исследования перемещений населения XVI–XVIII веков по материалам экспедиций 1990–2010-х годов. Один сюжет изучен на материалах группы аялынских татар, проживавших на правом берегу р. Тара в современном Муромцевском районе Омской области. Второй рассмотрен на примере передвижений русских старожилов в Кемеровской области. Отмечу, что на территории проживания как татар, так и русских, представители иных этносов не зафиксированы.

Методология и методика работ

Методология и методика работ такого характера была апробирована при разработке концепции изучения этнографо-археологических комплексов (ЭАК) народов Сибири [Бережнова и др., 2016; Жук, Тихонов, Томилов, 2009. С. 79–125], осуществляемой под общим руководством Н.А. Томилова, и при исследованиях археологических микрорайонов (АМР), где лидером коллектива до 2005 года был В.И. Матющенко [Большаник и др., 2001]. Позже работы продолжили ученики исследователя [Татауров и др., 2011].

Одним из результатов проведенных работ стало получение сведений о закономерностях системы расселения аборигенов Западной Сибири от неолита до позднего средневековья. Большинство археологических памятников (до 70 %), существовавших в указанные периоды, располагались на первых коренных террасах Тобола, Иртыша, Оби или в их пойме и в нижнем течении их крупных притоков. В глубинных таежных районах археологических памятников было не столь много, а их площадь и мощность культурного слоя были меньше, чем на памятниках на большой реке [Большаник и др., 2001; Татауров и др., 2011]. Эта система расселения сохранилась и после прихода русских, о чем автору уже доводилось писать [Бережнова и др., 2016; Жук, Тихонов, Томилов, 2009. С. 79–125].

Конечно, в каждой эпохе и в каждом регионе есть свои особенности. Например, в Среднем Прииртышье первые русские деревни располагались только по левому берегу Иртыша к северу и югу от Тары. Татары же жили по правому берегу. В районе устья р. Ишим у них было несколько крепостей. Ниже устья Ишима татары жили по обоим берегам Иртыша. Расстояние между деревнями русских и татарскими юртами было не менее 15–20 км.

Полученные данные по системе расселения позволяют судить об освоенности территории и о возможных миграциях в ее пределах.

Территориальные и хронологические рамки

ЭАК Бергамак расположен в среднем течении р. Тара (правый приток Иртыша) в районе устья р. Бергамак (правый приток р. Тара) в южнотаежной зоне Среднего Прииртышья (Муромцевский район Омской области). Его археологическую часть составляют памятники аялынских татар (одна из групп тарских татар, входящая в состав тоболо-иртышских татар) XVII–XVIII веков – поселение Бергамак III, могильник Бергамак II, несколько мелких поселенческих комплексов (возможно, места ведения промыслов в летнее время) и предшествующие им памятники середины II тыс., расположенные на правом берегу р. Бергамак в 4–5 км выше его устья. В их изучении принимали участие С.С. Тихонов, С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, В.М. Михалев, К.Н. Тихомиров. Этнографические материалы были собраны М.Л. Бережновой, М.А. Корусенко, Д.Г. Коровушкиным, В.В. Дрягиным в близлежащих татарских юртах Юрт-Бергамак и Инцисс, а также в окрестных русских деревнях Бергамак, Окунево и Лисино.

Часть комплексов Притомья расположены в Кемеровской области на левом берегу р. Томь (Крапивинский район). Местность можно описать как берег большой реки с гривно-волнистым рельефом и широкой поймой. В Беловском и Ленинск-Кузнецком районах по берегам р. Иня (правый приток Оби) находится другая группа деревень. Природно-географические условия – верховья таежной реки в средне-низкогорной местности с большим количеством мелких притоков. Археологически эти русские деревни, основанные в начале XVIII века, не исследованы. Исключение составляет пос. Крапивинский, где в разные годы исследователи из Кемерова (А.И. Мартынов, В.М. Кимеев) и Новокузнецка (Ю.В. Ширин) вели небольшие работы. Однако по их ранней истории есть письменные и этнографические материалы.

Обсуждение

В ходе многолетних полевых работ по археологическому и этнографическому изучению аялынских татар[1] по правому берегу Иртыша и по обоим берегам Тары в Муромцевском районе Омской области было установлено, что:

- позднесредневековые археологические памятники и современные этнографические комплексы располагаются компактно на первых пойменных террасах или на останцах в пойме Иртыша;
- расстояние между ними составляет 15–25 км, что составляет дневной пеший или полудневный конный переход;
- вокруг существующих ныне деревень располагаются принадлежащие их жителям хозяйственные угодья, включающие в себя берега рек, пойменные рыболовные озера, сенокосы, места заготовки древесины, добычи глины, охотничьи территории и т.д.;
- современное население знает границы угодий соседних деревень и не нарушает их. Возможно, некоторые из границ традиционны и сохраняются в течение двух и более веков;
- до XIX века татарские юрты (так называли аялынские татары свои деревни) располагались только по низкому пойменному правому берегу Тары и в пойме правого берега Иртыша. Русские деревни находились на левом берегу Иртыша как в пойме, так и на первой надпойменной террасе, и по левому берегу р. Тара. В начале XVIII века отмечены переносы русских деревень на правый берег Иртыша, а в XIX веке – на правый берег Тары.

Биргамацкие юрты, в которой жили 16 семей ясашных (т.е. примерно 75–90 человек) стояли в пойме шириной до 2–4 км на правом берегу Тары в 2–2,5 км выше устья Бергамака (рис. 1). Изучая расположение археологических памятников, мы пришли к выводу, что сами юрты (ныне это археологические памятники Бергамак III и Бергамак XX) располагались в центре принадлежащих их жителям земель. Восточная граница владений жителей Биргамацких юрт – речка Уклюская (современный Уклюз – правый приток Тары близ пос. Муромцево – почти пересохший ручей), что отмечено в письменном источнике: «Луг сенных покосов подле речки Уклюс…» и «… рыбная ловля, речка Уклюская…» [Дозорная книга…, 2021. С. 574]. Западная граница биргамацких земель определена по границе сенокосных угодий Инцисских юрт. Это небольшое пойменное озеро на правом берегу Тары к северу от д. Окунево.

Возможно, было несколько переселений биргамацких татар в пределах их владений. Первое – уход жителей средневековых городищ с р. Бергамак на Тару и основание Биргамацких юрт. Это только предположение, поскольку связь между ними требует доказательств, и если это произошло, то не позднее середины XVII века. После этого времени в русских источниках указано, что юрты находились на берегу Тары. Последующие переселения нам известны со слов местных жителей, приходивших в лагерь экспедиции или на раскопы. Итак, второе переселение – это уход жителей Биргамацких юрт на новое место вниз по течению Тары. Скорее всего, это произошло в конце XVIII – начале XIX вв. О причине переселения говорилось, что у детей начали пухнуть носы, и это не поддавалось лечению. Чтобы избавиться от болезни, жители решили переехать. Место, где была основана новая деревня, сейчас называется

[1] Материалы хранятся в Архиве Музея археологии и этнографии Омского государственного университета (Ф. 1 – этнографические материалы, Ф. 2 – материалы археологические). К сожалению, опубликована только небольшая часть данных, а объем статьи не позволяет подробно их описать.

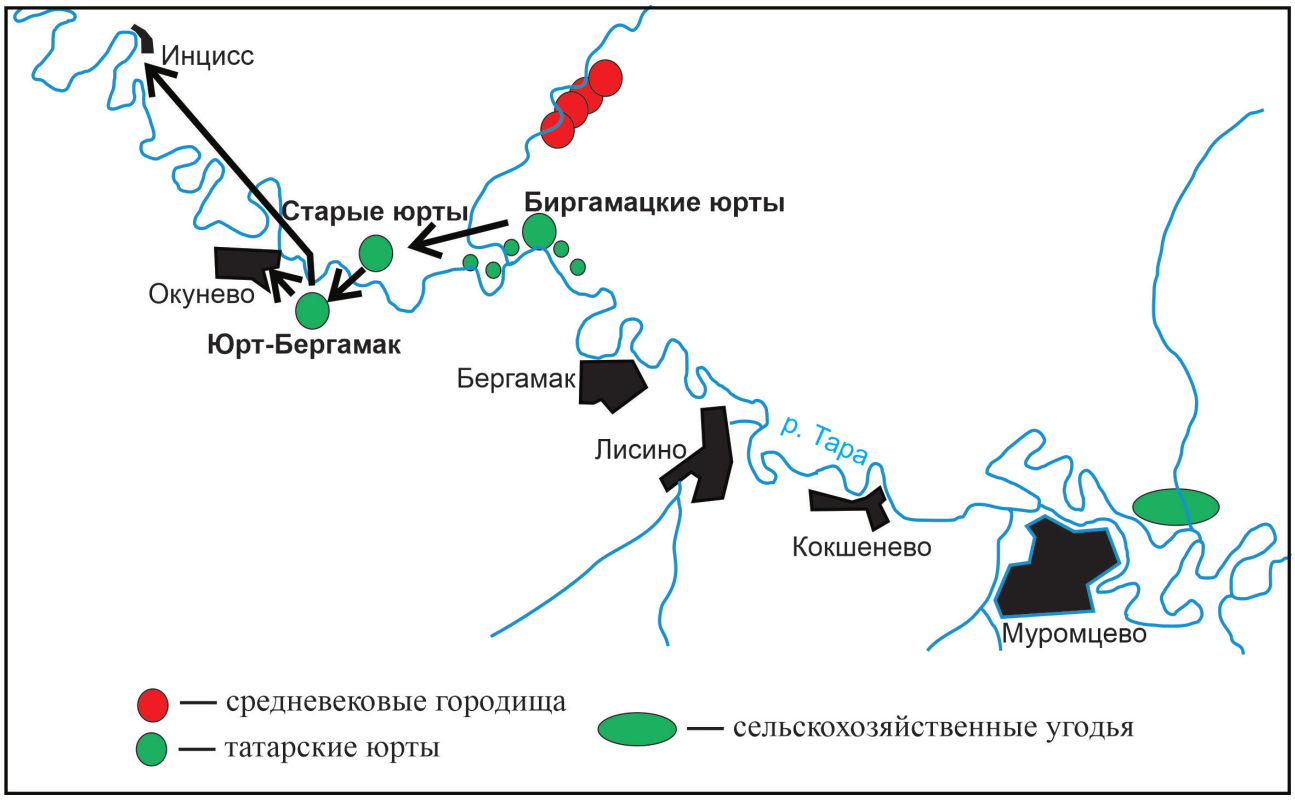

Рис. 1. Миграции жителей Биргамацких юрт в XVIII–XX веках
Fig. 1. Migrations of the inhabitants of the Birgamak yurts in the 18th - 20th centuries

Старые юрты. Археологически это памятник Бергамак XXIII, расположенный опять-таки на правом берегу Тары в пойме. Других объектов близ него не найдено. Место было не совсем удобное, поскольку Тара подмывала берега и иногда затапливала деревню. Следующее переселение было на левый берег Тары, когда была основана деревня Юрт-Бергамак. Это событие произошло, вероятнее всего, в самом конце XIX или в начале XX вв., поскольку одна из жительниц Юрт-Бергамака рассказывала, что ее привезли на новое место в пеленках. Деревня существовала примерно до 1990 года, после чего ее жители переехали в близлежащие деревни Окунево и Инцисс. Так закончились передвижения жителей Биргамацких юрт.

Бесспорно то, что биргамацкие/бергамакские татары переселялись в пределах своей территории, где до середины XIX века не проживали русские. Протяженность их земель вдоль Тары около 50–60 км. К северу от их земель были незанятые земли на протяжении примерно 50–60 км. Являются ли их переселения миграциями? В настоящее время считается, что для миграции необходимо пересечение каких-либо границ (административных, этнических и т.д.). Но, если исходить из значения латинского термина, то это просто переселения. Поэтому полагаю, что на начальной стадии изучения миграции/передвижения в пределах осваиваемого региона заслуживают внимания. Хотя бы до тех пор, пока не наберется статистически значимое количество фактов.

Известно, что представители этой же группы татар, проживавшие в юртах Тар-Тамак, расположенных в устье Тары (Тарский район Омской области) из-за давления русских вынуждены были переселиться на другой берег Иртыша, основав д. Бернагуль (совр. Берняжка, Большереченский район Омской области). Но здесь археологическое изучение поздних археологических памятников не проводилось, за исключением небольших раскопок К.Н. Тихомирова.

Второй рассматриваемый район относился в начале XVIII века к Мунгатскому дистрикту Кузнецкого уезда Тобольской провинции (рис. 2).

Русские стали заселять эту незанятую местность только в начале XVIII века. Отметим, что эти земли пограничные, и неподалеку от новых населенных пунктов близ устья р. Уньга (левый приток Томи) стояли деревни Чевелева (современные Шевели) и Зарубкина (ныне – Сарапки). Южнее их, километрах в 30–40, до этого времени здесь существовали Сустанаковы юрты, где жили тюльберы (ныне это русская деревня Салтымакова), напротив была русская деревня Лачинова (иначе Личинова или Баева – ныне не существующая). В начале 1715 г. в двух верстах ниже устья р. Мунгат (левый приток Томи) был заложен Мунгатский острог, в середине XX века вошедший в состав д. Крапивино (ныне районный центр Крапивинский), известной в начале 1730 гг. как д. Кропивино. Ниже ее на левом берегу Томи возникли деревни Чердинцева или Банное (ныне Банново), Нижнеярская (известная еще и как Березовояр-

Рис. 2. Деревни Мунгатского дистрикта начала XVIII века

Fig. 2. Villages of the Mungatsky district of the beginning of the 18th century

ка) и Березовка, которую еще называли Курганы. Другие новообразованные деревни Мунгатского дистрикта – Караканская, Ефтифеева, Меретская, Хмелева и прочие находились в 50–80 км от описанного выше куста деревень в верхнем течении р. Иня (правый приток Оби).

Есть сведения, что крестьяне переселились в эту местность самовольно, а уже потом был построен Мунгатский острог для охраны их деревень, расположенных в разных по природно-географическим особенностях районах (верховья таежной реки в горной местности и берега большой реки с гривно-волнистым рельефом и широкой поймой) [Тихонов, 2011. С. 409–413; Тихонов, 2013. С. 133–136]. Это позволило предположить, что были особенности в природно-географических условиях мест исхода, и что крестьяне выбрали для проживания места с привычной природой. Возможно, это были районы к северу от Кузнецка по левому берегу Томи и в нижнем течении р. Ускат (правый приток Томи). Это только предположение, но отчасти подкрепленное фамилиями (Шаболины, Тузовские, Тихоновы, возможно, Никоновы) и наиболее употребляемыми именами (Яков, Митрий/Дмитрий, Андрей) в месте выхода и местах прихода. В культурном же отношении это были группы крестьян и служилых людей Кузнецкого дистрикта, материальная культура которых была практически идентична. И если бы не письменные и этнографические свидетельства, то эта миграция не была бы археологически прослежена.

Заключение

Полагаю, что такие передвижения в пределах осваиваемой коллективом территории, или в пределах однокультурного ареала не являлись редкостью, но их трудно выявлять. Однако, некоторый положительный опыт все же был получен в рамках изучения этнографо-археологических комплексов [Жук, Тихонов, Томилов, 2009. С. 79–125] или при комплексном изучении культуры населения [Томилов и др., 2005].

Что касается более ранних эпох, то пока такой вопрос не возникал. Однако, и здесь могут быть позитивные результаты. В 1982–83 гг. Л.И. Погодин и автор статьи в лаборатории № 10 физического факультета Омского университета исследовали пористость, плотность и водопоглощаемость керамики Еловского поселения (поздний бронзовый век, Кожевниковский район Томской области). Часть работы, связанную с выявлением физических показателей посуды, курировал физик В.И. Блинов. Сравнение этой керамики с посудой, найденной на поселении Черное озеро (Колыванский район Новосибирской области), любезно предоставленной нам Е.А. Сидоровым в 1982 г., показали большую степень сходства «черноозерской» и части «еловской» керамики, как в технологических показателях, так и в орнаментации, и некоторое отличие их от основного комплекса посуды Еловского поселения. Это при более глубоком изучении может быть истолковано и как следы контактов населения этих двух позднебронзовых поселений, расположенных друг от друга почти в сотне километров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бережнова М.Л., Корусенко М.А., Полеводов А.В., Татауров С.Ф., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ / Отв. ред. Н.А. Томилов, М.А. Корусенко, С.С. Тихонов. Омск: Наука, 2016. 214 с. (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 14)

Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Толпеко И.В. Нижнетарский археологический микрорайон / Отв. ред. В.И. Матющенко. Новосибирск: Наука, 2001. 256 с.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года. Т. 1 / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2021. 656 с.

Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию: учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 11 / Отв. ред. Н.А. Томилов, М.А. Корусенко, С.С. Тихонов. Омск: Наука, 2009. С. 79–125.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А. Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований / Отв. ред. Б.А. Коников. Омск: Наука, 2011. 196 с.

Тихонов С.С. О возможности изучения этнографо-археологических комплексов русских в среднем течении реки Томи // Этническая история и культура тюркских народов Евразии / Отв. ред. Д.А. Мягков. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 409–413.

Тихонов С.С. Этнографо-археологические комплексы русских Притомья и возможности их изучения (по материалам среднего течения р. Томь в Кемеровской области) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 3 (97). С. 133–136.

Томилов Н.А., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Татауров С.Ф., Корусенко М.А., Смирнова Е.Ю. Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири. / Отв. ред. С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2005. 268 с.

REFERENCES

Berezhnova, M.L., Korusenko, M.A., Polevodov, A.V., Tataurov, S.F., Tikhomirov, K.N., Tikhonov, S.S. 2016, “Ethnographic and Archaeological Complexes of Peoples from Tarsky Irtysh Region: Graves, Burial Grounds, Funeral Rite and World of Dead in Ethnoarchaeological Works”, *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: problemy kultury i sotsiuma* (“Ethnographic and Archaeological Complexes: Issues of Culture and Society”), vol. 14, Nauka, Omsk, 214 p. (In Russ.)

Bolshanik, P.V., Zhuk, A.V., Matyushenko, V.I., Tataurov, S.F., Tataurova, L.V., Tikhonov, S.S., Tolpeko, I.V. 2001, *Nizhnetarsky Archaeological Microdistrict*. Nauka, Novosibirsk, 256 p. (In Russ.)

Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 goda. Vol. 1, Nauka, Omsk, 2021, 656 p. (In Russ.)

Zhuk, A.V., Tikhonov, S.S., Tomilov, N.A. 2009, “Introduction to Ethnoarchaeology: Textbook for Students of Historical Faculties of Higher Educational Institutions”, *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: Problemy kultury i sotsiuma* (“Ethnographic and Archaeological Complexes: Issues of Culture and Society”), vol. 11, Nauka, Omsk, pp. 79–125. (In Russ.)

Tataurov, S.F., Tataurova, L.V., Tikhonov, S.S., Sherstobitova, O.S., Garkusha, M.A. 2011, *Archaeological Microdistricts of Western Siberia: Theory and Practice of Research.* Nauka, Omsk, 196 p. (In Russ.)

Tikhonov, S.S. 2011, “On Possibility of Studying Ethnographic and Archaeological Complexes of Russians in the midstream of the Tom river’, *Etnicheskaya istoriya i kultura tyurkskikh narodov Evrazii* (“Ethnic History and Culture of Turkic Peoples of Eurasia”), Publisher-Polygraphist, Omsk, pp. 409–413. (In Russ.)

Tikhonov, S.S. 2013, “Ethnographic and archaeological complexes of the Russians in the Tom river region and ways to study them (based on materials from the midstream of the Tom river, Kemerovskaya oblast)”, *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, no. 3 (97), pp. 133–136. (In Russ.)

Tomilov, N.A., Tikhonov, S.S., Tikhomirov, K.N., Tataurov, S.F., Korusenko, M.A., Smirnova, E.Y. 2005, *Culture of populations in the 6th – 9th centuries AD as a basis for the modern ideas of peoples of Siberia.* Nauka, Omsk, 268 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Сергей Семенович Тихонов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, Российская Федерация, г. Омск. E-mail: semchi957@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6909-0727

Information About the Author

Sergey S. Tikhonov, Ph.D., senior researcher, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies of Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Russian Federation, Omsk. E-mail: semchi957@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6909-0727

УДК 902/904 (470.5)
ББК 63.401 (235.54)

Дата поступления статьи: 14.03.2022
Дата принятия статьи: 12.09.2022

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭНЕОЛИТА СРЕДНЕГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Сергей Павлович Жижин
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия
E-mail: sidoprosport@mail.ru

Евгения Леонидовна Лычагина
Пермский государственный научно-исследовательский университет,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления представлений об энеолите Среднего Предуралья – Верхнего и Среднего Прикамья. Авторы выделяют четыре этапа развития этих представлений. На первом этапе, в 1930-е гг., экспедицией ГАИМК были обнаружены первые памятники с пористой керамикой, которые были отнесены к позднему неолиту, и дано их описание. На втором этапе О.Н. Бадером была предложена концепция турбинской культуры эпохи бронзы, к которой были отнесены поселенческие памятники с пористой керамикой и памятники с плотной керамикой, орнаментированной «флажком» по венчику. Все памятники были разделены на отдельные культурные типы – гаринский, борский, ольховский, частинский, новоильинский. Каждый культурный тип получил свое описание и культурно-хронологическую атрибуцию. На третьем этапе предложенная О.Н. Бадером концепция подверглась критике и была пересмотрена. Поселенческие памятники были отделены от могильников турбинско-сейминского типа и отнесены к энеолиту. Исследователи предложили выделять на территории региона три энеолитические культуры: новоильинскую, гаринскую и борскую. На современном этапе, благодаря проведению радиоуглеродного датирования материалов всех культурных типов, была уточнена хронологическая позиция каждой из описанных культур. Новоильинская культура стала трактоваться как постнеолитическая – переходная от неолита к энеолиту. По-прежнему актуальными и не до конца решенными остаются вопросы происхождения гаринской и борской культуры, соотношения памятников Верхнего (Чусовского) и Среднего (Осинского) Прикамья, слабо разработана внутренняя периодизация выделенных культур. Мы надеемся, что дальнейшие исследования помогут решить эти и другие вопросы.

Ключевые слова: Прикамье, энеолит, турбинская культура, новоильинская культура, борская культура, гаринская культура

Цитирование. Жижин С.П., Лычагина Е.Л., 2022. История изучения энеолита Среднего Предуралья // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 322–329. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.013

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г., историографический анализ был проведен за счет средств гранта РФФИ № 20-49-590002 «Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья».

UDC 902/904 (470.5)
LBC 63.401 (235.54)

Submitted: 14.03.2022
Accepted: 12.09.2022

THE HISTORY OF CHALCOLITHIC STUDIES IN THE MIDDLE CIS-URALS

Sergey P. Zhizhin
Perm State Humanitarian Pedagogical University Perm, Russia
E-mail: sidoprosport@mail.ru

Evgenia L. Lychagina
Perm State University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

Abstract. This article describes and critically evaluates the process of studying the Chalcolithic in the Middle Cis-Urals – Upper and Middle Volga regions. The authors distinguish four main stages of research devoted to this period and its cultures. Pioneering studies on the topic were conducted in 1930 s, when scientist discovered first archaeological assemblages with porous ceramics dated to the late Neolithic near the Kama Hydroelectric station construction site. Later, O.N. Bader suggested the classification of the Bronze Age Turbinskaya culture sites characterized by porous ceramics and hard ceramics with triangle-ornamented collars. He divided all Turbinskaya culture sites into several groups or subcultures – Garinskaya, Borskaya, Olkhovskaya, Chastinskaya and Novoilyinskaya. Each of them was then assigned the description and cultural-chronological specification. At the third stage, O.N. Bader's classification of was criticized and reviewed. Settlements of Seima-Turbinskaya culture were separated from cemeteries and dated to the Chalcolithic. The researchers outlined three Chalcolithic cultures in the region: Novoilyinskaya, Garinskaya and Borskaya. Nowadays, the radiocarbon dating of the

assemblages from all these cultures allowed to clarify their chronological order. Novoilyinskaya culture has begun to be interpreted as Post-Neolithic, a transitional culture from the Neolithic to Chalcolithic period. The following topics of the Chalcolithic studies shall be analyzed further: the origins of the Garinskaya and Borskaya cultures; the problem of correlation of archaeological sites in the Osa Kama and Chusovaya Kama regions; the problem of periodization within the cultures.

Keywords: Kama region, Chalcolithic, Turbinskaya culture, Novoilyinskaya culture, Borskaya culture, Garinskaya culture

Citation. Zhizhin S.P., Lychagina E.L., 2022. The history of Chalcolithic studies in the Middle Cis-Urals. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 322–329. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.013

Acknowledgements. The publication of article was supported by the Ministry of Education and Science of Perm Krai, the agreement No.C-26/1192 dated December 19, 2019. The historiographic analysis was sponsored by the fund money of the Russian Foundation for Basic Research, grant No.20-49-590002, Complex research of the Post-Neolithic and Chalcolithic cultures on the territory of the Middle Cis-Urals.

В последнее время в научной среде вновь стало актуальным изучение энеолита Среднего Предуралья. Но при этом отсутствует исследование, посвященное истории изучения данного периода. Поэтому мы решили восполнить пробел и создать работу с краткой характеристикой каждого этапа изучения энеолита региона, что позволит выявить степень изученности темы.

На основании рассмотренной литературы можно выделить четыре этапа развития представлений об энеолите Среднего Предуралья.

I этап. Обнаружение первых памятников энеолита Пермского Прикамья в период деятельности КЭ ГАИМК (1934–1940 гг.)

Проект строительства Камской ГЭС привлек внимание ГАИМК АН СССР и в 1932 г. была создана Камская экспедиция ГАИМК, целью которой являлось обследование территории, подлежавшей затоплению. Сначала экспедицией руководил А.В. Шмидт, с 1934 г. работы велись под руководством Н.А. Прокошева.

В этот период были обнаружены стоянки у х. Астраханцева, у Гремячего Ручья, у д. Усть-Чусовая и др. Большая часть материала с данных раскопок отправлялась в ГАИМК, в Перми оставалось лишь то, что исследователи того времени, видимо, сочли малоинформативным [Лычагина, 2011а. С. 152].

Данные памятники авторы из-за схожести материалов с Лёвшинской стоянкой считали неолитическими. Так, Я.В. Станкевич отмечала на стоянках у х. Астраханцева, у Гремячего Ручья и у п. Верхняя Курья одинаковую, типичную, по ее мнению, для позднего неолита форму ножей «на прямоугольном отщепе плитчатого кремня с двусторонней боковой ретушью по одной длинной стороне, частично заходящей на поверхность орудия» [Станкевич, 1940. С. 234]. Присутствие талька в керамике также считалось характерной чертой для поздненеолитических памятников региона.

Но данное исследователями описание археологического материала содержало признаки, которые впоследствии стали рассматриваться как характерные для энеолита Среднего Предуралья. Это особенно отмечается в характеристике керамики: присутствие примеси, делающей черепок «рыхлым и пористым, а поверхность – щербинистой»; покрытие внутренней поверхности «штриховкой»; преобладание гребенчатой орнаментации; наличие орнаментации на самих венчиках, а в некоторых случаях и на внутренней стенке [Прокошев, 1936. С. 263]; «передвижная гребеночка» [Станкевич, 1940. С. 235]. Перечисленные признаки в нынешнее время являются одними из маркеров гаринской энеолитической культуры.

Таким образом, в 1934–1940 гг. были обнаружены и изучены первые памятники энеолита Среднего Предуралья, которые исследователи того времени относили к эпохе позднего неолита.

II этап. Исследования О.Н. Бадера (1947–1963 гг.)

По инициативе видного советского археолога О.Н. Бадера в 1947 г. в Пермском университете была создана Камская археологическая экспедиция (КАЭ). Экспедиция исследовала археологические памятники в зоне строительства Камской, а с 1951 г. и Воткинской ГЭС. КАЭ был открыт ряд энеолитических памятников, которые исследователи вслед за О.Н. Бадером относили к турбинской культуре бронзового века. Эти памятники О.Н. Бадер относил к разным, им самим выделенным типам турбинской культуры: гаринскому, борскому, новоильинскому.

Характеристика памятников гаринского типа (стоянки у х. Астраханцево, Бор I, Боровое озеро II и др.) выражалась в следующем. Жилища на гаринских поселениях, как правило, были четырехугольной формы, как в неолите, но короче. На некоторых поселениях такие жилища соединялись между собой углубленными переходами. Глиняная посуда имела полуяйцевидную, неолитоидную форму, часто с прямыми краями. Орнамент по большей части гребенчатый, присутствует «шагающая гребенка», которую О.Н. Бадер считал излюбленным узором гаринских гончаров. Керамика из-за растительных примесей была пористой. Об-

работка поверхности сосуда велась зубчатым орудием. На поселениях также встречалась керамика зауральского типа с тальком и слюдой. Техника обработки камня в гаринский период, по мнению О.Н. Бадера, достигла наивысшего развития. Среди стрел преобладали наконечники с усеченным основанием. Также в каменном инвентаре имелись своеобразные ножи с «пуговкой», многочисленные шлифованные орудия, особенно тесла, отмирает микролитическая техника. Медные изделия встречались редко, что О.Н. Бадер объяснял тем, что на стоянке во время ухода с нее населения оставались только сломанные и потерянные предметы [Бадер, Оборин, 1958. С. 55; Бадер, 1961в. С. 182–183].

Жилища на борском этапе (Бор II, Бор VI, Боровое озеро IV, Боровое озеро VI и др.), по мнению О.Н. Бадера, в отличие от гаринского, имели более вытянутую форму. Преобладала посуда округлоконической формы с тонкими венчиками и с орнаментацией внутренней части сосуда близ венчика, также часто встречалась посуда котлообразных форм. В орнаменте отсутствовала «шагающая гребенка». В каменном инвентаре отмечался упадок техники, что О.Н. Бадер связывал с развитием металлургии, хотя металлических вещей на борских стоянках найдено еще меньше, чем на гаринских. Наконечники стрел с усеченным основанием постепенно исчезают, преобладают наконечники миндалевидной формы. Отмечается развитие техники крупных ножевидных пластин. Количество шлифованных орудий сокращается [Бадер, Оборин, 1958. С. 57; Бадер, 1961в. С. 184].

Поселения новоильинского типа (Тюремка I, Гагарское II, Новоильинское III и др.) имели черты, встречающиеся как на гаринских, так и на борских поселениях, но в целом сохраняли более архаичный, неолитоидный облик. В орнаменте посуды полностью отсутствовала «шагающая гребенка», но присутствовала «флажковая» орнаментация. Каменный инвентарь по большей части имел неолитоидный облик, но также имелись свидетельства плавки меди из пермских песчаников [Бадер, 1963. С. 39].

Принадлежность гаринско-борских и новоильинских поселений к турбинской культуре О.Н. Бадер аргументировал: схожестью орнамента на медных изделиях, найденных на могильниках, с орнаментом на керамике с поселений; близостью формы ножей поселений с ножами могильников; совпадением форм наконечников стрел, найденных на поселениях, с наконечниками из могильников; присутствием на поселениях и могильниках просверленных украшений из янтаря; сходством каменных колец, найденных на поселениях, с кольцами из серпентина из могильников [Бадер, 1953. С. 99; Бадер, 1964. С. 132].

Представление о соотношении и периодизации описанных типов у О.Н. Бадера с течением времени менялись. Поселения гаринского типа он определял в ранний этап турбинской культуры и относил к II тыс. до н.э. [Бадер, 1949. С. 46]. Борские поселения исследователь отличал от гаринских и не рассматривал их в качестве синхронных племенных культур, т.к. они занимали один и тот же узкий район, перемежаясь в нем [Бадер, Соколова, 1953. С. 279]. Борские поселения определялись в особый предананьинский этап турбинской культуры и ориентировочно датировались XIII–X вв. до н.э. [Бадер, Соколова, 1953. С. 279].

Позже взгляды О.Н. Бадера изменились из-за открытия ерзовской культуры, которая по его представлениям заняла промежуточное место между борским этапом и ананьинской культурой. Таким образом, борские памятники уже нельзя было больше считать предананьинскими, а их возраст удревнился до XIV–XII вв. до н.э. [Бадер, Кокорев, 1959. С. 151]. Памятники же с «флажковой» керамикой автор считал более поздними по отношению к борским [Бадер, Соколова, 1953. С. 279]. Позднее О.Н. Бадер стал относить эти поселения к концу гаринско-ольховского этапа турбинской культуры. Такой вывод был сделан на основании примеси гаринской керамики к основной «флажковой» на поселении Новоильинское III.

Исследователь отмечал, что этот культурный тип не вписывается в процесс местного развития культурных этапов, а потому считал его территориально иного происхождения, возможно средневолжским. Появление же носителей «флажковой керамики» на Средней Каме он связывал с оттеснением части этого населения с их территорий племенами балановской культуры. Также О.Н. Бадер полагал, что носители «флажковой керамики» привнесли в Среднее Прикамье технику плавки медистых песчаников, которая издревле развивалась на Нижней Каме [Бадер, 1961а. С. 75]. Исследователь считал носителей «флажковой керамики» отдельной культурой, а ее локальный камский вариант счел подходящим назвать новоильинским [Бадер, 1961б. С. 269].

Поселения осинской части Прикамья О.Н. Бадер определял как особый локальный вариант турбинской культуры. Такое отделение от чусовских памятников гаринского и борского типов было сделано на основании признаков частного характера: «менее густое заполнение орнаментального поля на сосудах, менее заметная примесь зауральской керамики, зато большее количество металла и т.д.» [Бадер, 1961б. С. 264]. Поселения осинского варианта подразделялись на две хронологические группы: ольховская, которая соответствовала гаринскому этапу, и частинская, которая соответствовала борскому этапу.

Окончательное представление О.Н. Бадера о соотношении и периодизации культурных типов турбинской культуры было изложено в его докторской диссертации. Гаринский этап был датирован от начала II тыс. до н.э. до XIV в. до н.э., а борский

период – с XIV до XII вв. н.э. [Бадер, 1963. С. 33]. Появления новоильинских поселений в Среднем Прикамье датировалось около XV в. до н.э. и также отмечалось, что они «не могут быть поставлены в прямой эволюционный ряд с культурными комплексами» гаринских и борских поселений [Бадер, 1963. С. 39].

Таким образом, в период с 1947 по 1963 г. О.Н. Бадер выработал культурные типы (гаринский, борский, новоильинский) энеолита Пермского Предуралья, которые относил, опираясь на сравнительно-типологический анализ, к бронзовому веку, и предложил первую схему их культурно-хронологического соотношения. Выделенные им характерные признаки гаринских, борских и новоильинских поселений в дальнейшем не претерпели особых изменений.

III этап. Пересмотр взглядов О.Н. Бадера и создание новой культурно-хронологической схемы соотношения энеолитических культур (1960-е – начало 2000-х гг.)

Отнесение О.Н. Бадером энеолитических памятников к турбинской культуре долго время оставалось неизменным, хотя еще в 1961 г. В.П. Шилов отмечал культурное несоответствие инвентаря поселений и могильников, а в 1965 г. В.А. Сафронов провел сопоставление всех кремневых изделий и установил, что основная часть форм из могильников и с поселений не имеет сходства [Черных, 1970. С. 83]. Позднее Е.Н. Черных определил малую степень схожести гаринско-борских и турбинских металлов по химико-металлургическому признаку [Черных, 1970. С. 85]. Исследователь выявил также ряд других признаков, указывающих на различие могильников и поселений в хронологическом и культурном плане. Отмечалось различие в навыках производства орудий: судя по имеющемуся материалу, у гаринско-борского населения они были более примитивными, т.к., видимо, население поселений не знало ни искусственных сплавов, ни техники отливки изделий. Также на стоянках не был обнаружен нефрит, из которого сделаны браслеты в могильниках. Поэтому Е.Н. Черных предложил выделить поселения в отдельную культуру, которой было дано название гаринско-борской.

Но, несмотря на вышеперечисленные исследования, многие археологи продолжали придерживаться взглядов О.Н. Бадера о принадлежности поселений к турбинской культуре. Так, обнаруженная в 1977 г. на поселении Чашкинское Озеро II керамика была отнесена А.Ф. Мельничуком к борскому периоду турбинской культуры [Денисов, Мельничук, 1979. С. 168].

Кардинальный пересмотр периодизации и соотношения памятников начался только в 1980-е гг. Именно в это время памятники начинают рассматривать как энеолитические.

Л.А. Наговицин одним из первых стал выделять на территории Пермского и Удмуртского Прикамья новоильинскую и гаринско-борскую культуры [Наговицин, 1987. С. 28]. Новоильинскую культуру он относил к догаринско-борскому времени. Таким образом, энеолит исследователь подразделял на ранний (новоильинский) и поздний (гаринско-борский) периоды. Гаринско-борская культура, по его мнению, складывалась на основе новоильинской. Различие гаринских и борских поселений исследователь объяснял возможной неоднородностью новоильинских памятников, на базе которых они были основаны. Гаринско-борскую культуру он датировал последней четвертью III – серединой II тыс. до н.э., а новоильинскую – первой половиной – серединой III тыс. до н.э. [Наговицин, 1987. С. 29].

В связи с дальнейшими исследованиями, положения Л.А. Наговицина изменялись. Так, он отказался от понятия гаринско-борская культура, выделяя гаринские памятники в культуру, а борские, в связи с малой изученностью, предлагал выделить пока что в отдельный тип памятников. При этом отрицалась выделенная О.Н. Бадером преемственность борских памятников от гаринских [Наговицин, 1990. С. 91]. Также исследователь по-другому стал рассматривать вопрос о связях новоильинских памятников с гаринскими и борскими, считая, что связи новоильинских поселений с борскими еще можно считать возможными, в то время как гаринские памятники должны были, скорее всего, иметь другие корни. Сама же новоильинская культура, по мнению Л.А. Наговицина, унаследовала многие черты от хуторской неолитической культуры, что проявляется в схожести сосудов и венчиков, технике нанесения узоров, их композиционному размещению и т.д. [Наговицин, 1993. С. 71].

Другим исследователем, который тоже основательно пересмотрел взгляды О.Н. Бадера о культурно-хронологическом соотношении памятников, был А.Ф. Мельничук.

Исследователь отмечал, что выявленные О.Н. Бадером в качестве аналога борских памятников в Осинском районе частинские поселения ничего общего в действительности с борскими памятниками не имеют, являясь, по сути дела, позднегаринскими [Мельничук, 1990. С. 98].

Борская керамика, по его мнению, возникла под влиянием новоильинской культуры на основе поздненеолитической локальной группы, для которой орнаментация посуды «шагающей гребенкой» заменялась узорами горизонтальных поясов гребенчатого зигзага. Также А.Ф. Мельничук опровергал мнение О.Н. Бадера о позднем времени борских памятников по отношению к гаринским по критериям изготовления и обработки каменного инвентаря, объясняя это тем, что, несмотря на тщательность отделки гаринских орудий, тех-

нология расщепления кремня и характер получения заготовок для изготовления орудий на борских памятниках был намного выше [Мельничук, 1990. С. 99].

К концу 1990-х – началу 2000-х гг. большинство исследователей пришло к мнению о существовании на территории Среднего Предуралья трех энеолитических культур: гаринской, борской и новоильинской. Новоильинскую культуру стали датировать концом IV – серединой III тыс. до н.э., борскую – первой половиной – серединой III тыс. до н.э., гаринскую – серединой III – первой половиной II тыс. до н.э. [Лычагина, 2002. С. 77–82].

IV этап. Современные положения о культурно-хронологическом соотношении энеолитических памятников Среднего Предуралья

2000-е и 2010-е гг. стали временем накопления абсолютных дат для энеолитических памятников и применения новых методик работы с археологическим материалом (технико-технологический анализ керамики, трасологический анализ каменного инвентаря и др.).

В 2007 г. Е.Л. Лычагиной был обнаружен новоильинский комплекс на поселении Чашкинское Озеро I. Полученная радиоуглеродная дата по органике в керамике с этого поселения позволила говорить о более раннем возрасте новоильинской культуры. Сама культура стала датироваться концом V – серединой III тыс. до н.э. [Лычагина, Выборнов, 2009. С. 35], а позднее – концом V – началом III тыс. до н.э. [Лычагина, 2011б. С. 18]. Таким образом, ранний этап культуры синхронизировался с поздним неолитом региона, а поздний – с памятниками гаринской культуры.

Столь раннее появление памятников новоильинской культуры на территории Верхнего Прикамья объяснялось либо быстрым характером распространения культуры на территории всего Прикамья, либо выходом генезиса культуры за рамки Нижнего Прикамья. Саму же культуру исследователи стали рассматривать как постнеолитическую. Такое мнение, кроме раннего возраста культуры, также было связано с тем, что временем распространения пористой керамики (один из основных маркеров энеолитических культур региона) стало принято считать середину IV тыс. до н.э., поэтому и появление энеолитических культур стали относить ко времени не ранее середины IV тыс. до н.э. На содержательном уровне новоильинскую культуру тоже нельзя было отнести к энеолитическим, т.к. чистые памятники этой культуры (Чашкинское Озеро I, Чаньвенская пещера, Шемети, Бор IV, Заюрчим I (постройка № 12/09), Зверево) не имеют следов металлургической деятельности [Лычагина, Выборнов, Жукова, 2019].

А.Ф. Мельничук считал сомнительным определение нижней границы новоильинской культуры концом V тыс. до н.э. Он полагал маловероятным, «чтобы столь разрозненные и малочисленные памятники этого культурного круга могли существовать в Прикамье на протяжении полутора тысячи лет. Если бы новоильинские памятники занимали такой значительный временной промежуток, то количество их местонахождений превосходило бы число гаринских поселений с многочисленными жилищными сооружениями» [Мельничук, 2011. С. 29]. Но на археологической карте такого явления не наблюдается. Сам А.Ф. Мельничук датировал новоильинскую культуру второй четвертью IV – первой половиной III тыс. до н.э. [Денисов, Мельничук, 2012. С. 70].

А.Ф. Мельничук также не поддерживал мнения о связях новоильинского и раннегаринского населения [Денисов, Мельничук, 2014. С. 50]. Но исследователь считал возможным взаимодействие поздненовоильинского населения с раннеборским, т.к. «органические примеси в глиняном тесте новоильинской посуды обнаруживаются именно на тех памятниках, в материалах которых более или менее явно фиксируется своеобразный переход от новоильинской посуды к пористой керамике борского типа в чусовском Прикамье (Бор IV, Заюрчим I, Зверево) или к посуде частинского облика в осинском Прикамье (Бойцово I, Усть-Очёр I)» [Денисов, Мельничук, 2014. С. 51].

В настоящий момент новоильинскую культуру датируют серединой третьей четверти V тыс. до н.э. – началом III тыс. до н.э. [Выборнов и др., 2019. С. 36].

Борскую культуру Е.Л. Лычагина относила к развитому энеолиту и определяла ее в пределах III тыс. до н.э. [Лычагина, 2013. С. 84]. Она считала, что борская культура являлась локальной культурой Среднего Прикамья, основанной на синтезе новоильинской и гаринской культур. Влияние новоильинского и гаринского населения на борскую культуру признавал и А.Ф. Мельничук. Он полагал, что контакты между гаринским и борским населением привели в III тыс. до н.э. к ассимиляции последних гаринскими общинами [Мельничук, 1990. С. 104].

По последним данным, борскую культуру датируют концом IV тыс. до н.э. – третьей четвертью III тыс. до н.э. [Выборнов и др., 2019. С. 37].

Хронология гаринской культуры с получением новых абсолютных дат тоже менялась: сначала она была датирована серединой IV – началом II тыс. до н.э. [Лычагина, 2011б. С. 19], позднее – серединой IV – первой половиной II тыс. до н.э. [Лычагина, 2013. С. 87], сейчас же – IV тыс. до н.э. – второй четвертью II тыс. до н.э. [Выборнов и др., 2019. С. 37].

Заключение

В итоге, мы можем отметить, что в процессе изучения культурно-хронологические позиции отдельных культур и культурных типов претерпели значительные изменения. Так, памятники с пористой керамикой на первом этапе трактовались как

поздненеолитические, на втором О.Н. Бадер отнес их к турбинской культуре эпохи бронзы, а на третьем они были определены как энеолитические. В настоящий момент такая культурно-хронологическая позиция не вызывает сомнений у исследователей.

Что касается новоильинской культуры, то она была открыта только на втором этапе исследований и сразу же определена как культурный тип бронзового века. На следующем этапе ее хронологическая позиция была изменена на энеолитическую. В настоящее время новоильинская культура рассматривается как переходная от неолита к энеолиту.

Несмотря на то, что изучение энеолита Среднего Предуралья в последнее время активизировалось, на наш взгляд, есть еще ряд «темных пятен», требующих прояснения:

– неясным остается вопрос происхождения гаринского и борского населения;

– слабо разработана внутренняя периодизация энеолитических культур;

– проблемным остается вопрос о культурно-хронологическом соотношении гаринских памятников Чусовского и Осинского Прикамья.

Мы надеемся, что проведение археологических исследований новых энеолитических памятников региона, с одной стороны, и всесторонний анализ уже имеющихся материалов, с другой, позволят нам пролить свет на эти вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Работа чусовского отряда Камской археологической экспедици // КСИИМК. 1949. Вып. 26. С. 45–46.

Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиции в 1950 г. // КСИИМК. 1953. Вып. 49. С. 97–103.

Бадер О.Н. Третье Новоильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961а. С. 60–75.

Бадер О.Н. Поселение у Бойцова и вопросы периодизация среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961б. С. 110–272.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. М.: Наука, 1961в. 200 с. (МИА. № 99)

Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1963. 42 с.

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.

Бадер О.Н., Кокорев А.В. Поселение у Малого Борового озера // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 130–151.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермское книж. изд-во, 1958. 244 с.

Бадер О.Н., Соколова З.П. Стоянка Боровое озеро IV на р. Чусовой // Советская археология. XVIII. 1953. С. 265–280.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2019. № 1. С. 34–47. DOI: https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-1-34-47

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Разведка в окрестностях г. Березники Пермской области // Археологические открытия 1978 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 168–169.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Стоянка Корепино I – первый энеолитический памятник на реке Колве в Северном Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. № 1. С. 67–79.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Поселение Гагарское III в системе новоильинских древностей Пермского Приуралья // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 1. С. 44–59.

Лычагина Е.Л. Энеолит Пермского Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2002. С. 76–87.

Лычагина Е.Л. Деятельность Камской экспедиции ГАИМК на территории Пермского края // Российская археология. 2011а. № 4. С. 147–152.

Лычагина Е.Л. Проблемы хронологии неолита – раннего энеолита Прикамья // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011б. № 1. С. 17–22.

Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. Пермь: ПГГПУ, 2013. 120 с.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А. К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Археология и история. 2009. № 2. С. 33–37.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Жукова О.В. Новоильинская постнеолитическая культура в Среднем и Верхнем Прикамье // Самарский научный вестник. 2019. Том 8. № 2 (27). С. 179–186.

Мельничук А.Ф. О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 97–104.

Мельничук А.Ф. Поселение Усть-Очер I – энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения поселений новоильинского культурного круга // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Вып. 1 (15). С. 22–36.

Наговицин Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпохи бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев, М.: Наука, 1987. С. 28–34. (Археология СССР)

Наговицин Л.А. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 82–96.

Наговицин Л.А. Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 21 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 59–76.

Прокошев Н.А. Камская экспедиция в 1935 году // Советская археология. I. 1936. С. 255–268.

Станкевич Я.В. Неолитическая стоянка у «Гремячего» ручья // Советская археология. V. 1940. С. 230–239.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 185 с. (МИА. № 172).

REFERENCES

Bader, O.N. 1949, "The work of the Chusovaya division of the Kama archaeological expedition", *KSIIMK*, vol. 26, pp. 45–46. (In Russ.)

Bader, O.N. 1953, "Kama Archaeological Expedition in 1950", *KSIIMK*, vol. 49, pp. 97–103. (In Russ.)

Bader, O.N. 1961a, "3rd Novoilyinskaya culture settlement", *Otchety Kamskoy (Votkinskoy) archeologicheskoy ekspeditsii* ("Reports of the Kama (Votkinsk) archaeological expedition"), 2nd edition, Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences, Moscow, pp. 60–75. (In Russ.)

Bader, O.N. 1961b, "Boytsov settlement and the problem of periodization of the Bronze Age artefacts in the Middle Kama Region", *Otchety Kamskoy (Votkinskoy) arheologicheskoy ekspeditsii* ("Reports of Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition"), 2nd edition, IA of the USSR Academy of Sciences, Moscow, pp. 110–272. (In Russ.)

Bader, O.N. 1961b, "Settlements of Turbinskaya culture in the Middle Kama Region", *MIA*, no. 99, 200 p. (In Russ.)

Bader, O.N. 1963, *Ancient history of the Kama region. Report based on published works, which accompanied the thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences.* Moscow, 42 p. (In Russ.)

Bader, O.N. 1964, *Ancient metallurgists of Cis-Urals.* Nauka, Moscow, 176 p. (In Russ.)

Bader, O.N., Kokorev, A.V. 1959, "Settlement near Maloe Borovoe Lake", *Otchety Kamskoy (Votkinskoy) archeologicheskoy ekspeditsii* ("Reports of Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition"), 1st edition, Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences, Moscow, pp. 130–151. (In Russ.)

Bader, O.N., Oborin, V.A. 1958, *The Kama Region: Beginning,* Perm Book Publishing House, Perm, 244 p. (In Russ.)

Bader, O.N., Sokolova, Z.P. 1953, "Archaeological site at 4th Borovoe Lake near the Chusovaya river", *Sovetskaya archeologiya*, XVIII, pp. 265–280. (In Russ.)

Vybornov, A.A., Lychagina, E.L. & Vasilyeva, I.N., Melnichuk, A.F., Kulkova M.A. 2019, "New data on periodization and chronology of Novoilyinskaya, Garinskaya and Borskaya sites in the Kama Region", *Perm University Herald. History,* n. 1, pp. 34–47. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-1-34-47

Denisov, V.P., Melnichuk, A.F. 1979, "Exploration works near Berezniki, Perm Krai", *Archeologicheskie otkrytiya 1978*, pp. 168–169. (In Russ.)

Denisov, V.P., Melnichuk, A.F. 2012, "Site Korepino I is the first Eneologic monument on the river Kolva in Northern Prikamye", *Perm University Herald. History*, n. 1, pp. 67–79. (In Russ.)

Denisov, V.P., Melnichuk, A.F. 2014, "3rd Gagarskoe settlement in the system of Novoilyinskaya culture sites on the territory of Perm Cis-Urals", *Perm University Herald. History*, n. 1, pp. 44–59. (In Russ.)

Lychagina, E.L. 2002, "Neolithic period in Cis-Urals", *Ocherki archeologii Permskogo Preduralya* ("Studies on Cis-Urals Archeology"), PGPU, Perm, pp. 76–87. (In Russ.)

Lychagina, E.L. 2011a, "Report on the work of the Kama expedition of the State Academy for Material Culture History in Perm Krai", *Russian archaeology,* no. 4, pp. 147–152. (In Russ.)

Lychagina, E.L. 2011b, "Problems of chronology of Early Neolithic & Chalcolithic periods in the Kama region", *Perm University Herald. History*, n. 1, pp. 17–22. (In Russ.)

Lychagina, E.L. 2013, *The Stone Age and Bronze Age in Cis-Urals region.* PGGPU, Perm, 120 p. (In Russ.)

Lychagina, E.L., Vybornov, A.A. 2009, "Origins and chronology of the Novoilyinskaya Neolithic culture", *Scientific Tatarstan. Humanities. Archaeology and history*, no. 2, pp. 33–37. (In Russ.)

Lychagina, E.L., Vybornov, A.A., Zhukova, O.V. 2019. "Novoilyinskaya Post-Neolithic culture in the Middle and Upper Kama river regions", *Samara Journal of Science*, no. 8(2-27), pp. 179–186. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-12213

Melnichuk, A.F. 1990, "On the Borskaya culture sites in the Kama region", *Eneolit lesnogo Urala i Povolzhya* ("Chalcolithic period of Ural forest and the Volga region"), UIIYaL, Izhevsk, pp. 97–104. (In Russ.)

Melnichuk, A.F. 2011, "Ust-Ocher I settlement – a Chalcolithic site in the Ocha Kama region and the problems of studying the Novoilyinskaya culture settlements", *Perm University Herald. History*, n. 1 (15), pp. 22–36. (In Russ.)

Nagovitsyn, L.A. 1987, "Novoilyinskaya, Garinskaya-Bor and Yurtikovskaya archaeological cultures", *Arheologiya SSSR. Epoha bronzy lesnoj polosy SSSR* ("Archeology of the USSR. The Bronze Age in the forest zone of the USSR"), Moscow, pp. 28–34. (In Russ.)

Nagovitsyn, L.A. 1990, "Cultural and chronological correlation of Garinskaya and Borskaya culture

settlements in the Kama region", *Eneolit lesnogo Urala i Povolzh'ya* ("Chalcolithic period of Ural forest and the Volga region"), UIIYaL, Izhevsk, pp. 82–96. (In Russ.)

Nagovitsin, L.A. 1993, "Novoilyinskaya Culture: points for discussion", *Voprosy arheologii Urala* ("Questions of the Urals archeology"), iss. 21, USU, Yekaterinburg, pp. 59–76. (In Russ.)

Prokoshev, N.A. 1936, "The Kama archaeological expedition in 1935", *Soviet archeology*, I, pp. 255–268. (In Russ.)

Stankevich, Y.V. 1940, "Neolithic settlement near Gremyachiy stream", *Soviet archeology*, V, pp. 230–239. (In Russ.)

Chernykh E.N. 1970, "Urals and the Volga regions ancient metallurgy", *MIA*, no. 172, 185 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Сергей Павлович Жижин, студент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Российская Федерация, г. Пермь. E-mail: sidoprosport@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2422-5867

Евгения Леонидовна Лычагина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет; профессор кафедры Отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Российская Федерация, г. Пермь. E-mail: LychaginaE@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3277-2414

Information About the Authors

Sergey P. Zhizhin, student, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Russian Federation, Perm. E-mail: sidoprosport@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2422-5867

Evgenia L. Lychagina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Perm State University, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Russian Federation, Perm. E-mail: LychaginaE@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3277-2414

УДК 902.21/902.26/903.4 (470.57)
ББК 63.48(235.54)

CC BY

Дата поступления статьи: 19.08.2022
Дата принятия статьи: 15.10.2022

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. ЯНГЕЛЬКА В ГОРНО-СТЕПНОЙ ЗОНЕ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Анвар Альбертович Хурмаев
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия
E-mail: kimi.malini@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся данные о результатах археологического обследования верхнего течения р. Янгелька в Абзелиловском районе Башкортостана в 2021 году. Общая длина маршрута по обоим берегам реки составила 14 км. Ранее на этом участке было выявлено три разновременных памятника (стоянки Банное-1, Каран-4, могильник Аумышево-1). В результате разведочных работ выявлено 6 новых памятников и зафиксирована одна единичная находка. К однослойным памятникам неолита-энеолита относятся стоянки Елимбетово-5, Елимбетово-7 и Якты-Куль-2, к однослойным памятникам эпохи бронзы – стоянка Елимбетово-6, к однослойным памятникам Нового времени – селище Якты-Куль-3, к многослойным памятникам – стоянка Елимбетово-8 (неолит-энеолит, эпоха раннего железа и Нового времени). К среднему палеолиту относится единичная находка нуклеуса на левом берегу р. Янгелька. Все памятники приурочены к берегам р. Янгелька и ее притока – р. Каран, располагаются на их слабовыраженных мысовидных возвышенностях. Выявленные памятники эпохи камня представляют собой кратковременные стоянки охотников, что подтверждают собранные орудия. Это дополняет картину хозяйственного освоения округи озерной системы Банное-Сабакты-Карабалыкты и уже сейчас можно говорить о том, что население этой территории финального периода эпохи камня не ограничивалось лишь рыболовством на берегах озёр, но и уходило от них на значительные расстояния, активно осваивая все окружающие малые водотоки, в т.ч. и самый крупный из них – р. Янгелька. Применительно к Новому времени интересно селище Якты-Куль-3. Судя по собранному материалу конца XIX – начала XX вв., включающему в себя фрагменты гончарных глиняных сосудов, железных изделий, хозяйственного инструментария, а также по зафиксированным жилищным впадинам и искусственной плотине, можно говорить о небольшом стационарном поселенческом памятнике, на котором велась активная хозяйственная деятельность.

Ключевые слова: Южное Зауралье, палеолит, неолит, энеолит, эпоха бронзы, Новое время, р. Янгелька

Цитирование. Хурмаев А.А., 2022. Итоги археологического обследования верхнего течения р. Янгелька в горно-степной зоне Южного Зауралья // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 330–340. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.014

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)»

UDC 902.21/902.26/903.4 (470.57)
LBC 63.48(235.54)

Submitted: 19.08.2022
Accepted: 15.10.2022

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS IN THE UPPER REACHES OF THE YANGELKA RIVER IN THE MOUNTAIN-STEPPE ZONE OF SOUTHERN TRANS-URALS

Anvar A. Khurmaev
Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
E-mail: kimi.malini@yandex.ru

Abstract. This article summarizes the main results of archaeological investigations of the Yangelka river upstream (Abzelilovsky district, Republic of Bashkortostan) conducted in 2021. The total length of the studied area was 14 km at both sides of the river. Previously, three archaeological sites of different historical periods (Bannoe-1, Karan-4 and Aumyshevo-1) were found in this area. The current investigations resulted in discovering six new sites and one accidental find. Most of the newly discovered sites have only one layer. Three of them (Elimbetovo-5 site, Elimbetovo-7 site and Yakty-Kyl-2 site) are dated to the Neolithic-Chalcolithic period. One (Elimbetovo-6 site) belongs to the Bronze Age and one more (Yakty-Kul-3 settlement) to the Modern Era. The last of the recently discovered sites (Elimbetovo-8 site) has three layers related to the Neolithic-Chalcolithic period, the Early Iron Age and the Modern Era respectively. The lithic core, which was accidentally found on the left bank, is dated to the Middle Paleolithic. All sites are located in the close proximity to the Yangelka river and its tributary, the Karan river, and are situated on small hills. The Stone Age sites serve as examples of short-term hunter camps, as evidenced by tools collected there (scrapers, sharp-pointed weapons, knives and cutting items with utilization marks). This fact casts new light on the patterns of human activity around the Bannoe-Sabakty-Karagaly lake system during the Late Bronze Age. It seems that peoples, who lived on these territories, were fish-

ing not only in the lakes. They were travelling long distances, actively exploring and using small water sources, including the largest of them i.e. the Yangelka river. The lithic core found at a gentle slope of the erosion terrace may indicate that the process of development of the territories located far from large lake systems could have started as early as the Paleolithic period. Yakty-Kyl-3 is an interesting settlement of the Modern Era. Materials collected on its territory include fragments of pottery vessels, iron cauldrons and tools dated to the end of the 19th – the beginning of the 20th century. Together with traces of dwellings and artificial dam they point to the fact that it was a small, but well-developed settlement the residents of which were practicing a range of different crafts.

Keywords: Southern Trans-Urals, Paleolithic, Neolithic, Chalcolithic, Bronze Age, Modern era, Yangelka river

Citation. Khurmaev A.A., 2022. Results of archaeological investigations in the upper reaches of the Yangelka river in the mountain-steppe zone of Southern Trans-Urals. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 330–340. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.014

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00815 "Comprehensive reconstruction of the development of the mountain steppes of the Southern Urals from the Stone Age to Modern times (socio-cultural and natural transformations)"

Введение

Южное Зауралье представляет собой зону пенеплена с многочисленными большими и малыми озерами, тянущимися вдоль восточного склона Урала. Вершины хребтов и долины у их подножья покрыты смешанным лесом. На равнине к востоку преобладает степная растительность с отдельными участками леса, а к западу, глубже в горы, начинается таежная растительность. Озерная система Банное-Сабакты-Карабалыкты расположена у восточного подножья хребта Крыкты, в 30 км к северо-западу от г. Магнитогорск, на территории Абзелиловского района Башкортостана. Река Янгелька, являющаяся правым притоком р. Урал, вытекает из оз. Банное (Маузды, Якты-Куль), которое вместе с оз. Сабакты представляет собой единое палеоозеро [Грамматчикова, Рождественский, 1979. С. 73; Котов, Савельев, 2007а. С. 12].

Начало полномасштабного археологического обследования этих озер было положено в 1960-х гг. Г.Н. Матюшиным. На берегах оз. Банное им было выявлено 6 памятников эпохи камня, на оз. Сабакты – 8 памятников эпохи камня. На самом северном оз. Карабалыкты было зафиксировано 11 стоянок эпохи камня [Археологическая…, 1976. С. 202–207]. Тогда же было начато исследование части выявленных памятников (Банное V, Банное Va/Березки, Банное VI/Кусимовская, Сабакты III, Карабалыкты VII/Урта-Тубе, Мысовая и др.) [Матюшин, 1976; Матюшин, 1982]. Важно отметить, что археологические изыскания Г.Н. Матюшина в этом регионе в 1960–70-х гг. велись и были сконцентрированы, по большей части, по берегам рассматриваемых озер, а также и иных озер Башкирского Зауралья.

Следующий этап обследования данной территории относится к 2005 г., когда совместной экспедицией Научно-исследовательского центра «Наследие» и ИИЯЛ УНЦ РАН (рук. Н.С. Савельев) были обследованы не только берега озер, но и в целом околоозерное пространство в границах т.н. «Курортного района Якты-Куль» (площадь 110 км^2). Впервые проводилось археологическое обследование прилегающих возвышенностей, хребтов и межгорных долин, а также участка течения р. Янгелька. Тогда на этой территории было открыто более 60 новых археологических объектов, датируемых от эпохи камня до Нового времени. Открытие ряда памятников эпохи камня не только по берегам крупных озер, но также и на небольших ручьях, текущих с хребта Крыкты позволило тогда предположить, что это не случайность, а следствие системы расселения древнего населения [Котов, Савельев, 2007б. С. 377].

В 2020 году работы по обследованию полосы предгорий между восточным подножьем хребта Крыкты и западным краем озёрной системы Банное-Сабакты-Карабалыкты были продолжены экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН. Размеры обследованной территории составили 10×4 км. Было выявлено 40 различных археологических объектов (палеолит – Новое время) – стоянок, поселений, местонахождений, курганов и курганных могильников.

В результате всех лет исследований было установлено, что на берегах данных озёр концентрировались наиболее крупные поселения и стоянки эпохи камня и более позднего времени. Именно на них фиксируется наибольшее число находок, площадь распространения материала и мощность культурного слоя. Это касается и крупной стоянки среднего палеолита Кусимово-6 в долине к западу от оз. Сабакты, приуроченной к береговой линии палеоозера Банное-Сабакты [Котов, Савельев, Русланова, 2020. С. 1596]. При этом, памятники поздних эпох каменного века, находящиеся в отдалении от береговой линии озер, в основном являются кратковременными стоянками, возникшими в процессе хозяйственного освоения прилегающей территории. Принимая во внимание нахождение стоянки Курузак-2 (энеолит, липчинская культура), выявленной в глубоком ущелье восточного склона хребта Крыкты, можно уверенно говорить о том, что энеолитическое население осваивало также и узкие горные долины и ущелья [Румянцев, Котов, Савельев, 2015].

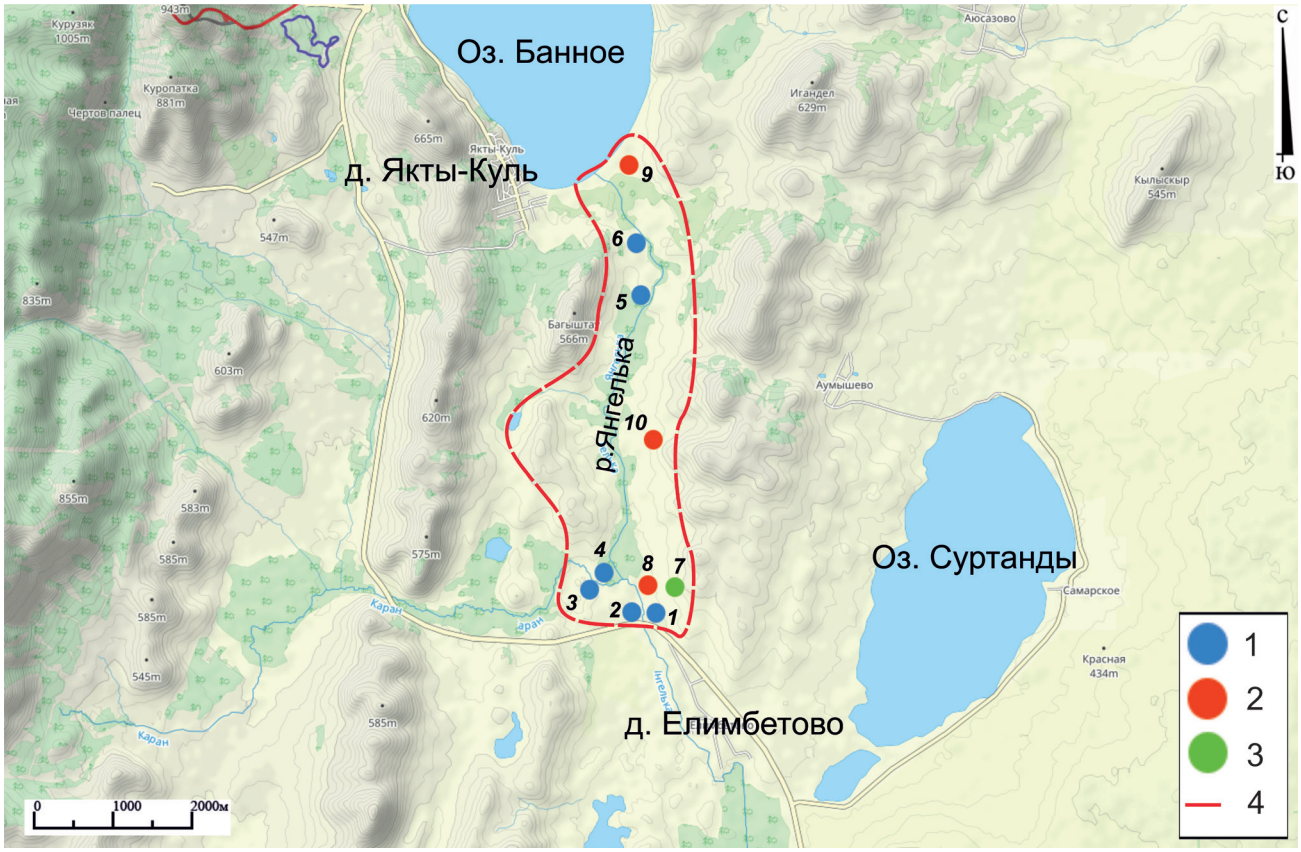

Рис. 1. Верхнее течение р. Янгелька. Участок обследования 2021 г. Карта памятников. *1* – стоянка Елибетово-4; *2* – стоянка Елибетово-5; *3* – стоянка Елибетово-6; *4* – стоянка Елибетово-7; *5* – селище Якты-Куль-3; *6* – стоянка Якты-Куль-2; *7* – единичная находка нуклеуса; *8* – стоянка Каран-4; *9* – стоянка Банное-1; *10* – могильник Аумышево-1. *Условные обозначения: 1* – памятники, выявленные в 2021 г.; *2* – ранее выявленные памятники; *3* – единичная находка; *4* – граница территории обследования

Fig. 1. Yangelka river upstream. The investigation area 2021. Map of sites. *1* – Elibetovo-4 site; *2* – Elibetovo-5 site; *3* – Elibetovo-6 site; *4* – Elibetovo-7 site; *5* – Yakty-Kul-3 settlement; *6* – Yakty-Kul-2 site; *7* – a lithic core; *8* – Karan-4 site; *9* – Bannoe-1 site; *10* – Aumyshevo-1 necropolis. *Symbols: 1* – sites discovered in 2021; *2* – sites discovered earlier; *3* – accidental find; *4* – investigated area boundary

В 2021 году автором в рамках экспедиции ИИЯЛ УФИЦ РАН были продолжены разведочные работы в данном районе. Обследовался участок долины р. Янгелька протяженностью 7 км – от места ее истока из оз. Банное до д. Елимбетово (рис. 1). Всего выявлено 7 новых и осмотрено 3 ранее известных памятника (могильник Аумышево-1, стоянки Каран-4 и Банное-1).

Стоянка Елимбетово-4[1]

Расположена в 0,4 км к северо-западу от д. Елимбетово и в 0,1 км к востоку от р. Янгелька, на левом ее берегу. Площадка памятника приурочена к каменистой со скальными выходами вершине мысовидного выступа высотой до 3 м от уреза воды в реке.

Материал распространен на участке размером около 50×50 м. Всего найдено семь предметов из камня – два отщепа, пластина и два орудия. Они изготовлены из фтанита серого, темно-серого и черного цветов, в целом вся коллекция однородна. Немногочисленные отходы производства (отщепы) имеют следы ретуши утилизации (?).

Один отщеп черного фтанита (1×1,8×0,4 см) имеет полукрутую ретушь на правом краю, второй отщеп черного кремня (2,9×2,2×1,3 см) на спинке имеет бессистемную огранку. Медиальный фрагмент пластины из серого фтанита (1,7×1,2×0,3 см), обломан с двух концов, в сечении треугольный, по левому краю фиксируется несистематическая ретушь утилизации (?). Орудия представлены острием и ножом с естественным обушком. Острие изготовлено на продолговатом отщепе черного фтанита размером 2,5×1,5×0,3 см, в проксимальной части скошенная грань создана сколом (рис. 2, *1*). Дорсальная поверхность имеет радиальную огранку. Правый край на дистальном участке обработан крутой ретушью, образуя на конце шип. Нож изготовлен на отщепе с ретушью размером 4×2,1×0,6 см (рис. 2, *2*). Дорсальная поверхность отщепа имеет негативы встречных сколов утоньшения. На левой прямой грани присутствует галечная корка и она представляет собой естественный обушок, а на противолежащем остром крае изогнутой формы зафиксированы следы сработанности (?) в виде мелкой ретуши.

[1] Курганные могильники Елимбетово-1, Елимбетово-2 и стоянка Елимбетово-3 выявлены в 1952, 1991 и 2014 гг. [Воробьева, 2014], все они находятся южнее д. Елимбетово, приурочены к берегам оз. Малые Суртанды.

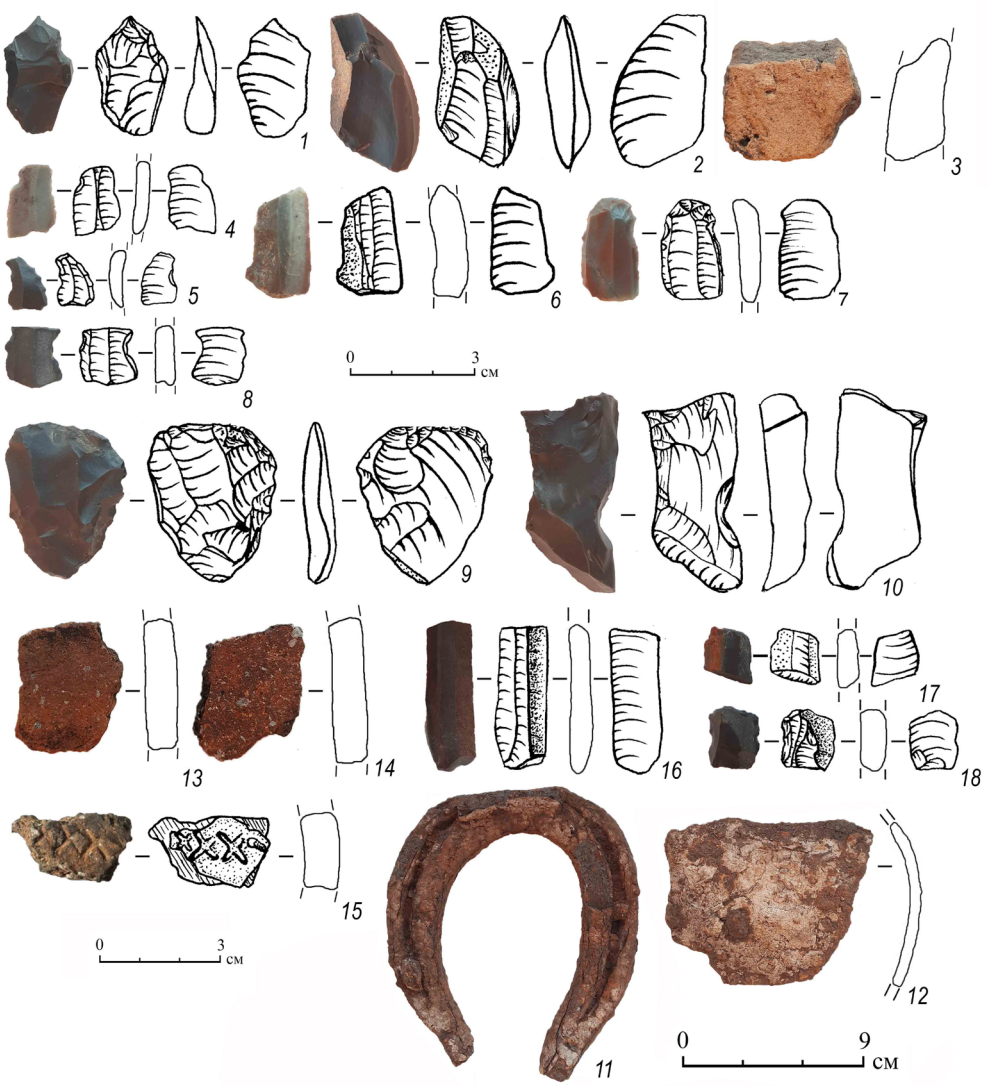

Рис. 2. Находки со стоянок Елимбетово-4–7. *1* – острие; *2* – нож; *3, 13–15* – фрагменты керамики; *4–6, 8, 16–18* – пластины; *7* – скребок концевой на пластине; *9* – долотовидное орудие; *10* – орудие с шипом; *11* – железная подкова; *12* – фрагмент стенки чугунного котла (*1, 2* – Елимбетово-4; *3* – Елимбетово-5; *4–10* – Елимбетово-6; *11–18* – Елимбетово-7). *1, 2, 4–10, 16–18* – фтанит

Fig. 2. Finds from Elimbetovo-4-7 sites. *1* – cutting point; *2* – knife; *3, 13–15* – pottery fragments ; *4–6, 8, 16–18* – plates; *7* – end scraper on blade; *9* – chisel-shaped tool; *10* – spiked tool; *11* – iron horseshoe; *12* – fragment of the cast iron cauldron (*1, 2* – Elimbetovo-4; *3* – Elimbetovo-5; *4–10* – Elimbetovo-6; *11–18* – Elimbetovo-7). *1, 2, 4–10, 16–18* – jusper

Наличие грубой пластины, двух орудий и преобладание аморфных отщепов позволяет предположить, что памятник представляет собой кратковременную стоянку неолита-энеолита.

Единичная находка нуклеуса

Среди случайных находок встречаются предметы, имеющие большое значение для понимания культурных и исторических процессов в регионе. К таким предметам можно отнести находку древнего нуклеуса.

Нуклеус был найден на краю старой пашни, в 0,2 км к востоку от р. Янгелька, на ее левом берегу, в 0,45 км к северо-востоку от стоянки Елимбетово-2, на пологом склоне коренной террасы на высоте 20 м над уровнем реки. Другие находки на поверхности отсутствуют.

Нуклеус одноплощадочный на гальке черного фтанита, поверхность слегка окатана, размер 10×7,6×3,7 см (рис. 5, *9*). Ударная площадка прямая, образована одним широким сколом, уходящим на тыльную сторону нуклеуса. Далее площадка подправлялась рядом мелких снятий в том же направлении. На рабочей плоскости фиксируется два продольных негатива крупных снятий, а также сильнопатинированные негативы бессистемных сколов. Тыльная сторона нуклеуса несет следы сильнопатинированных крупных сколов радиальной направленности. Нижняя часть поверхности нуклеуса покрыта желвачной коркой. Вероятно, в древности нуклеус использовался неоднократно.

По описанным характерным чертам найденный нуклеус может быть отнесен к эпохе среднего палеолита. Ближайшие аналогии ему известны в коллекции стоянки Кусимово-6, расположенной в 10 км к северу от места описываемой находки [Котов, Савельев, Русланова, 2020. Рис. 4].

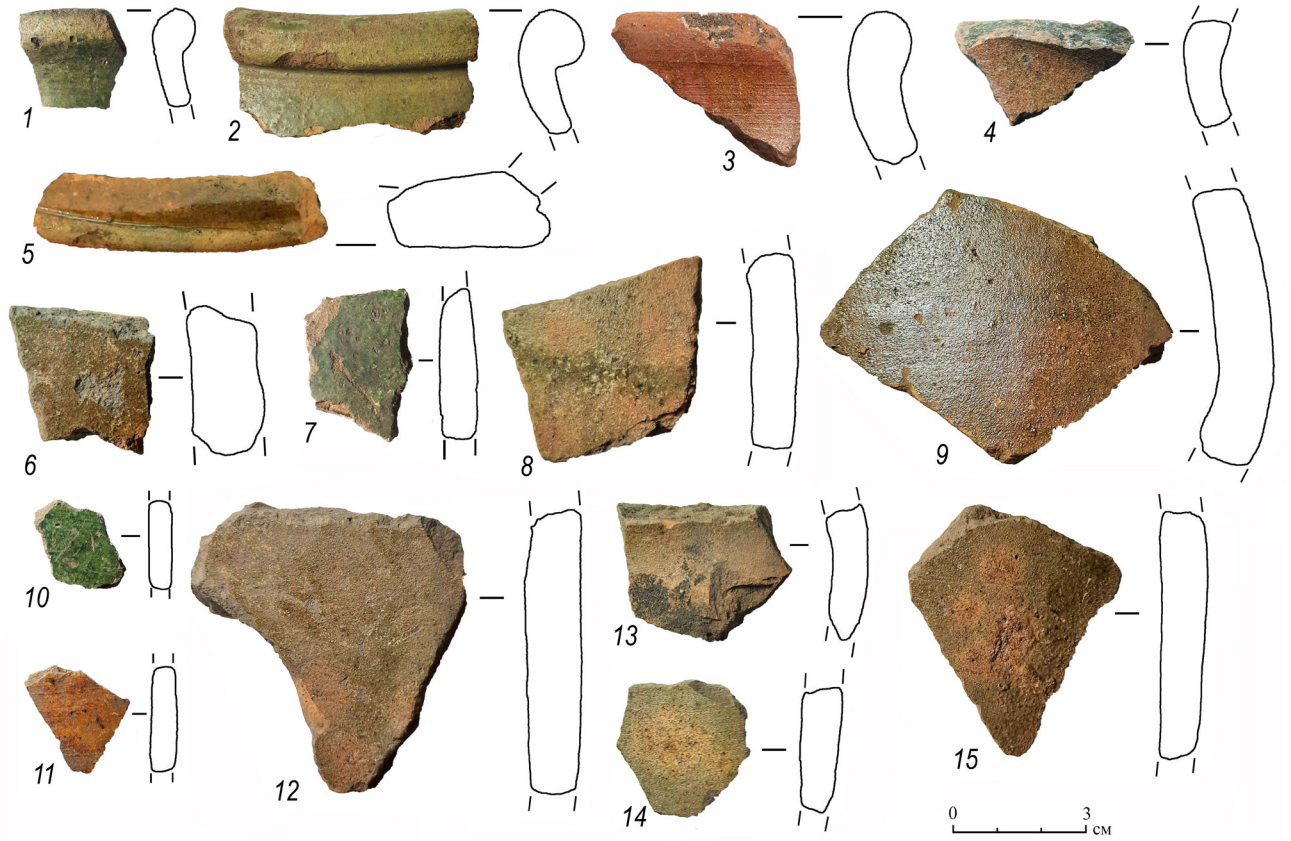

Рис. 3. Селище Якты-Куль-3. Гончарная керамика
Fig. 3. Yakty-Kul-3 settlement. Pottery

Стоянка Елимбетово-5

Расположена в 0,45 км к северо-западу от д. Елимбетово, на правом берегу р. Янгелька, с севера от автомобильного моста. Площадка представляет собой ровную пойму высотой не более 1 м от уреза воды в реке. В нарушениях гумусного слоя на расстоянии 10–15 м от берега найдены стенка лепного глиняного сосуда и 10 фрагментов костей животных, в т.ч. крупного размера (одна кость лошади, одна разрубленная кость крупного рогатого скота).[2] Фрагмент керамики светло-коричневого цвета, с примесью песка и талька в тесте, внутренняя поверхность покрыта расчесами, размером 3,2×3,5×1 см (рис. 2, *3*). Относится к эпохе поздней бронзы.

Памятник, судя по всему, представляет собой кратковременную стоянку.

Стоянка Елимбетово-6

Расположена в 1,1 км к северо-западу от д. Елимбетово, на правом берегу р. Каран, к югу от брода, занимает вершину каменистого мыса высотой до 2,5 м от уреза воды. Находки распространены на участке размером 30×30 м. Всего на поверхности найдено 14 предметов из камня – четыре отщепа, пять орудий на отщепах и пять орудий на пластинах.

Отщепы (4 экз.) из серого и черного фтанита представляют собой технические сколы, возникшие при обработке орудий и подправке нуклеусов, их средний размер 2×3 см. Ретушь утилизации и иные следы использования отсутствуют.

Изделия на пластинах

1. Медиальный фрагмент пластины темно-серого фтанита размером 1,2×1,2×0,3 см, сечение треугольное (рис. 2, *8*). На левой грани фиксируется негатив продольного скола, вдоль которого идет полукрутая вентральная ретушь. На этом участке присутствует мелкая несистематическая ретушь утилизации (?). На противолежащей стороне имеется естественный облом, удаливший большую часть рабочего края левой стороны. На сохранившейся грани рабочей поверхности присутствует ретушь утилизации.

2. Скребок концевой выпуклый на пластине с ретушью серого фтанита, размер 2,1×1,2×0,3 см (рис. 2, *7*). Ударная площадка удалена. Рабочий край орудия на дорсальной стороне выполнен крутой ретушью. По всему краю орудия фиксируется ретушь.

3. Медиальный фрагмент пластины серого кремня, размер 1,5×1×0,2 см (рис. 2, *4*). На левом крае фиксируется единичный пологий скол. Также по всей длине левого и правого краев пластины заметна мелкая ретушь.

[2] Все остеологические определения по публикуемым памятникам с р. Янгелька выполнены А.А. Романовым (ИИЯЛ УФИЦ РАН).

Рис. 4. Селище Якты-Куль-3. Находки. *1–8* – фрагменты чугунных котлов; *9–11* – железные полосы; *12* – фрагмент железного топора; *13* – винтовочные гильзы; *14–18* – кованые гвозди; *19* – железное изделие; *20* – фрагмент железного ножа; *21* – фрагмент железной ложки (черпало); *22* – фрагмент стеклянного изделия; *23* – фрагменты посуды из фарфора; *24* – железная дужка; *25, 26* – фрагменты железных петель; *27* – монетовидное украшение

Fig. 4. Yakty-Kul-3 settlement. Finds. *1–8* – fragments of cast iron cauldrons; *9–11* – iron bars; *12* – fragment of iron axe; *13* – rifle cartridges; *14–18* – hand-made nails; *19* – iron tool; *20* – fragment of iron knife; *21* – fragment of iron spoon; *22* – fragment of glass item; *23* – porcelain fragments; *24* – iron arch; *25, 26* – fragments of iron hinges; *27* – coin-like decoration

4. Медиальный фрагмент пластины серого кремня размером 2,3×1,3×0,6 см, сечение треугольное (рис. 2, *6*). На правом крае присутствует ретушь утилизации (?). Противолежащий край, скорее всего, поврежден (?) в процессе археологизации.

5. Дистальный фрагмент пластинки черного фтанита, сечение треугольное, размер 1,2×1,8×0,3 см (рис. 2, *5*). По правому краю идёт зубчатая ретушь. Также ретушью обработан кончик и дистальная часть правого края пластины. На правом крае фиксируется вентральная полукрутая ретушь, образующая небольшую ретушированную выемку.

Изделия на отщепах

1. Острие на отщепе серого фтанита, размер 2×4,6×0,8 см. На спинке отщепа фиксируются негативы бессистемных аморфных сколов и остатки желвачной корки. На брюшке имеется негатив скола утоньшения, удаливший часть ударного бугорка. Рабочий край острия образован двумя сколами, и подработан мелкой ретушью.

2. Скребок на усеченном отщепе черного фтанита, размер 3,9×2×0,5 см. Орудие имеет продолговатую форму, образованную двумя продольными сколами с противолежащих сторон отщепа. На спинке присутствуют негативы радиальных сколов утоньшения. Рабочий край скребка образован мелкой полукрутой ретушью, выполненной со

стороны брюшка. Также на рабочем крае фиксируются следы использования в виде несистематической ретуши.

3. Орудие с шипом на массивном отщепе серого фтанита, размер 2×4,6×0,8 см (рис. 2, *10*). По спинке идут негативы поперечно направленных сколов утоньшения. На правом краю орудия имеется выемка, созданная одним широким сколом. Левый края вогнутый, обработан и выровнен мелкой ретушью. Само клювовидное острие создано двумя краевыми сколами, нанесенными перпендикулярно друг другу и подработанными мелкой ретушью.

4. Долотовидное орудие на отшепе черного фтанита размером 3,4×2,8×0,7 см (рис. 2, *9*). На спинке присутствуют негативы радиальных сколов. На брюшке есть негативы двух перпендикулярных сколов утоньшения. По всему краю орудия на брюшке идет ряд нерегулярной ретуши. Рабочий край слегка выпуклый, с двух сторон выровнен и приострен ретушью и несет следы использования в виде ретуши утилизации.

5. Орудие на отщепе черного фтанита, размер 2,3×1,6×0,7 см. На проксимальной части сохранилась ударная площадка. На спинке имеются два встречных скола. Скол, выполненный с правого края, образует острую режущую кромку. На нём фиксируется мелкая ретушь и следы использования в виде ретуши утилизации.

Все находки выполнены из качественного не трещиноватого фтанита серого (7), черного (6) и темно-серого (1) цветов. Технология изготовления изделий направлена на получение пластин. В целом, техника однородна, что позволяет отнести памятник к одной эпохе. Из 14 обнаруженных предметов 10 представляют собой орудия. На данном памятнике осуществлялась активная деятельность, включающая в себя изготовление орудий и их использование, что подтверждается отщепами технической подправки орудий и нуклеусов.

Памятник представляет собой кратковременную стоянку неолита-энеолита.

Стоянка Елимбетово-7

Расположена в 1,1 км к северо-западу от д. Елимбетово, в 0,15 км к северо-востоку от стоянки Елимбетово-7, на левом берегу р. Каран и правом берегу р. Янгелька, в 0,2 км к западу от ее русла. Площадка памятника приурочена к пологому задернованному мысу первой надпойменной террасы, у основания которого находится скальный выход. Мыс возвышается над окружающей болотистой поймой на 0,5–1 м, высота его над урезом воды в реке составляет 2–2,5 м.

Материал распространен на участке размером 25×25 м. На поверхности собрано 13 предметов, из них шесть из камня (3 отщепа и 3 фрагмента пластин), пять фрагментов стенок лепных сосудов, один из которых с орнаментом, фрагмент стенки железного котла (рис. 2, *12*) и железная подкова (рис. 2, *11*). Также найдено 22 фрагмента костей животных, в том числе, 4 – мелкого рогатого скота, 3 – лошади и 15 – крупные млекопитающих (точнее не определимы), шесть из которых обожженные.

Изделия из камня

1. Проксимальный фрагмент пластины из серого полосчатого фтанита, сечение трапециевидное, размер 1,1×1×0,4 см (рис. 2, *17*). Большую часть спинки фрагмента занимает сохранившаяся желвачная корка.

2. Проксимальный фрагмент пластины из черного фтанита, сечение треугольное, размер 1,4×1,3×0,6 см (рис. 2, *18*). По левой и правой граням фрагмента фиксируется нерегулярная полукрутая ретушь. На правой стороне спинки сохранилась часть желвачной корки.

3. Медиальный фрагмент пластины из серого фтанита, сечение трапециевидное, размер 3,5×1,2×0,3 см (рис. 2, *16*). Большую часть спинки покрывает желвачная корка.

4. Первичный отщеп из черного фтанита размером 2,4×1,8×0,8 см, большая его часть покрыта желвачной коркой. На дорсальной стороне фиксируются два краевых скола. На левом крае, на естественной острой кромке, образованной схождением желвачной корки и поверхности брюшка, фиксируются следы использования в виде несистематической ретуши.

Керамика

Все найденные фрагменты небольшие, очень близки друг другу по цвету и фактуре. Цвет наружных поверхностей от светло-коричневого до рыжего, тесто на сломе серое, с примесью талька, толщина стенок около 0,7 см (рис. 2, *13, 14*). На одном фрагменте сохранился участок орнамента в виде линии из трех штампованных крестов (рис. 2, *15*). По этому признаку он может быть отнесен к гамаюнской культуре эпохи раннего железа. Ближайшие памятники с крестовой гамаюнской керамикой найдены на озерах Сабакты и Карабалыкты [Савельев, 2017. С. 114–129. Рис. 3].

В целом, полученный материал свидетельствует о трех разновременных этапах освоения данной площадки – неолит-энеолит, эпоха раннего железа и Новое время.

Стоянка Якты-Куль-2

Расположена в 1,2 км к юго-востоку от д. Якты-Куль, в 0,8 км к юго-востоку от истока р. Янгелька, на каменистом мысовидном всхолмлении ее правого берега. Высота площадки памятника от уреза воды составляет около 10 м. Размеры площадки распространения находок на поверхности составляют 30×30 м. Всего найдено 8 предметов из серого кремня, из них четыре отщепа, из которых три с ретушью, одна пластина и три орудия на отщепах.

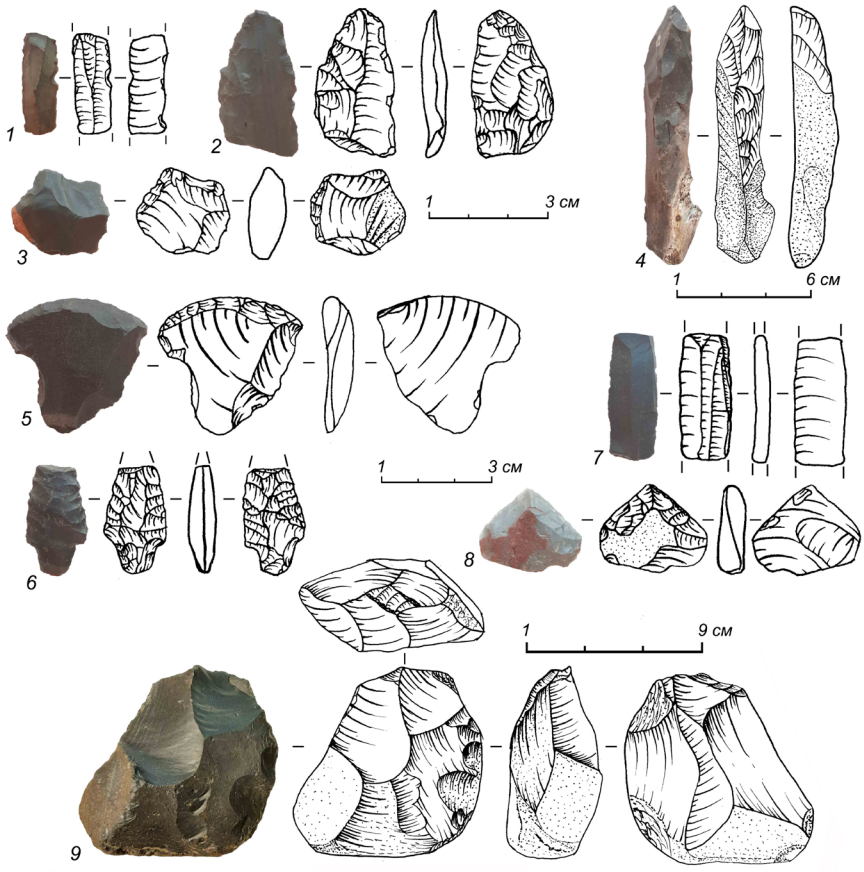

Рис. 5. Находки со стоянок Якты-Куль-2 (*1–4*), Банное-1 (*5, 6*), Каран-4 (*7, 8*) и единичная находка нуклеуса (*9*). *1, 7* – пластины; *2* – нож; *3* – резчик; *4* – орудие на реберчатом сколе; *5* – скребло; *6* – наконечник стрелы; *8* – скребок. *Все* – фтанит

Fig. 5. Finds from Yakty-Kul-2 (*1–4*), Bannoe-1 (*5, 6*), Karan-4 (*7, 8*) and a lithic core (*9*). *1, 7* – plates; *2* – knife; *3* – cutter; *4* – tool on the ridge flake; *5* – scraper; *6* – arrowhead; *8* – scraper. *All of them are made of jusper*

Отщепы

У первого отщепа (размер 2,6×1,5×0,3 см) вся проксимальная часть по оси заготовки удалена краевым сколом. По всему краю отщепа идет ряд нерегулярной мелкой ретуши, а также фиксируются мелкая ретушь утилизации. Спинка второго отщепа (размер 0,8×1,2×0,2 см) покрыта желвачной коркой, по всему краю отщепа идет ряд нерегулярной ретуши с брюшка. Третий отщеп (размер 2×1,5×0,3 см) рассечен тремя ударами от брюшка таким образом, что образовалась заготовка прямоугольной формы, по сохранившейся грани тянется ретушь утилизации. Четвертый отщеп – это реберчатый скол с нуклеуса (размер 2,1×3,4×1,1 см), на его спинке наполовину сохранилась желвачная корка. На проксимальной части спинки также фиксируется два продольных скола, нанесённых со стороны брюшка. На проксимальной части от ударной площадки присутствуют два скола, в нижней части имеется выемка, подработанная полукрутой ретушью от брюшка.

Медиальный фрагмент треугольной в сечении пластины с карандашевидного нуклеуса, по обоим краям которой идет нерегулярная полукрутая ретушь с брюшка, размер 2,5×0,9×0,4 см (рис. 5, *1*).

Орудия

1. Резчик на отщепе серого фтанита. Обе поверхности уплощены краевыми сколами. Две сходящиеся грани обработаны крутой ретушью, которые образуют два противолежащих выступа с режущей кромкой (рис. 5, *3*). Размер 2,1×2,4×0,6 см.

2. Орудие на крупном реберчатом сколе с нуклеуса из серого фтанита. В дистальной части скол было сформировано острие. Также по краю лезвия тянется цепочка мелкой несистематической ретуши (рис. 5, *4*). Размер 11,4×2,5×1,7 см.

3. Нож ассиметричный бифасиальный на отщепе серого фтанита, одна грань которого образует естественную режущую кромку, вдоль которой идёт цепочка несистематичной ретуши. Один закругленный конец обработан ретушью, второй конец приостренный – образован схождением естественной режущей кромки с поверхностью облома (рис. 5, *2*). Размер 3,8×2×0,5 см.

Все находки по сырью (серый фтанит) и технико-типологическим характеристикам являются однородными, что позволяет отнести их к одному времени. Памятник представляет собой кратковременную стоянку неолита-энеолита.

Селище Якты-Куль-3

Находится в 4,6 км к северу от д. Елимбетово, в 1,7 км к юго-востоку от истока р. Янгелька в 50 м к северо-западу от реки, в 0,7 км к югу от селища Якты-Куль-3, ниже по течению реки, на ее правом берегу. Расположено на южном склоне каменисто-

го мыса, на высоте 3–4 метра от уреза воды. От юго-восточного края мыса поперек русла расположена старая размытая дамба, на поверхности которой видны крупные камни. На площадке мыса визуально зафиксировано две задернованные жилищные впадины, обе по краю обложены камнем и ориентированы выходами в сторону реки. Входы представляют собой относительно неглубокие вытянутые коридоры, обложенные камнем. Первая впадина овальной формы, ее размеры 5×3 м, глубина около 1 м. Вторая впадина округлая, диаметром 1,5–2 м и глубиной до 0,4 м. В центре этой впадины были обнаружены фрагменты железного котла (рис. 4, *2, 7, 8*).

Подъемный материал распространен по всей площадке мыса (размер участка около 60×60 м), наибольшая концентрация его зафиксирована возле жилищных впадин. Находки представлены фрагментами гончарной керамики с поливой (16 ед., в т.ч. 4 венчика и 1 плоское днище), чугунных котлов (10 ед., в т.ч. 3 венчика и 1 плоское днище) и пятью небольшими фрагментами фарфоровой посуды (рис. 4, *23*). Также найдены металлическое черпало от ложки (рис. 4, *21*), фрагмент ножа (рис. 4, *20*), пять кованых гвоздей (рис. 4, *14–18*), фрагмент топора (рис. 4, *12*), три винтовочные гильзы калибра 7,62 мм (рис. 4, *13*), а также латунный монетовидный жетон (рис. 4, *27*).

Керамика

Керамика представлена в основном фрагментами стенок гончарной глиняной посуды с поливой. Цвет поливы можно разделить на две группы: зеленый – темно-зеленый и рыжий – светло-коричневый. Тесто всех фрагментов однородно, преимущественно серого цвета, также встречается темно-серый и темно-коричневый (рис. 3). По толщине стенок гончарная керамика также делится на две группы. В основном они толстостенные – 1–1,4 см (11 ед.), толщина остальных (5 ед.) составляет 0,5 см. Данная керамика может быть датирована XIX – началом XX вв.

Металлические изделия

Фрагменты чугунных котлов представлены в основном крупными фрагментами стенок и четырьмя фрагментами верхней части тулова с венчиком. Толщина стенок всех фрагментов составляет 0,3 см (рис. 4, *1–11*). Из обнаруженных винтовочных гильз наиболее информативны две, которые, судя по маркировках на донцах, выпущены английскими фирмами «Greenwood and Batley» и «Eley Brothers ltd. London» в 1915–1917 гг. (рис. 4, *13*). Вероятно, это позволяет установить верхнюю границу датировки памятника. На одной из сторон найденного латунного монетовидного жетона с ушком имеется надпись «FABRIKANT D.L. KUTSCHKIN» и изображение герба Российской Империи (рис. 4, *27*). На другой его стороне изображен человек в профиль, окруженный по краю изделия лавровым венком. Данные жетоны фабрики Д.Л. Кучкина (Москва) выпускались с 1900 по 1907 гг. и использовались для украшения национальных костюмов как монисто.

Судя по находкам, наличию жилищных впадин и плотины, данный памятник являлся небольшим (возможно – специализированным) населенным пунктом конца XIX – начала XX вв., на котором велась активная хозяйственная деятельность.

Также в ходе разведочных работ 2021 г. были осмотрены и ранее известные памятники, в т.ч. стоянки Каран-4 и Банное-1.

Стоянка Каран-4

Памятник выявлен в 2005 г. экспедицией Центра «Наследие» [Котов, Савельев, 2007а]. Расположен на каменистом мысу левого берега р. Янгелька в 1,8 км к северу от д. Елимбетово, в 0,4 км севернее моста на автодороге Ташбулатово – Таштимирово и в 0,3 км к востоку-юго-востоку от устья р. Каран, являющейся правым притоком р. Янгелька. Высота мыса от уреза воды в реке составляет 7 м, у подножья мыса со стороны реки расположены заболоченная пойма шириной до 100 м. На поверхности мыса найдено 7 предметов из камня, в т.ч. пять отщепов, пластина и орудие на отщепе.

Два отщепа – вторичные мелкие сколы серого и темно-серого фтанита, их размер 1×1–1,5×0,3 см. Два более крупных вторичных отщепа изготовлены из серого и темно-серого фтанита. У первого (размер 3,1×1,9×0,5 см) спинка имеет негативы перпендикулярных сколов, на правом крае фиксируется слабая ретушь утилизации. У второго отщепа (размер 1,7×1,6×0,3 см) на правом крае фиксируется ретушь утилизации. На отщепе из красной яшмы (размер 4,8×3,5×1 см) какая-либо ретушь и следы утилизации отсутствуют.

Пластина черного кремня усечена в верхней части, сечение трапециевидное, на обеих продольных краям присутствует ретушь утилизации (рис. 5, *7*). Размер 3,4×1,3×0,4 см. Скребок стрельчатый на отщепе изготовлен из серого фтанита, его рабочий край образован крутой ретушью (рис. 5, *8*). Размер 2×2,7×0,6 см.

Немногочисленные находки свидетельствуют о том, что данный памятник является кратковременной стоянкой нео-энеолитического времени.

Стоянка Банное-1

Выявлена в 1961 г. Г.Н. Матюшиным, осматривалась в 1991 г., в 2005 г. на стоянке заложено 3 шурфа, что позволило выявить культурный слой мощностью до 0,35 м [Котов, Савельев, 2007а]. Расположена в 6,7 км к северу от д. Елимбетово и в 1,2 км к востоку-северо-востоку от пос. Якты-Куль, на невысоком мысу юго-восточного берега оз. Банное, в 250 м к юго-востоку от озера и в 450 м к северо-востоку от истока р. Янгелька, на левом её берегу. Судя по данным сборов 2005 г., памятник имеет размеры около 140×120 м и занимает весь мыс.

В 2021 г. на поверхности задернованной площадки собрано 12 предметов из камня, в т.ч. пять отщепов без следов использования, три отщепа с ретушью, три орудия на отщепах и черешковый наконечник стрелы.

Отщепы

Все отщепы изготовлены из серого фтанита. Отщепы без следов использования представлены вторичными сколами, их размеры 2–3×1,5–2×0,3–0,5 см. Один из отщепов с ретушью (размер 2,3×2,8×0,5 см) имеет естественную площадку, по всему краю идет нерегулярная полукрутая дорсальная ретушь. Спинка второго отщепа (размер 2×1,8×0,5 см) покрыта негативами бессистемных снятий, по всему краю тянется зубчатая регулярная ретушь.

Орудия

1. Орудие с шипом на пластинчатом первичном сколе с сохранившейся естественной ударной площадкой. По левой грани фрагмента идет ряд нерегулярной мелкой ретуши утилизации. На дорсальном участке фиксируется скол с брюшка, сходящийся с естественным обломом под острым углом, образуя острый выступающий шип. Размер 3,2×2×0,9 см.

2. Скребло на отщепе из диабаза. На спинке имеются негативы радиальных снятий. По всему краю отщепа идет нерегулярная полукрутая ретушь. Рабочий край (выпуклый?) располагается на правом крае и образован крутой ретушью. Размер 3×2,7×0,3 см.

3. Скребло простое продольное выпуклое, изготовлено на отщепе темно-серого фтанита. На левом крае единичным сколом создана выемка. Рабочий край образован крутой ретушью (рис. 5, *5*). Размер 3,7×4×1 см.

4. Орудие с бифасиальной обработкой на отшепе серого фтанита. Отщеп усечен рядом сколов с обоих концов, образуя близкую к треугольнику форму. На правой грани присутствует выемка, подработанная ретушью. Также ретушью по краям фрагмента образована острая кромка. Размер 3,8×2,3×0,5 см.

5. Черешковый наконечник стрелы листовидной формы с утраченным острием, поверхности обработаны струйчатой ретушью, изготовлен из темно-серого фтанита (рис. 5, *6*). Размер 3×1,8×0,5 см.

Полученные данные подтверждают ранее сделанные выводы о том, что эта стоянка являлась достаточно крупным поселенческим памятником суртандинской культуры эпохи энеолита.

Заключение

В результате разведочных работ на участке верхнего течения р. Янгелька в 2021 г. выявлено 6 новых памятников и зафиксирована одна палеолитическая находка. К однослойным памятникам неолита-энеолита относятся стоянки Елимбетово-5, Елимбетово-7 и Якты-Куль-2, к однослойным памятникам эпохи бронзы – стоянка Елимбетово-6, к однослойным памятникам Нового времени – селище Якты-Куль-3, к многослойным памятникам – стоянка Елимбетово-8 (неолит-энеолит, эпоха раннего железа и Нового времени). К среднему палеолиту относится находка нуклеуса на левом берегу р. Янгелька, которая указывает на возможность обнаружения палеолитических стоянок вдали от озер.

Все памятники находятся вблизи русла р. Янгелька и ее притока – р. Каран, располагаются на их слабовыраженных мысовидных возвышенностях. Выявленные памятники эпохи камня представляют собой кратковременные стоянки охотников, что подтверждают собранные орудия (скребки, наконечники, ножи, резцы со следами утилизации). Это дополняет картину хозяйственного освоения округи озерной системы Банное-Сабакты-Карабалыкты. Уже сейчас можно говорить о том, что население этой территории заключительного периода эпохи камня не ограничивалось лишь рыболовством на берегах озёр, но и уходило от них на значительные расстояния, активно осваивая все окружающие малые водотоки, в т.ч. и самый крупный из них – р. Янгелька.

Применительно к Новому времени интересно селище Якты-Куль-3. Судя по собранному материалу конца XIX – начала XX вв., включающему в себя фрагменты гончарных глиняных сосудов, железных изделий, хозяйственного инструментария, а также по зафиксированным жилищным впадинам и искусственной плотине, можно говорить о небольшом стационарном поселенческом памятнике, на котором велась активная хозяйственная деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 264 с.

Воробьева С.Л. Отчет о проведении рекогносцировочного археологического обследования зоны проектируемого строительства волоконно-оптической линии связи РМ 13 ВОЛС ОАО «Вымпелком» (от. 141 ВЛ 110 кВ) – н.п. Таштимирово (БС 02-149) – с. Аскарово (БС 02-511) – н.п. Кирдасово (БС 02-814) – граница Абзелиловского и Баймакского районов (МР 1) – н.п. Билялово (БС 02-812) – н.п. Темясово (БС 02-090) – н.п. Исяново (БС 02-358) – г. Баймак, РТПЦ (БС 02-123) в Абзелиловском и Баймакском районах Республики Башкортостан. Уфа, 2014 // Архив ИА РАН.

Грамматчикова Н.М., Рождественский А.П. Озера восточного склона Южного Урала и охрана природы // Охрана природы Южного Урала и Приуралья / Отв. ред. Ф.А. Максютов. Уфа: БашГУ, 1979. С. 12–18.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Энеолитическая стоянка Сабакты-8 в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 6–7. 2007а. С. 12–18.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Разведочные работы на озёрах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // Археологические открытия 2005 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2007б. С. 377–380.

Котов В.Г., Савельев Н.С., Русланова Р.Р. Стоянка-мастерская Кусимово-6 – памятник эпохи среднего палеолита в Южном Зауралье // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1594–1612. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала: лесостепь и степь. М.: Наука, 1982. 328 с.

Румянцев М.М., Котов В.Г., Савельев Н.С. Разведочные работы в горной части Башкортостана // Археологические открытия 2010–2013 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 522–524.

Савельев Н.С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тыс. до н.э. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 114–129. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.1.19.114.129

REFERENCES

Bader, O.N., Smirnov, A.P., Ageev, B.B., Vasyutkin, S.M., Vasiliev, I.B., Mazhitov, N.A., Matveeva, G.I., Morozov, Y.A., Pshenichnyuk, A.H., Sadykova, M.H., Stokolos, V.S. 1976, *Archaeological map of Bashkiria*. Nauka, Moscow, 264 p. (In Russ.)

Vorobyova, S.L. 2014, "*Report on reconnoitering archaeological survey of RM 13 VOLS fiber-optic communication line construction area of Vympelcom JSC (from. 141 110 kV overhead line) – Tashtimirovo locality (BS 02-149) – Askarovo village (BS 02-511) – Kirdasovo locality (BS 02-814) – the border of Abzelilovsky and Baymaksky Districts (MR 1) – Bilyalovo locality (BS 02-812) –Temyasovo locality (BS 02-090) – Isyanovo locality (BS 02-358) – Baymak Town, RTPC (BS 02-123) in the Abzelilovsky and Baymak Districts of the Republic of Bashkortostan. Ufa*", Archive of IA RAN. (In Russ.)

Grammatchikova, N.M., Rozhdestvensky, A.P. 1979, "Nature Protection and Eastern slope lakes of the Southern Urals", *Ohrana prirody Yuzhnogo Urala i Priuralya* ("Nature protection of Southern Urals and Cis-Urals"), BashGU, Ufa, pp. 12–18. (In Russ.)

Kotov, V.G., Savelev, N.S. 2007a, "Sabakty-8 Eneolithic Site in Bashkir Trans-Urals", *Ufa Archaeological Herald*, no. 6–7, pp. 12–18. (In Russ.)

Kotov, V.G., Savelev, N.S. 2007b, "Exploration Work on Yakty-Kul (Bannoye) and Sabakty Lakes in Bashkir Trans-Urals", *Arheologicheskie otkrytiya 2005 goda* ("Archaeological Discoveries of 2005"), IA RAN, Moscow, pp. 377–380. (In Russ.)

Kotov, V.G., Savelev, N.S., Ruslanova, R.R. 2020, "Workshop Site of Kusimovo-6 – a Middle Paleolithic site in the Southern Trans-Urals", *Oriental Studies*, no. 13(6), pp. 1594–1612. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612

Matyushin, G.N. 1976, *Mesolithic of Southern Urals*. Nauka, Moscow, 368 p. (In Russ.)

Matyushin, G.N. 1982, "*Chalcolitic of Southern Urals: Forest-Steppe and Steppe*". Nauka, Moscow, 328 p. (In Russ.)

Rumyantsev, M.M., Kotov, V.G., Savelev, N.S. 2015, "Exploration of Bashkortostan Mountains", *Arheologicheskie otkrytiya 2010–2013 goda* ("Archaeological discoveries of 2010-2013"), IA RAN, Moscow, pp. 522–524. (In Russ.)

Savelev, N.S. 2017, "On the Southern Border of the Forest and Forest-Steppe Cultures in the Urals in the Ist Millennium BC", *The Volga River Region Archaeology*, no. 1(19), pp. 114–129. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.1.19.114.129

Сведения об авторе

Анвар Альбертович Хурмаев, лаборант, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: kimi.malini@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0361-2670

Information About the Author

Anvar A. Khurmaev, laboratory assistant, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Ufa. E-mail: kimi.malini@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0361-2670

УДК 902.3/903.21 (470.55)
ББК 63.4стд1-410 (235.55)

CC BY

Дата поступления статьи: 18.08.2022
Дата принятия статьи: 22.10.2022

ОРУДИЯ ТРУДА С ПОСЕЛЕНИЯ КОНОПЛЯНКА 2–2

Иван Владимирович Молчанов
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
E-mail: kolis@mail.ru

Людмила Николаевна Корякова
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Аннотация. По результатам широкомасштабной геофизической съемки площадки поселения Коноплянка 2 выявлены две линии построек. Во избежание возникновения путаницы при описании материалов раскопок им были даны собственные наименования: Коноплянка 2–1 и Коноплянка 2–2. Статья посвящена результатам функционального анализа вещевого материала, полученного из раскопок поселения Коноплянка 2–2. Памятник расположен на левом берегу р. Карагайлы-Аят (Акмулла) в 1 км к северо-западу от с. Коноплянка Карталинского района Челябинской области. Памятник находится в 40 м севернее поселения Коноплянка 2–1. Раскопом площадью 224 м^2 полностью исследованы постройка 1, небольшое пространство за ее пределами, а также часть соседней с ней постройки 2. Радиоуглеродные даты в интервале 21–19 вв. до н.э. и коллекция керамики из постройки 1 позволяют отнести памятник к зауральскому варианту абашевской культуры. Коллекция вещевого инвентаря содержит 702 предмета. Практически все орудия, за исключением нескольких костяных и керамических изделий, изготовлены из камня. По результатам трасологического анализа определено несколько видов хозяйственной деятельности обитателей постройки. В коллекции преобладают каменные орудия, анализ которых свидетельствует о наличии камнеобработки (предметы из талька, каменные орудия) и металлопроизводства (плитки, молоточки, абразивы, изложница, сопло). Последние, помимо каменных орудий, дополняются находками медьсодержащих пород и шлаков, а также небольшими металлическими предметами, среди которых выделяется согнутая свинцовая проволока. Фрагменты керамических сосудов, сопла и диска указывают на керамическое производство. Остеологические остатки свидетельствуют о скотоводстве. Кости животных использовались для изготовления орудий труда, употребляемых в кожевенном деле. Полученные результаты указывают на то, что скотоводство и металлообработка были главными отраслями хозяйства обитателей исследованной постройки. Дополнить и расширить перечень видов хозяйственной деятельности позволит дальнейшее изучение памятника.

Ключевые слова: Южное Зауралье, бронзовый век, абашевская культура, орудия труда, функциональный анализ

Цитирование. Молчанов И.В., Корякова Л.Н., 2022. Орудия труда с поселения Коноплянка 2–2 // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 341–351. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.015

UDC 902.3/903.21 (470.55)
LBC 63.4стд1-410 (235.55)

Submitted: 18.08.2022
Accepted: 22.10.2022

TOOLS FROM KONOPLYANKA 2–2 SETTLEMENT

Ivan V. Molchanov
Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
E-mail: kolis@mail.ru

Ludmila N. Koryakova
Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Abstract. Until recently, the only known archaeological site of the Abashevo culture in the Southern Trans-Urals was Malo-Kizylskoye settlement. Its study provided insights into features of pottery and other aspects of the Trans-Ural Abashevo culture. This article decribes results of excavations and functional analysis of items from recently discovered Abashevo settlement – Konoplyanka 2–2. In 2018, a large-scale geophysical survey of Konoplyanka 2 settlement revealed 2 lines of structures. In order to avoid confusion when describing excavated materials, these lines have been assigned separate names: Konoplyanka 2–1 and Konoplyanka 2–2. The one in focus is located 40 metres north of Konoplyanka 2–1 settlement. It is on the left bank of the Karagayly-Ayat (Akmulla) river, one kilometer north-west of the Konoplyanka village (Kartalinsky district, Chelyabinsk oblast). The excavated territory is 224m^2. It includes: structure 1, a small area around it and a part of the neighbouring structure 2. Results of radiocarbon dating (21th – 19th centuries BC) and some features of pottery assemblage found at the structure 1 indicate that the site belongs to the Trans-Ural Abashevo culture. A collection of finds

from Konoplyanka 2–2 settlement contains 108 tools. All of them, except for a few bone and clay ones, are made of stone. Use-wear analysis shows that inhabitants of the structure had several types of economic activities. The collection mostly consists of stone tools, which are the evidence of stone work (talk and stone items) and metal work (plates, hammers, abrasives, casting form, nozzle). The presence of metal work can also be proved by copper-bearing formations and slags found, as well as small metal items, such as bent lead wire. Elements of ceramic vessels, nozzle and disk indicate that pottery production took place. Osteological remains show evidence of cattle breeding. Animal bones were used to make tools for tanning. It seems that cattle breeding and metal work were the main activities for the structure's inhabitants. Futher research at the site will supplement and expand the list of economic activities.

Keywords: Southern Trans-Urals, Bronze Age, Abashevo culture, tools, functional analysis

Citation. Molchanov I.V., Koryakova L.N., 2022. Tools from Konoplyanka 2–2 settlement. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 341–351. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.015

Введение

Однослойные поселения являются своего рода эталонными памятниками для характеристики культурных образований в том или ином территориально-временном локусе. Его культурные отложения могут содержать сооружения, культурные остатки и керамику той или иной археологической культуры. На территории Южного Зауралья единственным бытовым памятником абашевской культуры до недавнего времени оставалось Мало-Кизыльское селище, прологом изучения которого можно считать открытие в 1926 г. Верхне-Кизыльского клада [Bortvin, 1928]. Позднее, в 1948 г., было установлено, что он происходит с территории селища [Сальников, 1954. С. 53]. Несмотря на ограничения в площади раскопок и незначительную мощность культурного слоя, полученный материал оказался интересным, но неоднозначным. Особенности керамического комплекса (глина с примесью талька, своеобразные элементы орнамента, небольшое число колоколовидных сосудов), а также отсутствие плавильных чаш стали аргументами в пользу существования особого магнитогорского варианта уральской абашевской культуры [Сальников, 1967. С. 75, 124–127].

В рамках проекта по исследованию образа жизни обитателей долины р. Карагайлы-Аят в эпоху бронзы было начато изучение площадки поселения Коноплянка 2, открытого разведочным отрядом под руководством Ю.В. Тарасова в 1982 г. [Тарасов, 1983]. Широкомасштабная тахеометрическая и геофизическая съемка площадки памятника предшествовала археологическим раскопкам [Федорова, Носкевич, Молчанов, 2018; Корякова и др., 2020]. На этой основе составлен топографический план (рис. 1), а также получена детальная геомагнитная карта, на которой отражена структура памятника в виде двух линий построек. Во избежание возникновения путаницы при описании материалов раскопок им были даны собственные наименования.

Первая линия, открытая Ю.В. Тарасовым, получила название поселение Коноплянка 2–1. Она представлена одиннадцатью впадинами, восемь из которых расположены в линию вдоль края террасы и ориентированы по направлению ССЗ-ЮЮВ. В 40 м севернее, почти вплотную одна к другой, размещаются еще три впадины, образуя две группы сооружений. Раскопки одной из впадин этой линии показали неоднократность заселения береговой террасы (срубно-алакульский и черкаскульский слои) [Корякова и др., 2020. С. 66].

В 40 м к северу от первой линии структур обозначилась вторая, получившая имя поселение Коноплянка 2–2. На геомагнитной карте хорошо видны 8 прямоугольных аномалий, ориентированных по направлению СЗ-ЮВ. Они образуют две группы аномалий (построек) с разрывом в 40 м между ними. В северо-западной части насчитывается пять прямоугольных аномалий, в юго-восточной – еще три (рис. 2).

Памятник расположен в зоне северной степи на левом берегу р. Карагайлы-Аят (Акмулла), в 1 км к северо-западу от с. Коноплянка Карталинского района Челябинской области. Он занимает площадку слабо выраженной береговой террасы, находясь примерно в 60 м к востоку от овального старичного озерца и в 300 м от современного русла реки. Вместе с курганами и поселениями разных хронологических периодов поселение входит в одноименный комплекс памятников в зоне Зауральского пенеплена (рис. 3).

Раскоп площадью 224 м^2 был заложен в северо-западной группе второй линии построек на крайней восточной аномалии, имевшей прямоугольную форму. В ходе работ были полностью исследованы постройка 1, небольшое пространство за ее пределами, а также часть соседней с ней постройки 2. Котлован постройки 1 размерами 11×8,5 м и общей площадью около 93,5 м^2 был углублен в материк на 20–30 см, указывая на ее наземный характер и, судя по расположению столбовых ямок, каркасно-столбовой тип конструкции. В средней части постройки 1 было обнаружено три неглубоких (до 35 см) ямы, в ее северо-восточном углу зафиксированы остатки небольшой каменной печи, сложенной из камней тальковой породы. Пол постройки неровный, что объясняется наличием в ней отдельных хозяйственных зон.

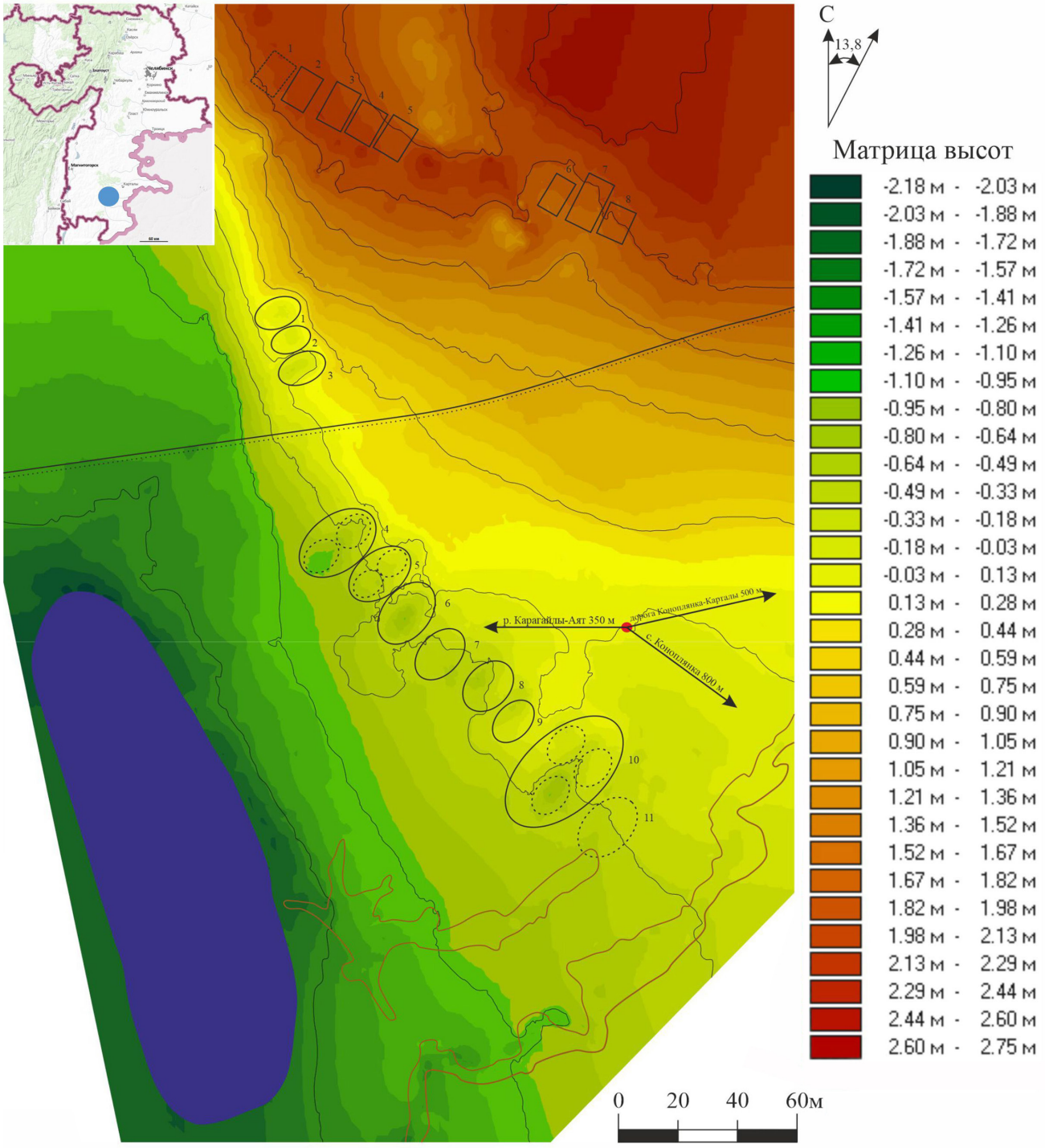

Рис. 1. Поселение Коноплянка 2. Топографический план памятника
Fig. 1. Konoplyanka 2 settlement. Topographic plan of the site

В процессе раскопок получена коллекция вещевого материала, количество позиций которого в коллекционной описи составило 702 находки.[1] Их основная часть (502 фрагмента) представлена фрагментами керамических сосудов, большинство которых культурно неопределимо. Не вдаваясь в детальное рассмотрение керамического комплекса, который в целом уже был охарактеризован [Корякова и др., 2020. С. 67; Пантелеева, 2022. С. 22], можно сказать, что часть коллекции близка абашевской керамике Мало-Кизыльского селища, которое К.В. Сальников отнес к магнитогорскому варианту абашевской культуры [Сальников, 1967].

Остальная часть коллекции в большинстве своем представлена фрагментами каменных орудий и свидетельствами металлопроизводства, а также единичными находками металлических, костяных и керамических изделий. Настоящая статья посвящена исключительно характеристике и результатам функционального анализа этих предметов.

Методы исследования

В лабораторных условиях все неметаллические предметы (каменные, костяные) подверглись трасологическому изучению для установления комплекса следов на их поверхности. Выявление микроследов изготовления и использования производилось с помощью микроскопа МБС-2 (косое освещение, увеличение до 87,5 раз).

Методом рентгенофлуоресцентного анализа изучено 16 образцов медных руд и рудовмещающих пород, 11 образцов металлургических шлаков, а также три металлических изделия. Анализ проведен на приборе INNOV α 400 (режим Soil, время экспозиции 30 сек, аналитик М.Н. Анкушев). Методом оптической микроскопии изучены 6 полированных аншлифов металлургических шлаков (микроскоп Olympus BX 51, аналитик М.Н. Анкушев).

Описание материала

Каменный инвентарь в коллекции представлен 89 экземплярами, большая часть которых фрагментирована. Все предметы подвергнуты трасологическому анализу. Среди находок незначительно преобладают фрагменты орудий, связанных с *металлопроизводством*. В процессе камеральной обработки из них собирались археологически целые предметы. Примером этому служит небольшое полифункциональное орудие для металлообработки размерами 7×7,5×7 см (рис. 4, *1*). Предмет собран из двенадцати фрагментов, залегавших на разных глубинах и обнаруженных в основном по периметру постройки 1. Реконструируемая форма в плане и сечении близка к квадратной. Все сохранившиеся естественные поверхности камня ровные, сглаженные, грани между плоскостями скруглены. На некоторых фрагментах сохранились маленькие частицы металла.

Другим примером служит молоточек по металлу, собранный из десяти различных фрагментов (рис. 4, *5*). Все они были обнаружены в районе каменной печи, площадь их разброса была небольшой. Реконструируемая форма предмета близка к шаровидной, диаметр 8,4–9,2 см. Его поверхность покрыта выбоинками. В одном месте наблюдается уплощенный участок, на котором виден металлический блеск. Скорее всего, предмет использовался непродолжительное время, поскольку следы выражены относительно плохо. Судя по небольшим сколам на внутренних кромках (гранях) некоторых фрагментов, орудие было расколото преднамеренно. Всего в обработанной коллекции исследовано 3 молоточка.

Плитки для обработки металлических изделий (2 экз.). Одна из них в плане и в сечении имеет форму близкую к прямоугольной (рис. 4, *4*). Ее размеры составляют 10,1×9,5×3,2–4,4 см. Форма второго орудия в плане близка к трапециевидной. Сечение его широкой части прямоугольное, узкой – трапециевидное. Одна из плоскостей, имеющая сглаженный, ровный рельеф, служит рабочей поверхностью. Под микроскопом на ней фиксируются небольшие плоскости с металлическим блеском. Поверхности выступающих участков рельефа и зерен на них сглажены. Местами зафиксированы тонкие и короткие разнонаправленные царапинки.

Для обработки металла использовались абразивы (рис. 4, *3*). Всего в коллекции насчитывается девять разноразмерных фрагментов, причем пять из них являются частями одного предмета. Для абразивов использовались бесформенные или близкие к прямоугольным плитки, в основном из мелкозернистой породы. На рабочих поверхностях предметов отмечается металлический блеск.

Наиболее яркой находкой является целая изложница/одностворчатая литейная форма (рис. 4, *2*). Ее длина 14,8 см, ширина 3,9–5,9 см, толщина 2,0–2,5 см. Предмет был изготовлен из тальковой породы. В плане его форма близка трапециевидной, в сечении – прямоугольной. На одной из его ровных плоскостей вырезана матрица вытянутой листовидной формы длиной 11 см, максимальной шириной 2,7 см, глубиной 0,6 см. На предмете хорошо видны следы изготовления, но следы ее использования отсутствуют. Возможно, эта форма предназначена для отливки слитков или является незаконченным продуктом. Этому предположению не противоречит результат РФА всех поверхностей предмета, который показал отсутствие на них каких-либо следов металла.

[1] Далее в тексте все количественные данные приводятся в соответствии с коллекционной описью. Для фрагментов руды или шлака общее количество фрагментов отличается от числа позиций в коллекционной описи.

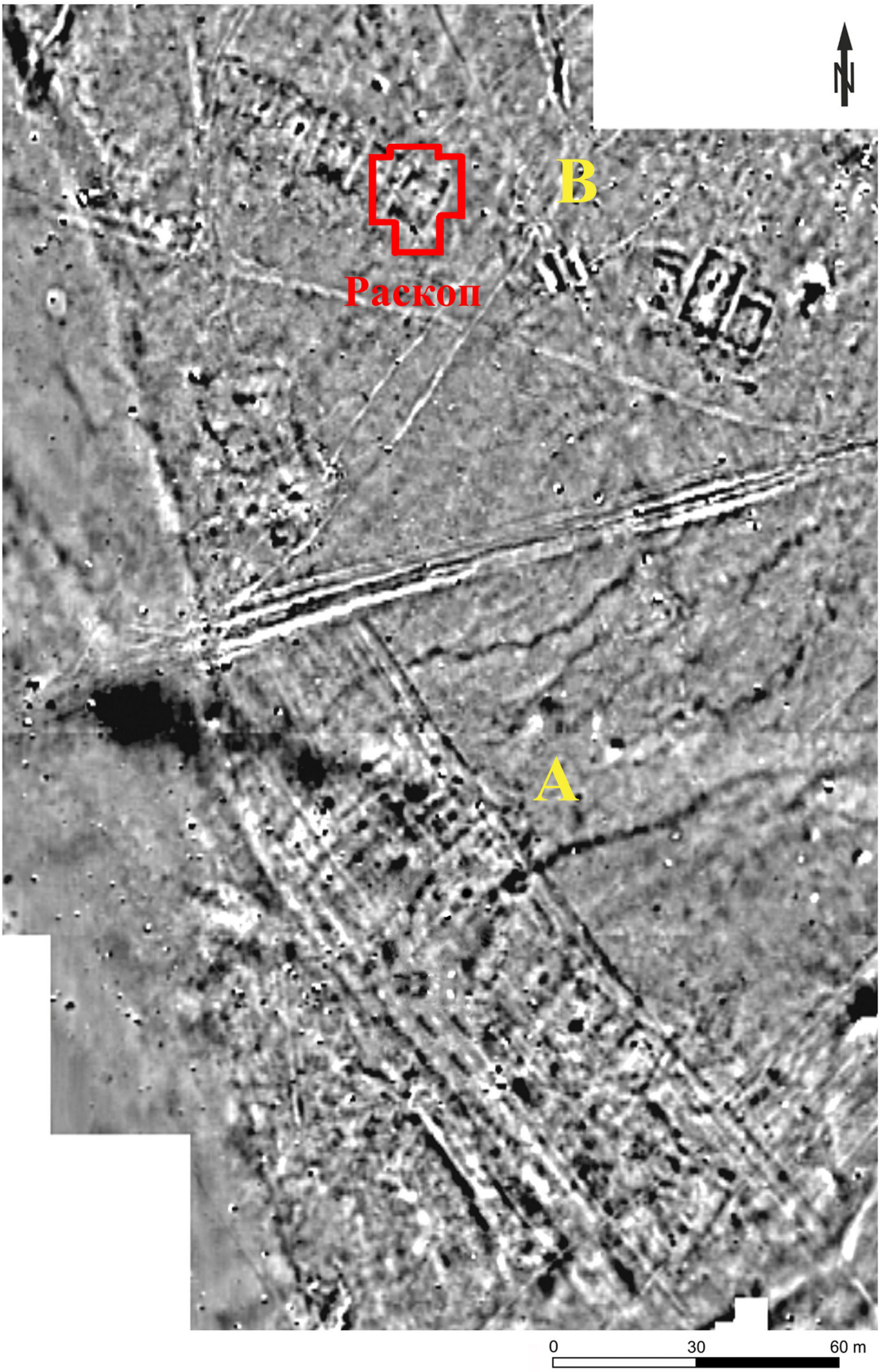

Рис. 2. Поселение Коноплянка 2. Геомагнитная карта памятника, выполнена А. Патцельтом. *А* – первая линия построек (Коноплянка 2–1), открытая Ю.В. Тарасовым; *В* – вторая линия построек (Коноплянка 2–2), выявленная геофизической съемкой

Fig. 2. Konoplyanka 2 settlement. Geomagnetical map of the site, prepared by A. Pattselt. *A* – first line of the structures (Konoplyanka 2–1 settlement), discovered by Yu.V. Tarasov; *B* – second line of the structures (Konoplyanka 2–2 settlement), elicited with geophysical mapping

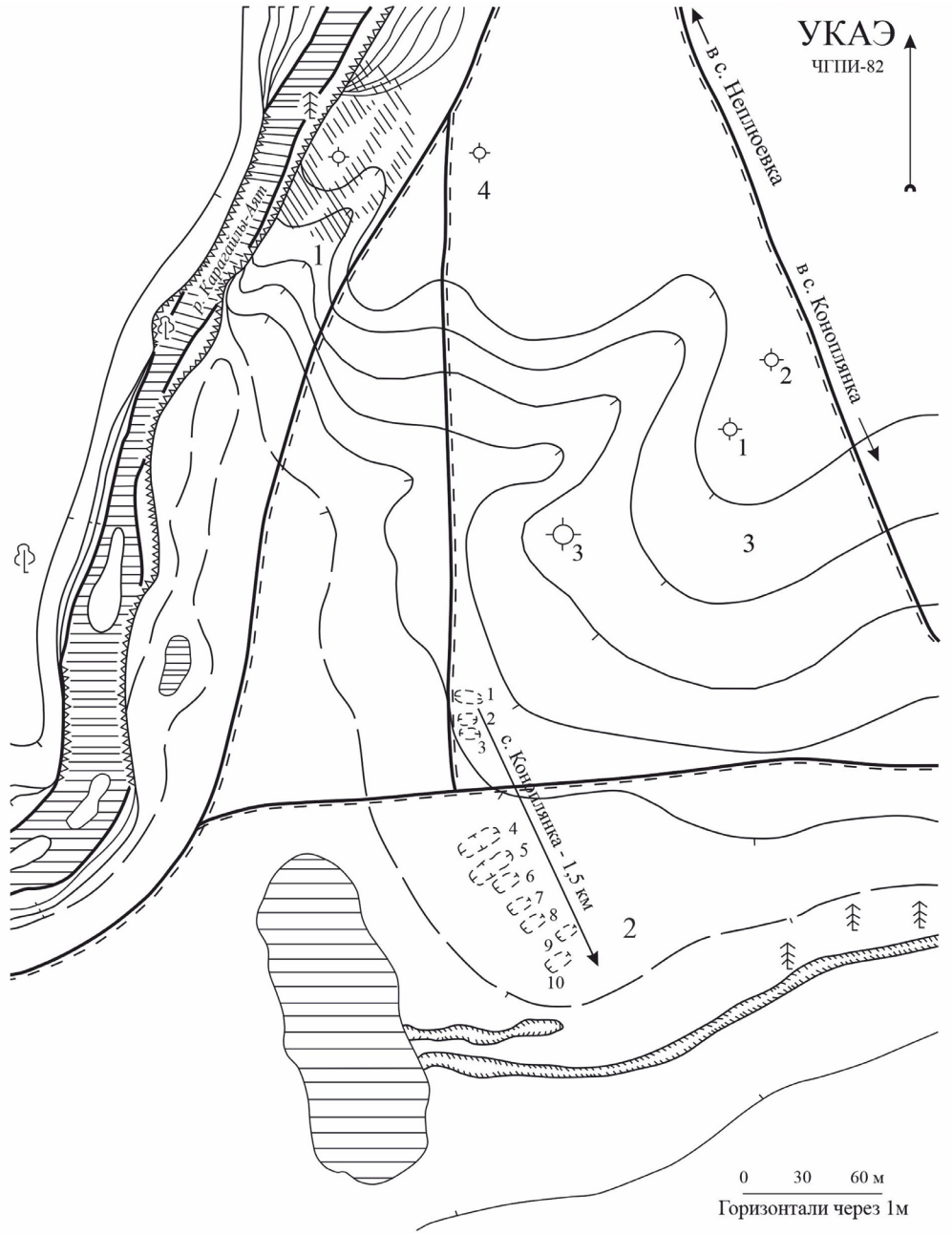

Рис. 3. Инструментальный план комплекса памятников Коноплянка (по: [Тарасов, 1983. Рис. 2]). *1* – стоянка Коноплянка III; *2* – поселение Коноплянка II; *3* – могильник Коноплянка IV; *4* – могильник Коноплянка V

Fig. 3. Instrumental plan of Konoplyanka arcchaeological complex (after: [Tarasov, 1983. Fig.2]. *1* – Konoplyanka III site; *2* – Konoplyanka II settlement; *3* – Konoplyanka IV burial site; *4* – Konoplyanka V burial site

Среди каменных предметов выделена небольшая группа орудий для обработки кости. Это три фрагмента каменных абразивов. Для них выбирались камни как плитчатой формы, так и близкой к овальной, с ровными торцами. Размеры варьируют от 4,9 до 6,6 см. На рабочих поверхностях орудий наблюдаются сглаженность зерен породы, а также тонкие, разнонаправленные, в размер зерна, царапинки. В одном случае отмечается осветление рабочей поверхности.

Дополнительным свидетельством наличия металлургического производства в постройке 1 служат многочисленные фрагменты руды и рудовмещающей породы (54 экз.) (рис. 6, *6*), шлака (38 экз.) (рис. 6, *7–11*), а также один сплеск (рис. 6, *5*). Часть из них была подвергнута рентгенофлуоресцентному анализу. Он показал, что медное сырье представлено небольшими фрагментами окисленных руд: малахита, азурита, хризоколлы. Карбонатные и кварцевые прожилки являются вмещающими породами. Во всех изученных образцах руд фиксируются значимые примеси мышьяка, равно как и почти во всех образцах металлургических шлаков наблюдается его высокое содержание. В некоторых из них также присутствует хром и никель. Шлаки относятся к хромитсодержащему оливиновому минералогическому типу, который встречается на абашевских поселениях Башкирского

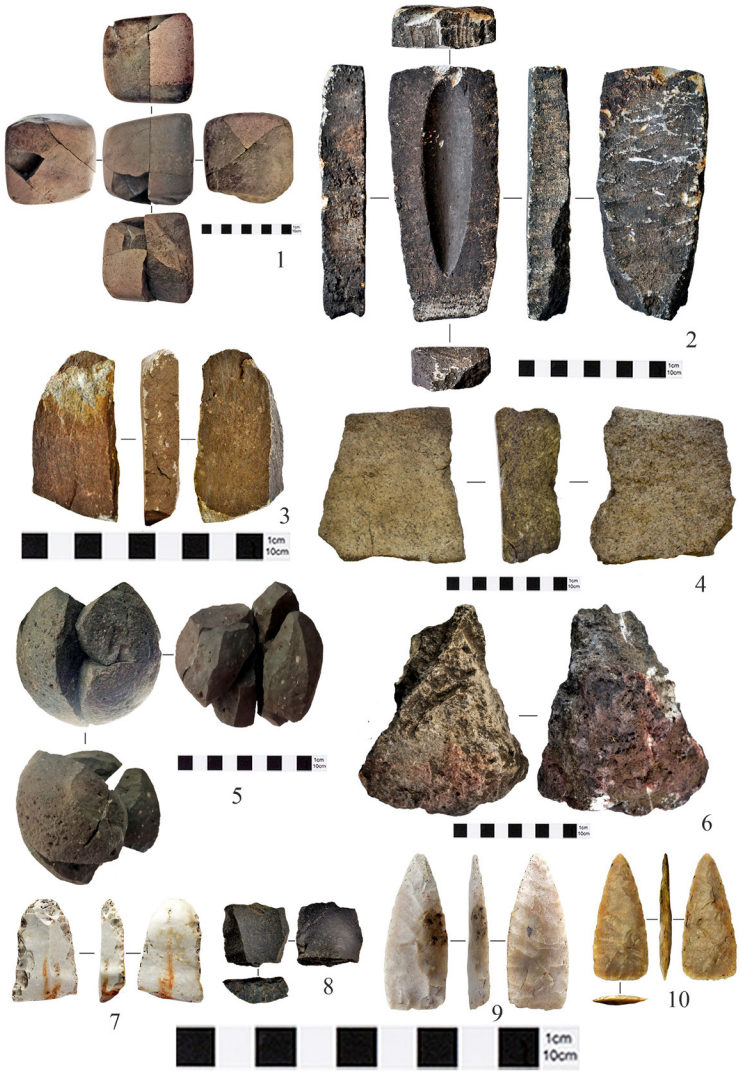

Рис. 4. Поселение Коноплянка 2–2. Каменный инвентарь. *1* – полифункциональное орудия для металлообработки; *2* – изложница; *3* – абразив по металлу; *4* – плитка для обработки металлических изделий; *5* – молоточек; *6* – предмет из тальковой породы; *7* – ножевидная пластинка; *8* – фрагмент пластины; *9, 10* – наконечник стрелы

Fig. 4. Konoplyanka 2–2 settlement. Stone utilities. *1* – multifunctional tools for metal work; *2* – casting form; *3* – abrasive for metal; *4* – plate for metal work; *5* – hammer; *6* – talc item; *7* – knife-shaped plate; *8* – plate; *9,10* – arrowhead

Зауралья [Григорьев, 2013. С. 276], а также на Турганикском поселении в Южном Приуралье, содержащем материалы энеолитического, ямного и абашевско-срубного времени [Моргунова и др., 2017; Artemyev, Ankushev, 2019].

Кроме того, РФА анализ обломков трех патинизированных металлических пластинок однозначно показал, что они были изготовлены из мышьяковой бронзы (рис. 6, *1–3*). Интересной находкой является согнутый фрагмент свинцовой проволоки длиной около 8 см, толщиной 0,5 см, сечение близко к квадратному (рис. 6, *4*).

К категории вооружения условно отнесены два каменных наконечника стрел, найденные в одном квадрате примерно на одном уровне (рис. 4, *9, 10*). В плане они имеют форму близкую к треугольной. Основания прямые, уплощенные, углы немного скруглены. Предметы изготовлены из кремнистой породы и обработаны двусторонней покрывающей и стелющейся многорядной, разнофасеточной, непрерывной чешуйчатой ретушью. Следы утилизации не обнаружены. Размеры первого наконечника: длина 3,2 см, ширина основания 1,2 см, ширина в середине 1,4 см, толщина 0,1–0,3 см. Длина второго наконечника 3,9 см, ширина основания 1,3 см, ширина в средней части 1,6 см, толщина 0,3 см.

Остальные предметы коллекции по результатам трасологического анализа разделены на две группы. Первая включает камни без каких-либо следов обработки (19 экз.). Вторая содержит вещи, вызвавшие затруднение в определении их функционального назначения (29 экз.). К их числу были отнесены различные сколы с породы, фрагменты колотых камней и галек (14 экз.), каменные чешуйки, ножевидная пластина и пластин а с ретушью, маленький кусочек прозрачного горного хрусталя, каменные и керамический диски, предметы из талька со следами сработанности, а также кусочек обожжённой глины.

Рис. 5. Поселение Коноплянка 2–2. Каменный, костяной и керамический инвентарь. *1, 2* – каменный диск; *3* – керамический диск; *4* – костяная проколка; *5* – керамическое сопло; *6* – рог мелкого рогатого скота; *7* – фрагмент рукояти тупика

Fig. 5. Konoplyanka 2–2 settlement. Stone, bone and ceramic items. *1, 2* – stone disc; *3* – ceramic disc; *4* – bone piercing; *5* – ceramic nozzle; *6* – capra et ovis horn; *7* – fragment of flesher handle

Фрагмент ножевидной пластины имеет длину 1,4 см, ширину 1,5 см, толщину 0,3–0,5 см (рис. 4, *8*). На половине сколотой боковой стороны видны маленькие, аккуратные сколы, напоминающие ретушь (?). Пластина, как и наконечники стрел, изготовлена из новакулита (рис. 4, *7*). Ее длина 2,6 см, ширина основания 1,6 см, толщина 0,4 см. В плане и в сечении форма пластины близка треугольной, основание скошенное, прямое. Обе латеральные стороны имеют следы фасеток краевой, дорсальной крутой чешуйчатой и непрерывной разнофасеточной ретуши. Кончик скруглен, он также оформлен ретушью. Здесь отмечается небольшая сглаженность граней фасеток, при этом четко выраженных линейных следов не фиксируется.

Каменные диски в плане имеют форму близкую овальной и округлой (рис. 5, *1, 2*), в сечении – близкую трапециевидной. Их размеры 10,8×9,5×1–1,8 и 13,2×14,1×0,5–2 см. У овального диска боковая сторона частично отбита, на ней виден участок с пришлифовкой. Одна из плоскостей неровная. Форма второму предмету придавалась путем грубой отбивки краев боковых сторон. Плоскости ровные, боковая сторона не пришлифована.

Боковые стороны одного из фрагментов предмета из тальковой породы выровнены с помощью каменного абразива (рис. 4, *6*). На это указывают хорошо выраженные, перекрывающие другу друга абразивные следы на этих плоскостях в зауженной части предмета. Длина фрагмента составляет 13,4 см, ширина 4,6–12,3 см, толщина 1,3–5,7 см. В плане предмет имеет неправильную треугольную форму, в широкой части его сечение клиновидное. В одном месте было зафиксировано небольшое светло-зеленое пятно, напоминающее оксидный налет.

Рис. 6. Поселение Коноплянка 2–2. Металлические изделия и свидетельства металлопроизводства.
1–3 – пластинка; *4* – свинцовая проволока; *5* – сплеск; *6* – руда; *7–11* – фрагмент шлака

Fig. 6. Konoplyanka 2–2 settlement. Metal items and evidence of metal work.
1–3 – plate; *4* – lead wire; *5* – drop; *6* – ore; *7–11* – slags fragments

Другой предмет из талькосодержащей породы имеет неправильную прямоугольную форму в плане. Его длина 9,7 см, ширина 3,6 см, толщина 1,1–2 см. Наиболее выраженные участки рельефа заглажены, несколько граней скруглены.

Категорию орудий, связанных с металлопроизводством, дополняет керамическое сопло (рис. 5, *5*). Его длина составляет 8,3 см, диаметр окончания для подачи воздуха – 2,8 см, диаметр отверстия для подачи воздуха – 1,6 см, диаметр окончания выдува воздуха – 2,45 см, диаметр отверстия его выдува – 0,14 см, толщина стенки 0,6 см. Поверхность сопла залощена ровным предметом, возможно, деревянной палочкой. В составе глиняного теста содержится небольшая примесь талька.

Керамический диск, изготовленный из орнаментированной стенки сосуда (рис. 5, *3*), имеет округлую в плане форму. Диаметр диска 5,5 см, толщина 0,7–1 см. Боковая сторона пришлифована.

В коллекции присутствуют единичные костяные предметы, дополняющие наши знания о видах хозяйственной деятельности на поселении. Это небольшие фрагменты обожжённых костей (7 экз.), рог мелкого рогатого скота длиной 16,1 см (рис. 5, *6*), фрагменты костяной проколки (рис. 5, *4*), а также обломок рукояти тупика, изготовленного из челюсти крупного рогатого скота (рис. 5, *7*). Длина фрагмента тупика составляет 9,4 см, ширина (max) – 5,4 см, толщина (max) – 1,1 см. Верхний край челюсти заострен и является рабочим. После удаления зубов альвеолы подрезались, рабочая кромка подравнивалась. Выступающие участки на поверхности фрагмента сильно залощены. В участках, соприкасавшихся с поверхностью рук, отмечается «жирная» залощенность. На рабочем крае, ближе к сломанному концу, относительно кромки фиксируются поперечные и диагональные царапинки. На остальной части рабочего края наблюдается только полировка, линейные следы отсутствуют.

Костяная проколка представлена двумя фрагментами – рукоятью и острием (рис. 5, *4*). Опираясь на морфологические особенности фрагментов и характера сработанностей граней, а также учитывая различные степени залощенности фрагментов и микроследов износа на них, можно сказать, что они являются частями одного орудия. Рукоять имеет длину 3,6 см, ширину и толщину до 0,6 см. Форма сечения напоминает параллелепипед. К одному из окончаний фрагмент сужается. Предмет

изготовлен резкой металлическим лезвием с последующей подработкой граней и плоскостей на мелкозернистом абразиве. Три плоскости из четырех имеют черный цвет, полученный в результате термического воздействия. Второй фрагмент этой проколки является острием с отломанным окончанием. Его длина 2,4 см, ширина и толщина от 0,3 до 0,5 см. Окончание большего размера имеет округлое сечение, окончание меньшего близко к овальному. Фрагмент также имеет следы обработки на мелкозернистом абразиве, но они перекрыты следами работы по материалу и хорошо залощены.

Обсуждение

Подводя итог, следует признать, что описанный выше вещевой комплекс не такой объемный, как керамическая и остеологическая коллекции. По определениям А.Ю. Рассадникова, кости крупного и мелкого рогатого скота составляют основу комплекса определимых до вида костей. Единично встречены кости рыбы, собаки, лошади и овцы. Дикие виды представлены одной костью от косули, которая и в настоящее время обитает в округе памятника [Корякова и др., 2020. С. 70].

Несмотря на ограниченный объем исследованных орудий труда, результаты их функционального анализа позволяют реконструировать следующие отрасли хозяйства. В первую очередь, это камнеобработка (предметы из талька, каменные орудия) и металлопроизводство (плитки, молоточки, абразивы, изложница, сопло). Последнее, помимо каменных орудий, дополняется находками медьсодержащих пород и шлаков, а также несколькими небольшими металлическими предметами.

Наличие фрагментов керамических сосудов, керамического сопла и диска указывает на гончарство. Скотоводство естественно подтверждается костями домашних животных. Часть из них использовалась в косторезном деле для изготовления орудий труда, свидетельством чего служат фрагмент рукояти тупика и проколка, указывающие на наличие также кожевенного дела.

В целом, рассмотренная коллекция орудий труда представлена традиционным набором инвентаря скотоводческих культур Южного Зауралья, освоивших специализированное металлопроизводство. В этом контексте особый интерес представляют два предмета. Особенно выделяется среди металлических изделий согнутая свинцовая проволока. На обозначенной территории предметов из свинца известно немного: одна проволока, найденная на поселении Куйсак [Зайков и др., 1999. С. 195] и браслет с Мало-Кизыльского селища [Сальников, 1967. С. 56]. Другой любопытной находкой оказалась изложница из талька, вероятно, для отливки слитков. Аналогии ей пока не обнаружены.

Рассматривая пространственное распределение инвентаря, следует отметить, что большинство орудий труда залегало в культурном слое рассеянно. Исключением являются кусочки медьсодержащих пород, сконцентрированные в одной из ям. Кроме того, довольно четко прослеживается тенденция к локализации керамических фрагментов вдоль линии стен. Некоторые их них зафиксированы за пределами постройки.

Согласно графику суммарных вероятностей радиоуглеродных дат, время функционирования постройки определяется в интервале 21–19 вв. до н.э. [Корякова и др., 2020. Рис. 8], что укладывается в хронологический диапазон существования абашевской культуры [Епимахов, 2020. С. 54–55].

Заключение

Таким образом, опираясь на опубликованные результаты анализа керамической коллекции, металлических изделий, а также на данные радиоуглеродного датирования, представленный комплекс находок из постройки 1 можно соотнести с зауральским вариантом абашевской культуры. На данный момент количество исследованных предметов не столь велико и, скорее всего, они отражают не все виды хозяйственной деятельности обитателей этого поселения. Но с уверенностью можно говорить, что скотоводство и металлопроизводство занимали ведущее место в жизнеобеспечении населения. Дополнить перечень отраслей позволит дальнейшее изучение памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Григорьев С.А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск: Цицеро, 2013. 660 с.

Епимахов А.В. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // Уральский исторический вестник. 2020. №4 (69). С. 51–60. DOI: https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-51-60

Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Зданович Г.Б., Таиров А.Д. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала: задачи, результаты, перспективы // Уральский минералогический сборник. 1999. №9. С. 186–205.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Пантелеева С.Е., Столярчик Э., Булакова Е.А., Солдаткин Н.В., Рассадников А.Ю., Молчанова В.В., Анкушев М.Н., Молчанов И.В., Якимов А.С., Федорова Н.В., Носкевич В.В. Поселение Коноплянка 2 в Южном Зауралье: предварительные результаты исследования // Уральский исторический вестник. 2020. №4 (69). С. 61–73. DOI: https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-61-73

Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Файзуллин А.А., Хохлова О.С. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: ОГАУ, 2017. 300 с.

Пантелеева С.Е. Стилистическая вариативность абашевской керамики: к постановке проблемы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022 . № 1 (56). С. 18–30. DOI: https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-56-1-2

Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // Советская археология. 1954. XXI. С. 52–95.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Тарасов Ю.В. Отчет об археологической разведке в Карталинском районе Челябинской области в 1982 г. Челябинск, 1983 // Архив ИА РАН. Р–1. № 9233.

Федорова Н.В., Носкевич В.В., Молчанов И.В. Результаты геофизических исследований поселения бронзового века Коноплянка-2 (Южный Урал) // Уральский геофизический вестник. 2018. № 2. С. 61–67. DOI: https://doi.org/10.25698/UGV.2018.2.8.61

Artemyev D.A., Ankushev M.N. Trace Elements of Cu-(Fe)-Sulfide Inclusions in Bronze Age Copper Slags from South Urals and Kazakhstan: Ore Sources and Alloying Additions // Minerals 2019. № 9 (12). 746. DOI: https://doi.org/10.3390/min9120746

Bortvin N.N. The Verkhny-Kizil find // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928. III. P. 122–132.

REFERENCES

Grigoriev, S.A., 2013, *Metallurgical Production in Northern Eurasia in Bronze Age.* Tsitsero, Chelyabinsk, 660 p. (In Russ.)

Epimakhov, A.V. 2020, "Radiocarbon arguments for the Abashevo origin of the Sintashta traditions in the Bronze age", *Ural Historical Journal*, no. 4 (69), pp. 51–60. DOI: https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-51-60. (In Russ.)

Zaykov, V.V., Bushmakin, A.Ph., Yuminov, A.M., Zaykova, E.V., Zdonovich, G.B. 1999, "Geoarchaeological Research of historical sites in South Urals: aims, results, perspectives", *Uralskiy Mineralogicheskiy Sbornik*, no. 9, pp. 186–205. (In Russ.)

Koryakova, L.N., Krause, R., Panteleeva, S.E., Stolarczyk, E., Bulakova, E.A., Soldatkin, N.V., Rassadnikov, A.Y., Molchanova, V.V., Ankushev, M.N., Molchanov, I.V., Yakimov, A.S., Fedorova, N.V., Noskevich, V.V. 2020, "The settlement of Konoplyanka 2 settlement in Southern Trans-Urals: new aspects of research", *Ural Historical Journal*, no. 4 (69), pp. 61–73. DOI: https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-61-73. (In Russ.)

Morgunova, N.L., Vasilyeva, I.N., Kulkova, M.A., Roslyakova, N.V., Salugina, N.P., Turetsky, M.A., Fayzullin, A.A., Khokhlova, O.S. 2017, *Turganikskoye Settlement in Orenburg Region*, OGAU, Orenburg, 300 p. (In Russ.)

Panteleeva, S.E. 2022, "Stylistic variability of the Abashevo ceramics: on the problem statement", *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii,* no. 1 (56), pp. 18–30. DOI: https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-56-1-2 (In Russ.)

Salnikov, K.V. 1954, "The Abashevo culture in Southern Trans-Urals", *Sovetskaya Arheologiya*, XXI, pp. 52–95. (In Russ.)

Salnikov, K.V. 1967, *Essays on Ancient History of Southern Urals*. Nauka, Moscow, 408 p. (In Russ.)

Tarasov, Y.V. 1983, *Report on Archaeological Exploration in Kartalinsky District of Chelyabinsk oblast in 1982.* Archive of IA RAN, R-1, no. 9233, Chelyabinsk (In Russ.)

Fedorova, N.V., Noskevich, V.V., Molchanov, I.V. 2018, "Results of geophysical studies at the Bronze Age settlement - Konoplyanka-2 (South Urals)", *Ural'skiy geofizicheskiy vestnik*, no. 2 (32), pp. 61–66. DOI: https://doi.org/10.25698/UGV.2018.2.8.61 (In Russ.)

Artemyev, D.A., Ankushev, M.N. 2019, "Trace Elements of Cu-(Fe)-Sulfide Inclusions in Bronze Age Copper Slags from South Urals and Kazakhstan: Ore Sources and Alloying Additions", *Minerals*, no. 9 (12), 746, DOI: https://doi.org/10.3390/min9120746

Bortvin, N.N. 1928, "The Verkhny-Kizil find", *Eurasia Septentrionalis Antiqu*a, III, pp. 122–132.

Сведения об авторах

Иван Владимирович Молчанов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: kolis@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5668-6310

Людмила Николаевна Корякова, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: lunikkor@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4861-344X

Information About the Authors

Ivan V. Molchanov, Ph.D, Researcher. Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail:kolis@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5668-6310

Lyudmila N. Koryakova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher. Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: lunikkor@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4861-344X

УДК 904(470.51)(045)
ББК 63.445(235.1)

CC BY

Дата поступления статьи: 18.08.2022
Дата принятия статьи: 19.10.2022

ЗАХОРОНЕНИЕ ЧЕРНЫШЕВЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ВОТКИНСКЕ В 2018 ГОДУ)

Светлана Александровна Перевозчикова
Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
E-mail: homasvet@mail.ru

Валерия Андреевна Смердова
Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Аннотация. В статье опубликованы результаты археологических исследований Камско-Вятской археологической экспедиции, проводившихся в 2018 г. в г. Воткинск на территории Нагорного кладбища. По просьбе Ижевской и Удмуртской Епархии археологами Удмуртского госуниверситета выполнялись работы по поиску останков семьи Чернышевых, отца и дочери, погребенных на территории Нагорного кладбища в апреле 1919 г. Протоиерей Николай и его дочь Варвара были расстреляны в конце 1918 г. в ходе событий Ижевско-Воткинского мятежа. В результате раскопок было выявлено и изучено общее захоронение. Умершие были уложены в общий деревянный гроб с перегородкой посередине, головой на запад, вытянуто на спине. Отец Николай был погребен в полном облачении священника с сопутствующими крестами, Евангелием и бутылкой с соборованным маслом. Варвара, скорее всего, была одета в более легкое платье; на груди сохранились бант, ладанка и образок. На голове мужчины была камилавка, в налобной части которой вышит узор в виде звезды. Верхней частью облачения являлась фелонь – накидка из шелковой материи бежево-зеленого цвета. Под фелонью видна епитрахиль – две отдельные полосы из такого же материала, что и фелонь, соединенные в области шеи. Под епитрахилью находился подризник, сшитый из шелка бордового цвета. На рукавах были зафиксированы остатки поручей и крученого шнурка. На священника был надет и подрясник. Обувь представлена кожаными тапочками, напоминающими чешки.

Ключевые слова: Воткинск, захоронение, Чернышевы, церковная одежда, Ижевско-Воткинское восстание, кресты, Евангелие

Цитирование. Перевозчикова С.А., Смердова В.А., 2022. Захоронение Чернышевых (по материалам раскопок в Воткинске в 2018 году) // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 352–361. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.016

UDC 904(470.51)(045)
LBC 63.445(235.1)

Submitted: 18.08.2022
Accepted: 19.10.2022

THE GRAVE OF THE CHERNYSHEV FAMILY (BASED ON THE FINDS FROM ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN VOTKINSK CITY IN 2018)

Svetlana A. Perevozchikova
Udmurt State University, Izhevsk, Russia
E-mail: homasvet@mail.ru

Valeria A. Smerdova
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

Abstract. This article discusses and summarizes the result of the archaeological survey (test pit method) conducted in October 2018 by the research team of the Udmurt State University. The archaeologists were studying a small area in the city centre on the western outskirts of the Nagornoe cemetery, near the Church of the Transfiguration of Our Lord. They were searching for the remains of the Chernyshev family at the request of the Izhevsk and Udmurt Dioceses. The father and the daughter were shot dead in January 1919 and buried on the territory of the aforementioned cemetery in April 1919. In 2018, Nicholas and Barbara (before canonization Nikolay and Varvara respectively), were canonized as New Martyrs by the Russian Orthodox Church. As a result of the archaeological survey, the scientists have not only established the exact location of the Chernyshevs' grave, but also identified some features of the burial. The deceased were laid on their backs in a communal wooden coffin with a separation in the middle, their heads to the west and their hands crossed on the chests. Varvara was dressed in a light dress which has rotted away. An amulet, an icon pendant and a bow remained at her chest. The bow was made from thick dark emerald satin fabric with light green floral ornament. Father Nikolay was buried in church clothes with crosses, Gospel and a bottle of anointing oil. On his head he had a kalimavkion with an embroidered star pattern. The man was wearing a phelonion – a cape made of a long rectangular piece of beige-green silk fabric. Its ends were decorated with a 5-cm-wide cotton emerald ribbon. Under the phelonion was an epitrachelion – two separate stripes cut out of the same material as the cape and joined in front of the neck. Under the epitrachelion there was a silk burgundy sticharion. This can be said by the

typical shape of the sleeves and the lower part of the upper vestment. The lower edges of the sticharion sleeves were tightly fastened with this lace. The liturgical cuffs had residues of the green threads tracery embroidery. On his feet Father Nikolay had soft leather shoes resembling modern gymnastics shoes.

Keywords: Votkinsk, grave, Chernyshev family, vestments, Izhevsk-Votkinsk rebelion, crosses, Gospel

Citation. Perevozchikova S.A., Smerdova V.A. 2022. The grave of the Chernyshev family (based on the finds from archaeological excavations in Votkinsk city in 2018). *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 352–361. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.016

В 2018 г. в преддверии мероприятий, связанных с канонизацией новомученников российских и 100-летием со дня их гибели, по просьбе Ижевской Епархии разведочная группа Удмуртского госуниверситета под руководством С.А. Перевозчиковой провела археологические исследования на территории Нагорного кладбища г. Воткинск (рис. 1) по поиску захоронений останков семьи Чернышевых, расстрелянных в декабре 1918 г. по старому стилю (или в январе 1919 г. – по новому).

Николай Чернышев (рис. 2, *1*) родился в 1853 г. В 1875 г. закончил по первому разряду Вятскую духовную семинарию. Некоторое время Николай Андреевич служил учителем Воткинского земского училища и псаломщиком в Благовещенском соборе. После рукоположения в 1884 г. он стал священником в Благовещенском соборе и законоучителем в различных учебных заведениях Воткинска и прилежащих сел [Житие…; Послужные списки…]. За безупречную службу Православной церкви отец Николай был возведен в сан протоиерея и неоднократно награждался Епархиальным начальством, в том числе наперсным крестом в 1907 г. У Николая Андреевича Чернышева родилось четверо детей. Рано овдовев, он жил с младшей дочерью Варварой (рис. 2, *2*), которая была особенно преданна отцу и сознательно не выходила замуж, решив посвятить себя всецелому служению Церкви и упокоить старость своего родителя. После окончания высших женских курсов в Казани Варвара Чернышева работала учителем в одной из воткинских школ.

В августе 1918 г. по старому стилю началось одно из самых крупных вооруженных выступлений рабочих против советской власти. Воткинск, в котором находился крупный государственный оборонный завод, являлся одним из центров Ижевско-Воткинского восстания. Жители города, в основном, рабочие и служащие завода, выступили против большевистского Совета. Восстание было подавлено дивизией под командованием В.М. Азина в ноябре, а в декабре начались массовые расстрелы в Ижевске и Воткинске [Куликов, 1982. С. 41–44, 164].

В разгар гражданских переворотов 1918 г. протоиерей Николай, несмотря на опасность, не оставил своего прихода и продолжил исполнять свой пастырский долг. Его дочь Варвара исполняла служение сестры милосердия. Когда в городском соборе проводился антирелигиозный диспут, его настоятель протоиерей Николай выступил так, что агитатору пришлось просто остановить дискуссию. На следующий день Николая и Варвару Чернышевых арестовали. В тюрьме они просидели до 2 января 1919 года [Рапорт…, 1984]. По воспоминаниям, отец Николай просил принести ему в тюрьму облачение для совершения богослужений и, особенно, для исповеди арестованных.

Священник о. Николай Чернышев и его дочь Варвара были расстреляны 2 января 1919 г. по новому стилю. По воспоминаниям очевидцев и сохранившимся протоколам, в этот день их вывели из тюрьмы и расстреляли на берегу городского пруда [Воспоминания Стяжкиной; Воспоминания Миролюбовой]. В апреле 1919 года Воткинск был на непродолжительное время занят войсками Колчака. Это позволило прихожанам и служителям церкви подобающе захоронить тела отца и дочери Чернышевых на Нагорном кладбище у Преображенской церкви (рис. 2, *3*). Остается неясным тот факт, где могли находиться тела между расстрелом и апрельским захоронением.

В 1929 г. на территории кладбища был проведен комсомольский субботник, на котором были убраны практически все каменные надгробия. В Великую Отечественную войну многие деревянные кресты с надгробий сгорели в печах соседних бараков. В последующие десятилетия площадь Нагорного кладбища постепенно уменьшалась за счет строительства жилых домов, гаражей, пожарной станции и магазинов.

В начале XXI века местными краеведами были проведены целенаправленные архивные поиски потенциальных мест захоронений воткинцев на участке, вплотную примыкавшему к храму. Так было найдено примерное расположение могилы Чернышевых, но для определения точного места и изъятия останков были приглашены археологи.

Нагорное кладбище, на котором в 2018 году производились археологические исследования, находится в историческом центре Воткинска, занимая южный склон Каменной горы (рис. 1, *2, 3*). В настоящее время часть кладбища уже застроена жилыми домами. В западной части кладбища, где частично сохранились могилы почетных жителей города, расположен комплекс благочиния, включающий храм Преображения Господня, здания Воскресной школы и административного корпуса.

На определимом краеведами месте был разбит раскоп площадью 16 м^2, включавший три могиль-

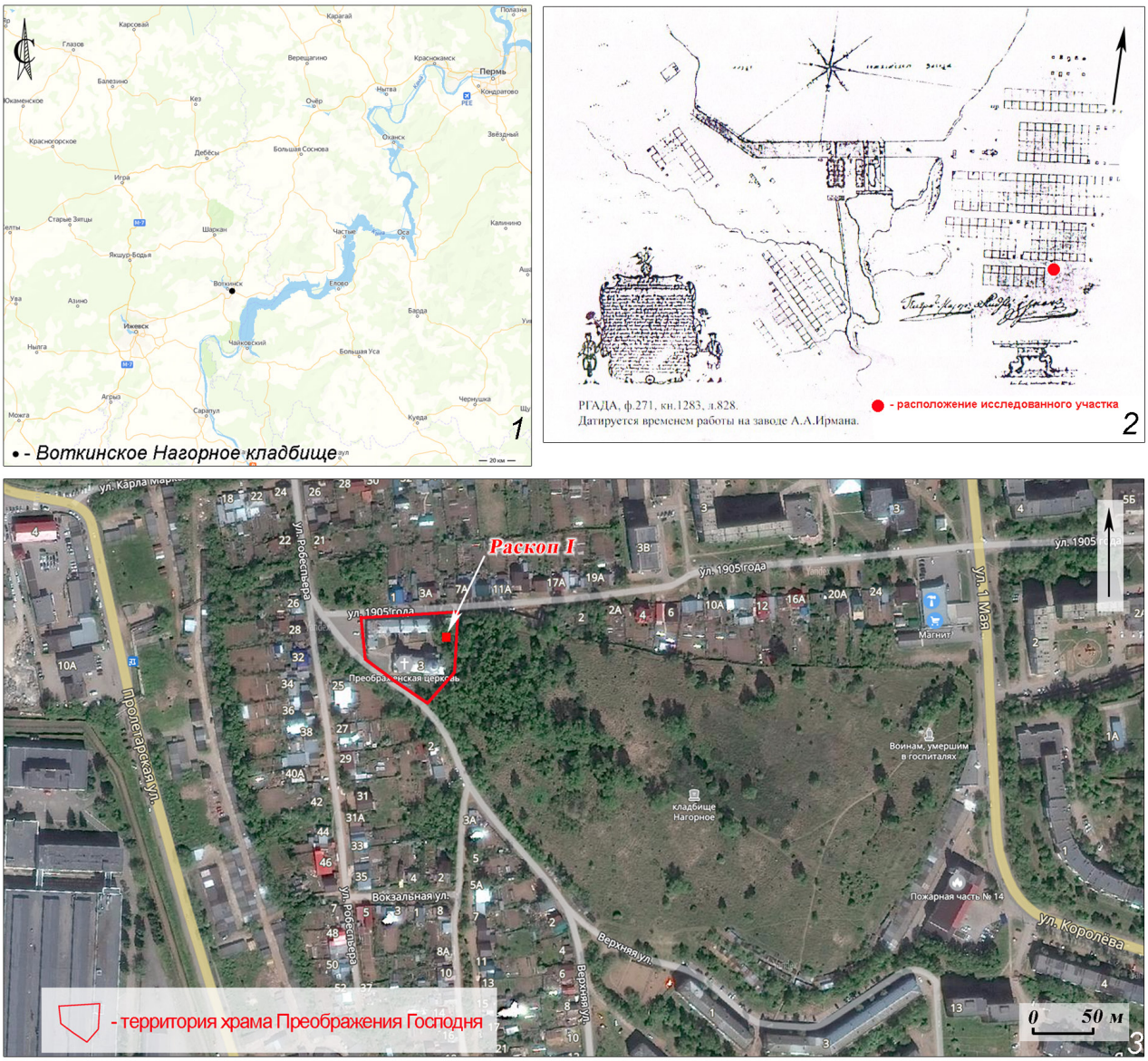

Рис. 1. Расположение Воткинского Нагорного кладбища на карте Прикамья (*1*), Воткинского заводского поселения (*2*) и на спутниковом снимке (*3*)

Fig. 1. Locaton of Votkinsk Nagornoye cemetery on the map of the Kama river region *(1),* on the map of the Votkinsk settlement (*2)* and on the satellite photo (*3*)

ных холмика (рис. 3). На могилах располагались три надгробных памятника, посвященных Чернышевым Николаю и Варваре, жене Чернышева и безымянное. Основной акцент сразу же был сделан на исследование потенциальной могилы отца и дочери Чернышевых (погребение № 3) [Перевозчикова, 2018].

Описание захоронения

Могильная яма имела в плане прямоугольную форму, размеры 220×126 см, ориентирована по линии запад-восток (рис. 4). На глубине 170 см от современной поверхности был обнаружен деревянный дощатый гроб прямоугольной формы размерами 200×120 см. Внутри гроба располагались два костяка, между которыми была дощатая перегородка. Согласно определению С.С. Япарова, судмедэксперта кафедры судебной медицины Ижевской государственной медицинской академии, один из костяков принадлежал мужчине 60–70 лет, а второй – женщине 30–35 лет. То есть как раз тот возраст, который и был при расстреле у Чернышевых. Умершие были захоронены головой на запад, вытянуто на спине, руки обоих были сложены на груди. На дно гроба в качестве подстилки был уложен еловый лапник.

Мужской костяк оказался мумифицирован, но при этом костные останки во многих местах раскрашивались в порошкообразную белую субстанцию. У женского костяка мумификация не фиксировалась, но половина костей ещё до выборки также раскрошилась в подобие белого порошка.

Умершая была уложена в южной половине гробовища. Антропологическая сохранность крайне плохая: имелись лишь кости черепа, рук и ног. Позвонки, ребра и тазовые кости фиксировались в виде пятен грунта белесого цвета порошкообраз-

Рис. 2. *1* – отец Николай Чернышев (фото 1907 г.); *2* – Варвара Чернышева (фото начала XX в.); *3* – вид на Преображенскую церковь и Воткинское Нагорное кладбище, 2010-е гг. (*1, 2* – из Архива Комиссии по канонизации святых Ижевской и Удмуртской епархии; *3* – фото из интернета)

Fig. 2. *1* – Nikolay Chernyshev (photo dated to the 1907); *2* – Varvara Chernysheva (photo dated to the early 20th century); *3* – View on the Church of the Transfiguration and Nagornoe cemetery, 2010s (*1, 2* – from the Archive of Commission for Canonization of Saints of Izhevsk and Udmurt Diocese; *3* – public domain)

ной консистенции. По расположению костей можно сказать, что умершая была уложена вытянуто на спине, ноги вытянуты, череп прямо, руки согнуты в локтях и уложены на грудь. На верхней челюсти сохранился прикрепленный еще при жизни съемный частичный протез (каучук, гуммиарабик – определение С.С. Япарова) для выравнивания зубов. В изголовье захороненной лежала черная лента длиной 24 см и шириной 2,5 см, скорее всего, это траурный венчик. Под костями черепа обнаружены остатки травы от погребальной подушечки. Здесь же найдены мелкие бронзовые пружинки. В области грудной клетки зафиксированы серебряный медальон на золотой цепочке (рис. 5, *3*), атласный бант (рис. 5, *1*) и бронзовый образок (рис. 5, *4*). Особенности расположения позволяют говорить о том, что кулон был надет на шею умершей, в то время как бант и образок уложены на грудь. Атласная лента скреплена в виде банта тканой золотой тесьмой шириной 3 см. Поверх банта был уложен образок.

В области пояса слева от позвоночника найдены две металлические нашивные кнопки (рис. 5, *2*), вероятно, от пояса. Слева от черепа найдены две тканевые кисточки от погребального покрывала.

Умерший был уложен в северной половине гробовища. Антропологическая сохранность хорошая, отсутствовали лишь лицевые кости черепа. Анализ костного материала показал, что кости черепа и стоп найдены в нормальном «сыром» состоянии, а остальные кости (туловище, руки, ноги и таз) оказались мумифицированы. На останках зафиксировано облачение священника. Умерший был уложен вытянуто на спине, череп прямо, ноги вытянуты, руки согнуты в локтях и уложены на поясе.

На костях черепа сохранились остатки головного убора – камилавки. От основы камилавки сохранился фрагмент задника размерами 14×6 см из толстого слоя плотной бумаги. Под шапочкой найден металлический нательный крестик (рис. 6, *1*). Слева и справа от черепа, а также в области плеч, были обнаружены остатки расшитого узора из зеленых крученых ниточек с белыми бисеринками на концах – декор «воздуха» (покров размерами около 60×80 см для церковных сосудов; в данном случае – для покрытия лица умершего). Справа у черепа, под деталями вышивки лежала стеклянная бутылка с остатками соборованного масла. Слева от черепа найдена тканая кисточка от погребального покрывала. Остатками покрывала следует считать кусочки тесьмы, фиксировавшиеся вдоль костяка слева, а также фрагмент ткани с буквицами, отпечатавшийся на крышке гроба.

От облачения сохранились следующие виды одежды: фелонь, епитрахиль, подризник и подрясник, описание которых дается ниже. На ногах были расчищены остатки кожаной обуви – погребальные тапочки. На костях грудной клетки был найден металлический священнический крест с остатками ткани (рис. 6, *2*). В правой руке умерший держал еще один металлический крест (рис. 6, *3*). На костях таза найдено Евангелие в деревянном окладе с металлическими деталями (рис. 7).

Описание предметов

Евангелие представляет собой слипшееся печатное издание в деревянной обложке с металлическим окладом (рис. 7). На деревянной основе сохранились остатки ткани. Металлический оклад крепился к деревянной доске маленькими железными гвоздиками по периметру оклада. Оклад оформлен прямоугольной рамкой, выделенной геометрическим и растительным орнаментом. В центре располагается средник с изображением «Воскресения Христова» с «Ангелом под гробом» на заднем плане. В углах оклада находятся овальные клейма с помещенными в них изображениями Матвея, Марка, Луки и Иоанна. В клеймах же имеются рисунки ангела, льва, тельца и орла. Расположение клейм с евангелистами следующее: верхний левый угол – Матвей с маской ангела в руках; верхний правый угол – Иоанн с орлом справа от него; нижний правый угол – Лука с тельцом справа от него; нижний левый угол – Марк с маской льва

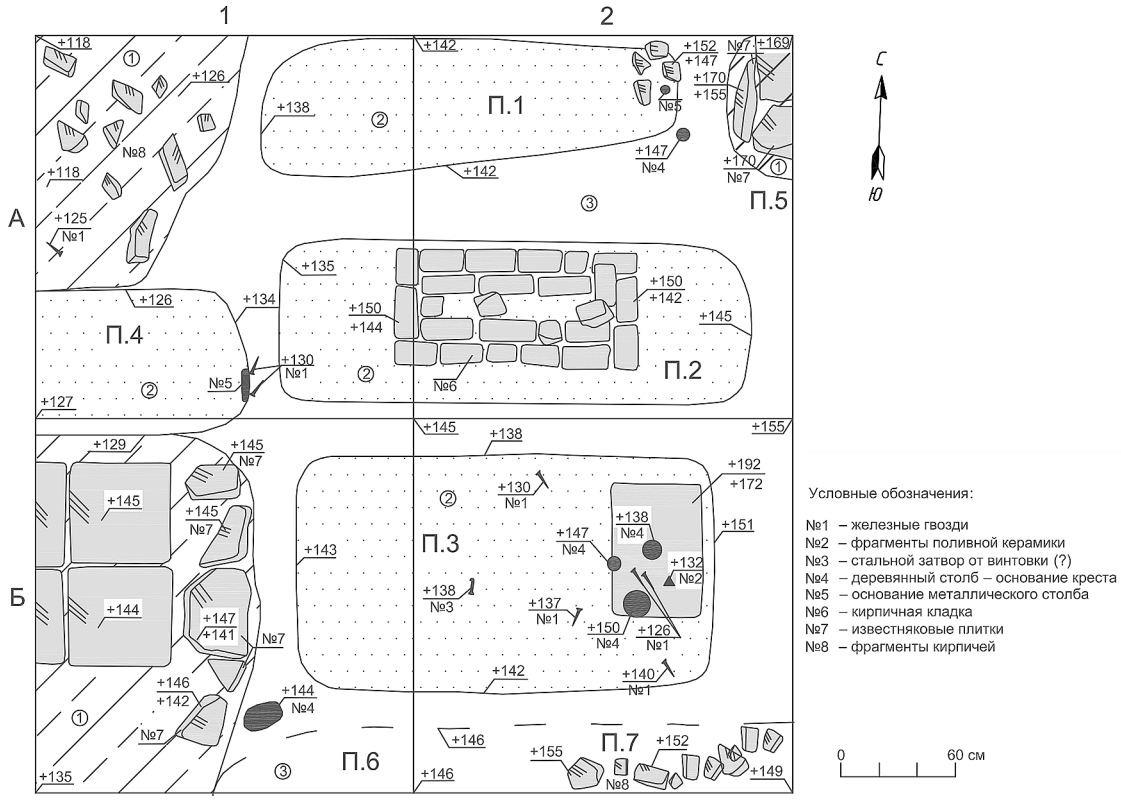

Рис. 3. Воткинское Нагорное кладбище. Раскоп 2018 г. План фиксации очертаний погребений

Fig. 3. Votkinsk Nagornoe cemetery. Archaeological excavations in 2018. Burial outlining plan

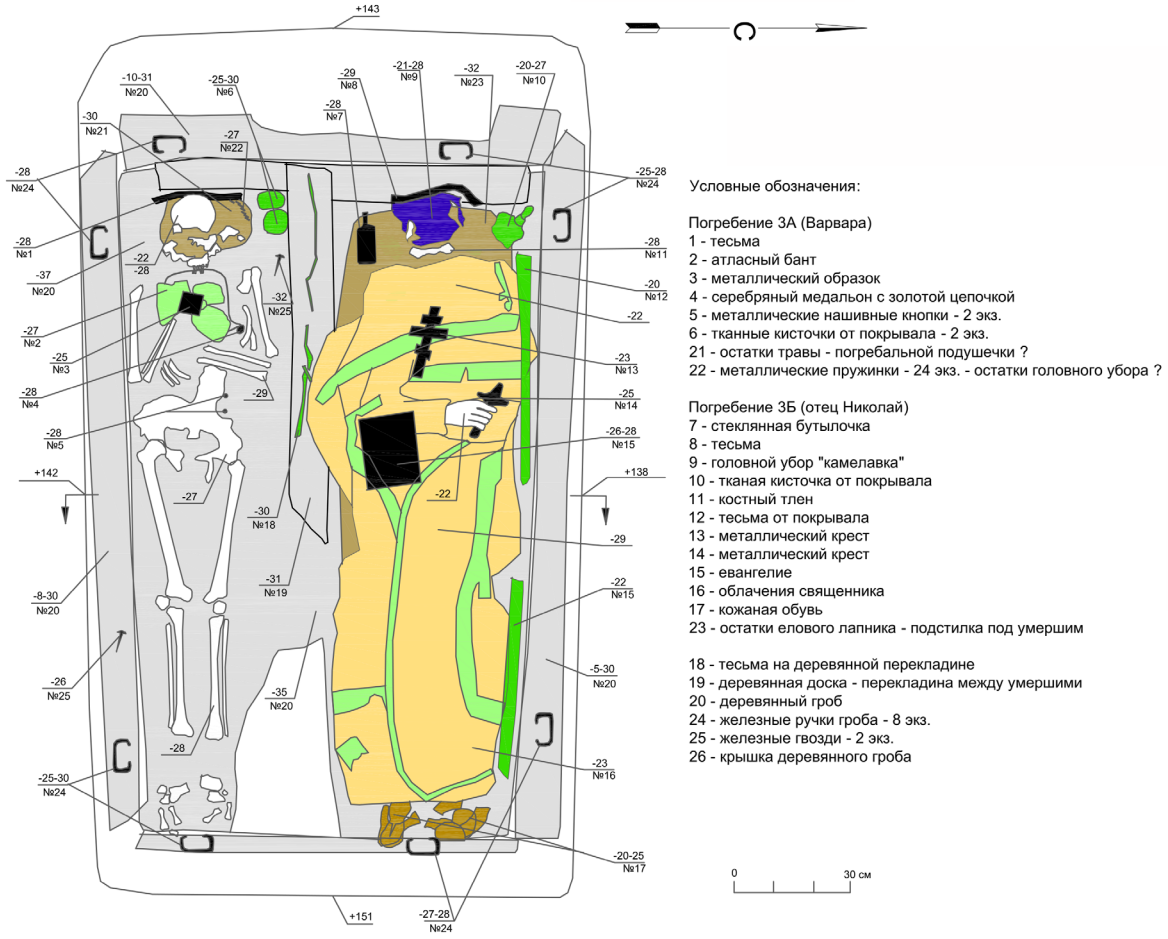

Рис. 4. Воткинское Нагорное кладбище. Раскоп 2018 г. План погребения № 3

Fig. 4. Votkinsk Nagornoe cemetery. Archaeological excavations in 2018. Plan of the burial No. 3

Рис. 5. Воткинское Нагорное кладбище. Раскоп 2018 г. Погребение №3. Вещи, обнаруженные при Варваре. *1* – атласный бант; *2* – бронзовая одежная кнопка; *3* – серебряная ладанка на золотой цепочке; *4* – бронзовая иконка

Fig. 5. Votkinsk Nagornoe cemetery. Archaeological excavations in 2018. Burial No. 3. Items found with Barbara. *1* – satin bow; *2* – bronze snap fastener; *3* – silver amulet on a golden chain; *4* – bronze holy pendant

в руках. Изображения на оклад выполнены в технике чеканки. Сбоку сохранились две застежки.

Кресты. Крест, уложенный на грудь умершего мужчины, выполнен из бронзы и представлял собой крест восьмиконечной формы с вписанным в него Голгофским крестом (рис. 6, *2*). На лицевой стороне изображено Распятие. Около распятого Христа изображения солнца и луны, копье и трость. Вверху – Спас Нерукотворный, два коленопреклоненных летящих ангела с платами, внизу – Иерусалимская стена с остроконечными башнями и голова Адама в пещере. По сторонам креста имеются монограммы под титлами: Иисус (IC) Христос (XC). Над крестом – надпись Царь Славы (ЦРЪ) (СЛВ). Обратная сторона креста недоступна для осмотра, так как к ней прикипела ткань. Техника изготовления – литье.

Крест, найденный в правой руке умершего, выполнен из бронзы. Он представлял собой коробчатый крест шестиконечной формы, соединенный шестью бронзовыми винтовыми гвоздиками (рис. 6, *3*). С одной из сторон к средокрестию припаяна пластина с резным растительным орнаментом. Концы креста оформлены в виде трилистников. Изображения Христа прослеживается плохо из-за патины.

Нательный крестик, принадлежавший мужскому костяку, четырехконечный, с фигурными окончаниями (рис. 6, *1*). На лицевой стороне креста тонким рельефным валиком выполнен еще один, как правило, восьмиконечный крест, с прямыми лопастями. Вверху креста, под оглавием – ЦРЬ (Царь). На горизонтальных оконечностях – IC (Иисус), XC (Христос).

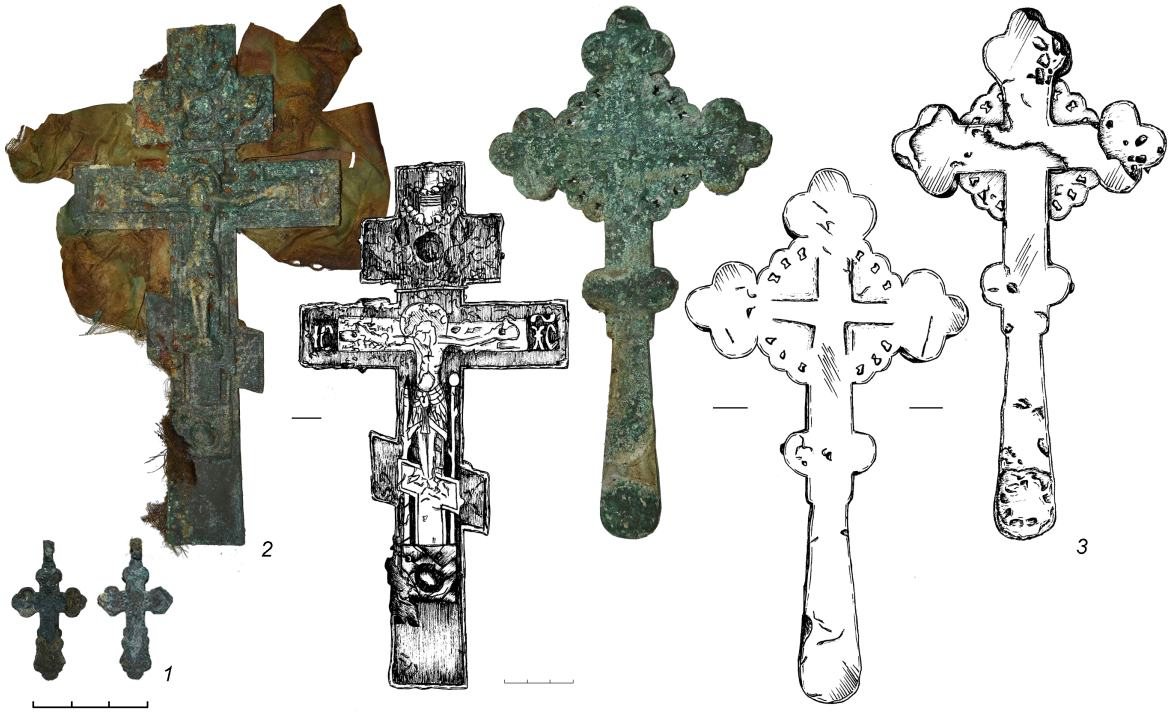

Рис. 6. Воткинское Нагорное кладбище. Раскоп 2018 г. Погребение №3. Вещи, обнаруженные при отце Николае. *1* – крест-тельник; *2, 3* – наперсные кресты. Бронза

Fig. 6. Votkinsk Nagornoe cemetery. Archaeological excavations in 2018. Burial No. 3. Items found with Father Nicholas. *1* – cross necklace; *2, 3* – cross rings. *Bronze*

Рис. 7. Воткинское Нагорное кладбище. Раскоп 2018 г. Погребение № 3. Евангелие, обнаруженное при отце Николае
Fig. 7. Votkinsk Nagornoe cemetery. Archaeological excavations in 2018. Burial No. 3. Gospel found with Father Nicholas

Найденный в погребении образок (рис. 5, *4*) изготовлен методом литья. На лицевой стороне изображен Николай Чудотворец, вписанный в прямоугольник. В левой руке святой держит Евангелие, правой благословляет двуперстно. По углам от Николая находятся изображения святых. В центре образка по обе стороны от святого находится нечитаемая надпись (возможно «Николай Чудотворец»). В оформлении фона образка использовалась синяя эмаль.

Ладанка-мощевик выполнена из серебра и представляет собой овальный футляр из двух половинок, с одной стороны скрепленных шарниром, а с другой – с двумя бугорками для удобного раскрытия футляра (рис. 5, *3*). В верхней части к футляру припаяна петелька для подвешивания. Сквозь петлю проходит большое золотое кольцо, к которому, в свою очередь, прикреплена золотая цепочка из мелких звеньев. На одной из сторон футляра изображен Ангел-хранитель, держащий в правой руке крест. Фон – ромбическая решетка с точками в ромбах. На другой стороне – растительный орнамент в виде четырехконечного креста, заключенного в овальную резную рамку.

Описание одежды

Внимания заслуживает одеяние отца Николая Чернышева, сохранившееся практически полностью. Сложность при изучении его костюма заключалась в том, что на нем было надето несколько платьев, слипшихся в процессе археологизации. Самым трудным было отделить эти платья друг от друга. После длительного процесса по очистке одежды стал понятен состав костюма и крой каждого из платьев [Смердова, 2021].

Головной убор представлял собой камилавку цилиндрической формы (рис. 8, *1*). Сшита из бархата фиолетового цвета (определение состава тканей выполнено Л.И. Буяновой, художником-реставратором по текстилю АЭМЗ «Лудорвай»). Диаметр камилавки составляет 22 см, высота 15 см. На передней стороне имеются остатки вышивки в виде лучей, исходящих из центра. Лучи выполнены из крученных зеленых нитей, концы лучей украшены белым бисером. Внутри камилавки имелась шелковая подкладка такого же цвета, которая стягивалась в затылочной части.

Нижнее одеяние представлено подрясником – нижним облачением (рис. 8, *2*). Подрясник был сшит из плотного хлопка светлого (белого или светло-бежевого?) цвета, застегивался внахлест. На груди, на правой стороне, имелся небольшой карман. Подрясник был расширен к нижней части за счет вшитых клиньев. Горловина была оформлена воротником-стойкой. Имелись две небольшие пуговицы: в области воротника и петли запаха.

На подрясник был надет подризник – длинное облачение, сшитое из шелка бордового цвета (рис. 9, *1*). Одеяние также расширено к низу, сверху имеет отрезную полочку, из-за которой рукав был пришит на уровне середины плеча (рис. 9, *1в, г*). Рукав сильно присборенный в месте втачивания к полочке. При этом нижняя часть рукава не оформлена манжетой. Вместо этого, на рукавах имелись поручи – ленты шириной 4,5 см, скрепленные двумя ажурными пуговицами, а также крученый

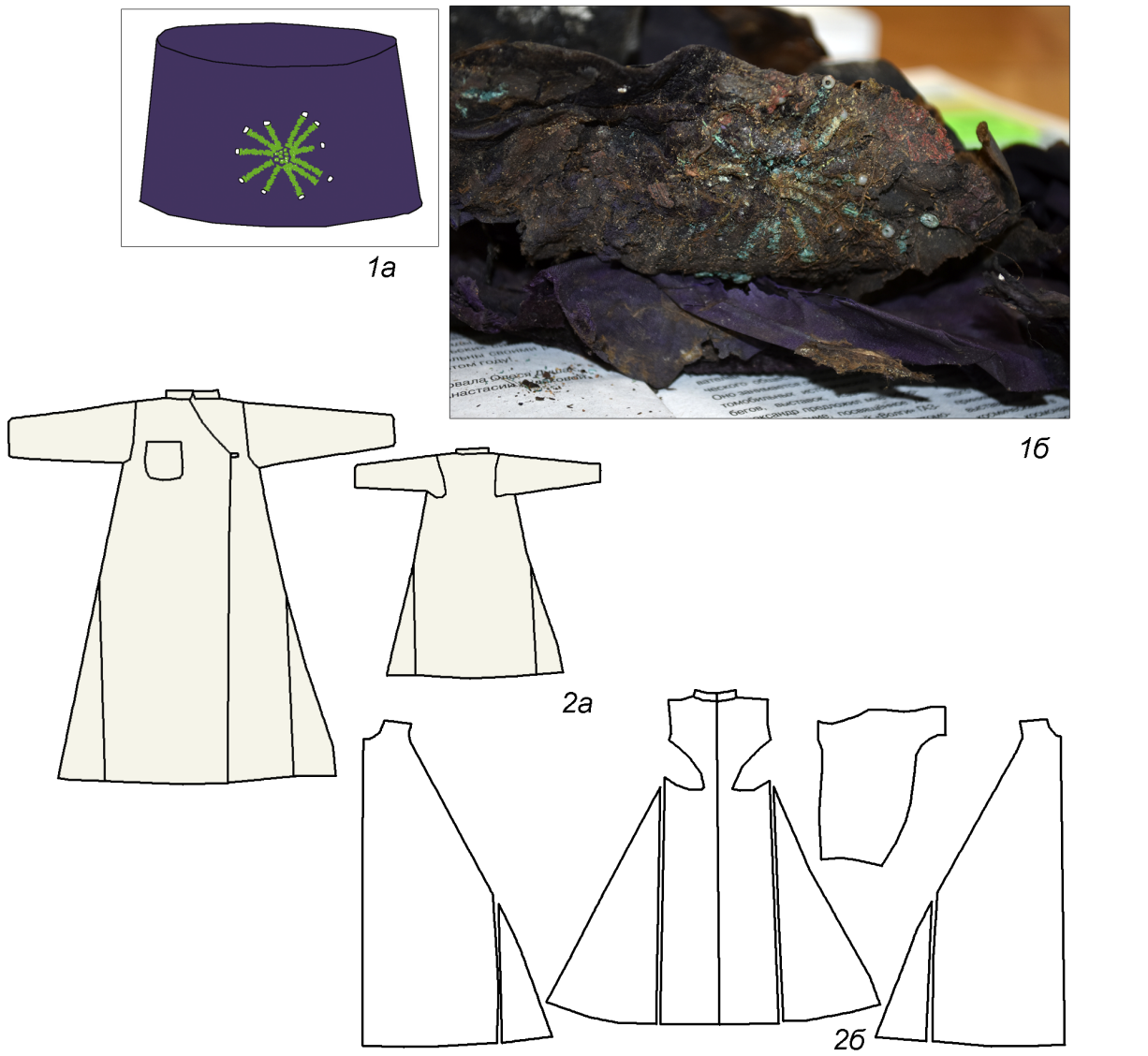

Рис 8. Воткинское Нагорное кладбище. Раскоп 2018 г. Погребение № 3. Одеяние отца Николая. *1* – камилавка (*1а* – схема головного изделия; *1б* – фото вышивки); *2* – подрясник (*2а* – схема подрясника; *2б* – детали кроя)

Fig 8. Votkinsk Nagornoe cemetery. Archaeological excavations in 2018. Burial No. 3. Vestments of Father Nicholas. *1* – Kamilavkion (*1а* – headpiece drawing; *1б* – photo of embroidery); *2* – cassock (*2а* – cassock drawing; *2б* – silhouette details)

шнурок на каждом из рукавов. На поручах сохранились остатки ажурной вышивки из зеленых крученых нитей (рис. 9, *1а*). Низ подризника был украшен двумя полосами тесьмы изумрудного цвета шириной 1,5 и 3,5 см (рис. 9, *1б*).

Сверху была надета епитрахиль – две отдельные длинные полосы из шелка бежевого цвета (рис. 9, *3*). Длина епитрахили достигала стоп. Края полос обшиты хлопковой тесьмой изумрудного цвета шириной 1,5 см. Тесьма имеет узор, состоящий из растительного мотива. В области живота на одной из полос гладью из нитей изумрудного цвета вышит крест. К епитрахили также относятся несколько выпуклых ажурных резных пуговиц на ножке, найденных в области живота.

Поверх подризника и епитрахили был надет тканевый пояс (рис. 9, *3*). Он был сшит из той же ткани, что и подризник. Ширина пояса 7–8 см. По краям он был оформлен тесьмой изумрудного цвета. На одном из концов пояса имелись бронзовая ажурная прорезная пуговица на ножке и железный крючок. Интересно то, что при наличии застежки, пояс был обернут вокруг туловища, а свободный конец пояса был просто заправлен за пояс.

В качестве верхнего одеяния служила фелонь – богослужебное облачение, представляющее собой длинную накидку, которая спереди доходит только до пояса (рис. 9, *3*). Найденный фрагмент имеет длинную прямоугольную форму и представляет собой кусок шелковой материи бежевого или бежево-коричневого цвета. Края фелони украшены атласной тесьмой изумрудного цвета шириной 5 см.

На ногах были надеты кожаные погребальные тапочки (рис. 9, *2*). У них имеются следующие детали: 1) кожаная единая подошва без каблука, толщиной 1 см; 2) цельнокроеная головка с более широким носком, в верхней части носка имеется

Рис. 9. Воткинское Нагорное кладбище. Раскоп 2018 г. Погребение № 3. Одеяние отца Николая. *1* – подризник (*1а* – прорисовка поручей; *1б* – фото остатков подризника; *1в* – детали кроя; *1г* – схема подризника); *2* – схема кожаных тапочек; *3* – схема одеяния отца Николая

Fig. 9. Votkinsk Nagornoe cemetery. Archaeological excavations in 2018. Burial No. 3. Vestments of Father Nicholas. *1* – sticharion (*1a* – armlets drawings; *1б* – photo of sticharion remains; *1в* – silhouette details; *1г* – sticharion drawing); *2* – leather shoes drawing; *3* – Father Nicholas' vestments drawing.

разрез; высота головки по бокам 4 см; 3) задник из уплотненной кожи.

Таким образом, мы можем восстановить костюм священнослужителя Николая Чернышева (рис. 9, *3*) и иметь представление о составных частях одеяния. Но при этом, мы не можем сказать точно, действительно принадлежала ли эта одежда именно отцу Николаю или была снята с «чужого плеча». Дело в том, что наперсный крест, найденный в могиле, не является тем самым крестом, который был выдан отцу Николаю при рукоположении. Скорее всего, его личный крест был изъят при расстреле, а найденные в могиле кресты были взяты позднее из запасов церкви. Аналогичная ситуация могла быть и с одеянием. Но в любом случае, мы видим, что перед нами стандартный костюм священнослужителя.

Решением Священного Синода от 7 марта 2018 г. протоиерей Николай и его дочь Варвара были причислены к лику Новомучеников и Исповедников Русской Церкви для общецерковного почитания [Харин, 2018. С. 57]. После эксгумации и последующей антропологической экспертизы костные останки Чернышевых были помещены в специальные раки в Благовещенском соборе Воткинска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воспоминания Миролюбовой А.А. // Архив Комиссии по канонизации святых Ижевской и Удмуртской епархии.

Воспоминания Стяжкиной Марии Фёдоровны // Архив Комиссии по канонизации святых Ижевской и Удмуртской епархии.

Житие священномученика Николая Чернышева и дочери его мученицы Варвары. 2017 г. //

[Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/days/saint/7031/7032/group (дата обращения 28.10.2021)

Куликов К.И. В боях за Советскую Удмуртию. Ижевск: Удмуртия, 1982. 260 с.

Перевозчикова С.А. Отчёт об археологических разведочных работах, проведённых осенью 2018 года на территории г. Воткинск Удмуртской республики. Ижевск, 2018. 116 с. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 639.

Послужные списки священно-церковно-служителей с их семействами и церковных старост и сведения о вдовах и сиротах, подведомственных церкви. 1914 г. // ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 4. Д. 127. Л. 13 об.

Рапорт № 1565 министру внутренних дел правительства Колчака бывшего начальника Воткинской городской милиции, прикомандированного в 3-1 район Омского уезда села Павлоград, о красном терроре в городе Воткинске и его окрестностях, от 23 октября 1919 г. // Ижевск. Документы и материалы. 1760–1985 / Под ред. А.А. Александрова. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 191–199.

Смердова В.А. Костюм святого протоиерея Николая Чернышова (по материалам раскопок в г. Воткинске в 2018 г.) // X Башкирская археологическая студенческая конференция (X БАСК): материалы науч. конф. (г. Уфа, 16 декабря 2021 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 87–90.

Харин Г. Русская церковь в Удмуртии в годы гражданской войны: мученики Николай и Варвара Чернышевы // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. Вып. 4 / Под ред. И.Л. Поздеева. Ижевск: ООО «Издательство «Шелест» 2018. С. 54–59.

REFERENCES

"Memoirs of A.A. Mirolyubova", *Arhiv Komissii po kanonizacii svyatyh Izhevskoj i Udmurtskoj eparhii* ("Archive of Commission for Canonization of Saints of Izhevsk and Udmurt Diocese") (In Russ.)

"Memoirs of Mariya Fyodorovna Styazhkina", *Arhiv Komissii po kanonizacii svyatyh Izhevskoj i Udmurtskoj eparhii* ("Archive of Commission for Canonization of Saints of Izhevsk and Udmurt Diocese") (In Russ.)

The Life of Holy Martyr Nicholas Chernyshev and His Daughter, Martyr Barbara, 2017, after https://azbyka.ru/days/saint/7031/7032/group (date of application 28.10.2021) (In Russ.)

Kulikov, K.I. 1982, *In Battles for Soviet Udmurtia*. Udmurtia, Izhevsk, 260 p. (In Russ.)

Perevozchikova, S.A. 2018, *Report on archaeological survey conducted in autumn 2018 in Votkinsk, Udmurt Republic"*. Archive of IIKNP, F. 2, D. 639, Izhevsk, 116 p. (In Russ.)

Service records of church ministers and their Families and of church wardens, and data about widows and orphans under church jurisdiction. 1914, TbGA UR, F. 245, Op. 4, d. 127. l. 13 vol.

"Report No. 1565 to the Ministry of Internal Affairs of Kolchak government from the former chief of the Votkinsk militia, detached to the village of Pavlograd of the 3-1 district of the Omsk uezd, about the red terror in Votkinsk and its neighborhood, October 23, 1919", *Izhevsk. Dokumenty i materialy. 1760–1985* ("Izhevsk. Documents and materials. 1760–1985"), Udmurtia, Izhevsk, 1984, pp. 191–199. (In Russ.)

Smerdova, V.A. 2021, "Clothing of Holy Archpriest Nikolay Chernyshev (based on the finds from excavations in Votkinsk in 2018)", *X Bashkirskaya arheologicheskaya studencheskaya konferenciya (X BASK): materialy nauchnoj konferencii (g. Ufa, 16 dekabrya 2021 g.)* ("10th Bashkir Archaeological Student Conference (X BASC): Materials of research conference (Ufa, December 16, 2021)"), RIC BashGU, Ufa, pp. 87–90. (In Russ.)

Kharin, G. 2018, "Russian Orthodox Church in Udmurtia during the Civil War: Martyrs Nicholas Chernyshev and Barbara Chernysheva", *Istoriko-kulturnoe nasledie narodov Uralo-Povolzhya* ("Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region"), iss. 4, LLC "Shelest Publishing House", Izhevsk, pp. 54–59. (In Russ.)

Сведения об авторах

Светлана Александровна Перевозчикова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский государственный университет, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: homasvet@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6064-8034

Валерия Андреевна Смердова, студент IV курса, Институт истории и социологии, Удмуртский государственный университет, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: lerasmerdova@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1710-7165

Information About the Authors

Svetlana A. Perevozchikova, Ph.D., Senior Researcher, Udmurt State University, Russian Federation, Izhevsk. E-mail: homasvet@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6064-8034

Valeriya A. Smerdova, bachelor student, Institute of History and Sociology, Udmurt State University, Russian Federation, Izhevsk. E-mail: lerasmerdova@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1710-7165

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АК – Археологическая культура
АН КазССР – Академия наук Казахской ССР
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АЭМЗ «Лудорвай» – Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай»
БашГУ – Башкирский государственный университет
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения Академии наук
БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВНИИР – Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации
БНЦ – Башкирский научный центр
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВПН – Великое переселение народов
ВУАК – ВУАК
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМЮУ – Государственный исторический музей Южного Урала
ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы
ГЭС – Гидроэлектростанция
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ЗГУ – Запорожский государственный университет
ЗНУ – Запорожский национальный университет
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИИЯЛ УФИЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР
КАЭ – Камская археологическая экспедиция
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КИО – Культурно-историческая общность
Коми НЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения РАН
КСИА ИА РАН – Краткие сообщения ИА РАН
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
МарГУ – Марийский государственный университет
МБС – Микроскоп бинокулярный стереоскопический
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт (языка, литературы и истории им. В.М. Васильева)
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии

МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
МИЦАИ – Международный Институт Центральноазиатских исследований
МордНИИ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИЦИА Бегазы-Тасмола – Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола»
ОАВЕС ГЭ – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ПНЦ РАН – Пущинский научный центр РАН
ПА – Поволжская археология
ПГНИУ – Пермский государственный научно-исследовательский университет
ПГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
РАН – Российская академия наук
РАЭСК – Региональной археолого-этнографической студенческой конференции
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РПЦ – Русская Православная церковь
СА – Советская археология
СамГУ – Самаркандский государственный университет
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СНУ – Східноукраінський національний університет імені Володымира Даля
СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН (в настоящее время – ФИЦ СНЦ РАН)
СОИКМ им. П.В. Алабина – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
СурГПИ – Сургутский государственный педагогический институт
ТомГУ – Томский государственный университет
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
УдмГУ – Удмуртский государственный университет
УдмФИЦ – Удмуртский федеральный исследовательский центр
УрГУ – Уральский государственный университет
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ФГБОУ ВО «УдГУ» – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет»
ИА им. А.Х. Маргулана – Институт археологии им. А.Х. Маргулана
ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЧГКМ – Челябинский государственный краеведческий музей
ЮУФ ИИА УрО РАН – Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН

Подписано в печать 30.10.2022
Вышел в свет 19.12.2022
Бумага офисная. Формат 60×84/8
Гарнитура Times New Roman
Усл.-печ.лист. 20,93. Уч.изд.л. 21,34
Тираж 500 экз. Заказ №17
Ордена Знак Почета ИИЯЛ УФИЦ РАН
450054 Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71,
Тел.: +7(347)235-50-60; E-mail: uav_editorial@mail.ru